

София Баюн

никогда не умрем

Кажд

Никто больше не верит в Правильный Мир. От темноты больше не отгородиться ни стенами, ни словами.

Мартин больше не может влиять на происходящее и не верит в то, что любовь способна что-то исправить. Он отказывается от своего прошлого и рассказывает новую сказку. Самую длинную и самую сложную и для него, и для Виктора. И оба не знают, каким будет ее финал.

Может быть, его знает девушка, которую ищет Виктор. Которая называет Мартина Милордом и не хочет, чтобы сказка заканчивалась.

София Баюн

Мы никогда не умрем

Милорд

Третий звонок

Одиноким буду петь я свою песню и тем, кто одиночеством вдвоем.

Ф. Ницше

Занавес поднимается

Темнота в зале

*Только разве отпустит сердце
Глубочайшая из могил?
Завтра год, а быть может — больше,
Как его я похоронил.*

Хименес

Тишина была ощутима. Она давила на плечи, сгущала воздух, и он застревал в легких. Путалась в волосах и оседала на коже.

Мартин не знал, сколько времени слушает тишину.

Когда проем закрылся, отрезав его от внешнего мира, он долго не мог поверить, что это и правда произошло.

Слишком быстро Виктор нашел способ его запереть, и подействовал этот способ слишком быстро. Только что он сменил решетки Виктора своими, оставив себе возможность в любой момент вмешаться в происходящее. А теперь ничего нет. Только полуразрушенный дом, Орест, едва светящий своим фонарем в углу и почти погасший огонь в камине, холод, темнота и тишина.

Сначала Мартин пытался пробить возникшую стену. Он рисовал проемы, пытался разрушить кладку, сделать новый проем, но ничего не выходило.

Потом он пытался слушать, что происходит снаружи. Но быстро понял, что затея бесполезна — из-за стены не доносилось ни звука.

В конце концов он понял, что у него есть два выхода. Один — открыть вторую дверь, выйти в темноту, пронизанную теперь красными сполохами, и там умереть. Мартин помнил, как в детстве ушел далеко от дома и чуть не погиб, но, потеряв сознание, пришел в себя рядом с проемом. Он не был уверен, что теперь вернется таким образом. Не было никакого проема. И связи с ним наверняка не было. А значит, уйти в темноту было бы верным, хоть и мучительным способом самоубийства.

А еще можно было попытаться сохранить рассудок и дожждаться, пока что-то изменится. Может, однажды проем снова появится. А может, он сумеет найти другое решение.

Что делает снаружи Виктор, приехавший к сестре для того, чтобы она в чем-то помогала ему? Мартин не сомневался в том, что ничего хорошего он не задумал. Но он не привык насильно вторгаться в мысли Виктора, и когда ему понадобилось это сделать, просто не смог вовремя узнать правду, отделив ее от лжи. Виктор отлично скрывался.

Прекрасно лгал.

Не он ли, Мартин, его этому научил?

Но когда-то ложь была единственным их спасением. Целый мир играл с ними в свою игру, в которой не было четких правил. Если бы Мартин не лгал когда-то — они оба не выжили бы.

А может, так и было бы лучше.

Что происходит сейчас? Кого Виктор убивает, кому он лжет, чью жизнь ломает своими

манипуляциями?

Мартин не знал. Не мог знать, и это сводило его с ума.

Но безумие было тем единственным, что он не мог себе позволить. Он ясно понял это в тот момент, когда позволил себе всерьез задуматься о возможности такого исхода.

И тогда Мартин сел на пол, прислонился к стене, закрыл глаза. И погрузился в долгое, стылое оцепенение на грани яви, сна и бреда.

...

«Ты вор?..»

«Я не знаю, кто я».

Слова зажигались белым в темноте и рассыпались светящимися бабочками.

А теперь знает?

...

«Хочешь... будешь Мартин?» — раздаётся детский голос в темноте.

Имя звенит весенним солнцем. Мар-тин. Обещание лета. Мысли о теплом пухе и безопасности белого крыла.

...

«Какой он, Мир-Где-Все-Правильно, Вик?»

Они сидят на берегу озера, и на плечах остывают полосы ударов. Первая в жизни боль. Первое разочарование. И первая горячая, болезненная благодарность.

Какой он, каков этот мир? Не вспомнить. Не вернуть его тяжести в ладонях, не найти дороги к началу. Кого уже не спасти? Кто не узнает ничего о правильном мире?

...

«В пурге не бывает огня. Ничего не болит».

Не любить и правда оказалось проще. Запереть сердце на замок. Хрипеть каждое слово сквозь удавку алого платка.

Мартин не чувствует, как судорожно дернулись его пальцы. Будто из-под них выскользнула обледеневшая опора.

Все пошло не так с самого начала. Что он, Мартин, человек без тела, без голоса, мог противопоставить целому миру, который не желал быть правильным? Он выплетал сказки, утешающую ложь, советы и признания.

Все, что он мог сделать. Слишком мало.

Он всегда мог слишком мало.

Слишком мало оказалось любви. Слишком мало лжи. Слишком мало правды. Чего он еще не отдал?

Сколько бы он ни отдавал — этого всегда было недостаточно.

...

«Ирина, Ира, Ириша — Риша», — впивается в сознание мягкий голос.

Девочка, только что потерявшая друга.

Самые голубые глаза из всех, что он когда-либо видел. Чистые и ясные, как небо.

Маленькая сережка с синим камнем. «Это мне Влас подарил». Маленький мертвый пес, дворняга с седой мордой и тряпичными ушами.

...

«Тот, кто закрепит эту звезду — станет героем».

Ель упирается в черноту. И если закрепить на ее макушке звезду, она будет светить на небе. Мартин тогда не думал об этом, но ясно видел теперь — они пытались оставить свой

след на небосклоне.

Потому что на земле они исчезали бесследно.

Исчезал, теряясь в пурге, о которой он так тосковал, мальчик по имени Вик. Оставался оскаленный белоглазый мужчина с окровавленными пальцами и манжетами.

Исчезала девочка Риша, беспомощно сжимающая его ладонь теплыми, мягкими пальцами. Как она будет звать себя? Ирэн, подражая своей обожаемой Мари?

Мартин, не осознавая, что делает, вытянул руку вперед, будто пытаясь схватить что-то навсегда ускользающее от него во тьму.

В каком отчаянии Вик с Ришей цеплялись друг за друга, стараясь убедить себя, что вот-вот начнется их новая жизнь, счастливая и спокойная. Кончится премьера, исчезнет Мари с ее зелеными колдовскими глазами, затихнут вальсы, останется висеть в шкафу алый платок, и Вику больше никогда не придется скалиться в хищных улыбках.

«Не бросай меня, я схожу с ума!»

«Не брошу», — и темнота отступала.

Она всегда умела ждать. Вот почему за его порогом всегда было темно — ждала своего часа, чтобы затопить душу, которая всегда принадлежала ей.

И как жалко, должно быть, выглядел Мартин, рисовавший розы в этой темноте. Она поглотила всех.

...

«Здравствуй, Лера».

Последние воспоминания. Самые яркие. Самые болезненные.

Мартин видел, что эта девушка давно не верила в правильный мир. Девушка перед ним была очень злой. А еще она очень пыталась казаться взрослой. Красный бант на шее, обведенные черным глаза — яркие акценты, словно узоры на крыльях бабочки. «Я опасна! Ядовита! Не подходи!». Но на самом ли деле она была ядовитой и опасной? Мартин видел в ее взгляде, там, под злостью и обидой, растерянность. И еще усталость, словно ей самой не нравилось носить на себе этот тяжелый, колючий образ.

«Ты давно не пишешь мне. Зачем сейчас приперся?! Возвращайся, тебя никто тут не ждал! Ты никому здесь не нужен!» — шипела девушка, пытаясь оттеснить Виктора к проему.

Он только со смесью брезгливого интереса и насмешки наблюдал за ее попытками. Лера была невысокой, едва доставала ему до плеча.

«А теперь ты меня послушай», — тихо сказал Виктор, когда ему надоело.

Он перехватил Леру за запястье и сделал шаг вперед. Он не обращал внимания на девочку, вышедшую из комнаты на шум. Она не интересовала его совершенно, как и все эти годы. За все время он не написал Оксане ни одного письма, и ни разу не спросил о ней Леру. И сейчас вспоминать о том, что у него есть еще одна сестра не собирался.

Не ослабляя хватку, он завел Леру на кухню и захлопнул дверь.

«Это больше не твой дом. Мне плевать, как вы жили до этого. Теперь все будет иначе», — сказал он, усадив сестру на стул.

В этот момент проем начало заволакивать туманом. Кажется, Виктор не только не хотел, чтобы Мартин вмешивался в их разговор, но и чтобы он его слышал.

Если решетки Мартин мог подменить, то что делать с туманом он понятия не имел. Конечно, он мог потом докопаться до этих воспоминаний силой, но что в этом толка, если слова, сказанные сейчас достигнут своей цели?

Мартин слышал только интонации. Виктор говорил с нажимом, Лера — с вызовом.

Лера злилась все сильнее, а в голосе Виктора все чаще звучали мурчащие нотки Виконта. Лера что-то выкрикнула и, кажется, что-то разбила. Наступили несколько секунд звенящей тишины, после которой из тумана раздался резкий, короткий звук.

Мартин сначала не понял, что случилось. Думал, что кто-то еще что-то уронил, но потом до него дошел смысл произошедшего.

Звук удара.

Дальше говорил только Виктор, очень холодно, больше не стараясь очаровать собеседницу и не строя сложных предложений. Фразы были рубленными, а под конец интонации стали приказными.

Кажется, Лера с ним соглашалась.

Следующее воспоминание — туман в проеме рассеялся. Виктор лежал на неразложенном диване и смотрел в поток. Вокруг было темно. За окном выл ветер.

«Ты что, ударил ее?..»

— Да. И что дальше? — спросил он без единой эмоции.

«Тебе не кажется, что это не лучший способ восстановить отношения с сестрой?»

— Мне не нужны прежние отношения с сестрой, Мартин. Если ты не заметил, здесь как в курятнике. Темно, грязно и эти три клуши понятия не имеют, когда пойдут на бульон. Это не дом. Здесь не было ремонта с тех пор, как я уехал. У них развалился кухонный шкаф, и они просто прислоняют дверцы к нижним отсекам. А с верхних они их сняли и сложили рядом. Эта рухлядь, судя по пыли, лежит там пару лет.

«Это повод бить девушку?»

— Я ударил ее потому, что она возражала. И она заткнулась, выслушала меня и сказала, что я прав. И даже извинилась. Нет, Мартин, никакого правильного мира. Я здесь хозяин. Иначе не будет. Хочешь посмотреть город? — внезапно предложил он.

«Что?..»

— Хочешь посмотреть город, Мартин? — повторил Виктор. — Я тебе уступлю. Мы оденемся, пойдем на прогулку, выпьем кофе. Что угодно. Можем даже зайти в бордель.

«Виктор, какого черта?!»

— Ты скоро умрешь, — с сожалением сообщил он. — Прости. Так будет лучше для тебя же. Ты не хочешь видеть того, во что я собираюсь превратить свою жизнь. Я не хочу причинять тебе лишней боли.

«Что ты собрался делать?..»

— Помнишь, как мы пили в баре с Ришей? Даже в легком опьянении я слышал тебя гораздо глуше. У Леры есть... знакомый. Студент-психиатр, крадущий проштампованные рецептурные бланки. Работает вместе с местными изготовителями эфедрона...

«Ты слышишь себя? Ты только приехал в город, и собираешься связываться с местными барыгами? К тому же да будет тебе известно, рецептурные бланки подлежат учету, и уж точно туда, где хранятся они и печати не пускают практикантов», — с презрением отозвался Мартин.

— Если практиканты не делятся с кем-то у кого есть ключи. Бланк подделать просто, просто подделать подпись, а печать там всегда стоит настоящая.

«И что, ты собрался сесть на наркотики, к тому же низкосортные, только чтобы избавиться от меня? Ты знаешь, что я никуда не денусь, если не покончу с собой. А делать это один я не намерен. Кстати, ты не поинтересовался, откуда у четырнадцатилетней девочки такие знакомые?»

— Не только мы росли в плохих компаниях. Мне не нужно избавляться от тебя, Мартин. Мне нужно, чтобы ты не мог меня видеть и мешать мне. Постоянно ловить тебя не входит в мои планы — думаешь, я не знаю, что ты начал думать о самоубийстве, как только я убил Мари? Но не переживай. Мы начнем с лекарств. За все, что ты для меня сделал, ты заслуживаешь легкой смерти или милосердного забвения.

«Не слишком ли легко мы стали врагами?»

Мартин чувствовал, что остальные вопросы будут бесполезны.

— Я тебе не враг. И никогда им не буду. Но теперь все будет так, как я скажу. И ты не должен от этого страдать. Так что, мы пойдем смотреть город?

«Идем», — тихо ответил Мартин.

Виктор улыбнулся темноте. Так, как улыбался когда-то в прошлой жизни.

И они пошли. Мартин, скорее по привычке, укрывал горло шарфом — Вик быстро простужался, а ветер в этих краях был гораздо злее.

Виктор стоял, облокотившись о подоконник. Мартин чувствовал его напряжение, но стоя на улице и подставляя лицо сырому весеннему воздуху, он не мог предложить ему других чувств, кроме бесконечной тоски.

Их дом находился недалеко от вокзала. Изредка в ночной тишине раздавались отзвуки объявлений о прибытии и отбытии поездов. Где-то выли собаки.

«Чудный город, Мартин, просто прелестный», — скептически произнес Виктор, оглядывая серые панельные пятиэтажки, тонущие в темноте.

— Это не я нас сюда привез. Мог бы, раз уж решил меня убивать, остановиться у моря на день. Или хотя бы найти какую-нибудь полянку поживописнее, — невесело усмехнулся Мартин.

И почувствовал, как его сознание полоснуло чужой болью.

Виктор и правда не хотел его убивать. Он думал, что то, что он делает — милосердие.

И, кажется, он был уверен, что не может иначе.

Мартин дошел до вокзала, и почти час стоял на перроне, глядя на уходящие поезда. Их желтые окна в синих сумерках казались единственным оставшимся в мире светом. Проводив взглядом последний поезд, Мартин развернулся к вокзалу.

«Куда хочешь пойти?..»

— Знаешь, Вик... В этом городе у меня есть единственное дело, которое я хотел бы сделать, раз уж у меня так мало времени.

На вокзале он купил блокнот, ручку и пластиковый стаканчик с кофе.

«Ты не мог бы отвернуться?» — про себя обратился к Виктору Мартин.

«Что?..»

«Ты не мог бы отвернуться, Вик? Слушай, ты оставил мне сколько, сутки жизни? Могу я побыть нормальным человеком и написать предсмертную записку?»

«Да... Хорошо».

Оставшись в одиночестве Мартин, вздохнув, начал писать первое письмо. Закончив, он начал писать второе. На первом он быстро написал несколько слов, и сунул его в карман. На втором аккуратно вывел «Вику», сложил вчетверо и убрал в другой карман.

Мелькнула мысль вернуться на перрон и броситься под поезд, испортив оба письма. В эту же секунду он почувствовал чужое присутствие.

«Собрался меня обмануть?»

«Собрался доставить письмо».

«Кому ты написал?.. Кому ты мог здесь написать, кроме меня? Моей сестре? Матери?..»

«Ты ведь захочешь сохранить нашу тайну, верно? Вик, будь мне другом последние несколько часов — если ты уже выпустил меня, дай напоследок подышать».

«Я не позволю тебе нас убить», — предупредил его Виктор.

Мартин поднял руки, капитулируя.

— И в мыслях не было... — сказал он себе под нос.

Залпом допил кофе и, выбросив стаканчик, вышел с вокзала.

Книги на его полках появлялись не просто так. Фотографическая память Мартина позволила ему сохранить давно позабытый Виктором клочок бумаги. Изрисованный спиралями листок, на котором был торопливо написан адрес.

Хорошо, что Виктор не помнил эту встречу. Он ее просто проспал.

— Ты можешь не смотреть, куда я пойду? Я могу побыть один?

«Чтобы ты удавился где-нибудь или завел нас в какой-нибудь притон?»

— Ты собрался завтра идти в притон. Нет, мне просто нужна пара часов одиночества.

«Я узнаю, если ты...»

— Вик, — тяжело вздохнул Мартин.

«Хорошо».

Мартин почувствовал, что снова остался один. Он развернул карту города, и через несколько минут нашел нужный адрес в переплетении незнакомых улиц. Не очень далеко, можно дойти пешком.

Когда-то, очень давно, Мартин сидел на вокзале, пил плохой кофе и пытался читать плохой любовный роман, который Вик взял для него из Вериной библиотеки.

Женщина с зеленым рюкзаком предложила ему поменяться. Томик Мопассана. «Я достаточно зарабатываю...», «А кто твой папа, мальчик?..» «Может быть, ваша дочь ищет мать?»

И маленький журавль из книжной страницы. Пожелание на крыльях, свои буквы поверх чужих: «У тебя все будет хорошо».

Мартин не знал, что случится завтра. Он не верил в то, что какой-то студент способен разрушить их с Виктором связь. На это требовались годы терапии, тщательно подобранные лекарства, и желание обоих исправить ситуацию.

Или готовность одного из них уничтожить другого, не считаясь со средствами.

«Мари многое угадала в Вике и многое пробудила. Неужели и с наркотиками угадала? Кажется, у них с Виком один талант — находить в людях тьму», — подумал Мартин, останавливаясь рядом с закрытым цветочным ларьком.

Он протянул руку и с улыбкой коснулся кончиками пальцев стекла. За ним в темноте виднелись белые розы, такие же как те, что росли в его саду.

Такие же, как в венке Мари. Мысль о том, чтобы подарить девушке цветок, показалась отвратительной, почти кошунственной. Мартин опустил руку и отвернулся.

Он шел, следя за номерами домов и поворотами, не воспринимая окружающего его мира иначе, как декораций на пути к цели.

Может, стоило поступить иначе. Смотреть по сторонам, оставляя в памяти этот серый город, тонущий в темноте, его очертания, запахи и силуэты. Может быть, он никогда не увидит ничего, кроме теней домов, высокого синего неба и изредка проносящихся мимо машин. Водители пользовались пустотой дорог и явно превышали позволенную в городе

скорость.

Может быть, это все что осталось Мартину.

Но он не собирался так просто сдаваться. Ему удалось обмануть Виктора, заставив его услышать выстрел у дома Ришиного отца. Удалось скрыть от него все чувства и намерения. Значит, у него есть все шансы успеть все исправить.

К тому же Виктор неосмотрительно отвернулся, оставив его в одиночестве и значит, он может успеть.

Но сначала нужно закончить начатое, чтобы ему было хоть немного меньше стало несделанного, о чем Мартин бы жалел. К тому же ему хотелось оставить после себя след, отпечаток в этом мире, данный в руки постороннего, незнакомого человека.

Может, она просто выбросит письмо, и Мартин снова опоздал со всеми словами.

Нужный ему дом оказался кирпично-красной пятиэтажкой. Какой-то мужчина курил, придерживая ногой дверь подъезда, и Мартин мысленно поблагодарил судьбу за то, что ему не пришлось ждать, пока кто-то решит выйти или зайти.

— Ты закладчик что ли? — неприязненно спросил у него мужчина, загородив проход.

— Нет, — как можно доброжелательнее улыбнулся Мартин.

— А куда ты тогда ночью поперся?

— Оставить девушке письмо. У меня мало осталось времени.

— Ты это... прости, сынок, — внезапно сказал мужчина, отходя в сторону.

Уже опуская письмо в почтовый ящик, Мартин понял смысл его слов. От неожиданности он рассмеялся, успев только прикрыть рот рукавом, чтобы не разбудить соседей. Смех царапал горло и жег глаза, превращаясь из веселого в истерический, и из истерического становясь короткими всхлипами.

Мужчина, увидев взволнованного, бритого наголо мальчика, спешащего ночью оставить девушке письмо, решил, что он умирает.

Правильно решил, только его не сожжет болезнь. На завтра назначена его казнь.

«Мартин?!»

— Оставь меня в покое, слышишь?! Я тебя не убиваю, проваливай обратно! — просипел он, торопливо закрывая глаза, чтобы Виктор не видел даже полутемного подъезда.

Мимо него кто-то торопливо прошел, наверное, куривший мужчина.

Чужая боль нарастала раскаленной тяжестью в груди. Мартин по привычке мысленно протянул руку, чтобы коснуться Вика, и тут же бессильно ее уронил.

— Не ты ли так решил?! Не тебе ли так приспичило резать глотки, чтобы так со мной поступить?!

«Я не хочу этого, Мартин. Но ты ведь... никогда не примешь меня таким. Ты бы принял меня после убийства Мари, но никогда не простил бы меня за Риту. И за Ришиного отца. И за все, что я сделаю дальше ты меня не простишь».

Мартин не глядя вышел из подъезда, потом вслепую прошелся по дорожке вдоль дома, и пошел дальше, открыв глаза, но смотря только себе под ноги.

— Давай поговорим. Может быть, я смогу тебя понять. Может, мы сможем договориться, — попытался поторговаться он.

«Тебе страшно...» — с сожалением произнес Виктор, и Мартин почувствовал слабое утешительное прикосновение к запястью.

— Мне страшно. Я не хочу умирать, особенно зная, что оставляю тебя одного, — тихо

сказал Мартин, сжимая шарф на горле.

Он чувствовал только горькую нежность и осознание близкой потери. Эти чувства наполняли его душу до краев, не оставляя места ничему другому.

— Не делай этого, прошу тебя. Поехали отсюда. Не нужно калечить еще больше еще и свою сестру, не нужно гнаться за призраками, и искать Ришу в чужих лицах. Пожалуйста, Вик...

«Прости, я не могу».

Мартин остановился, не поднимая глаз. Виктор не заметил, как серую тротуарную плитку сменил черный асфальт.

«Мартин!..»

Виктор легко возвращал себе сознание. Мартин мог его обмануть, но не мог сопротивляться, и сейчас Виктор сам стоял посреди дороги и с ужасом смотрел, как прямо к нему несется автомобиль.

Желтые фары, янтарный звериный взгляд, решетка радиатора словно оскаленные зубы — на Виктора смотрела его смерть, наполняя золотым светом его белые глаза и бросая тени на лицо. Он не успел бы отпрыгнуть в сторону. Автомобиль не успел бы сбросить скорость. Но оба попытались совершить невозможное. Виктор обострившимся животным инстинктом угадал, в какую сторону повернет автомобиль, едущий посреди дороги. Он мог вильнуть в любую сторону, но чутье кричало Виктору: «Налево!», и он бросился туда. Автомобиль повернул направо.

Две половины невозможного, встретившись, создали чудо. Виктор лежал на спине, на тротуаре, будто издалека слушая грязную брань водителя.

— Лжец, — почти восхищенно произнес он, глядя в черное небо.

Мартин молчал.

Теперь ему было по-настоящему страшно.

...

Мартин не видел, что происходило утром. Из плотного тумана в проеме не доносилось ни звука. Тумана было бы достаточно, чтобы его запереть, но Виктору приходилось постоянно сосредотачиваться на том, чтобы удерживать Мартина, а он хотел верного результата. И планов не изменил.

Мартин не видел лица человека, к которому приехал Виктор. Не слышал, о чем они говорили. Он сидел, привалившись к косяку, и перематывал веревку на катушке. Не знал, сколько времени прошло с тех пор, как в проеме появился туман. Час? День? Неделя?..

А потом тумана не стало, и проема не стало тоже. Комнату затопила темнота.

...

«Ты вор?..»

«Я не знаю, кто я...»

...

«Не знаю, кто я».

...

«Не знаю...»

...

«Я ничего не знаю... пусть все закончится...»

...

«Ты вор?..»

«Я лжец».

...

«Я не знаю, кто я».

«Хочешь, будешь Мартин?»

...

«Какой он, Мир-Где-Все-Правильно, Вик?..»

«Ты лжец, Мартин. Ты меня обманул. Нет никакого Правильного Мира».

«Я не знаю, кто я».

«Ты лжец».

...

— Мартин?.. Мартин, проснись, — раздался рядом знакомый голос.

Мартин не мог открыть глаза. Не мог пошевелиться. Его сознание блуждало где-то во тьме, и ему не понадобилось уходить. Он умирал, медленно и тихо погружаясь в наступающее безумие, как в черную воду.

— Просыпайся, тебе нельзя спать! Мартин, ну же!..

— Тебя здесь нет, — с трудом сказал он, по-прежнему не открывая глаз.

— Я есть. Всегда был. Мартин, пойдем, тебе нельзя здесь оставаться. Мартин, ты же просил тебя спасти, я же не виноват, что он не слушается!

В голосе звенело отчаяние. Мартину никогда не хватило бы жестокости отказать.

Он с трудом открыл глаза. Несколько секунд пытался заставить себя смотреть на человека перед ним, а потом впервые за долгое время улыбнулся.

— Ну здравствуй. Я по тебе скучал.

Вик стоял перед ним и без улыбки тревожно вглядывался в его лицо. Шестилетний мальчик, с еще не выплывшими в белый светло-серыми глазами, ничего не знающий ни о Виконте, ни об Офелии, ни о ненависти, которая их переполняла.

— Прости меня, Мартин. Говорил же, я плохой человек.

— Ты никогда не был плохим человеком, — возразил Мартин, вставая.

Мир качнулся перед глазами. Только сейчас Мартин заметил, что они стоят в абсолютной темноте. Не было дома, где он засыпал, не было Ореста, и сада с розами, и красных вспышек тоже не было.

— Ты потерялся. В себе, — серьезно сказал ему Вик, протягивая руку.

Мартин не думая протянул руку в ответ.

— А ты теперь совсем большой. Смотри, — улыбнулся Вик, кладя на его ладонь свою.

— Я... не думал, что еще раз тебя увижу, — тихо ответил Мартин, становясь на колени и проводя рукой по его волосам.

— Я всегда буду здесь. Никогда не умру, и никогда не повзрелею. Это — мой Неверлэнд. Только тебе нельзя здесь оставаться, Мартин. Ты там нужен. Пойдем, — Вик легко потянул его за собой.

— Пойдем, — кивнул Мартин, вставая.

— Ты... ты жалеешь, что раньше меня не убил, правда?

— Я никогда не стал бы... Я верил, что этого не будет. До последнего верил, но ничего не смог исправить. Прости, я тебя подвел.

— Я все еще чувствую, когда тебе больно, — вздохнул Вик, сжимая его руку.

— Я не хотел...

— Все неправильно, Мартин. Всегда было неправильно. Я хотел лучше для всех — для

Риши, для тебя. Хотел же к морю поехать. А теперь, когда я могу — почему-то делаю глупости. Жестокие и страшные. Почему так, Мартин?..

— Ты... ты тоже заблудился в себе. Я не знаю, как тебя вывести.

— Расскажи мне сказку, Мартин, — вдруг попросил его Вик, останавливаясь.

Он заставил его раскрыть ладонь, положил свою руку снизу.

— Что?..

— Сказку, Мартин. Ты хорошо рассказываешь сказки. Расскажи мне-взрослому сказку, и он все поймет, — улыбнулся Вик.

Над ладонью Мартина билась яркая, светящаяся в темноте белоснежная бабочка. Спустя несколько секунд она улетела, упрямая белая искорка во тьме. Оба проводили ее взглядом.

— Боюсь, что это не поможет...

— Нет же, Мартин. Только это и поможет. Сказку. Одну, большую, красивую и грустную, как ты всегда рассказывал. Только очень длинную. Никакой ты не лжец, Мартин. Ты рассказываешь сказки. Смотри, вон твои розы.

Впереди в темноте и правда виднелись расцветенные алым светом розовые кусты.

Мартин снова опустился на колени перед мальчиком и обнял его. Впервые по-настоящему, и не нужно было размыкать объятий.

— Ты никогда не умрешь, Мартин, — серьезно сказал Вик.

— Ты же говорил, что мы никогда не умрем, — с трудом улыбнулся он.

— Я врал.

Мартин отстранился и с удивлением посмотрел ему в глаза.

— Это я лжец, — так же серьезно ответил он.

А потом рассмеялся, словно это была хорошая шутка. Хороший был смех, тихий и переливчатый, словно колокольчики на ветру.

Мартин стоял среди своей темноты в одиночестве, только далекий смех еще звучал в ушах.

Постояв так несколько секунд, Мартин направился к дому. Прикрыл глаза от неожиданно режущего красного света, с трудом открыл давно не использовавшуюся дверь.

И замер, вцепившись в косяк.

Напротив него в глухой стене разрасталась паутина трещин. И сквозь них пробивался ослепляющий белый свет.

Акт III

Когда наконец-то

Действие 1

Майская сирень

*And that yet once before I die,
Thou wilt vouchsafe to love me.*

Greensleeves (английская песня)

В конце мая город тонул в сирени. Ее высаживали в парках и вдоль дорог, на клумбах под окнами и у детских площадок. Улицы наполнялись терпким запахом цветов и лилово-белой пеной.

Виктор ненавидел сирень. Ненавидел город, скрывающийся под этими цветами, словно под маской и точно знал, что город ненавидит его в ответ. Эту ненависть он чувствовал каждое утро, открывая шторы и позволяя выплеснуть в лицо свет серый и мутный, словно грязная вода.

Город наполнялся ветром, который стучал по ночам в окна и выл, словно стая бродячих собак, не давая спать.

Город раскидывал между серых панельных домов узкие переулки, куда с трудом проникал редкий солнечный свет.

Город вообще не любил солнечного света, укрываясь тяжелыми низкими тучами.

И Виктор чувствовал, что с каждым днем ненавидит его все сильнее. От этой ненависти не откупиться и не спрятаться. Реки, полные мертвой ледяной воды не согреются пролитой кровью, стены жадно впитают тепло, если коснуться их и останутся такими же — каменными и безликими. Не спрятать взгляда — город будет смотреть в затылок, словно готовый броситься хищник. И Виктор смотрел ему в глаза.

Он принес свою первую жертву сразу, как только приехал. Мартин снился каждую ночь и, если бы в его взгляде он видел упрек, — эти сны не были бы кошмарами. Но он смотрел со странной смесью задумчивости и тоски. Словно принял какое-то решение.

«Мог бы, раз уж решил меня убивать, остановиться у моря на день», — звучал у него в ушах голос Мартина. И каждый день Виктор ненавидел себя не за то, что убил его, а за то, что не дал той смерти, которую он заслужил. Это помогало меньше ненавидеть себя за убийство.

Сначала он не мог поверить, что это и правда произошло. Оставшись в одиночестве, Виктор понятия не имел, что с ним делать. Свобода была ошеломительна и мутила разум лучше любого алкоголя. Когда-то, тысячу жизней назад, убив Мари, он подумал, что скажет Мартин, когда увидит. И понял, что боится его слов.

Теперь Мартин ничего не скажет — его нет. Когда Виктору не снился его взгляд, он видел пустую темную комнату с погасшим камином и исцарапанный косяк, покрытый темными пятнами. В такие ночи он больше не мог уснуть. Включал свет по всему дому, даже в спальнях Леры и матери с Оксаной. Задергивал шторы и до утра курил на кухне, стараясь ни о чем не думать. Не выходило — вокруг него темнота, полный город темноты, от которой не огородишься электрическим светом и занавесками. Пустой темноты, из которой никто не вернется.

Но шло время, и он постепенно учился жить без Мартина. Без его любви и без его строгого серого взгляда, не дающего сорваться в пропасть. Теперь ничто не имело значения — он бросился в нее и падение не остановил бы ни Мартин, ни его собственное желание.

Но в мае расцветала сирень. Город душил его этими цветами, отравлял воздух терпкой пылью и будил в душе то, что он так тщательно старался забыть. Сиреневый цвет, который так любила Риша, весеннее небо в прорехах серых туч.

Целый город становился призраком его потерянной любви.

Виктор ненавидел май.

...

Каждое утро начиналось одинаково. Виктор открывал глаза в сером полумраке спальни. Он всегда спал один и просыпался в одиночестве. Как бы он ни был пьян накануне и с какой бы девушкой он ни проводил ночь, спать он предпочитал в своей постели. И когда он просыпался, никто не стоял между ним и несколькими секундами самообмана, которые он позволял себе каждое утро.

Он просыпался в маленькой комнате, которую снимал в городе. Скоро начнутся занятия в колледже, а Риша варит кофе на кухне и бормочет под нос очередную роль. Когда он выйдет из спальни — встретит ее взгляд, знакомый, родной и полный любви. Так всегда было и так должно оставаться.

И Мартин рядом с ним. Он всегда просыпался раньше него, и в эти секунды на грани сна и яви Виктор чувствовал, что он не одинок и никогда не будет одиноким.

А потом морок рассеивался, и вместо него наступала реальность. Тогда он вставал с кровати, умывался в ванной ледяной водой, не включая свет, и выходил на кухню. Там его ждала Лера, которая всегда к одному и тому же времени варила две чашки кофе. Всегда одинаковой крепости, без сахара и сливок.

Сияющая белизной чашка стояла на краю черного стеклянного стола на круглой темно-серой подставке.

Виктор собирал свою мертвую реальность по кусочкам, прикладывая один к другому и заставляя оживать. Все потеряло значение, и ему пришлось заново придумывать смысл каждой детали.

Он заказал в ванную кран со встроенным термометром, чтобы вода всегда была одинаковой температуры и отклонения на пару градусов вызывали глухое бешенство — весь мир в этот момент трещал по швам.

Лера покупала один и тот же кофе. Виктор не хотел усложнять себе жизнь и приучился к одной марке, которую всегда можно было достать. Лера варила кофе и ставила всегда на одно и то же место на краю стола, наливая в одну и ту же чашку.

Однажды утром она накрасила губы красной помадой.

Он несколько секунд пытался понять, что не так, а потом подошел и, взяв ее за волосы, медленно стер помаду. Салфетку выбросил в ведро под раковиной и тщательно вымыл руки, а потом насухо вытер их полотенцем. Но до самого конца их ежеутреннего ритуала Виктор не мог избавиться от мыслей о салфетке. Ее белоснежные края, испачканные ярко-красным словно царапали сознание. Он не чувствовал вкуса кофе, который пил, не слышал, как тихо всхлипывала его сестра, переплетая косу, которую он растрепал. Все мысли были сосредоточены на салфетке, которой не должно было быть. Даже не видя свидетельства нарушения тщательно выстроенной иллюзии, он знал, что салфетка есть. И этого оказалось достаточно.

За утро он выкуривал три сигареты. Окурки можно было замерять линейкой — он всегда оставлял несколько миллиметров от фильтра, после которых каждая затяжка становилась обжигающе-горькой.

Каждое утро Лера подвигала свой стул чуть ближе к нему. Это нарушение он ей прощал — когда-то Мартин рассказывал ему сказку о том, как приручать лисиц. Где сейчас был лис-Мартин он думать не хотел. Теперь он был лисом, и его сестра приручала его, как зверя. Это она начала варить две чашки кофе. Это она рядом выкладывала на салфетку три сигареты и ставила чистую пепельницу. Она придумывала ритуалы, которые он принимал и потом помогала их исполнять. Зачем-то хотела быть ему нужной, несмотря ни на что. Он не мог понять, зачем ей это, но этого смысла детали мира «сестра» пока что не требовалось, и он его не искал.

Лера предпочитала молчать, но Виктор не был против, когда она осторожно пыталась заговорить. Ему нравилось слушать ее голос, который словно убаюкивал что-то темное, живущее в душе. Звериная суть засыпала от звуков человеческой речи, помогавших держаться в реальности.

По этой же причине он слушал музыку. Только в наушниках, всегда на одной громкости. Низкие бархатные голоса исполнителей помогали успокоить ту тянущую пустоту в душе, где когда-то звучал другой голос.

Когда он только приехал — все же подал документы в училище. Сам не понимая, зачем. Медицина его не привлекала, он почти ничего в ней не понимал. Учеба нужна была ему для того, чтобы позволять себе еще один самообман. Поздним вечером, перед сном, он читал учебники сидя на полу у кровати. В этот момент он переставал быть собой: у него длинные каштановые волосы и темно-серые глаза; он так бледен, человек, редко видевший солнце; ему понятна магия слов, написанных на желтоватых страницах. Эта магия давала то, что он так мучительно искал всю свою жизнь — власть над чужими бедами.

Это самый болезненный из его ритуалов. Через год Виктор бросил учебу. Мартин не возвращался к жизни, он оставался мертвым и его не могли обрадовать слова, которые Виктор заставлял себя запоминать. Он не обретал власти над чужими несчастьями, только все больше застревал в прошлом, из которого так мучительно пытался вырваться.

Первые несколько месяцев после ухода из училища он лежал, запершись в спальне и читал книги, пытаясь отвлечься и понять, куда ему идти. Именно в эти месяцы он перечитал все учебники, которые у него остались. С особенным удовольствием и вниманием. Он больше не был Мартином в этот момент, он читал их своими глазами и вовсе не для того, чтобы обрести власть над чужими несчастьями. Теперь у него была иная цель.

По ночам ему стало сниться озеро. Озеро в лесу, у которого они когда-то сидели с Мартином. Только теперь оно было полно горячей, маслянисто блестящей в лунном свете крови.

Он стоит на берегу и чувствует, как медленно нарастают голод и мучительная тошнота. Он становится на колени, погружает руки в кровь и подносит к губам. Чувствует, как на языке разливается сладковатое тепло. Когда он открывает глаза, видит, что кровь в озере свернулась. По темной гнили проходит рябь. Опуская взгляд, он видит сотни белых личинок, копошащихся на ладонях и манжетах рубашки. Короткая вспышка ужаса сменяется обжигающей болью, растекающейся у сердца.

Он видит, как чернота разливается по груди. По темно-зеленой ткани сюртука. Он касается этой черноты пальцами, и она пачкает их красным. Ужас сменяет щемящая тоска.

Этот сон не прогнать никакими ритуалами. От него нет спасения. Это хуже взгляда Мартина и хуже майской сирени. Он перепробовал десяток видов таблеток, убеждал себя, что, если выключать свет ровно в полночь — ему ничего не приснится, что нужно спать только на белом белье и открывать окно, но задергивать шторы. Ничто не помогало, только голод становился сильнее с каждой ночью, и сильнее становилось отчаяние — даже во сне он помнил, чем все закончится.

Больше самообмана в его жизни не было. Он смотрел на реальность в упор.

На серый город, в котором жил. На сестру, которая смотрела на него, как на непредсказуемого и опасного зверя. На обреченность, в которой тонула его новая семья, на равнодушную ко всему мать, на свое багровое прошлое и безрадостное будущее. И не видел выхода.

Мартин бы нашел. Мартин всегда находил. Но его не было рядом. Он сам отказался, и ради чего? Чтобы сейчас представлять себе, что не сделал этого?

Была еще одна сторона его жизни, еще один ежедневный, тщательно соблюдаемый ритуал. Ритуал, без которого все остальные стали бы бесполезны. Единственный ритуал, ради которого ему приходилось обращаться за помощью и выходить из дома.

Когда Виктор впервые пришел к Дмитрию, его поразила пустота квартиры. Стены в бежевой шпукатурке, серый ламинат, черные жалюзи на окнах. В квартире не было шкафов или стеллажей, только кухонный стол, холодильник и узкая софа.

— Мне нечего скрывать, — улыбнулся ему Дмитрий.

Он смотрелся в этой квартире неуместно — болезненно худой, высокий и нескладный молодой человек с черными волосами, завязанными в хвост. Он носил мешковатые свитера и рваные джинсы, ходил по квартире в ботинках и почему-то никогда не оставлял следов, даже если на улице была грязь.

Он слушал рассказ Виктора внимательно, не удивляясь и не задавая вопросов. Совершенно бесстрастный и отчужденный — такими в понимании Виктора и должны быть доктора. И палачи.

— Итак, ты не просто слышишь голос, ты становишься другим человеком, верно? И ты решил избавиться от своего друга именно сейчас. Почему? — спросил Дмитрий.

— У меня есть уникальная возможность уничтожить собственную совесть, — усмехнулся Виктор.

— А что я получу за свою помощь?

Он знал, что предложить. Единственное, что у него было.

Сначала он не получал денег за свою работу — только таблетки. У Дмитрия была возможность доставать и изготавливать наркотики, но он не хотел связываться с распространением.

У них с Дмитрием нашлось немало общего. Осмотрительный и осторожный, Дмитрий был внимателен к деталям, не выдавал своих секретов и предпочитал меньшие, но верные заработки. Распространителей у него было мало, и даже если кто-то из них попадался — ничего не мог рассказать. Или боялся. Дмитрий собирал чужие секреты, делая их залогом своей безопасности.

Спустя какое-то время Виктор начал зарабатывать первые деньги. Осторожный и изворотливый, он всегда находил способы выполнить работу быстро и не привлекая внимания. Но поначалу он не рассматривал продажу наркотиков как способ постоянного заработка. Его интересовали другие преступления.

Но жажда, несмиримая жажда, которую нельзя было утолить ни водой, ни алкоголем, отступила и затаилась. Еще недавно он так хотел крови, что расправился с Мартином, который обязательно помешал бы новому убийству. Но вместо ощущения жизни, переполнявшего его еще недавно, он впал в стылую апатию. Словно смерть Мартина разом утолила его жажду, не оставив взамен ничего.

Он часто думал о том, что Мартина устроила бы такая роль. Что он принес бы эту жертву, не задумываясь, и был бы счастлив.

Виктор словно не мог опомниться. Он жил по инерции, позволяя течению нести себя и не пытаясь сопротивляться. Глотал таблетки, потому что когда-то хотел избавиться от Мартина. Зачем?.. Он с трудом помнил. Разговаривал с сестрой, потому что когда-то хотел, чтобы она помогала ему... в чем?..

Он почти не помнил. Через год после смерти Мартина память Виктора начала подергиваться пеплом, сознание начало таять, как снег под весенним солнцем.

Чашка.

Три сигареты.

Голос Леры.

Ремонт на кухне — первые деньги, которые скопил, он потратил на то, чтобы обустроить пространство вокруг так, как ему всегда хотелось. Черный, белый и серые цвета. Стерильность, минимализм, никаких лишних деталей, нарушающих привычное течение жизни.

Он покупал книги каждую неделю. Единственное чувство, которое он еще испытывал ярко — информационный голод. Книги становились единственным способом получить хоть какое-то удовольствие от своего существования.

Виктор смирился с нахлынувшей апатией и потерявшей ценность жизнью. Его больше не волновала температура воды в ванной, сигареты он докуривал до фильтра, не ощущая вкуса и пил любой кофе, который продавался в магазине у дома. С тупым равнодушием он смотрел на свою сестру и не отвечал ей, когда она пыталась с ним заговорить. Ему было скучно. Лишь немного забавляла ее злость, с которой она встречала новые перемены в его душе.

«Зачем я тебе, неужели нравится, когда таскают за волосы и бьют по лицу? А больше я ничего не могу дать», — отстраненно думал он, глядя, как сильнее темнеют ее глаза, когда она не дожидалась от него ответа.

Скоро Лера перестала злиться и однажды утром он заметил на ее лице выражение такого же отстраненного равнодушия, какое видел каждый день в своем отражении. В душе шевельнулось и погасло странное чувство удовлетворения. Она такая же, как он. И правда его сестра, его тень.

О том, что они живут не вдвоем, Виктор почти не помнил. Мать и Оксана не имели для него никакого значения. Когда он видел мать, то испытывал чувство глубокого отвращения. Ему не хотелось выделять ей никакого места в своей жизни. Кто такая Оксана он просто не понимал — совершенно чужая девушка, которую он не знал и не хотел знать. Но искать съемную квартиру он не видел смысла. Вместо этого он составил расписание, когда он находится на кухне и ванной, чтобы в эти моменты мать и младшая сестра вообще не выходили из своей спальни. Расписание он отдал Лере, поручив объяснить матери и сестре, что от них требуется.

Удивительно, как легко ему позволяли управлять чужими жизнями. У Виктора даже не

мелькало мысли, что кто-то из его семьи может пойти против него и попытаться помешать диктовать свои условия. С тех пор, как он понял, что готов зарезать собственного отца за попытку вернуть власть, и с тех пор, как ему пришлось убить Мартина за возможность единолично решать свою судьбу, он бы не задумываясь расправился с любым, кто попытался бы оспорить его решения. Но никто не пытался, даже Дмитрий давно не диктовал ему условий, только передавал товар и список заказчиков.

Оставался единственный человек, который мог иметь над ним хоть какую-то власть.

Однажды ночью Виктор сквозь сон почувствовал, как кто-то касается лба теплой ладонью. Глухо застонав, он прижался к ней лицом, вцепившись в чужое запястье. Он не хотел знать, кто это. Он был готов убить пришедшего человека, если он скажет хоть слово и разрушит его надежду.

«Мартин!» — билось в сознании, и кошмар, терзавший его, отступал, оставляя на душе целительную прохладу.

Конечно, это был не он.

Виктор чувствовал, что это женская рука. Он точно знал, что это Лера, которую потревожили звуки, доносившиеся из его спальни, зачем-то пришла к нему. Наваждение схлынуло, и Виктор почувствовал, как в душе колыхнулось что-то похожее на ненависть. Лера — не его мертвая совесть. Она — деталь потерявшего смысл мира, которая стояла не на своем месте. Но сразу за ненавистью впервые за все это время пришло другое чувство, разлившееся под кожей колючим теплом. Он с удивлением вспомнил это чувство. Не брезгливый интерес и не смутная симпатия — в сердце оживало что-то забытое еще в далеком детстве.

— Спасибо, — тихо сказал он, открывая глаза.

Лера сидела на краю кровати. В темноте он не видел ее взгляда, но чувствовал, что впервые за долгое время она не боится его.

— Тебе плохо, — прошептала она, проводя ладонью по его волосам. — Тебе тоже больно. Даже тебе. Такой сильный и злой, но ты тоже... Как же это отвратительно. Как я все это ненавижу, если бы ты только знал. Эту жизнь, бессмысленную и серую. Эти кошмары, которые я вижу по ночам. Ненавижу, Вик. Ты тоже?

— Да, — ответил он, садясь рядом и обнимая ее за плечи. Он прижался щекой к ее волосам, пахнувшим приторным, липким парфюмом и чувство, проснувшееся в душе, стало отчетливее.

— Вик?.. Вик, ты не хочешь... умереть? Я хочу. Каждый день. Я не понимаю, зачем мне жить. Меня никто никогда не любил после тебя. Меня никто не будет любить. И ты... ты давно меня не любишь. Зачем это все? — прошептала Лера.

— Я люблю тебя, — искренне сказал он. — Я не хочу умирать, Лер. И ты... не хочешь. Мы никогда не умрем.

Он по-прежнему не видел ее взгляда, но почувствовал, что она ему поверила. В ту ночь они уснули рядом, и до утра смотрели каждый свой пустой черный сон.

С тех пор что-то изменилось в его жизни. Он по-прежнему курил на кухне по утрам, и Лера по-прежнему варила ему кофе. Но с той ночи она перестала быть декорацией, деталью, которую следовало наполнять смыслом. Она сама нашла свой смысл, напомнила ему, что он человек, что он еще жив и способен кого-то любить. Но теперь его любовь была совсем иной.

Через несколько дней он заставил Леру пойти в салон и обрезать волосы. Каждый месяц

она осветляла их дешевой краской и не особенно заботилась об их состоянии. Его раздражала эта неопрятность. Ей шло каре. Он не стал настаивать на том, чтобы она перестала красить волосы, но выбрал для нее другой, более мягкий оттенок. В конце концов с белыми волосами она выглядела больше похожей на его сестру, а с короткой стрижкой исчезло последнее туманное сходство с Мари.

Он выбросил все Лерины вещи, от белья до зимней куртки. Новые они покупали вместе. К зиме он купил ей дубленку с воротником из седой лисы. Вместе с вещами он выбросил всю косметику и парфюм — его раздражала сладкая липкость ее духов, к тому же этот запах напоминал ему о Рите. Подобрал строгий классический аромат — смесь бергамота, жасмина и ветивера.

На его глазах Лера из уставшей, озлобленной девушки с погасшим взглядом превращалась в хищницу, полную сдержанной, смертоносной красоты. Лера казалась ему красивее Мари и гораздо опаснее. Мари не так ненавидела жизнь. Мари была не так похожа на него. Поэтому Мари он убил, а Лере дал новую жизнь. Может быть не ту, которую она сама хотела. Но его мало волновали ее желания.

Виктор настоял на том, чтобы сестра пошла в университет. Здесь он не вмешивался в выбор, но, когда она выбрала факультет психологии ощутил, как что-то довольно шевельнулось в его душе. Она выбрала правильно.

Жизнь постепенно наполнялась красками. Вернулся вкус кофе и табака, снова обрела значение температура воды.

Все чаще Лера засыпала с ним в одной кровати, и в ее объятиях ему удавалось спастись от кошмаров. Между ними не было ничего, кроме этих объятий, но все чаще мимолетные романы завязывались у Виктора с коротко стриженными блондинками. Он замечал рядом с сестрой высоких и светловолосых мужчин и только горько усмехался. Ему не хотелось нарушать воскресшие чувства подобной связью. Ему нужна была сестра, а не любовница.

Но после того, как он нашел утешение в любви к сестре, его стали меньше тревожить голубоглазые девушки с пепельными волосами, которых он встречал на улице.

Но весной город тонул в сирени. В первый раз Виктор просидел дома две недели, пока цветы не облетели и ветер не разнес лепестки по дорогам. На второй май в родном городе он встретил Дару.

Дару, похожую на Ришу, словно она была ее родной сестрой. Но в Даре не было и следа Ришиной покорности. Она смотрела на мир голубыми глазами цвета льда, а не весеннего неба.

Дара была хуже следа красной помады на салфетке. Она раздражала его, рушила его стылое апатичное забвение и не давала ничего взамен. Не хотела играть роль, которую он ей отвел, имела на все свое мнение и не ломалась. И ни Лера, ни книги, ни алкоголь, ни таблетки, которые он попросил у Дмитрия, не могли погасить эту вспыхнувшую злую, мутную страсть. Наверное потому, что на самом деле он вовсе не хотел ее гасить.

Звериное, черное, задремавшее в его душе, убаюканное его порочной любовью на грани дозволенного, проснулось.

Растеклось дурным, неконтролируемым желанием. Голодом, похотью и жаждой, такой знакомой, такой забытой жаждой.

Виктор не любил вспоминать Дару.

...

Роковой стала шестая весна. Почти забылась Дара и алый след, снова тянувшийся в

серых волнах. Кошмары почти перестали терзать его по ночам. Лера все увереннее играла свою роль — его умница-сестра научилась угадывать малейшие перемены в его настроении и замечать каждое его желание. Иногда она заводила себе подругу с пепельными волосами и голубыми глазами.

Виктор никогда не увлекался. Его связи с этими девушками всегда были добровольны и заканчивались парой синяков и ссадин. Жадная до чужой боли тьма, дремавшая в душе, успокаивалась и не терзала его, мутя разум. Виктора устраивали такие правила. К тому же ни одна из девушек, которых приводила Лера, не вызывала в нем того черного, безумного желания, которое стало причиной смерти Дары.

Он знал, что в мае это желание снова проснется, но был уверен, что сможет откупиться. В конце концов он мог не дожидаться согласия. Все равно рано или поздно все они соглашались — Виктор с брезгливостью заметил, что легко нравится женщинам и ему не стоит практически никаких усилий очаровать понравившуюся девушку. А потом морок спадал, но у него уже не оставалось сил на ненависть. После он никогда не общался ни с кем из своих сероволосых любовниц и не запоминал их имен.

Но той весной все изменилось. Лера наконец-то нашла ее.

Действие 2

Милорд

Мною ты был жив, а убив меня, — взгляни на этот облик, ведь это ты, — ты бесповоротно погубил самого себя!

Э. По

— Это ты? Виктор, это ты?.. — раздался рядом незнакомый женский голос.

В первую секунду Мартину показалось, что он остался в своей комнате. Вокруг было темно, только из-за плотных черных занавесок пробивался серый свет.

— Милорд?..

«Милорд?.. Он завел девушку и собачку, пока я терзался, что он кого-нибудь убьет?..» — отстраненно подумал он.

Никогда в жизни Мартин не испытывал такой сильной головной боли.

Что-то царапало изнутри, словно в голове вращался комок раскаленной проволоки. Красное, пульсирующее чувство растекалось в глазах и горле раскаленным свинцом.

Картинки. Образы. Сотни, тысячи обрывков неясных воспоминаний, утопивших реальность.

Он закрыл глаза и попытался сосредоточиться на происходящем.

— Лера?.. — прохрипел он.

Как давно он не слышал собственного голоса. Он почти не помнил, что значит «быть живым».

— Меня зовут Ника.

Сознание мутилось калейдоскопом картинок. Мартин не мог сосредоточиться ни на одной из них.

«Почему ничего подобного не случилось, когда я появился впервые?.. Может, у нас тогда еще не было той связи, что появилась потом. А может, Виктор раньше не прятался...»

— Это ты. Что с тобой, ты ничего не помнишь?.. Или у вас там есть третий?

«Третий. Третий, черт возьми. И кто же тогда второй?!»

— Пожалуйста, подожди, я... сейчас вернусь.

Мартин не пытался разглядеть говорившую с ним девушку. Он бы и не смог — еще немного, и чужая память затопила бы сознание, и он не знал, чем бы это кончилось. Но точно знал, что не хочет, чтобы его в этот момент кто-то видел.

Шатаясь, слепо шаря перед собой рукой, он вышел из комнаты. Позади раздался короткий металлический звон.

Он не чувствовал присутствия Виктора. Это значило, что у него есть время.

Мартин зашел в ванную, включил свет и заперся изнутри. Оперся руками о раковину и заставил себя посмотреть в зеркало.

На него смотрело незнакомое лицо. Повзрослевшее, вытянувшееся. Темно-серые глаза Мартина смотрелись теперь вовсе чужими.

Сколько времени прошло?..

По волосам было не понять — стрижка могла быть сделана и через пару месяцев после того, как Мартин оказался заперт. Виктор явно больше не отращивал волосы.

Выключив свет, Мартин опустился на пол и привалился к стене. Закрыв глаза и позволил чужой памяти утопить сознание.

...

Колеса серебристого седана скользили на первом льду, и Виктор вел машину медленно, стараясь не потерять управление.

Дешевая машина. Неуверенная езда. Знак «новичок» на заднем стекле. И номера, густо забрызганные дорожной грязью с обеих сторон. Через секунду после того, как машина проезжала мимо, человек уже не мог вспомнить даже ее цвет.

Виктора устраивало отсутствие лишнего внимания. Он курил в приоткрытое окно и чувствовал себя абсолютно спокойным.

Мартин почувствовал, как против воли что-то сжалось в груди — все-таки он скучал.

Лера сидела рядом. Мартин заметил, что ее волосы стали короче, макияж более сдержанным, и во взгляде, обращенном на Виктора нет прежней неприязни.

— И зачем я с тобой поехала? — поморщившись, спросила она.

— Потому что тебе это нравится, — отвечает Виктор, по-прежнему не оборачиваясь.

— Чудно. А хоть музыку мы можем сменить, твои джазовые мурлыканья бесят еще больше, чем твое пренебрежение окружающими.

— Это шансон, солнце мое.

— Шансон — это воровские песенки. Ну там знаешь, все эти «за маму и двор — стреляю в упор», «расплескалась синева» и прочие Мурки.

— Про синеву поют десантники. А шансон — музыка французских кабаре, — презрительно скривился он.

— Напомни-ка, почему я с тобой еще с тоски не повесилась?

— Потому что я пока единственный смысл твоей беспросветной жизни, солнце.

— Замечательно. Вон чертова заправка, иди ломай свою комедию... Твою-то мать! Это же мент!

Рядом с заправкой, на которую они направлялись, и правда стоял человек в милицейской форме. Он о чем-то говорил со стоящим рядом долговязым парнем в ярко-красной куртке. Под ногами парня стоял полупустой мусорный пакет.

— Это твой стимульной с пакетиком стоит?! И он сейчас треплется с ментом, еще и неподалеку от...

— Потому что «неподалеку» милиционер здесь и стоит, — прошипел Виктор, паркуя машину. — Посиди тихонько.

— Ты что, хочешь сбыть товар прямо под носом у милиции?! — Лера схватила его за рукав.

— Наглость, милая, открывает все дороги, — усмехнулся он, стряхивая ее руку и доставая из бардачка сверток, остро пахнувший горьким миндалем.

Он убрал сверток в карман, вышел из машины и направился к заправке. Спустя пару минут вышел оттуда с двумя стаканами кофе на картонной подложке.

— Молодой человек! — окликнул его милиционер.

— Да? — улыбнулся он, подходя ближе.

— У меня к вам несколько вопросов. Вы часто здесь ездите?

— Нет, не очень. Мы с сестрой выбирались за город, хотели на речке корабли посмотреть. Она воду страшно любит, — доверительно сообщил он указывая на свою машину. — Можно я только кофе выпью, а то холодно?

— Конечно. Значит, вчера...

— Все газеты уже раструбили. Такой ужас, — скривился Виктор, делая глоток из картонного стаканчика. — Знаете, я бы вот таких людей своими бы руками давил! Это же надо додуматься, такая молодая, такая красивая девочка, в газетах еще писали, что училась где-то и все ее любили, и такое чудовищное убийство.

— Да-да, если позволите... Можете ехать.

Милиционер явно хотел быстрее избавиться от бесполезного как свидетеля, но очень общительного допрашиваемого. Но Виктор, вместо того чтобы вернуться в машину, остался стоять.

— Нет, вы подождите, я вам вот что скажу. Поймите этого ублюдка, обязательно поймите! У меня сестричка боится с учебы возвращаться, каждый день еду ее встречать после работы. Никаких денег на бензин не хватит каждый день туда-обратно кататься. Вот у тебя, братец, есть сестра? Или девушка?

— Нет, — прохрипел парень с пакетом.

Судя по цвету лица, он был готов упасть в обморок.

— Вот поэтому тебе и нечего бояться, — ободряюще улыбнулся ему Виктор, бросая стакан в пакет. — Всего вам доброго.

Он подошел к машине, чувствуя обращенные ему в спину взгляды. Он знал, что один из взглядов брезгливый, а другой — полон ужаса. Главное, чтобы этот истерик не вызвал лишних подозрений.

«Может быть не стоило так наглеть...» — подумал Виктор, хотя точно знал, что он не смог бы сделать по-другому. Ему хотелось опасности. Нравилось играть с людьми, потому что только так он испытывал хоть какие-то эмоции.

Даже если бы ему не нужно было на эту заправку, чтобы оставить наркотики, он бы все равно туда приехал. Потому что...

Мартин чувствует, как где-то глубоко в сознании бьется другое воспоминание. Картинка начала блекнуть.

Виктор сел в машину и протянул Лере кофе. Она смотрела на него со смесью ужаса и восхищения.

— Ты серьезно? Весь сверток в стаканчик влез?

— Скажем так, стакан был наполовину полон, — улыбнулся он, заводя мотор.

...

Кажется, это одно из недавних воспоминаний. Мартин смутно догадывался, о чем говорили Виктор с Лерой, кроме продажи наркотиков, и эта мысль вызывала тяжелую ледяную тошноту.

...

Следующее воспоминание — Виктор, стоя на стремянке, белит потолок на залитой солнечным светом кухне. Это воспоминание не горчит и не царапает.

Он просто реализует свое стремление к порядку и приводит жилью в человеческий вид.

«И давно он торгует дурью?.. С тех пор, как связался с теми людьми, что ее изготавливают? Просто прекрасно», — с горечью подумал Мартин.

...

Воспоминания скользят и теснятся. Он не может сосредоточиться ни на чем конкретном, не может дать себе ответов на те вопросы, которые его интересуют.

Вот новое — Мартин с отвращением отталкивает его от себя, но ему это удается не

сразу. Он не видит и не пытается разглядеть лица девушки, с которой проводит время Виктор, только успевает заметить, что все происходит добровольно, и что сознание Виктора полнится чувствами, очень далекими от нежной и трепетной страсти, которые он испытывал с Ришей.

Мартин не знает человека, в которого превратился.

...

Над головой — небо, порванное звездным светом.

— Утонешь, дурак! — услышал он женский голос с берега.

Лера? Мартин уже научился узнавать ее.

Виктор перевернулся на спину, раскинул руки и хрипло рассмеялся прямо в раскинувшуюся над ним синеву.

Мартин чувствовал, что Виктор пьян. Он плыл куда-то прямо в одежде, а когда пиджак начал мешать, просто сбросил его и поплыл дальше. Скоро он перестал слышать Леру.

— Огоньки в темноте, что мне это напоминает! — выдохнул он.

Скоро силы начали оставлять его, но вместо того, чтобы повернуть к берегу, он заплывал все дальше.

— Ну что, спасешь меня? Нет? Как жаль. Я никогда не умру, Мартин. Это я никогда не умру! — выкрикнул Виктор в темноту.

Речная вода, пахнувшая тиной и железом, заливала лицо. Он полностью расслабился и начал медленно опускаться на дно.

Как когда-то в детстве. Только это не чистое лесное озеро, а река в городской черте. Только это не добрый и доверчивый ребенок, мечтающий о Правильном мире, а...

Кто он?

Виктор открыл глаза. Ничего не было видно, ни дна, ни призраков кораблей, ни далекого звездного света.

Он легко выплыл на поверхность и, отплевываясь и фыркая, будто огромный белый пес, поплыл к берегу. Лера, сидящая прямо у воды, пила что-то из горла стеклянной бутылки. Залпом, не отрываясь. Судя по форме бутылки — крепкий алкоголь.

«А ты оказался для сестры еще худшим другом, чем я для тебя, не так ли?» — с горечью подумал Мартин.

...

— Как вы жили, когда я уехал?

— Паршиво. Эта... которая наша мать... совсем руки опустила. Сумасшедшая женщина, клянусь тебе. В холодильнике пусто. Ей деньги приходят, пособия на троих детей, она их в ящик стола складывает и иногда достает. А иногда нет. Ей есть как будто вообще не надо, пьет только, и то не всегда. Зато ты не поверишь, Вик, она каждый вечер нам с Оксаной сказки читала. Придет ночью, сядет на краю кровати и читает. Еще она постоянно стирала и гладила нам одежду и заплетала косички. Я маленькая была, думала, так и надо, маму любила. По тебе очень скучала, думала, только папа у нас плохой... А потом начала понимать, что тут что-то не так. Говорю: «Мама, мы есть хотим». А она: «Потерпи, доченька, скоро все образуется». Что образуется-то?!

Лера сидела за столом на еще не отремонтированной кухне. Виктор сидел на стуле, бросив на него чистое полотенце и держал в руках чашку с чаем. Мартин заметил, что чашка идеально чистая, и в ней лежит одноразовый чайный пакетик. Виктор явно брезговал здешней посудой и всем, что не находилось в индивидуальной упаковке.

— У тебя было достаточно поводов осознать, что эта женщина плохая мать. Кстати, где она? Писала мне такие трогательные письма и даже не вышла встретить, — усмехнулся он.

— У нее какой-то очередной роман, — с презрением отозвалась Лера. — Так вот, все в общем-то с денег началось. Я начала воровать их из ящика, покупала еду и одежду, себе и сестре.

— Какие у вас отношения?

— Оксана... похожа на мать, но не такая заторможенная. И очень глупая, какие с ней могут быть отношения? Одни капризы...

— И что потом?

— Потом я начала в магазинах воровать, потому что денег не хватало, а хотелось большего.

— Совесть не мучает? — улыбнулся Виктор, доставая из кармана блистер с таблетками.

— Лучше скажи, где ты в своей деревне так башкой ударился, что тебе Дмитрий с его отравой понадобился, — скривилась Лера, вытягивая сигарету из лежавшей на столе пачки.

Виктор брезгливо посмотрел, как она стряхивает пепел прямо на стол, но ничего не сказал.

— У меня тоже было не самое счастливое детство.

— А что твой друг, о котором ты писал?

— Его нет. Никогда больше о нем не спрашивай.

— Больно мне нужны твои друзья. И сам ты... Ладно, у тебя рука тяжелая. Так вот, у меня много друзей. Неформалы, всякое мелкое жулье. Не люблю этот дом, стараюсь поменьше здесь бывать... Часто ночую... в других местах.

Воспоминание оборвалось. Мартин хотел задержать его — оно дало бы ему ответы на многие вопросы, но ничего не вышло. Следующее сдавило виски, настойчиво и жестоко.

...

Виктор держит за руку девушку в белом пуховике и ярко-красной шапке. Мартин еще не разглядел ее лица, но сердце болезненно сжалось.

Мартин помнит это прикосновение. Теплое, мягкое и доверчивое.

Когда девушка поворачивается к нему, он чувствует, как в горле сжимается тугий комок.

У нее голубые глаза, как весеннее небо после дождя. Бледная, с робкой улыбкой и пушистыми ресницами, девушка смотрит на Мартина, и он видит в ней другую, потерянную для него навсегда.

Он не сомневался, что и Виктор видел не того человека, которым она была. Когда он стянул с нее шапку перед тем, как поцеловать, Мартин окончательно в этом убедился. У нее короткие и мягкие пепельные волосы. Виктор хочет их видеть, пропускает их сквозь пальцы и улыбается. Мартин помнил, как Вик ругал Ришу, когда она снимала шапку:

«Холодно, простудишься».

Чувства Виктора накатывают волнами. Нежность сменяется глухим раздражением, затем — обжигающей страстью, а страсть — холодным, скалящимся предвкушением.

«Нет, только не это, только не опять!» — стонет про себя Мартин, но точно знает, что ничего не способен изменить.

...

Следующее воспоминание продолжает предыдущее. Мартин вздрагивает и дергается, пытаясь вырваться из этого образа, но потом усилием воли заставляет себя смотреть.

Прежде чем надеть перчатки, Виктор кончиком языка слизывает с ладони что-то

красное. Мартин чувствует сладко-соленый привкус вместе с ним. Виктор испытывает тянущую тоску и чувство тяжелого, злорадного торжества. Мартин — стылый ужас, победивший в этот момент.

Вот он, ответ на его вопрос.

Девушка лежит у кромки воды лицом вниз. Белый пуховик заляпан кровью.

Виктор, уходя с места преступления, вспоминает не последние секунды ее жизни, а их последний разговор. Он убеждал девушку написать заявление на своего брата. Он угрожал ей, принимал наркотики и часто впадал в буйство.

Мартин нашел в себе силы вырваться из водоворота чужой памяти и зажать рот ладонью, чтобы не выдать себя. Хотелось кричать, выть от ужаса, катаясь по кафельному полу ванной. А потом — вскрыть вены в этой же ванной, как только руки перестанут дрожать.

Виктор снова кого-то убил и снова подставил вместо себя другого человека. Обрывочное воспоминание, кусок чужой мысли, но для Мартина картина ясна. Все повторяется. Мертвая девушка у воды, невиновный в ее смерти человек, которого в этом обвинят. Только на этот раз никаких оправданий его поступку нет, никакой мести и попытки кого-то спасти. Теперь это жестокость и ничего больше.

Мартин включил свет и снова посмотрел в зеркало. Посеревшее лицо, искусанные до крови губы и мокрые волосы. Так выглядит совесть убийцы.

Он почувствовал, как по горлу желчью поднимается обжигающее чувство вины.

Это он во всем виноват. Его воспитание, его халатность, его слепая преданность своему другу и нежелание видеть в нем монстра до последнего. До момента, пока не стало поздно что-то исправлять.

Он включил холодную воду и сначала долго пил, пытаясь смыть воспоминания о привкусе чужой крови, а потом умыл лицо и машинально провел мокрой рукой по волосам, зачесывая их назад.

Мысль, загоревшаяся в опустошенном сознании, вызвала новый приступ панического ужаса.

Был вопрос, к ответу на который он вовсе не приблизился.

Что за девушка, чей голос он слышал в темной комнате, и кто такой «Милорд», о котором она говорила?

Мартин никогда всерьез не задумывался о том, что в больном разуме Виктора может появиться еще один человек. В конце концов, если он пил таблетки, позволяющие не слышать Мартина, то и третьему было неоткуда взяться. Даже обрывочных знаний Мартина о медицине хватило, чтобы это понять.

Но рассуждать было некогда. Выйдя из ванной, он вернулся в комнату. В ней все еще царил привычный ему полумрак.

Стоя в дверях, он разглядел очертания шкафа, письменного стола, кресла и двуспальной кровати. Комната казалась пустой.

— Ника?.. — тихо позвал он.

— Я здесь, — раздался голос из-за кровати.

Он включил свет.

— Ты ведь не любишь, когда светло, — с удивлением отозвалась она.

«Потрясающе. Я не люблю, когда светло. Или „он“ не любит, когда светло. Так себе мотылек», — с раздражением подумал Мартин, подходя к кровати.

— Скажи мне, где ключи? — ровно спросил он, чувствуя, как ужас сменяется черной смолянистой ненавистью.

Наверняка сейчас и его комната полнится багровыми вспышками.

— У тебя в нагрудном кармане рубашки, как обычно, — удивленно ответила она.

У нее удивительное лицо. Высокие скулы и острый подбородок, огромные темно-серые глаза. Длинный, тонкий нос, красиво очерченные полные губы. Длинные пепельные волнистые волосы. Но за деталями, за внешним сходством таятся различия, которые делают ее совсем не похожей ни на Ришу, ни на кого-то, кем она могла бы стать.

У девушки, сидящей на полу, тяжелый взгляд, словно у крысы, загнанной в угол и готовящейся к последнему прыжку. Но когда она смотрит на него, Мартин с ужасом замечает, как этот взгляд теплеет.

Но ни ее волосы, ни ее взгляд не имеют такого значения, как то, что за правое запястье она пристегнута к батарее.

— Где твои документы? — спросил Мартин, торопливо опускаясь на колени и расстегивая наручники.

— Он их сжег, ты же...

— Где он хранит деньги?

— В ящике стола, второй ключ... Я же не раз говорила тебе, что никуда не пойду. Зачем ты опять...

— Еще как пойдешь, — прорычал он, рывком выдвигая ящик.

Сверху лежит ежедневник в черном кожаном переплете и кипа бумаг, среди которых Мартин с удивлением заметил свое письмо, мятое и пожелтевшее. Его явно не раз перечитывали. Некоторые слова были слегка стерты, будто кто-то проводил по ним пальцем. Мартин успел заметить слова «люблю», «всегда в тебя верил», «не предавай меня» и «прощай». Он брезгливо отбросил письмо и ежедневник.

— Где чертovy деньги?!

Он не заметил, как его начала бить крупная дрожь. Смесь бешенства и страха толчками разливалась в крови.

Эта девушка будет следующей, кто окажется с перерезанным горлом на берегу реки?

Под бумагами обнаружилось десятка два одинаковых блистеров с таблетками.

«Виктор болен?.. Ах да, он же болен мной», — с ненавистью подумал он, отбрасывая таблетки.

На самом дне ящика лежало портмоне. В нем — несколько бумаг, карточек, водительские права и деньги.

Мартин успел заметить, что на правах фотография Виктора и чужое имя. Но сейчас у него не было времени рассматривать бумаги. Он достал деньги и повернулся к Нике. Она сидела на краю кровати и с тоской смотрела на него снизу вверх.

— Тебе не надоело?

— Что?..

— Ты не в первый раз пытаешься меня выставить. Я никуда не пойду. Я тебя не брошу.

— Я не знаю, какого черта Виктор здесь устроил, и почему его это перестало помещаться в Виконта и ему потребовался Милорд, но если ты сейчас не возьмешь деньги, не оденешься и не уйдешь из квартиры — я выставлю тебя силой. Иди в милицию, скажи, что этот человек — убийца, и у него полная квартира наркотиков. Я бы пошел сам, но боюсь не дойти.

— Если ты выставишь меня — я буду сидеть под дверью, пока Лера не вернется и не выпустит меня обратно, — улыбнулась ему Ника.

— Тебе доставляет удовольствие сидеть на холодном полу, пристегнутой к батарее?! Сколько это продолжается?!

— Несколько лет.

— Что он... с тобой делает?

— Послушай, это не имеет никакого значения. Ты писал мне письмо, помнишь?

Мартин медленно сел на пол, вцепившись в мятые купюры. Разжал пальцы, и ворох разноцветной бумаги укрыл его колени.

У него не осталось сил стоять. И говорить что-то правильное, отрезвляющее и злое, правильное в этой ситуации.

Он действительно написал письмо. Смутно помнил зачем — он словно был пьян. Не помнил, что писал. Может, это письмо было нужнее ему, а не ей — она-то должна была выкинуть глупую записку от незнакомого человека, а ему было не с кем поговорить перед смертью.

Поговорил.

— Почему «Милорд»? — тихо спросил он, понимая, что ответов на волнующие его вопросы никто давать не собирается, и надо начинать издалека.

— Ты как-то сказал, что Виктор звал себя Виконтом. Ты тогда не признался мне, как он тебя звал, только сказал, что твое имя начиналось с «М». Я тогда сказала, что ты будешь Милордом, а ты ответил, что в этом имени скрывается слово «милосердие»...

«В этом имени скрывается чей-то эгоцентризм», — мелькнула раздраженная мысль.

— Я же рассказывала это все около месяца назад. Я совсем запуталась в ваших играх, — тихо сказала ему Ника, опустившись рядом на колени.

Мартин смотрел на нее и жалел, что не послушался и не выключил свет. Белоснежный и беспощадный, словно солнце, отраженное от снега, этот свет не скрывал того, с какой нежностью Ника смотрела на него.

Он не мог понять, что за партию разыгрывает Виктор. Не мог понять, как ему себя вести и что делать. И, самое главное, как убедить уйти девочку.

«С возвращением, Мартин».

Он совсем отвык от этого голоса. В нем больше не слышалось ни одной знакомой интонации. Голос холодный, злой и почему-то очень усталый.

«Ну здравствуй».

«Тебе пора домой. Мы потом поговорим», — пообещал ему Виктор, и мир вокруг опрокинулся, а когда стал на свои места, Мартин оказался в своем проеме.

Он наблюдал, как Ника, тоскливо глядя на Виктора, протягивает ему руку. Он покачал головой и начал собирать рассыпанные по полу купюры. Ника осталась сидеть, не сказав ни слова, но Мартин заметил, как она смотрит на Виктора.

Ему стало страшно. Никогда еще он не видел на женском лице такой искренней и глубокой ненависти.

Действие 3

Не сейчас

*Я мертв, — подумал он. — Меня убили, хотя я все-таки живу.
Мое тело мертво, оно стало болезнью, и никто об этом не
узнает.*

*Я буду ходить среди людей, но это буду не я, это будет что-то
другое, что-то насквозь дурное и злое, такое большое и такое злое,
что трудно поверить, вообразить.*

*Это что-то будет покупать себе ботинки, пить воду и даже,
может, когда-нибудь женится и совершит больше всего зла на
свете.*

Рей Брэдбери. Лихорадка

Виктор вышел в темный коридор, захлопнув за собой дверь. От него исходила смесь раздражения и страха. Мартин не мог понять всех его чувств, но не особо и пытался — он точно знал, какие чувства сейчас исходят от него самого. Желание свернуть воспитаннику шею, и себе вместе с ним, было самым ярким. Все остальные так или иначе с ним связывались.

Виктор заглянул в соседнюю комнату. Мартин успел увидеть сидящую на диване перед телевизором немолодую женщину в пестром халате и светловолосую девушку в кресле.

— У меня дела, — коротко бросил он, закрывая дверь.

«В этом доме столько людей, и никого не смущает эта девочка, пристегнутая к батарее?» — с ненавистью подумал Мартин.

«Ты не представляешь себе, на сколько вещей закрывают глаза люди, живущие в этом доме», — неожиданно отозвался Виктор.

Мартин почувствовал его усталость и презрение. Ему нечем было ответить, кроме глухой злости — все добрые чувства растворились в тех обрывках реальности, что он успел увидеть.

«Тебе удобнее в темноте или при свете?»

«При свете».

«Хорошо».

Виктор щелкнул выключателем. Теплый желтый свет залил кухню, осветив гарнитур из темного дерева, стол, застеленный чистой клетчатой скатертью и светло-серые занавески из плотной ткани, целиком закрывающие оконный проем.

«Неплохо устроился».

Виктор только неопределенно пожал плечами.

— Я так и не научился нормально пользоваться туркой, — будто извиняясь, сообщил он, нажимая несколько кнопок на серебряной кофеварке.

«Ты что задумал?»

— Я варю тебе кофе, Мартин. Когда-то ты любил кофе.

«Тебе не кажется, что с тех пор что-то изменилось?»

— Ты полюбил чай? — усмехнулся Виктор. — Или смирился с общей

несправедливостью? Разлюбил корабли?

Мартин промолчал.

Виктор тяжело вздохнул. Подвинул стол ближе к окну, поставил рядом стул, налил полную чашку кофе, а потом вышел с кухни в коридор и снял со стены большое круглое зеркало. Вернувшись, он поставил зеркало на стол, прислонив его к стене. Поставил напротив стул.

— Хочешь... еще чего-нибудь?

«Ответов. Впрочем, я их и сам могу получить».

— Вряд ли, — вздохнул Виктор со вздохом доставая из кармана наручники.

Защелкнул браслет у себя на запястье. Протянул руку в батарею и застегнул вокруг нее второй.

— Ты слишком импульсивен, друг мой. Давай отложим твои голодные взгляды, обращенные на кухонные ножи до лучших времен?

— А у нас будут лучшие времена? — спросил Мартин, занимая место Виктора.

Он смотрел в зеркало и видел там лицо Виктора, но с темно-серыми глазами и настороженно-выжидающим выражением. Спустя пару минут он увидел в зеркале себя — Мартин давно понял, что, если долго вглядываться в бездну отражения, можно в конце концов разглядеть свое лицо. Затем он снова увидел Виктора, но уже такого, каким он был на самом деле. Белоглазого и незнакомого ему.

— Будут. У тебя будут, — ответил он.

— Я в этом сомневаюсь.

— Ты не понимаешь...

— Виктор, у тебя женщина к батарее пристегнута. Зовет тебя Милордом. Если это не предел, то я чего-то не понимаю в этой жизни.

— Это не предел, — усмехнулся Виктор. — Послушай. Я совершил ошибку, и я очень рад, что могу ее исправить. Мне не стоило пытаться... Мне не стоило так с тобой...

Мартин с удивлением заметил, как изменилось его лицо. Сошло высокомерие, прилипшее, словно маска, исчезла презрительная усмешка, и из-за взрослого, злого и незнакомого лица показался Вик, такой, каким он был до бегства Риши.

— Это не имеет значения. Послушай, я многое мог бы понять, но твои игры... что ты делал с этой девушкой... как она назвалась... как ее зовут?

— Ее зовут Вероника. Вероника и Виктор, «Несущая победу» и «Победитель», неправда ли мило...

— Нет. Скажи мне, что с ней не так и почему она не хочет уходить? Что ты с ней сделал?

— Я? С ней сделал... Я ей соврал.

— И что же ты сказал? — спокойно спросил Мартин, отпивая кофе.

Кажется, он успел забыть этот вкус.

— Я сказал ей... — Виктор задумался.

Мартин почувствовал, как калейдоскопом начали сменяться эмоции — злость, чувство вины, презрение, горечь, снова злость, снова вина, а потом — теплое и мягкое ощущение любви. Смирение.

— Смотри, — просто ответил Виктор.

Мартин поставил чашку на стол и закрыл глаза.

...

Виктор сидел на полу посреди только что отремонтированной комнаты. Перед ним стояла белоснежная овальная фарфоровая пепельница. Он курил, не глядя стряхивая в нее пепел, и чувствовал, как изнутри нарастает, давит и царапает истерический смех.

Ламинат из тонких кремовых дощечек, белоснежная штукатурка на стенах, кремовые плинтусы и потолки, окно, на котором пока не было ни жалюзи, ни занавесок. Рама окна была из темного дерева, резко контрастирующего с белоснежным интерьером. Мартин узнал эту комнату — в почти такую же Виктор попадал после того, как менялся с ним местами. Несколько секунд он разглядывал комнату, сравнивая ее с той, что видел сознании Виктора. Особенно его заинтересовало окно.

В той комнате давно почти не осталось белого цвета.

Виктор помнил, когда появилась на белоснежной стене первая струйка черной крови. Мартин тогда зарезал свинью. Воспоминания горчили и тянули мучительной тоской. Хотелось выть и биться головой об этот чистый, белый ламинат, лишь бы вытрясти все воспоминания, жгучие, жалящие и такие недостижимые.

«Что я сделал?!»

Мартина не было слышно. Он не чувствовал его присутствия, и мир вдруг посерел. Мартин не любил его и раскаленной искры под сердцем не стало, а вместе с ней не стало и красок.

— Ну, что с тобой такое, дружочек?

Лера стояла в дверях, держа в руках две белоснежные кружки. Она обрезала волосы под каре и на ее лице не было косметики. Мартин заметил на ней бархатный темно-зеленый жакет. Он усмехнулся про себя, но не стал делать никаких выводов.

Виктор улыбнулся ей и протянул руку. Мартин почувствовал, как колыхнулось в измученной душе что-то теплое и мягкое.

— Приятные воспоминания.

Лера подошла к нему и провела рукой по его волосам. Он, поймав ее за запястье, прижался к ее ладони щекой.

— Ты от приятных воспоминаний сидишь и смеешься, как умалишенный?

— Именно так.

Фыркнув, Лера села напротив него. Взяла за руки, вложив в них чашку.

— Все и правда изменилось, когда ты вернулся. Мне всегда казалось, что ты способен навести порядок в нашей жизни. Даже мама почти не пьет, смотрит на тебя с таким умилением...

— Не говори мне про маму, — скривился он.

Лера улыбнулась. Ушел из ее внешности отпечаток озлобленной затравленности, будто стек с кожи вместе с вульгарным макияжем. Если и горел на ее лице след пощечины, то она умело это скрывала. Кажется, Виктор и правда смог принести в этот дом гармонию и покой. Но не смог принести его в свою душу — он отчаянно тосковал.

Виктор думал о том, что все могло бы быть по-другому. Что они с Мартином перемыли бы все окна, переклеили бы обои и повесили чистые занавески. Мартин бы подружился с Лерой сразу, он нашел бы теплые слова и правильную улыбку, и ни за что не поднял бы на нее руку. В доме бы не было столько денег, сколько есть сейчас, не было бы дорого ламината и штукатурки. Все было бы просто, честно и правильно, как Виктор всегда и хотел.

Но он выбрал другую дорогу.

Он оказался гораздо хитрее, расчетливее и удачливее своих коллег. Если другие

работавшие с Дмитрием быстро попадались с очередной партией и отправлялись в тюрьму, то Виктор, подходивший к любой задаче творчески и обстоятельно, до сих пор не привлекал к себе ненужного внимания.

Он думал о том, что Мартин бы ни за что не одобрил такого способа заработка. Ни за что не одобрил бы способы тратить эти деньги, ведь они не ограничивались ремонтом квартиры.

Лера взяла его за руку, нарушив прикосновением течение безрадостных мыслей.

— Послушай, тебе правда это нужно? Я помогала тебе, как ты просил, но я не вижу, чтобы ты был счастлив.

— Мне это нужно. Давай не будем об этом, — отрезал он.

— Ладно. Хорошо. Тогда скажи мне, милый брат, среди твоих бесконечных имен и кличек есть что-то на «М»?

— Что?..

— Письмо пришло. Кому-то «М». Я внутрь заглянула, там мужчине адресовано, и судя по стилю, это вряд ли писали маминому Марату.

— Ну давай посмотрим, — усмехнулся Виктор, протягивая руку.

На желтоватой бумаге был нарисован журавль. Огромная белоснежная птица, изогнув шею, обнимала крыльями небольшое свободное пространство в центре листа. Там и было написано короткое послание. Для Виктора эти слова ничего не значили. Он мог поклясться, что никогда не писал ничего, на что можно было бы ответить подобным образом.

Но он точно знал, кто мог писать.

Мартин. Это он протянул из темноты руку, чтобы привычно коснуться его, а потом сжать теплые пальцы на его горле. Мартин, которого было так легко любить, даже не видя и не зная его.

Сам Мартин ощутил, как что-то липкое шевельнулось в душе Виктора, тщательно задавленное и явно скрываемое.

Похожее чувство возникало у него, когда он думал о сестре. Мартин пообещал себе разобраться с этим позже.

Между тем комнату начал завлакивать туман.

...

Мартин, усмехнувшись, сделал глоток из чашки с холодным кофе.

— А теперь — правду.

— Что?

Виктор казался возмущенным, но Мартин не верил его лицу.

— Послушай, я знаю тебя всю свою жизнь, с самого твоего детства. Неужели ты правда считаешь, что сможешь продать мне свои стерильные фантазии за реальность? Или ты пробуешь, чтобы понять, можно меня обмануть или нет?

— Как ты понял?

— В окне был белый свет. И больше ничего. Я досмотрел, что ты хотел мне показать, а теперь, будь так добр, скажи мне правду.

— Правда, Мартин... Ты не хочешь знать правду.

Мартин улыбнулся. Поставил чашку на стол и подался вперед. Он успел заметить, как отражение отшатнулось от него прежде, чем комната опрокинулась.

...

Впервые Мартин встретил сопротивление при попытке что-то узнать, и впервые это не

имело для него никакого значения.

В хаосе памяти пронеслись обрывки воспоминаний, подавленных, забытых, интимных и поверхностных, ярких и почти поблекших. Многие из них были важны и давали ответы на вопросы, которые Мартин задавал себе с той самой минуты, как выбрался из застенка сознания Виктора. Но он отметал их, успев только едва коснуться — ему нужна была другая память.

Но даже из этого калейдоскопа красок и эмоций Мартин успел почувствовать, каким человеком стал Виктор. Эмоции растекались градиентом — от ледяной жестокости, от физической жажды причинения боли, похожей на забивший горло и исцарапавший пальцы песок, до смолянистой тоски, заливающей сознание. От нее рождался в груди животный вой, и вырывался из горла придушенным хрипом. Мартин никак не мог подавить в себе сочувствие, когда ощущал такое отчаяние. Что-то рвалось в нем, сжатое за горло ледяными пальцами долга и морали, придушенное реальностью, и все же неистребимо бьющееся в сердце.

Но были другие воспоминания, утопившие любовь черным и обжигающим.

...

Девушка в белом пуховике и красной шапке. Ее зовут Дара, и она не любит, когда ее зовут Дашей. Она похожа на Ришу, словно ее родная сестра. Виктор не любит ее. Не может заставить себя любить, и все чаще испытывает раздражение, чувствуя, что заменяет то, что ищет подделкой. Он всегда был чувствителен к любой лжи, и это колючее ощущение неотступно преследует его, когда Дара рядом.

Воспоминание — поцелуй в неверном свете уличного фонаря, девушка счастливо улыбается и смахивает пушистые снежинки с ворота его пальто. Виктор прижимает ее к себе и впервые думает о том, что ненавидит эту девушку. Что она лжет ему самым своим существованием.

Мартин не мог понять, где в этом хаосе кончаются воспоминания о прошлой жертве и начинаются воспоминания о новой. Он хотел знать, что случилось с Дарой, но ему уже был известен конец истории — Виктор убил ее. Мартин видел его стоящим над телом на берегу реки. Видел, как в серых волнах растекался красный цвет.

Эти воспоминания были ему нужны. Он тоже был виноват в смерти Дары, как человек, воспитавший убийцу и не сумевший ему помешать.

Но сейчас настоящее значение имели другие воспоминания. Что за странная девушка по имени Ника, не желающая бежать из этого стерильного белого ада.

...

Новое воспоминание — Дара что-то кричит ему. Ее лицо искажено настоящей, неподдельной злостью, и по лицу текут слезы, смешанные с тушью, отчего кажется, что девушка плачет смолой. Она срывает с шеи кулон на серебряной цепочке — Мартин успевает разглядеть серебряную веточку лаванды с лиловыми камнями. Успел заметить, что Даре не идет этот цвет. Его всегда любила Риша, а Дара, хоть и была на нее похожа, оказалась совсем другим человеком. Ярче, жестче, импульсивнее, без Ришиной мягкой виктимности.

...

Следующая картинка снова слишком интимна, чтобы на ней останавливаться, но Мартин успевает заметить, что Дара закрывает глаза, а Виктор пристально вглядывается в ее лицо и улыбается. Мартин чувствует, как улыбка давит на скулы и обнажает зубы. Он знает

эту улыбку — она меньше всего подходит моменту и напоминает животный оскал.

...

Новое воспоминание, только теперь не о Даре. Виктор сидит в кресле в углу комнаты и курит, стряхивая пепел прямо на пол. Перед ним, на углу незастеленной кровати сидит женщина, которую Мартин узнал с большим трудом. Болезненно худая, с изможденным лицом, которое она не пыталась скрыть косметикой, с волосами в которых виднелись частые пряди седины. Волосы были убраны в неряшливый узел на затылке. Но гораздо больше Мартина насторожило то, как она была одета. На ней мешком висело темно-зеленое платье в крупный белый горох. Платье на талии было перехвачено широкой белоснежной лентой, а под широкой юбкой-солнцем виднелся жесткий подъюбник. Женщина будто пыталась выглядеть образцовой домохозяйкой с американских плакатов пятидесятых, но была похожа скорее на городскую сумасшедшую.

— Я вернулся, ты права, — Виктор, видимо, продолжил начатую ранее фразу. — Послушай, я буду с тобой честен. Как и с остальными... членами этой... семьи. — он ядовито усмехнулся, щелчком отправив окурок под кровать, и достал из пачки новую сигарету. — Мне не нужен глянec, что ты пытаешься навести. Не нужно варить кофе по утрам, звать меня «сынок», и эту жуткую тряпку можешь убрать обратно в шкаф, и ностальгически вздыхать по ней сколько угодно, только ради всего святого, не надевай ее на себя. Она отвратительна. И она не сделает тебя моей матерью. Не сделает тебя женщиной. Зачем ты сейчас пытаешься натянуть на себя образ, который не даже не представляешь?

— Сынок, — шепчет женщина, подаваясь вперед.

— Я же сказал тебе — не зови меня так, — устало отозвался Виктор.

...

Новое воспоминание зажигается, едва успеваet погаснуть старое.

Виктор стоит посреди книжного магазина и задумчиво разглядывает ежедневник в черном кожаном переплете. Мартин узнает его — он видел его в ящике стола. Под ежедневником он держит книгу с огненно-красной бабочкой на обложке. «Коллекционер» Фаулза.

Кивнув своим мыслям, Виктор оборачивается. Лера стоит у соседнего стеллажа и, поймав его взгляд, показывает ему две книги. «Тошнота» Сартра и «Чума» Альбера Камю. Он, усмехнувшись, указывает на Сартра.

...

Следующее воспоминание.

Лера сидит в кресле на кухне, положив ноги на стол, и курит, выпуская дым в потолок. На ней черный кружевной жакет и простое платье-карандаш. Мартин замечает, что одежда стала гораздо сдержаннее, чем при их первой встрече, но в ней чувствовалось стремление к эпатажу и вульгарности. Вот только непонятно, Виктора или ее собственное.

— Чего ты хочешь? — спрашивает ее Виктор.

Он сидит на полу. Перед ним стоит почти пустая бутылка коньяка и стакан со подтаявшим льдом.

— Смысла. Я на многое была готова, но никогда толком не понимала, зачем. Знаешь, я ведь надеялась, что ты вернешься. Каждый день ждала, что дверь откроется и ты зайдешь. Что мы снова станем... семьей. Без тебя все рассыпалось, развалилось... Сначала я решила, что ты не успел вернуться и настала зима. Но ты вернешься к осени — ты ведь должен пойти в школу, и я почему-то вбила себе в голову, что ты пойдешь здесь... Но в сентябре ты не

вернулся, и я тогда уже понимала, что мои фантазии... несбыточны. Ты мне писал, и я хранила все твои письма. И придумывала новые и новые причины, почему ты не возвращаешься.

Лера оторвала взгляд от потолка и посмотрела на него. Когда она держала голову запрокинутой, ей удавалось сдерживаться, но сейчас слезы частыми каплями потекли по щекам, падая на черное кружево жакета. Мартин никогда не видел, чтобы кто-то как плакал. У нее не покраснели глаза, и выражение лица почти не изменилось. Только слезы текли по лицу, и глаза стали совсем черными. А может, Виктору только казалось.

— А потом ты перестал писать. Я так злилась... была в отчаянии. Решила, что мне никто не нужен. Ты не нужен, и вся эта... семья... моя сестра, которая ходит за мной хвостом и говорит глупости, мать больная на голову и любовь кого-то... Знаешь, Вик, ты всегда умел сделать так, чтобы мир был правильным. Я помню в детстве... ты рассказывал мне что-то, вечером. Было страшно, там отец храпел в соседней комнате, мне казалось, это кто-то рычит. А ты сказал мне... сказал: «Не бойся. В темноте нет ничего страшного. Смотри». И провел рукой в воздухе, и я могу поклясться, что видела искры... Такое детское теплое воспоминание... радужные искры в темноте... и больше не страшно.

Теперь она плакала по-настоящему, не сумев сдержаться. На лице ее расцвели красные пятна, а красивые губы, подведенные бежевой помадой, дрожали, как она не старалась их прикусывать.

Виктор смотрел на нее мутным взглядом и чувствовал, как по горлу поднимается едкая желчь. Ему хотелось подойти к сестре и свернуть ей шею. Чувства, которыми отзывался ее рассказ, были больше всего похожи на ненависть. Будто она обвиняла его в чем-то. Укоряла этими слезами, этими словами про искры в темноте.

Слова теснились в горле, просясь наружу, и каждое жалило, будто пчела.

«Что я мог сделать, прийти к тебе пешком?!»

«Что ты знаешь о темноте?!»

«Не хочешь послушать, что было со мной все эти годы?! Что было со мной?.. Огоньки в темноте. Он рисовал... в темноте... огоньки».

Виктор встал с пола и, шатаясь, подошел к столу, уперевшись руками в его край и нависнув над Лерой. Он взял ее двумя пальцами за подбородок и приблизил к ней лицо.

— Мне не нужна была твоя любовь все эти годы, — выдохнул он ей на ухо слова, перемешанные с перегаром.

Лера, всхлипнув, попыталась отстраниться, но Виктор крепче сжал пальцы. Он был полон одного желания, мутного, почти звериного инстинкта, похожего на возбуждение и на голод одновременно. Ему хотелось причинить боль.

Она доверилась ему, открылась, показала свою слабость, и сейчас плачет, не в силах держать себя в руках. Ждет от него понимания, ждет поддержки. Значит, ее легче всего уязвить. Ему показали самое больное место, кровоточащую рану, в которую можно погрузить пальцы. Он почти чувствовал вкус крови на языке, а обострившееся, почти животное обоняние било по самым темным инстинктам: она боится. Ее лицо так близко, что ощущался запах пудры.

«Огоньки в темноте. Ее Мартин ее предал», — вдруг мелькнула прохладная, полная усталости мысль.

— Не нужна была. Теперь... теперь нужна. Прости меня, — хрипло прошептал он, обнимая сестру.

И в этом жесте не было ни двусмысленности, ни угрозы. Лера тихо всхлипывала, уткнувшись ему в плечо, а он гладил ее по спине, и шептал приходящие из ниоткуда слова утешения. Правильные и теплые, такие, какие умел находить Мартин. И почему-то в этот момент Виктору было мучительно страшно. Но нежности и любви в его сердце было гораздо больше. По крайней мере, сейчас.

Воспоминание погасло.

...

Мартин понял, почему ему не удавалось найти то, что он искал. Виктор попросту прятал от него эти воспоминания, в отчаянной попытке скрыть правду и отвлекая его тем, на чем он не мог не задержаться.

Мартин усмехнулся — не только Виктор умеет играть в эту игру. Он не знал, сидит он сейчас на стуле перед зеркалом или склоняется над проемом, слепо шаря руками в темноте, да и это не имело значения. Не знал, сколько продлится его власть над чужой памятью.

Значение имела лиловая вспышка где-то в этом ворохе.

Нашел. Теперь главное успеть.

...

Знакомая ему белая комната, такая же, как та, что нарисовал Виктор в своем воображении. И Лера правда рядом с ним, только она прижимает к лицу полотенце, покрытое расплывшимися красными пятнами.

— Зачем ты вообще с ним связалась? — неприязненно спрашивает ее Виктор, стряхивая пепел в белоснежную овальную пепельницу.

— Я думала, он меня любит, — отозвалась Лера. Ее голос был приглушен полотенцем, и говорила она в нос.

— Дура, — просто сказал Виктор. — Когда ты наконец-то перестанешь искать себе какое-то агрессивное быдло, которое не стесняется бить тебя по лицу?

— Ох, прости братик, ты задал слишком высокую планку, до нее немногие дотягивают, — выплюнула она.

— Я хоть раз так тебя бил?

— Нет.

— Тогда заткнись и подумай, что ты делаешь со своей жизнью. Я, конечно, спущу его с лестницы, но, если честно, мне надоело. К тому же из-за твоих ухажеров мне приходится подставляться. Если хоть один из них окажется немного умнее табуретки — у меня могут возникнуть проблемы.

— Значит, буду продолжать выбирать не умнее табуретки, — процедила Лера.

— Учти, женщинам не идут сломанные носы, — пожал плечами Виктор. — Скажи мне лучше, ты ее нашла?

— Эту, которой твой друг писал письмо? Да, нашла. Лучше бы ты, конечно, этим сразу озадачился, а не через год. Но я нашла ее. Отец этой девочки, кстати, тебя помнит — он курил тогда в подъезде, сказал, что помнит мальчика в черном пальто, который хохотал, как сумасшедший рядом с почтовым ящиком.

— А ты, милая сестра, имеешь удивительное влияние на мужчин всех возрастов, не так ли? — усмехнулся Виктор.

— Я с ней познакомилась, — продолжила Лера, проигнорировав пассаж. — Понятия не имею, зачем она тебе сдалась, разве что это твое большое пристрастие к пепельно-русым?

— А она — пепельно-русская? — равнодушно спросил он.

— Ага. Какая-то там художница, куча загново. Тебе, наверное, не подойдет — ты же любишь, чтобы глазки беспомощные и мордашка слезливая. А эта на крысу похожа. Глаза огромные, серые, не голубые. Нос такой, длиннющий и тонкий... Взгляд тяжелый. Очень тяжелый. Не трогал бы ты ее, мой тебе совет.

— Если бы ты разбиралась в людях — не сидела бы сейчас с разбитым носом, — отрезал Виктор.

— Мне разобьют нос. А эта девка отрежет тебе башку и не поморщится. Одевается как хиппи, а смотрит как Чарльз Мэнсон, — мрачно предрекла Лера.

Розовые капли срывались с полотенца на белый пол. Когда Лера убрала лед от лица, Мартин заметил, как несколько капель крови упали на ламинат, оставив отпечатки, похожие на красные цветы.

— Она гуляет в парке у городского пруда по вечерам. Что-то там рисует, какой-то закуток, я так ее и не поняла. Она мне словно не о своей работе рассказывала, а технику безопасности читала. Но я так поняла, что «лучший свет там в семь вечера». Удачи тебе и, если соберешься вскрыть ей горло — постарайся успеть до того, как она сделает это с тобой.

...

Следующее воспоминание — Виктор стоит вечером в парке у пруда, у самой кромки воды. Ранние осенние сумерки сделали воздух голубым, а воду — черной. Фонари светили тревожным оранжевым светом и ветер подхватывал этот свет, растирая его ржавыми бликами по поверхности пруда.

Он что-то сжимал в кармане пальто, словно талисман. Что-то твердое и теплое с острыми уголками, к одному из которых Виктор часто прикасается кончиком пальца. Это книга. Мартин не пытается выяснить, но, кажется, он знает, какая.

Виктор, не отрываясь, смотрел на девушку, стоящую на другом берегу пруда. Рядом с ней стоял мольберт, и все ее внимание было поглощено картиной, которой она изредка касалась кистью. Мартину показалось, что девушка смотрит на мир через собственную картину, и не видит пруда, раскинувшегося перед ней — только его отражение на холсте. Но стоило ему об этом подумать, как она подняла глаза и посмотрела на Виктора. Мартин почувствовал, как бешено заколотилось сердце.

Она смотрела на него несколько секунд, а потом снова опустила глаза к мольберту.

В этот момент реальность рывком опрокинулась и воспоминание оборвалось.

...

Виктор пришел в себя лежащим на полу рядом со стулом, на котором сидел. На светлом ламинате перед его лицом отчетливо виднелись широкие полосы размазанной крови. Рядом в луже разлитого кофе лежала чашка, расколовшаяся пополам.

— Что ты за человек, Мартин, — прохрипел он, проводя рукой по лицу.

На ладони остался красный след. Кажется, кровь шла носом.

— Мартин? Ты меня слышишь?

Он почти не чувствовал правую руку. Падая, он чудом не вывихнул ее, но она затекла, а кисть приобрела нездорово-бледный оттенок.

Мартин не отзывался. Виктор вообще не чувствовал его присутствия.

— Надорвался? Молодец. Ты был идиотом всю жизнь, Мартин, им и помрешь. Если уже не помер, — тяжело вздохнул он, вставая с пола.

Мир расплзался пятнами, а сознание мутила тяжелая пульсация тошноты. Стоило ему встать, как кровь из носа частыми каплями потекла на рубашку. Он, грязно выругавшись,

зажал нос манжетой.

— Хорошо, мы пойдем другим путем, — проворчал Виктор, пытаясь трясущимися руками попасть в замок наручников.

— Эй, ты там живой? Оксана сказала, ты третий час как на кухне заперся! — раздался за дверью голос Леры.

— Не очень. Скажешь ей — пусть помоеет пол, — прохрипел Виктор, открывая дверь.

— Ты что, все-таки присел на Димину дурь? — скептически спросила Лера, глядя на его лицо.

— Нет, у меня были тяжелые самокопания, — ядовито выплюнул он, отодвигая ее в сторону.

— Мою любимую чашку разбил, ну и кто ты после этого! — донесся расстроенный возглас.

Он не слушал. Зайдя в ванную и не включая свет, Виктор заперся изнутри и открыл кран с холодной водой. Потом, не раздеваясь, лег в ванну и закрыл глаза.

Холод помогал очистить мысли. Позволял держать себя в руках.

Что Мартин видел не имело большого значения. Главным было то, чего Мартину не удалось увидеть.

Годы борьбы с собой научили Виктора контролировать приступы. Срывов почти не случалось, но сейчас он был близок к тому, чтобы не выдержать. Хорошо, что у Мартина первым кончились силы. Он не должен видеть.

Не сейчас.

Глухо застонав, он закрыл лицо руками. Ладони были мокрыми и холодными, рубашка липла к коже, а изнутри нарастала частая, истерическая дрожь.

Когда Мартин узнает, что он сделал — возненавидит его. Он уже готов убить себя вместе с ним, а ведь Мартин пока знает только часть правды. Виктор чувствовал, что Мартин сомневается. Что он все еще любит его, хоть и пытается задавить в себе это чувство. Мартин, для которого долг всегда был выше собственных чувств, все еще отзывался, чувствуя его отчаяние.

«Как все запуталось. Как перемешалось... Почему я оказался здесь? Как дал загнать себя в эту ловушку, и где из нее выход? Ты говорил, что я всегда смогу выбирать, Мартин. Но что делать, если настал момент, выбора у меня не осталось? Ты никогда не верил, что этот момент придет, верно?» — думал он, смывая с лица кровь.

Но он пришел.

«Ты ведь все равно узнаешь, верно, Мартин? Ты всегда узнавал...»

Мысли тяжелели и путались. Отрезвляющий холод растекся по телу обжигающим ознобом, а оставаться в темноте почему-то стало страшно. Что-то позабытое, детское, вроде монстра с тысячей глаз, таящегося за дверью, просыпалось в душе и распускало ядовитые щупальца.

С трудом выбравшись из ванной, Виктор стянул рубашку и, оставив ее лежать на полу, накинул на плечи полотенце.

— Совсем больной? — прошипела Лера, подхватывая его под локоть, когда он вышел в коридор.

— Пошла ты, — вяло огрызнулся он.

— Правильно, давай, не сдерживайся, можешь еще обложить меня матом и заблевать мне рубашку, — проворчала она, открывая дверь в спальню. — Ника? Держи своего Ромео, я

понятия не имею, чего он опять нажрался.

Ника читала книгу, сидя на полу. Увидев Леру, она медленно встала и подхватила Виктора под локоть с другой стороны.

— Всю кухню кровью залил, разбил чашку и сломал стул, — пожаловалась Лера.

— Ты удивлена? — хрипло отозвалась Ника. — Складывай это недоразумение на край, я сама дальше... Спасибо.

Виктору хотелось огрызнуться, но он не смог.

Лера вышла, закрыв за собой дверь. Ника села на край кровати и взяла его за руку.

— Опять?

Он только кивнул.

— Он видел?

— Нет, — с трудом прохрипел он.

Она сняла с него мокрое полотенце и аккуратно сложила его на прикроватную тумбочку. Потом медленно достала из ящика под кроватью запасное одеяло. Виктор со слабой усмешкой следил за этим мелким садизмом.

— Я хотел бы, чтобы было иначе.

— Ты каждый раз так говоришь, — бесцветным голосом ответила она, накидывая на него одеяло.

— Я когда-нибудь тебе врал? — меланхолично спросил он, с трудом отодвигаясь к середине кровати.

Несколько секунд Ника молча смотрела на него тяжелым, невидящим взглядом. Потом улыбнулась и, оскалившись, хрипло расхохоталась, словно его слова были хорошей шуткой. Виктор с трудом растянул губы в ответной улыбке.

Он был рад, когда сознание его наконец-то погасло, затопленное темнотой. Значит, ему больше не нужно слышать этот безумный смех и чувствовать на себе ненавидящий серый взгляд.

Виктор хотел сделать так, чтобы она смотрела на него по-другому. Но не успел, к тому же он отчетливо понимал, что настало время нового этапа игры, и маска Милорда должна быть передана тому, кому она предназначалась.

Скоро.

Но не сейчас.

Действие 4

Последнее условие

*Слушай же, мы знаем:
Ты наш враг. Поэтому
Мы тебя поставим к стенке.
Но, учитывая твои заслуги и твои достоинства,
Мы поставим тебя к хорошей стенке
И расстреляем тебя из хороших винтовок хорошими
пулями,
А потом закопаем
Хорошей лопатой в хорошей земле.*

(Б. Брехт)

Мартин обнаружил себя лежащим рядом со своим креслом. Он не мог этого знать, но поза точно повторяла ту, в какой очнулся Виктор, даже рука, в реальности пристегнутая к батарее, была закинута на подлокотник.

На лице ощущалось что-то теплое и мокрое, с металлическим запахом.

— Не скажешь мне, с какой стати у меня черные слезы и черная кровь? Это какая-то паршивая метафора, мол, я полон темноты? — хрипло спросил он у Ореста. — Надо было сделать тебя говорящим. Был бы хоть один умный собеседник.

Мартин вытащил из кармана сюртука платок, вытер кровь с лица и подошел к проему. Виктор спал, путь был свободен. Мартин хотел шагнуть в проем, но решил задержаться. Ему нужно время. Виктор должен проспать как можно дольше, и Мартин собирался ему помочь.

— Интересно, я так еще могу? Ведь рассказывал сказочку о колдуне, который отказался от способностей, чтобы все спасти... Черт возьми, я ведь так никого и не спас.

Бабочка сорвалась с его ладони легко, будто прилетела к нему из сада, а не была создана только что. Она взвилась под потолок и истаяла ниточкой белого тумана.

— Почему?!

Он призывал бабочку снова и снова, и с каждым разом она таяла все быстрее. Вскоре над его ладонью мелко дрожал бесформенный клок тумана, не желающий принимать никаких очертаний.

— Чего не хватает?! Веры... в чудеса. Я не верю, что могу. Не верю, Орест, и чудес не получается. А ведь чудо — единственное, что сейчас может нас всех спасти... Что мне делать? Ты скажешь мне?

Орет молчал. Только фонарь покачивался в углу. Фальшивый огонек в темноте.

— Просто прекрасно, — вздохнул Мартин.

Времени было мало — Виктор мог проснуться в любой момент. Мартин шагнул в проем, оставив позади полуразрушенную комнату и обрывки тумана, тающие в воздухе.

...

Мартин открыл глаза в полутьме. Потребовалось несколько секунд, чтобы он смог понять, где находится.

Спальня Виктора. Почему он в мокрой одежде, Мартин выяснять не стал. Его гораздо больше интересовало, почему рядом спит Ника, положив голову ему на плечо. Он отчаялся понять, что за отношения связывали ее с Виктором, и зачем он вообще пристегивает ее к батарее, если она спокойно спит рядом.

Подумав, Мартин решил пойти самым простым путем.

— Ника? — позвал он, тронув ее за плечо.

Она проснулась сразу и, вздрогнув, инстинктивно отшатнулась, словно ждала, что он ударит.

— Я не сделаю ничего плохого, — тоскливо отозвался он, вставая с кровати.

— Как тебя зовут? — тихо спросила она.

В ее голосе явственно послышалась угроза.

— Мартин, — ответил он, поднимая руки.

Он снял мокрую рубашку, стоя спиной к Нике и лицом к зеркалу. О том, что Ника может воспринять этот жест неправильно, он подумал только сейчас. Потому что думать о том, что Виктор мог заставить ее неправильно воспринимать такие жесты, ему не хотелось.

— Ты говорил, что не любишь это имя, — устало отозвалась Ника.

Мартин обернулся, чтобы ответить, и замер, подавившись несказанными словами. Он заметил на спине пару отчетливых, прямых шрамов, тянущихся от плеч к пояснице и складывавшихся в широкую латинскую «V».

Он включил лампу, стоящую на краю стола, и подошел к зеркалу, вглядываясь в отражение. Сухую рубашку он держал в руках.

— Ника, ты знаешь, откуда шрамы?

— Конечно знаю. Это я их оставила.

В зазеркалье, куда он вглядывался, рядом с ним появился еще один человек.

Ника казалась тенью в теплом свете лампы. Длинные, волнистые волосы почти закрывали лицо, простое серое платье было почти бесформенным, а во взгляде не читалось ни одной эмоции.

Она провела кончиком пальца от его плеча к пояснице, вдоль одного из шрамов. От прикосновения его словно ударило током — воспоминание нахлынуло неожиданно, затопив сознание. Мартин успел заметить, как покачнулся мир перед глазами, и как Ника пытается удержать его от падения.

— Мартин!..

...

Сначала Мартину показалось, что он вернулся в свою темноту. Там, где он оказался, не было разума, ни одного человеческого чувства, только холодное и темное звериное ощущение власти.

Виктор стоял в своей спальне, всего в нескольких шагах от места, где воспоминание застигло Мартина. Он улыбался и протягивал руку Нике, смотревшей на него снизу вверх глазами, полными ужаса. Она сидела на полу, закрывая лицо рукой, и даже в темноте он видел, что ее пальцы испачканы красным.

Мартин почувствовал, как сердце пропустило удар и замерло. Это он смотрел на Нику с оглушающей смесью ненависти, презрения и желания причинить боль.

Еще раз.

«Если ты сейчас к ней прикоснешься — клянусь, я забуду обо всем, что было до этого дня», — подумал Мартин, не рассчитывая, что Виктор его услышит. Но на долю секунды ему

почудилась горькая усмешка, сломавшая оскал.

— Хотела сбежать, солнце мое? — вкрадчиво спросил Виктор.

— Нет... нет, я...

Неужели Ника казалась ему бесстрастной?

Ее глаза побелели, а дыхание было частым, словно поглотивший ужас не давал сделать ни вдоха.

Мартин разделял этот ужас. Она боится боли? Или чего-то еще?

Он боялся за нее. Боялся того, что ему предстоит увидеть, боялся, что зло в душе Виктора — гораздо глубже и страшнее, чем показалось сначала. Что Нике, которой он надеялся помочь, не поможет уже ничто.

— Какой беспросветный и черный эгоизм.

Виктор смотрел на нее, и видел совсем другую девушку. Мартин чувствовал его бархатную ненависть, вибрирующую в груди. Это не Ника забыла свои слова о любви, не она предала Виктора. Но она сейчас будет расплачиваться за то, что однажды Риша не захотела оставаться с убийцей.

«Ты этого не сделаешь...»

«Я этого не сделаю», — послышался ему невозможный ответ.

Виктор не мог ему отвечать. Это было его воспоминание, нечто свершившееся и неизменяемое, и от этого еще более страшное.

— А о нем ты подумала? Или звать «Милордом» и позволять другому слушать твое бесконечное нытье — вся твоя любовь?

«Ах вот как ты хочешь поиграть...» — подумал Мартин.

— Я хотела сбежать ради него — чтобы он больше не смотрел на то, что ты зовешь любовью, — глухо ответила Ника, по-прежнему не вставая с пола.

Виктор усмехнулся и подошел к шкафу. Открыл дверцы, выдвинул один из ящиков и наклонился над аккуратно сложенным бельем.

— Знаешь, как называются такие ножи? — спросил он, показывая Нике складной нож с костяной рукояткой.

— Балисонг... — тихо ответила она.

— И еще «бабочкой». Мартин любил бабочек, он говорил?

— Нет...

— Попросишь его, он расскажет. Про Белого Мотылька, которая ищет своего возлюбленного сквозь смерть.

Мартин чувствовал, как дрожало в душе предвкушение, тянущее, мучительно требующее выхода. Сам он никогда не испытывал ничего подобного, даже в минуты самой сильной ненависти. Ненависть Мартина была обжигающей и темной, рождающейся в стремлении защитить и исправить причиненное зло. Чувство, которое испытывал Виктор, было мутной жестокостью.

— Он просил тебя. Я знаю. Если ты хотела сбежать ради него — иди до конца. Бери, — он опустил рядом с Никой на колени и протянул ей нож. Силой разжал ее пальцы, заставив взять.

— Сюда, сюда или сюда. Я бы посоветовал в сердце, меньше крови. В глаз легче войдет, но тебе ведь не хватит духа в лицо, не-так-ли? Длины лезвия хватит, не переживай, — сказал он, показывая три точки — на шее, на груди и в уголке глаза.

Ника, всхлипнув, помотала головой, не разжимая пальцев на рукояти.

— Тогда мы пойдем другим путем.

Воспоминание оборвалось. Мартину показалось, что он всплывает со дна, к свету, оставляя позади черную бездну.

Но это самообман. Бездна теперь всегда будет с ним.

...

— Ника?

Она сидела рядом, положив его голову себе на колени.

— Я здесь. Ты в последнее время все чаще теряешь сознание, я в этот раз не успела тебя удержать...

— Шрамы, Ника. Скажи мне — он заставил тебя это сделать?

— Конечно. Ты убедил меня сбежать, он пришел в ярость, пытался заставить меня убить его. А потом сказал, чтобы я взяла нож и соединила порезами точки, которые он нарисует. Буква «М», но я не закончила — сделала вид, что потеряла сознание, а потом он не стал меня заставлять.

— Это была... моя спина или его? — вкрадчиво спросил Мартин.

— Твоя, ему-то что. Он любит, когда ему больно.

— Потрясающе. Просто прекрасно, Ника. Зачем нужны наручники, правда? А напомни мне, почему я по условиям игры не могу выбрать удачный момент и тихо повеситься в ванной?

«Потому что она любит тебя и нуждается в тебе», — раздался тихий голос Виктора.

— Ты мне обещал...

— Чудно.

Мартин с трудом встал с пола. Перед глазами расплывались яркие круги. Тяжело вздохнув, он сел на край кровати и закрыл глаза, ожидая, пока комната перестанет качаться.

«Помнишь, я говорил тебе про то, что ты перешел предел, пристегнув девушку к батарее?»

«Помнишь, я говорил тебе, что это не предел? Мартин, послушай меня. Ненавидь меня сколько угодно. Я мерзавец и подлец, я все испортил, я заслуживаю всего, что ты там мне желаешь. Но дай мне шанс все объяснить, прошу тебя...»

В голосе Виктора не было и следа твоей уверенности, которая звучала при разговоре с Никой. Он казался ему совершенно беспомощным, потерянным и удивительно беззащитным, словно только что Виктор не просил его выслушать, а вкладывал Мартину в руку тот самый нож, чтобы на самом деле попросить об убийстве.

«Нужно уходить. Вытрясти все ответы где-нибудь подальше от дома, желательно без блужданий по чужой памяти. И не у нее на глазах», — подумал Мартин.

Он открыл глаза. Ника по-прежнему сидела на полу у шкафа.

— Он запрещает тебе выходить из комнаты?

— Нет, я только из квартиры не могу выходить. Часто помогаю Лере... Оксане не очень — она меня ненавидит.

— За что?

Оксана словно была домашним привидением. Мартин пару раз сталкивался с ней, но не видел, чтобы с ней кто-то разговаривал, и сама она не делала ничего, чтобы хоть как-то себя проявить.

— Ревнует, — пожала плечами Ника. — Она странная девочка. Не от мира сего...

— О, для этой семьи это так необычно, правда? — неловко улыбнулся он.

Ника улыбнулась ему в ответ, неуверенно и слабо, будто сомневалась, стоит ли это делать.

«Она ведь любит то, что Виктор выдал ей за меня. Ждет, что я хотя бы что-то хорошее скажу, а я падаю в обмороки, задаю неприятные вопросы, а сейчас и вовсе уйду», — с горечью подумал Мартин.

Он протянул руку и осторожно прикоснулся к ее запястью.

— Мне нужно уйти. Послушай... ты не поймешь, и можешь мне не верить, но клянусь — он больше не сделает тебе больно. Теперь... теперь все будет иначе, я тебе обещаю.

— Я всегда тебе верю, даже когда ты лжешь и даешь обещания, которых не выполняешь, — серьезно ответила она, сжимая его пальцы.

В следующую секунду она подалась вперед и коснулась поцелуем уголка его губ.

Мартин почувствовал, как что-то внутри отозвалось тоской и мучительной ревностью. Мелькнула секундная мысль поцеловать Нику, дав ей то, что она хочет и усугубить это чувство, но он тут же прогнал ее. Пусть Виктор остается подлецом и подонком, который пытается прикрыть это лживой, расползающейся от прикосновений маской Милорда — Мартин не станет играть с ним в эту игру. Он притянул Нику к себе и обнял, как целую жизнь назад обнимал Ришу — нежно, едва касаясь губами волос. Мягкий компромисс между лаской и ложью.

Но когда Риша прижималась к нему в ответ, это никогда не отзывалось в нем никакими ответными чувствами. Это была девушка Вика, а для Мартина — младшая сестра. Но Ника любила того, кем ему приходилось прикидываться. Не Виктора — его, Мартина, тень. Это была сложная задача, но ее ответное объятие отозвалось в душе вязкой, смоляной тоской и неясной нежностью.

— Мне нужно идти. Все будет хорошо, обещаю. На этот раз... на этот раз поверь мне по-настоящему, ладно? — тихо сказал он, отстраняясь.

Ника кивнула, и Мартину показалось, что она поверила.

Сняв с вешалки первый попавшийся пиджак, Мартин хотел выйти из комнаты.

«Возьми портмоне в ящике, там документы и деньги», — остановил его Виктор. Голос его был печален и полон смирения.

Мартин подошел к столу и выдвинул ящик, который на этот раз не был заперт. Бумаги. Ежедневник. И нож с желтоватой рукоятью.

«Портмоне под бумагами», — глухо сказал Виктор.

Мартин отодвинул бумаги в сторону, забрал портмоне и закрыл ящик, не глядя на нож.

«Это было подло. И слишком жестоко, даже для тебя».

«Я знаю... знаю. Возьми гарнитуру в верхнем ящике стола».

«Что?»

«Гарнитуру. Наушник. Сможешь говорить со мной вслух, и никто не сочтет тебя сумасшедшим».

Мартин, кивнув, надел наушник. Он ничему не удивлялся — если в его деревенском детстве не было таких вещей, это не значило, что их не было сейчас.

«Что сейчас за время года?»

«Лето», — глухо отозвался Виктор.

«Где ключи?»

«В кармане другого пиджака. Зеленого...»

«Серьезно?»

В шкафу висел темно-зеленый шерстяной пиджак, удлиненный, с широкими обшлагами. Мартин, усмехнувшись, снял его с вешалки. В кармане обнаружили ключи с брелоком в виде якоря.

Не сказав ни слова, Мартин вышел из комнаты.

— Вик? — раздался с кухни незнакомый голос.

«Это Оксана. Выходи, не оборачивайся», — презрительно бросил Виктор.

Мартин хотел остановиться, но потом передумал. Он понятия не имел, о чем говорить со своей младшей сестрой и какие вопросы задавать.

Он вышел в подъезд и захлопнул дверь, словно отрезая все, что происходило в этой квартире. К его большому сожалению, сделать этого по-настоящему он не мог.

— Хорошо. Теперь я жду ответов.

«Идет. Спрашивай, я честно тебе отвечу», — покорно сказал Виктор.

— Расскажи мне о Нике. Как вы познакомились? Кто она такая?

Мартин вышел из подъезда и остановился, щурясь от солнечного света.

«Когда я начал пить те таблетки, я свято верил в то, что они подействуют. Сразу. Убедил себя, что иначе быть не могло. Поверил Дмитрию безоговорочно — я знал, что никакими препаратами не запру тебя так надежно, как верой в то, что ты заперт. Но скоро понял, что не могу один».

Мартин шел по улице, слушая голос Виктора и почти не глядя по сторонам. Он никак не мог отряхнуться от липкого, омерзительного чувства, которое испытывал Виктор, упиваясь чужим страхом и беспомощностью. Пропустив это чувство через себя, Мартин словно испачкал и свои руки и теперь не мог заставить себя сделать хоть что-то, чтобы осознать, что жив. Что его заточение наконец окончено, что мир вокруг полон света и ярких красок, что есть ветер, который касается его лица, и запах цветов, которые высажены вдоль дома. Смех детей на площадке и пение невидимых в кронах деревьев птиц — все это было способно излечить его от прикосновений темноты, в которой он провел столько времени. Но что излечит его от безумия и жестокости, к которым он теперь тоже причастен?

«И тогда я стал тебя искать», — продолжил Виктор после паузы.

Мартин не следил за тем, куда шел. Он успел только подумать, что, отдаваясь привычкам Виктора может прийти куда-то, где ему не хотелось бы оказаться, но эта мысль погасла так же быстро, как появилась. Какое это имело значение?

«Тебя... того, кем ты был, а не того, кем стал, после того как я тебя предал. Я искал тебя в своей сестре. Не знаю, с чего я решил, что она станет моей тенью — у меня тогда не все в порядке было с головой. Я мог бы ее сломать под себя, заставить, запугать. Но мне не нужна была такая любовь. Я пришел к ней искаженным злостью, готовясь бросаться в неведомо какую битву — и понял, что никакой битвы нет. Есть моя мать, о которой нечего даже говорить и две сестры. Одна не смогла сделать для другой то, что ты сделал для меня. Я не хочу смотреть на Оксану и избегаю ее не потому, что она глупа и оскорбляет мое чувство прекрасного, хотя это, конечно, так. Она напоминает мне, кем я мог бы стать без тебя... и как я обошелся с тобой, взяв все, что мне требовалось».

— Не надо мне зубы заговаривать. Останься наши разногласия между нами — я бы понял. Тебе было больно, тебе хотелось делать больно другим — хорошо, делай больно мне. Запирай меня, говори, что это я виноват, забери у меня все, что можешь забрать и заставь меня отдать остальное. Но ты решил идти дальше. Начав еще там, с Ритой и Мари, ты продолжил втягивать в свои игры других людей. Эта девочка, Ника — ты думаешь, я не

вижу, как ты ее покалечил?

«Я ее не трогал...»

— Неужели? Или ты думаешь, что, если ты не сломал ей обе ноги, чтобы она не сбежала — это не считается?

«Хорошо, хорошо я... но ты не понимаешь. Если ты думаешь, что я нашел ее намного в лучшем... состоянии, чем она сейчас, то ты ошибаешься. Я дал ей... смысл. Который она, между прочим, так мучительно искала».

Мартин поднял глаза. Он стоял на светофоре и перед ним сплошным потоком проносились машины. На той стороне дороги начинался парк.

«Не надо».

— Чего, ждать зеленого света? Я могу и под машину, — огрызнулся Мартин.

«Прости, мне казалось ты решил меня не слушать».

Мартин, фыркнув, перешел дорогу.

В парке было привычнее. Часы на небольшой башенке у окраины показывали семь утра, и Мартин рассчитывал, что немногие прельстятся ранней прогулкой.

Парк и правда был пуст. Мартин с облегчением пересек границу, отделяющую сухие пейзажи незнакомого ему города от зеленой тени деревьев.

— Продолжай. Ты понял, что совершил ошибку, но вместо того, чтобы выпустить меня и попытаться исправить что ты наворотил... ах да. Ты же наворотил больше, чем мы говорим, верно?

Он с изумлением почувствовал яркий и сильный фон чужой вины и раскаяния. Ничего подобного Виктор не испытывал даже в детстве, но Мартину вдруг показалось, что он как-то слишком образцово страдает и раскаивается.

Будто прячет что-то. Снова ему лжет.

«Да. Я убил Дару», — с готовностью признался Виктор, торопливо, будто только и ждал этого момента.

— Зачем?

«Это сложный вопрос. И ответ на него — ответ почти на все твои вопросы. Если без лишних слов и позднего раскаяния — я сошел с ума. Это не оправдание, не попытка прикрыться... Мартин, я правда болен. Сначала думал, что это моя суть. Что я сам для себя Бог, нашел свою дорогу и теперь все будет, как я хочу... вот эта вся дрянная патетика Мари. Но оказалось, что все совсем иначе. Я очень устал, Мартин. Просто поверь, мне тоже больно. Постоянно».

Сейчас Виктор не врал. В его голосе и правда слышалась только бесконечная усталость. Мартин чувствовал, что Виктор полностью опустошен, будто не осталось сил даже не раскаяние, которое его только что терзало.

Мартин сел на скамейку рядом с прудом и несколько секунд смотрел на воду, по которой, несмотря на безветренную погоду, шла рябь.

«Гуси... Видишь вон того, серого? Это Мартин. Я спрашивал у человека, который за ними следит», — глухо сказал Виктор.

Серый гусь бил по воде подрезанными крыльями, пытаясь взлететь. Виктор, кажется, пожалел о своих словах, но Мартин только иронично вскинул бровь. Ему было не до символизма и собственных переживаний.

— Ты болен, — напомнил Мартин.

«Да, я... себя не контролирую. Иногда. Это похоже на приступы, на провалы в памяти,

словно... словно есть еще один, третий, тот самый Виконт в красной платке, который постоянно жаждет чужой боли. Но это, конечно не так. Я знаю разницу между тем, что чувствую, когда ты занимаешь мое место и тем, когда... это я. Я — Виконт, Мартин, я сам себе Эдвард Хайд».

— Давно это началось?

«С Дарой. Приехав сюда, я, как и говорил тебе, вел себя как сорвавшийся с цепи пес. Щелкал зубами, рычал, напился в первый же вечер, вцепился в Леру и рассказывал ей про Ришу, и говорил, что я Бог, а потом обнял ее колени и рыдал. В общем, сцена была отвратительная, но моя милая сестра привыкла к отвратительным сценам», — усмехнулся он.

Мартин прикрыл глаза, позволив себе увидеть Виктора. Он сидел, скрестив ноги, посреди комнаты, и смотрел в окно. Стены комнаты были покрыты трещинами и черными пятнами, а в углах скопилась плесень. Одна трещина была особенно глубокой, прямо за спиной Виктора. Она занимала почти всю стену, и от нее по остальным стенам расползались маслянисто блестящие черные нити.

— Вот как... — прошептал Мартин.

Виктор только кивнул, а потом встал с пола и подошел к окну.

«Смотри...»

В самом углу оставалась нетронутой белоснежная штукатурка. Виктор протянул руку, чтобы прикоснуться к ней, но потом замер и бессильно опустил руку.

— Да ты почти Дориан Грей, дорогой брат, — усмехнулся Мартин.

Виктор кивнул.

«Это так. Не знаю, как отмыть стены от грязи. Не умею, как ты, создавать вещи. Может, придешь в гости и нарисуешь мне ведро со шваброй?»

— Я тебе что угодно бы нарисовал, только это ничего не исправит. Итак, ты приехал, избавился от всего, что тебе мешало и... что ты начал делать?

«Пытался заработать. Собственно, и зарабатывал. Устраивал жизнь. Сделал ремонт в квартире, поговорил с учителями Оксаны и заставил ее закончить хотя бы девять классов, оплатил Лере университет».

— Какие у тебя благородные эвфемизмы чтобы сказать, что ты продаешь наркотики, — заметил Мартин.

«Вот из-за таких сентенций ты в застенке и просидел! Как же, есть ведь только черное и белое, только правильный мир, только благородные поступки!» — прошипел Виктор, и Мартин почувствовал его нарастающую злость.

Впрочем, она исчезла так же внезапно, как и появилась.

«Прости. Да, я торгую наркотиками. Но ты знаешь, я всегда старался быть честным — если я говорю, что мне хотелось совершать зло и причинять боль, значит, так оно и было. Кстати, я привез крупную сумму Рите, чтобы она могла уехать из деревни. Полгода копил».

Мартин снова почувствовал мелькнувшую фальшь — Виктор не договорил, скрыл часть правды. Но воспоминаний об убитой Рите не появилось.

Имя Риты отозвалось дальней, похороненной тоской. Влюбленность казалась ему чем-то, существовавшим в прошлой жизни, вырванным из сердца на живую, но он все еще искренне желал, чтобы она не потеряла себя и обрела место в мире, который можно назвать Правильным.

«А потом я встретил Дару. Когда впервые ее увидел, думал, мне показалось. Так похожа

на Ришу... Я даже не надеялся когда-то обрести ее снова».

— Риша — не голубые глаза и пепельные волосы, — тихо сказал Мартин.

«Вот видишь, ты как всегда первым все понял. А мне потребовалось время. Дара была совсем не такой. Увлекалась математикой, мы могли часами говорить, даже умудрялись ругаться над уравнениями. В ней столько жизни было, ты не представляешь. Куда-то идти, куда-то бежать. Она еще фотографировала, и вечно у нее были какие-то затеи... То какой-то забор нужно снимать на другом конце города, то какую-то собаку она по помойкам ловила — глаза у нее, говорит, красивые, один голубой, другой — зеленый. Я говорю: „Давай я тебе в программе нарисую хоть красные, хоть малиновые в крапинку“, нет ведь. Так нечестно. Так жизни нет в фотографии...» — в его голосе явственно слышалось раздражение.

Мартин только тяжело вздохнул.

— И однажды...

«Я не помню, как это случилось. Пришел в себя — руки в крови, в реке труп».

— Врешь.

Мартин безошибочно чувствовал, что Виктор лжет. Но вместо того, чтобы что-то доказывать, Виктор просто показал ему картинку, беспощадную в своей реальности.

Виктор стоял над телом у самого берега и натягивал рукава куртки на окровавленные манжеты рубашки.

— А момент убийства ты не помнишь, вот как...

«Не помню».

— Хорошо. Ты сорвался. И потом?

«Я решил, что ты мне нужен. Что только ты сможешь. Но я не мог рассчитывать, что ты станешь помогать после того, что я сделал. И тогда я стал тебя искать... съездил к отцу, хотел забрать вещи — он заставил всю комнату хламом, я не смог пробиться. Но я забрал то, что закопал во дворе — твой корабль и книгу со сказками. К счастью, ничего не сгнило, только паруса пришлось сменить... Оставил Вере деньги для Риты. Вера по-прежнему работает в библиотеке, Рита закончила школу и пока живет с родителями, и не может... Я хотел ей сам отдать, но она бы не взяла. Ты обрадуешься, если я скажу, что у нее все хорошо?»

— Да, — искренне ответил Мартин. — Хоть у кого-то все хорошо. А потом ты вспомнил о письме, верно?

«Да. Ох, Мартин, если бы ты знал, чего мне стоило ее найти. Но у меня словно... цели появилась в жизни. Ты кому-то писал. У тебя здесь был какой-то крючок, часть тебя. К тому же это была твоя тайна, а мне так хотелось эту тайну узнать... Я обошел по кругу каждый дом вокруг места, где ты пытался нас убить. Я заглянул в каждый подъезд, подслушивал голоса под каждой дверью, и вот, наконец, нашел дом, в котором ты был. Узнал голос курившего мужчины».

— Ты подслушивал?

«Да. Прости... А потом мы с Лерой нашли Нику. Я не удивился, узнав, что это женщина. Так и знал, что ты кого-то пожалел. Я познакомился с ней в этом самом парке. Отдал ей Бодлера, которого оставила мне Риша. Я хотел просто... просто узнать о том, что тебя с ней связывало. Потом целью стало твое письмо. А потом...»

Виктор замолчал. Мартин смотрел на пруд невидящим взглядом. Серый гусь больше не пытался взлететь.

— Ты влюбился, — наконец сказал Мартин.

«Да».

«Любовь все преодолеет!» — вдруг всплыл в памяти мягкий голос Риши, которая врала со сцены полному залу людей.

Эспуар. Ложная надежда.

«Я могу много о ней говорить, Мартин. Часами. Она художница. Художница-маринистка, представляешь? Я пришел к ней домой, а у нее все стены увешаны картинами, и прямо над кроватью... Смотри».

Новая картинка. Узкая тахта, застеленная серым пледом. Неуютная, явно предназначавшаяся, только чтобы забыться на ней сном. А над ней — картина в простой деревянной рамке.

Это башня среди штормового моря. Не то неработающий маяк, не то руины старой крепости.

Мартину показалось, что если протянуть руку и коснуться шершавой поверхности картины — пальцы погрузятся в морскую воду, а может, скользнут по мокрому камню. Он не сразу заметил корабль, который направлялся прямо на башню. Бриг с изорванными ветром парусами тоже был настоящим.

Он тряхнул головой, прогоняя видение.

— Чудесно, просто потрясающе. Я правда в восторге. Но не надо пытаться отвлекать меня кораблями, хорошо?

«О, я не отвлекаю тебя кораблями. Это очень важная часть моего рассказа Мартин. Ты просто еще не знаешь, в какую ловушку я загнал нас обоих, в какую игру нам придется играть. Но ты сыграешь со мной. Иначе не будет».

В голосе его звенели нотки обнажающегося безумия. Несмотря на припекающее солнце и шерстяной пиджак, Мартин вдруг почувствовал, как под рубашкой распускает ледяные щупальца холод.

— Что стало с Никой? Скажи, а потом расскажешь правила игры.

«С Никой? Я любил ее, Мартин. И сейчас люблю. Не так, как Ришу. Это не та любовь, с которой двое потерянных детей цепляются друг за друга. Мы с Никой были не Питером и Венди, скорее Хитклифф и Кэтрин?..»

— Была бы Ника похожа на Кэтрин — это ты бы у батареи сидел, — с усмешкой заметил Мартин.

«Значит, хорошо, что не похожа, не так ли?»

— Не так, — серьезно ответил он.

«Да, тут ты, пожалуй, прав. В общем, ты еще узнаешь все, что тебе интересно. Но я не стану рассказывать, как развивался наш роман — ты насмотришься этого в моей памяти, я тебя знаю... Скажу тебе, чем он закончился. Я пытался ее убить».

Снова торопливая правда, скрывающая ложь. Этими полутонами был пронизан весь рассказ Виктора. Мартин не мог понять, где он лжет, а где не договаривает, но поверить сказанному не мог.

— Вот как.

Мимо прошла молодая женщина с коляской. Перед коляской бежал черный лопухий щенок, успевавший сбегать к газону, повалиться в траве и трижды броситься женщине под ноги, пока она проходила мимо скамейки. Женщина улыбнулась Мартину, и он заставил себя улыбнуться в ответ.

Где-то жили нормальные люди. Рожали детей, заводили собак и улыбались бледным

незнакомцам, которые дурным взглядом тарашатся на гусей.

Люди, далекие от признаний в том, что кто-то пытался убить девушку, которую любил.

«Слушай, Мартин, на сегодня, пожалуй, хватит откровений. У меня много дел, а у тебя много вопросов. Я расскажу правила, сейчас, потому что иначе ты можешь сотворить какую-нибудь глупость. Остальное в следующий раз, или ты достанешь сам, только пожалуйста, ложись на кровать и зажимай нос платком. Впрочем, мои домашние привыкли, что я валяюсь по полу...»

— «Правила игры», надо же, — скептически отозвался Мартин.

Он расслышал в голосе Виктора позвякивающие истерические нотки, и был уверен, что понял, какие «дела» внезапно появились у его бывшего друга. Виктор попросту терял над собой контроль и хотел как можно быстрее уйти с улицы. Мартин не собирался ему в этом мешать, более того, он встал со скамейки и направился к дому, почувствовав легкую, тоскливую благодарность.

«Во-первых, Мартин. Самое главное — тебе нельзя умирать, — торопливо начал Виктор. — Лично тебе и нам двоим. Потому что Ника, поверь мне, по-настоящему, искренне и чисто любит своего Милорда. Она любит тебя. И не просто любит — она нуждается в нем... в тебе. Единственный свет, который остался в ее жизни, связан с этим человеком, и другого у нее не будет. Поверь мне, я лично об этом позаботился».

— Кажется ты преувеличиваешь свое влияние. Думаю, освободившись, она найдет, чем исправить все, что ты сделал.

«Ты ошибаешься Мартин. Очень сильно ошибаешься. Потому что для того, чтобы игра состоялась мне нужна была такая любовь, которую ничем не заменишь. И прежде, чем выпустить тебя — ты ведь не думал, что это случайность? — я убедился, что Ника полностью соответствует всем моим требованиям».

— Вот как, — процедил Мартин, чувствуя, как к его горлу подкатывает желчь.

«Именно. Ты видел ту сцену — она любит Милорда и не сбежит, потому что я обещал ей, что за каждый ее побег будет расплачиваться он».

— Ты подонок и шантажист. Зачем?

«Считай, что мне так хочется. Хотя у меня есть более благородные причины, Мартин. В твоём стиле. Так вот, второе условие. Чтобы я ни делал, если видишь, что я контролирую себя, ты не должен мне мешать».

— И что меня остановит?

«То же, что останавливает Нику от побега», — ядовито усмехнулся он.

— Ты не станешь делать ей больно.

«Ты уверен?»

Мартин молчал. Он чувствовал, что Виктор блефует. Но не был уверен, что он не пересилит себя, если придется.

— Итак, хорошо. Я не убиваю себя и нас обоих. Не мешаю тебе заниматься тем, чем ты занимаешься, если вижу, что ты отдаешь себе отчет в своих действиях. Что еще?

«Ты должен проводить время с Никой. Не спать с ней, хотя если хочешь — можешь и так. Я хочу, чтобы ты лучше ее узнал. Потому что, прости меня, Мартин, но от нее ты избавишься не скоро. Хотя после того, как ты исполнишь последнее условие, будешь волен делать все, что тебе заблагорассудится».

— И какое же последнее условие? — тихо спросил Мартин.

Мир опрокинулся. Виктор вернул себе сознание и остановился посреди улицы. Сделал

глубокий вдох.

— Убей меня, — сказал Виктор, доставая наушник.

Действие 5

Женщина, которая рассказывает истории

*Мне только бы дождаться урожая,
Взраченного терпением и болью.*

(Ф. Г. Лорка)

Виктор не сказал Мартину ни слова до возвращения домой.

Как только прозвучало последнее условие, он почувствовал, как что-то словно погасло в сознании Виктора, утопленное желчной тоской. А потом в этой тоске стало все отчетливее проявляться то, что заставляло Виктора молчать и торопиться уйти с улицы.

Он достал из кармана брюк небольшой серебристый плеер, из другого — наушники. Надел их, нажал на кнопку и все уличные звуки утонули в ударившей мелодии. Мартин узнал ее по первым нотам: «Граф Люксембург» Франца Легара. Когда-то всю оперетту они втроем с Ришей слушали в полутемном актовом зале с диска Мари. Но Виктор не собирался наслаждаться музыкой или предаваться приятным воспоминаниям. Он старался сохранить над собой контроль, и пока ему это удавалось.

Что-то потаенное, черное и злое царапало разум изнутри, будто крыса, попавшая в ловушку. Еще не осознавая, что вырваться будет тяжело. Но момент, когда крыса осознает, приближался.

Мартин прикрыл глаза. Виктор дворами возвращался к дому, стараясь не смотреть на прохожих и считать такты мелодии. Мартин прислушивался к его чувствам, ловя каждый оттенок надвигающегося безумия.

Безумие наполнила чернота. Топящая разум мазутная ледяная дрянь, которая забирала у мира краски и заставляла сердце биться медленнее. Постепенно исчезали запахи и звуки, музыка становилась все глуше и будто удалялась.

В безумии рождались знакомые красные сполохи. Цвет платка Виконта, тревожных цветов на лесной поляне, пульсирующих, светящихся артерий, пронизавших темноту, и крови, растекающейся в серой речной воде.

И белый цвет. Ужасающе чистый цвет, в котором нет ничего. Нет оттенков, чувств и очертаний, только белый цвет январской пурги. «Ничего не болит», — говорил ему Вик когда-то.

Теперь болит. Только не у него.

«Что же ты с собой сделал? Куда себя загнал?» — подумал Мартин, протягивая руку из проема и чувствуя, как кончики пальцев обнимает сгущающийся воздух.

Он ничем не мог помочь. Не мог, как раньше, успокоить и заставить верить в то, что все будет хорошо.

«Должен быть способ исправить... есть ли хоть один способ кроме петли, от которой он так меня отговаривает?» — Мартин устало опустил руку. Машинально достал платок и начал ее вытирать. Поймав себя на этом жесте, с раздражением сунул платок в карман. Почему-то стало противно, будто поймал себя на лицемерии.

А цвета между тем набирали насыщенность и все отчетливее чувствовалось, что срыв

вот-вот произойдет.

Виктор трижды уронил ключи, пока пытался открыть дверь. У него тряслись руки, и он никак не мог попасть в замок.

Зайдя домой, он, едва разувшись, направился в ванную и заперся изнутри. Только тогда он вытащил наушники и поднял взгляд от пола. В темноте ему не нужно было избегать чьих-то взглядов. «Крысу» тревожили люди.

— Ты сейчас сам все увидишь. Это происходит все чаще... Помни — не вмешивайся, — торопливо сказал он, включая кран с холодной водой и затыкая слив. Действовал он автоматически, наощупь. Открыл шкафчик под раковиной и достал наручники. Пристегнул себя за руку к ручке на борту ванны.

— Специально такую выбирал. Устойчивые, рассчитаны на взрослого тонущего человека в панике... то, что нужно, — усмехнулся он.

В воду он ложился медленно, не раздеваясь, стараясь почувствовать каждый миллиметр погружения.

— Сиди тихо, не шевелись, не говори со мной, — напоследок повторил Виктор, и Мартин не узнал его голос, будто сорванный криком. Или молчанием.

Вот вода обняла плечи. Холод немного остудил воспаленное сознание, но ненадолго — уже через несколько секунд он растворился в алом жаре. Вода медленно залила лицо.

Затылок коснулся дна. Виктор открыл глаза и посмотрел в колышущуюся над ним темноту.

Одна секунда. Две. Три.

Скоро легкие начало едва заметно сдавливать.

Он держался за края ванны, и с каждой секундой сильнее сжимал пальцы, заставляя себя оставаться под водой.

Мартин молча сидел в проеме, полностью отдавшись чужим ощущениям. Это он тонет. Это он топит что-то в своей душе ледяной водой. Это ему приносит удовольствие боль, разливающаяся в легких, это он упивается собственным страдающим, мечущимся в ужасе сознанием, мучительно ищущим выхода.

Он очень хочет жить, но не может остановиться, не может прекратить эту пытку, ведь тогда придется...

Мартин понял, почему Виктор потребовал от него молчать и не шевелиться. Потому если он привлечет к себе внимание, то тьма, которая так жадно требует боли, поднимет на него незрячие глаза, полные красных сполохов, и тогда...

Виктор рывком сел. Вода тяжело плеснула на пол. Сделав один короткий глоток воздуха, он снова лег, все крепче сжимая скользкие ледяные ручки.

И только когда сознание начало мутнеть, он снова позволил себе вдох. Достаточный, чтобы не умереть, но ничтожно малый, для прекращения пытки.

Снова лег, открыл глаза.

Боль билась в легких, словно и правда крыса пыталась прогрызть себе путь наружу. Все больнее, а сознание, ледяное и липкое, все дальше. Но Виктор упрямо ловил его короткими вдохами, заставляя вернуться, чтобы снова и снова переживать эту короткую, мучительную агонию.

А где-то под болью жило что-то сыто урчащее, наслаждающееся каждой секундой происходящего. Боль, неважно, какая и неважно, чья — вот что приводило в экстаз это существо, в котором Мартин с горечью узнавал своего друга.

«Я все еще здесь, слышишь?» — сказал он, протягивая руку к проему.

Он не знал, было это жалостью, или попыткой узнать, чем обернется для него такой поступок.

Безусловно, это Виктор. Не Виконт, не некая третья личность, забравшая сознание. Мартину хотелось бы оправдать его, успокоившись мыслью, что есть некий враг, делающий Виктора чудовищем, но это не так. Виктор сам был чудовищем, и Мартин не мог понять, правда ли он борется с собой, или это часть игры.

Он рывком сел и сделал глубокий судорожный вдох. Воздух со свистом проник в легкие, обжег холодом лицо.

Виктор просидел несколько секунд неподвижно, глядя широко раскрытыми глазами в темноту. Потом медленно закрыл глаза и улыбнулся. Вода стекала по лицу, словно слезы.

— Я же сказал тебе молчать.

«И что же ты будешь делать?» — с интересом спросил Мартин, неосознанно радуясь, что самоистязание прекратилось.

Виктор обвел губы кончиком языка, слизывая воду. Что-то тянуло под сердцем, от запястий к кончикам пальцев.

Что-то звериное билось в его душе. Крыса, вырвавшаяся наружу, подняла окровавленную морду и повела чуткими усами.

— Я покажу, — сказал Виктор, и в его голосе скользило фальшивое огорчение и поддельная нежность.

А потом воспоминание ударило, яркое и внезапное, как вспышка молнии. Мартин, не удержавшись, упал на спину. Он слышал, как Виктор смеется каркающим, захлебывающимся смехом. Смех удалялся, а Мартин все глубже проваливался в память, не в силах выбраться из трясины образов, в которой его топила чужая воля.

Он не хотел этого видеть. Не так, не чтобы потакать темным желаниям Виктора. Ведь тогда он не увидит всей правды. Он увидит только то, что причинит ему боль.

Но именно это Виктор и скрывал он него больше всего. Мартин, вздохнув, отдался видениям, чувствуя, что совершает большую ошибку.

...

Вокруг сгущалась, рисуя очертания, темная комната, только между занавесок пробивалась тонкая полоска света фонаря. Мартин почувствовал, как сознание медленно наполняется сытым теплом, густым и терпким, не оставляющим места ни одному другому чувству. Это могло бы быть счастьем, но это счастье животного, которое находится в безопасности и тепле, счастье хищника, чья охота была удачна. Это чувство почти осязаемо, мягкое и липкое, и Мартин не чувствовал ничего, кроме омерзения, испытывая его. Он старался не увязнуть, а найти его источник, сосредоточиться не том, что чувствует Виктор, а на том, что тот видит и делает.

Рядом на кровати чей-то силуэт. Мартин понимает, что держит кого-то за руки. Потом — что кто-то истерически, судорожно всхлипывает, стараясь отстраниться.

Мартин не может узнать девушку. Это может быть и Ника, и Дара. Он не видит лица, только слышит частое, хриплое дыхание и, разжимая пальцы, чувствует, что они испачканы чем-то теплым. Виктор проводит языком по ладони, и Мартин не сразу узнает в кажущейся обжигающей сладости вкус крови.

Уже вырываясь из воспоминания Мартин чувствует, как там, под удовлетворением, стремительной вспышкой нарастает ужас, похожий на взрыв, сметающий все преграды.

Виктор начинает осознавать, что только что совершил.

...

Мартин думал, что воспоминание оборвалось, но почти сразу понял, что оно просто сместилось на несколько минут вперед. Все та же комната, та же девушка.

«Ах вот как ты хочешь. С конца. Выжать каждую эмоцию, позволив разглядеть все детали», — отстраненно подумал он, ощущая свои пальцы запутавшимися в чужих волосах.

В чужих длинных, мягких волосах.

— Значит, давай посмотрим, — прошептал он, чувствуя, что Виктор сполна получит то, что хотел.

Ему уже больно. Так больно, как не было никогда до этого. Это особенная боль, разгорающаяся в груди, обливающая сознание раскаленным свинцом. В этой боли чувство вины, бессилие и черная злость.

Мартин знал, что с каждым воспоминанием ему будет все больнее.

И не собирался отводить взгляд.

...

Виктор медленно вытащил пробку из слива и несколько минут слушал, как утекает вода. Потом встал, вытер руку полотенцем, отстегнул себя от ванной и вернул наручники под раковину.

— Я же просил тебя молчать, идиот! — с отчаянием произнес он в темноту.

«Подонок», — хрипло ответил Мартин.

Ему было больше нечего сказать. Он пытался осознать увиденное, но не получалось.

— Мартин...

Треск разрываемой ткани заглушал остальные звуки. Больше всего Мартина пугало не то, как кончики пальцев касаются обнаженной кожи, не соленое тепло чужих слез на кончике языка и даже не бесполезные слова, которыми его пытались остановить.

Больше всего его пугало то, что Виктор прекрасно понимал, что делает. Не захлестнувшая разом похоть и не пьяная блажь им владела — рассудок оставался абсолютно ясным. Он просто причинял боль тем способом, который считал наиболее привлекательным.

У него отлично получалось.

«Ты не только убийца, но и насильник? Ты этого мне не сказал?!»

— Я не сделал этого. Не помню, где я оборвал воспоминание, но клянусь, я тогда пришел в себя и остановился...

«Ты не убить ее пытался».

— Да.

«А потом ты понял, что натворил, и что она никогда тебе этого не просит и не будет любить, как раньше? И вместо того, чтобы нести ответственность за свои поступки, вместо того, чтобы дать девочке целое платье, посадить ее в такси, а потом повеситься, пока еще чего не натворил, ты, твою мать, решил прикинуться мной?!» — прошипел Мартин, чувствуя, как разгорается знакомый зуд в пальцах.

Ему тоже хотелось сделать больно. Он начинал перенимать привычки извращенной натуры Виктора и наслаждаться этим.

— Да.

Виктор сидел на полу в ванной, обняв руками колени и низко опустив голову. Он не испытывал ни тени своих прошлых чувств. Только усталость и раскаяние. Замерзший, мокрый и жалкий, он ничем не напоминал скалящегося в темноту социопата, только что

пытавшего Мартина своими воспоминаниями.

Мартин никак не мог привыкнуть к таким переменам. Проще всего было бы поверить в существование третьей личности. Но Виктор, теряя власть над своим сознанием, находил по-настоящему изощренные способы потакать своим склонностям. Само его существование уже было изощренным садистским актом, заставлявшим Мартина колебаться между находящимся в отчаянии человеком, которого он когда-то любил, и палачом, которого должен был ненавидеть. Впрочем, ни о какой жалости он больше не думал. Для нее просто не осталось места.

«Какого черта, Виктор? Ты никогда не отличался храбростью, но я думал, что на это у тебя хватит и мужества, и чести», — сказал Мартин, проводя рукой по лицу.

— Я не смог. Не смог снова потерять... Думал, что справлюсь. Думал, смогу все исправить. В конце концов клянусь тебе, она отделалась парой царапин, испугом и порванной блузкой...

Мартин не выдержал. Если бы он мог ударить — сделал бы это не раздумывая. Но у него не было такой возможности.

«Что же ты Рише не рассказал, как она легко отделалась?» — ядовито выплюнул он, чувствуя, что каждое слово упрека достигло цели.

Но боль, которую испытал Виктор, не принесла ему никакого удовлетворения.

— Ты прав, Мартин. Я трус, подлец, лицемер и садист, — тихо сказал Виктор, больше не пытаясь ничего отрицать.

«Так почему же ты не хочешь закончить это?!»

Снаружи постучали.

— Мой обожаемый брат, позволь тебе напомнить, что ты в доме не один! — раздался из-за двери голос Леры.

— Проваливай! — рявкнул Виктор, ударив кулаком по косяку.

— Будешь топиться — дверь открой, чтобы ломать не пришлось, — попросила Лера.

Мартин услышал удаляющийся звук шагов и хлопок кухонной двери.

— Я не хочу это заканчивать потому, что это ничего не изменит. Ты, Мартин, привык мыслить категориями непроходимой... честности. Если я такой плохой и опасный — должен убить себя, и все будет хорошо. Но ты берешься судить, не зная всей правды. И не видя всей картины...

«И чего же я не вижу?»

— Все узнаешь... Скоро все узнаешь, Мартин.

Виктор с трудом поднялся с пола. С волос и рубашки еще стекала вода. Он уперся лбом в дверь и закрыл глаза.

Мартин с изумлением следил за тем, как меняется его состояние. Раскаяние, усталость и боль становились все сильнее и сильнее, и где-то рядом вспышками фейерверков зажигались другие чувства. Горькая нежность, любовь, тяжелая и мучительно обжигающая, постепенно нарастали, словно свет, разгорающийся в темной комнате.

Это не его чувства. Не его раскаяние, не его усталость, любовь и боль. Но в этот момент Виктор жил ими, словно становясь другим человеком. Не виновником своих трагедий — невольным участником.

«Какого, черт возьми... он не только теряет над собой контроль и превращается в какую-то безумную, злобную тварь, но еще и по желанию может испытывать чувства придуманного им человека?.. Мари была бы счастлива», — подумал Мартин, прислушиваясь

к чужим эмоциям, стараясь не пропустить ни одной.

Виктор прятался. От себя самого и мира, в котором ему пришлось жить. Мартин вдруг с беспощадной ясностью понял, что произошло. Сначала Виктор, потеряв его, окончательно сошел с ума, оставшись без собственной совести, которую привык видеть в Мартине. А потом, осознав, что больше не может так жить, начал искать. Все искал прошлое — любимую, которая бросила, друга, которого предал. А когда не нашел — создал их сам. Создал Милорда на замену Мартину и влюбленную в него Нику на замену Рише.

Не люди.

Образы.

«Спектакль продолжается, не-так-ли, котятки?» — вдруг почудился ему мурчащий голос Мари.

Пока Мартин пытался разобраться, Виктор вышел из ванной и нетвердой походкой направился в спальню.

— Вик! — окликнула его с кухни Лера.

— Не сейчас, хорошо? — тихо попросил он ее, оборачиваясь.

— Опять?! Черт с тобой. Оксана! Оксана, надо убрать в ванной! Если там кровь — с кафеля оттирай лучше, а не как в прошлый раз!

— Почему опять я?! — раздался раздраженный голос из соседней комнаты.

— Потому, что я так сказала! — рявкнула в ответ Лера.

Все это Мартин слышал уже за спиной. Виктор зашел в комнату и закрыл за собой дверь.

Ника поднялась с пола бесшумно, словно отделившаяся тень. Мысль о том, почему она постоянно сидит на полу, мелькнула и погасла в воспаленном сознании. Если Виктор и не заставлял, она, наверное, испытывала отвращение к этой огромной кровати с кованым изголовьем в виде переплетенных цветов.

— А на этот раз ты пытался утопиться, — убежденно сказала Ника.

Виктор молча кивнул, с отчаянием глядя ей в глаза.

— И у тебя, очевидно, не вышло. Он помешал или ты вспомнил наш уговор?

Мартин внимательно смотрел на лицо Ники и все сильнее сжимал косяк, чувствуя, как в пальцах и запястье медленно разгорается боль. Раздался тихий, жалобный скрип. Мартин не обратил на это никакого внимания. Он был готов выломать косяк и швырнуть обломки в проем, если бы только была надежда, что хоть один из них по-настоящему прилетит Виктору в голову.

Ничего не осталось от угрюмой и усталой девушки, которую он увидел в первый раз. Она не похожа на тень. На лице ее разгладились все жесткие черты, ушли складки в уголках губ и даже глаза приобрели едва заметный голубой оттенок.

Виктор не врал. Ника любила его. Кого-то из них.

— Я не помню о каком уговоре речь... почти ничего не помню, только знаю, что он опасен. У нас остается все меньше и меньше времени. Это большая удача, что я смог остаться в сознании после того, как он мне помешал. А если однажды я не смогу тебя спасти? — прошептал он, касаясь кончиками пальцев ее лица. Она удержала руку и прижалась щекой к ладони.

У него совсем другой голос. Мягче и тише. В нем не чувствовалось фальши. Ведь Виктор не врал — он и был в этот момент Милордом, уставшим человеком, который снова не смог ничего изменить.

«Ах ты лживый, лицемерный мерзавец», — почти с восхищением подумал Мартин.

Хотя и знал, что неправ. Виктор не лгал и не лицемерил, его и правда пугала мысль о том, что он когда-нибудь не успеет пристегнуть себя к ванной и удовлетворить свою тягу к причинению боли самоистязаниями.

«Убью, — подумал вдруг Мартин. — Не стану слушать паршивца. Хочет прикрыться от меня искалеченной девочкой? А что делать, если он не успеет спрятаться в темном углу и переждать приступ? Смотреть потом печально на трупы в реке? Нет, так не пойдет. Может, Ника его и правда любит, но с разбитым сердцем люди живут, а вот с перерезанным горлом — нет. И не хватало, чтобы он решил повторить, что не доделал. Хватит полумер».

— Это очень эгоистично — избавиться себя от страданий и бросить меня одну, — прошептала она.

— Ника, — тихо сказал Виктор, сжимая ее запястья, и Мартин услышал в его голосе панику. — Я не просто так хочу умереть, мне нужно спасти тебя. Слышишь? От себя самого...

«Мартин, ты правда думаешь, что у меня такие извращенные пристрастия, как ты сейчас сказал?»

«Я тебе потом много расскажу о том, что думаю», — прошипел он в ответ, пожалев о сорвавшейся брани.

— Мы же договаривались. Если ты не хочешь жить — я тоже не стану.

«Это шантаж и блеф», — категорично заявил Мартин.

Он чувствовал, как в груди медленно разгорается бешенство. Виктор расставил красные флажки и начал облаву, выпустив его, только убедившись, что бежать будет некуда. Мартин словно раз за разом натыкался на флажок или рядом с ним земля взрывалась выстрелом. Нет выхода. Но право оборвать собственную жизнь, как и право на убийство, которое так легко присвоил себе Виктор, он не мог у Мартина отобрать. Оставив ему лишь один путь, завязав петлю, он не мог отобрать право ее использовать.

Виктор притянул Нику к себе. Мартин почувствовал, как в душе Виктора, в тщательно выстроенной обороне, на темно-зеленом образе Милорда расползается черная смолянистая брешь. Он прижимал Нику к себе совсем как Мартин недавно и холодно усмехался из-за ее плеча.

Потом сел на край кровати, задрал ее рукав и коснулся губами запястья.

Мартин молчал. Ему было нечего сказать, только желание убить Виктора стало сильнее.

Тонкая кожа была исчеркана шрамами. Частыми, беспорядочными. Виктор чувствовал их, касаясь губами, словно грубые теплые нитки, изуродовавшие прохладный шелк. Мартин успел заметить и поперечные, и продольные разрезы. Значит, ее спасло только чудо. Значит, она резала не думая, в истерике, может быть даже в темноте. Чаще, глубже, лишь бы только наверняка...

«Ты ее заставил?! Это ты своими играми ее довел?»

«Я же говорил — я убедился в том, что она точно подходит для игры».

В мысленном голосе Виктора было еще больше мурчащих ноток. «Игр-р-ра». Мягкое, вибрирующее слово.

Ника отстранилась. Посмотрела ему в глаза и медленно забрала руку.

— По тебе я не скучала.

— Я знаю, солнце мое, — усмехнулся он. — Скажи ему, чтобы он в следующий раз включал теплую воду, хорошо? Я, несмотря на его надежды, не умру от пневмонии.

— Скажу, — пообещала она и улыбнулась.

«Она чувствует перемены, даже не видя и не слыша его, как сбой тональности в мелодии. Отлично, просто прекрасно».

Ни следа не осталось от влюбленной девушки с серо-голубым взглядом. Ее улыбка теперь ничем не отличалась от улыбки Виктора, а глаза были полны едкого холода.

«За этим столом мы вчетвером. Я, Ника, Виктор и его чертов Милорд. И я один не понимаю, во что мы играем и не вижу значений на картах. Предположим, что это, к примеру... бридж. Может, удастся поторговаться», — подумал Мартин, глядя в проем.

Ника смотрела на Виктора, склонив голову к плечу, став еще более похожей на птицу, примеривающуюся к добыче.

— Он просил меня убить? — спросил ее Виктор.

— Нет. Он пытался сам, ты знаешь.

— Он всегда пытается сам. А ты все не хочешь попробовать? Облегчила бы ему задачу.

— Я не стану этого делать. Я хочу, чтобы он... чтобы вы оба жили долго.

— Эгоистка, — усмехнулся Виктор. — Ты влюбилась, как кошка, и теперь готова позволить ходить по улицам такому, как я, ради того, чтобы сохранить Мартину жизнь.

Ника пожала плечами:

— А кто здесь не эгоист? У тебя одного есть совесть, и то она пытается тебя убить.

Виктор засмеялся, будто это была хорошая шутка. Встал с кровати, подошел к шкафу и начал переодеваться.

— Ты не представляешь, насколько ты теперь права.

— Ника, он тебя там не сожрал? — раздался из-за двери голос Леры.

— Нет, он вообще-то сегодня смирный, — меланхолично отозвалась Ника, подбирая с пола брошенную книгу. Мартин разглядел обложку. «Тошнота», та самая книга, которую покупала Лера.

— Тогда я у тебя его украду. Сокровище, удели мне полчаса?

Лера успела зайти в комнату и стояла, привалившись к косяку, переводя взгляд с Виктора на Нику. Мартин не заметил на ее лице ни одной эмоции.

— Сейчас. Что-то случилось? — спросил Виктор, застегивая рубашку.

— Да, мой припадочный брат залил водой всю ванную.

Мартина поражало, с каким безразличием эти девушки говорили о безумии Виктора. Он чувствовал это безумие ясно, как свое собственное, и прекрасно осознавал, какую угрозу представляет для окружающих. Неспроста он, несмотря на весь свой эгоизм, всю свою самовлюбленность, предпочитал топить себя в ванне — тяга к боли и изощренность, с которой он ее причинял, пугала его самого.

«Может быть Лера не понимает, но Ника-то должна... впрочем, кто знает, какие шрамы есть у его сестры», — подумал он.

Сегодняшний день оказался слишком длинным. Еще светило солнце, но Мартин хотел только одного — лечь в кресло и перестать чувствовать что-либо. И чтобы во сне была только теплая, бархатная темнота, без голосов, лиц и разноцветных вспышек.

Он не стал этого делать.

Виктору тоже хотелось спать. Укрыться одеялом с головой, закрыть глаза и провалиться в пустой сон, где ему не нужно будет тащить на себе груз своих ошибок и лжи. В желании Мартина была усталость, в желании Виктора — малодушие. И оба не позволили себе забыть.

— Ника, сходи на кухню, хорошо? — попросила Лера.

Ника, пожав плечами, вышла из комнаты, прихватив книгу и лежавшую на полу кофту.

Едва за ней закрылась дверь, Лера перевела взгляд на Виктора. Ее огромные, темно-карие внимательные глаза словно были наполнены столь желанной им обоим темнотой. Особенной, похожей на крепкий до горечи горячий чай.

— Слишком часто, — сказала она.

— Скоро все закончится, ты знаешь.

Лера кивнула и села на край кровати. Виктор лег рядом, положив голову на ее колени.

— Бедный мой, глупый, уставший братик... что тебе сказать, как тебе помочь...

Виктор закрыл глаза. Лера перебирала его волосы кончиками пальцев и молчала. Потом отняла руки и через несколько секунд положила пальцы ему на виски. В воздухе раздался резкий запах, в котором Мартин различил мяту, лаванду и камфору. Теперь ее прикосновения были ледяными и покалывали кожу, оставляя после себя легкое онемение.

В душе разливалось что-то теплое и густое, как мед. Это чувство было золотым и наполнилось колючими искрами. От каждого прикосновения сестры оно становилось все ярче и отчетливее. Самым здоровым, самым человеческим из всего, что Мартин почувствовал сегодня, была эта любовь.

«Она знает о твоих приступах?»

«Моя сестра знает обо всем».

«И о Милорде?»

«Да».

«Ее не было в твоих условиях», — заметил Мартин.

«Ты ее не бросишь. Я знаю. Ты ведь не такой, как я».

— Тебе легче? — тихо спросила Лера.

— Да. Сегодня не так, как обычно. Послушай, зачем ты меня терпишь?

Мартин понял, что этот вопрос задан с единственной целью — чтобы он услышал ответ.

— Потому что ты мой глупый, потерянный братик. Потому что ты сделал нашу жизнь осмысленной, а еще потому, что ты оплачиваешь мой университет, — усмехнулась она. — А еще потому, что я всегда думала, что в мире, где я хочу жить, люди помогают друг другу.

«Меня ты за такое запер», — подумал Мартин. Вслух говорить не стал, чтобы не подавать идею.

Между тем резкий запах становился все мягче, а прикосновения почти перестали ощущаться. Разум Виктора мутился теплой, мутной дымкой. Создание переставало биться, дрожать и метаться от любви к ледяной жестокости.

— Потому что ты устал, и я тоже устала. Потому что мы живем в отвратительном, больном мире, и мы его дети, отвратительные и больные. Таким, как мы, нет места среди людей, такие, как мы, всегда будут где-то с краю, смотреть, как мимо протекает та жизнь, которой мы хотели бы жить, — Лера шептала эти слова, как заговор, продолжая гладить его по лицу.

Он не отвечал, отпуская измученное сознание и медленно погружаясь в сон, осторожно, как недавно в воду.

Мартин изо всех сил старался не поддаваться этому теплому волшебству и не последовать примеру Виктора. Мысль поговорить с Лерой мелькнула и погасла — ему пока нечего сказать.

Наконец он почувствовал, что остался один. Виктор уснул, и скоро Лера встала,

накинула на него одеяло и вышла, тихо закрыв дверь.

Он лежал, мучительно борясь со сном, и думал, что ему нужно время, и еще о том, что времени у него нет.

Виктор обозначил правила. Нельзя умирать вдвоем. Если бы Ника была экзальтированной девочкой с непредсказуемым поведением — он, может и рискнул бы. Но, кажется, Ника не только умна, но и прекрасно отдает себе отчет в своих действиях. Да, умереть она пыталась явно не обдуманно. Но это в первый раз, и она прекрасно знала, что может наступить второй, и к нему она будет готова.

Умирать одному Мартину не имело смысла. К тому же сейчас, когда проем снова появился, он скорее всего не сможет просто уйти в темноту.

Оставался еще один вопрос, не дающий покоя. Да, Виктор очень устал от собственного безумия. Он изо всех сил сопротивлялся ему ради тех, кого любил. Когда он только приехал — не был по-настоящему безумен, а потом, когда осознал ужас своего положения и опасность, которую представляет, стало поздно.

«Зачем ему оставлять меня в живых? Видимо, сделка с совестью, к тому же он явно любит диктовать свои условия. Надеется след после себя оставить, заставив всех жить ту жизнь, которую он выбрал...» — думал Мартин, машинально подкидывая какой-то мелкий предмет. Поймав себя на этом, нахмурился и сжал его в кулаке — он не создавал себе никаких мелочей.

Разжав ладонь, он обнаружил на ладони пуговицу. Он помнил ее слишком хорошо — такие были на одном из любимых жакетов Мари, крупные, красные, с черной каймой.

Почему-то Мари вспоминалась ему все чаще. Первая жертва, рубеж, за которым обрывалась их с Виком надежда на счастливую жизнь?

Мартин вдруг вспомнил ее искалеченные руки. Она рассказывала, что любовник в порыве ревности прижег их утюгом, после чего ей пришлось носить перчатки всю оставшуюся жизнь. Красивые женские руки, изуродованные разводами шрамов. Погибшая красота, то, чем полнился теперь их мир.

— Как убить его, не убивая нас обоих?.. — пробормотал он, задумчиво глядя пуговицу кончиком пальца.

— Встань с кровати и выпей таблетки у него в ящике, котенок.

Голос раздался из кресла, стоящего у почти погасшего камина. Мартин видел только высокую лиловую спинку, край подлокотника, и на нем очертание женской кисти в черной бархатной перчатке.

— Я с ними за компанию сошел с ума?

— Ты говоришь сам с собой. Ты часто обо мне думаешь, котенок, может быть, я всегда тебе нравилась, а может тебя мучает совесть за то, что твой друг меня убил, — промурлыкал голос.

— Хватит с меня его Милорда. Мне не нужны воображаемые друзья.

Мартин почти не удивился. Это лишь логичная часть происходящего абсурда.

— Я не твой воображаемый друг. С меня все началось, с моей помощью ты все и закончишь.

— Это ты виновата в том, что он стал таким.

— Верно, мой мальчик, это ТЫ виноват. Ведь кресло все еще пустует. А теперь прислушайся к мудрому совету — иди и выпей таблетки.

— Ты думаешь, сознание будет принадлежать тому, кто первым успеет его заглушить?

Это я безумие. Скорее всего, я запру сам себя.

— Тогда завтра он не выпьет таблетку, и вернешься обратно, что ты теряешь?

— Нет. Ты помнишь, что Виктор сказал — он верил, что запрет меня. Поэтому у него получилось. Я не верю, а ставить такие эксперименты над психопатом... Нужно что-то другое. Должно быть решение, простое и изящное...

Мартин встал и начал мерить шагами комнату.

— А ты правда хочешь его убить?

— Об этом я буду думать, когда пойму, как это сделать, а лучше — когда сделаю. Ты же видишь, он себя не контролирует. Он все опаснее с каждым днем.

— Он так тебя любит... До сих пор так любит тебя...

— Умолкни. Не можешь помочь — молчи.

— Какой хороший совет. Может, он годится и для тебя? Уходи в свою темноту. Не терзай себя больше.

Мартин оставил пассаж без ответа. Если голосом Мари и приспичило говорить его подсознанию, то прислушиваться к нему он точно не хотел.

Задумавшись, он сел в кресло. Вздрогнул и встал — кресло было пустым. Ни следа чужого присутствия, даже шлейфа приторно-пудровых духов в воздухе. Только пуговица все еще зажата в кулаке.

— Конечно, ей неоткуда здесь взяться. Но черт возьми, почему Мари? Почему не Рита, перед ней мне гораздо больше стыдно... Мари со своим театром, маркиза, чтоб ее, де Мертей... С театром... — шептал он, глядя на красные отсветы на углях.

Мари, женщина, которая умела рассказывать истории и заставляла других их проживать. Беспринципная и амбициозная Мари, ставшая первой «Офелией» Виктора. Серые волны белые цветы и красный шлейф на воде — все, что осталось от нее.

Или нет?

Театр.

Истории, которые проживают другие.

«Ты не лжец, Мартин. Ты рассказываешь сказки» — сказал ему Вик там, в темноте.

— Расскажи мне, взрослому, сказку... — прошептал Мартин.

Мысль была тонкой, туманной нитью. Он боялся прикоснуться, чтобы она не растаяла в воздухе, не оставив следа.

Но чтобы эта мысль стала осязаемой, ему нужно убедиться, что ей стоит становиться такой.

У него мало сил. Удивительно, что он вообще мог создавать что-то после того, как они с Виктором окончательно потеряли веру в чудеса. Может потому, что его миражи никогда не были чудесами.

Потому что сказочные иллюзии и кошмарные видения имеют одну природу.

Он встал с кресла и несколько минут смотрел в проем, вода кончиками пальцев в сероватом свете. Сначала на кончиках пальцев дрожал белый туман, рвущийся в проем. Затем туман начал принимать очертания, и Мартин чувствовал, как он сопротивляется, не желая становиться той, чей образ вырывался из сердца. Как боль начинает медленно давить на запястья, как обжигает пальцы, будто полоснули хлыстом.

Мартин думал, что ничего не выйдет. Что образ растает, как бабочка, которую он так и не смог призвать, что этой болью он только ослабит себя и ничего не добьется...

А потом все закончилось.

У него получилось. В проеме стоял призрак девушки в сиреновом платье и белом венке. Мартин подошел снял венки, коснувшись прохладных цветов. Бросил в камин.

— Скажи что-нибудь, — потребовал он.

— Мне очень жаль, — тихо отозвалась Риша.

В ее голосе он не слышал эмоций. Это не человеческая отрешенность Ники — звон пустоты в душе.

Чуда не получилось. Шмели, бабочки и Орест получались живыми, а это — лишь кукла, его воспоминание о Рише, нарисованное в проеме.

Он протянул руку, коснулся ее щеки — кожа была прохладной, словно Риша замерзла. Или умерла.

Закрыв глаза, Мартин обнял ее, пытаясь согреть. Прижался лицом к волосам и позволил себе минуту самообмана — шептал ей все, что не успел сказать в реальности, глядя по волосам и позволяя собственной невысказанной боли наконец вытечь наружу словами. Словно пытался напоить ее собственной душой. Он говорил, и каждое слово затягивалось вокруг горла шелковой лентой, грозя задушить.

Риша замерла в его объятиях, холодный призрак, которому не стать живым. Он не чувствовал биения сердца, тепла или дыхания, ничего, что сделало бы ее настоящей. Слова не помогли.

Мартин не разжимал объятий и не открывал глаза. Осталась всего одна идея.

Виктор твердил, что он — Бог, но он совсем забыл, что рано или поздно Боги приносят себя в жертву своим созданиям или умирают. У Мартина ничего не было. Только зыбкая надежда, что у него получится. Что этот мотылек не растает прежде, чем он попробует.

Сделав шаг назад, он протянул к проему руку. Созданный предмет послушно отозвался прохладной тяжестью на ладони.

Бритва. Такая же как та, которой Виктор убил Мари. Еще одно воспоминание, предмет, который он уже создавал не желая этого.

Мартин, вздохнув, раскрыл бритву и, стараясь не думать, чем это может кончиться, сжал лезвие.

Боль растеклась по коже, колючая, но далекая и приглушенная. Он успел с сожалением подумать, что ему не удастся так просто удовлетворять стремления Виктора. А потом сложил ладони, позволяя им наполниться кровью. Протянул Рише:

— Пей.

Она стояла, не двигаясь и бесстрастно смотрела пустым бледно-голубым взглядом.

— Я сказал пей! — повторил он, с удивлением различив в собственном голосе рычащие нотки.

Он никогда не говорил так с Ришей. И не стал бы говорить, но он ясно понимал разницу между иллюзией и реальностью. И когда она коснулась прохладными губами его ладони, Мартин не ощутил ничего, кроме отстраненного интереса.

Риша подняла на него взгляд, пронзительно-голубой, как весеннее небо. Мартин тщательно вытер руки платком, а потом кончиком пальца стер с ее потеплевших губ черный след.

— Я тебе не верю, — сказал он.

— Мне жаль! Слышишь?! Да, мне жаль! — выкрикнула она, и на глазах ее выступили слезы.

— Отлично. А теперь иди туда и скажи Виктору... Прочитай ему «Человек и море».

— Что?

— Прочитай ему «Человек и море» Бодлера, из твоей чертовой книги, — с нажимом повторил Мартин.

Кивнув, Риша развернулась и шагнула в проем.

Мартин хотел подойти и попробовать посмотреть, что у него получилось, но не смог. Его жестоко мутило, а комната все больше расплывалась перед глазами.

«Да что я вообще могу», — подумал он, бессильно опускаясь в кресло. На подлокотнике осталась широкая смоляная полоса.

Но ниточка стала чуть более осязаемой. Теперь все зависело от того, приснится ли Виктору Риша, читающая стихи. Мартин еще сам не понял, чего именно хотел добиться, но вся надежда была на то, что морок не растает.

Он засыпал и ему снилась Мари, выстукивающая тростью такт вальса. Риша держала Вика за руку и замороженно смотрела на женщину, которая начинала историю, конец которой никто не знал.

Действие 6

Мой друг Генри Джекилл

Я дал своей боли имя и зову ее «собакой».

Ф. Ницше

Виктору снилась Ника, рисующая у пруда в парке. Осенний вечер бросал на ее лицо синие тени. Перед ней стоял мольберт, и она не открываясь смотрела на него, опустив руку с кистью так, что краска пачкала длинную черную юбку. Наконец, она подняла кисть к сгибу локтя, коснулась холста и провела единственную, длинную линию. Виктор прищурился. Она должна держать в руках палитру, но ее не было. Кисть она обмакнула в рану, тянущуюся от запястья к локтю — хирургически ровный, уверенный разрез. Белоснежные широкие рукава старомодной рубашки были испачканы в крови, казавшейся черной в осенних сумерках.

— Ника...

Она подняла голову, и он, не сдержавшись, отшатнулся, увидев чужое лицо. Риша смотрела на него белыми глазами, в которых не было ни следа цвета весеннего неба.

— Ты меня забыл... ты меня предал.

— Я никогда тебя не предавал, — прошептал он, протягивая руку.

Риша сделала шаг назад, и Виктор увидел, как по ее щекам заструилось что-то черное и густое, как смола.

— Ты меня предал. Ты себя убил, теперь больше не помнишь меня такой, какой я была. Предал Мартина — зачем запер его? Ему придется стать твоим врагом.

— Ты не понимаешь! Это ты от меня ушла, ты сбежала, не попрощавшись, в окно, как кошка...

— Я не хотела видеть, во что ты превратишься. Ты ведь любишь другую, почему меня не отпустишь?

— Я люблю тебя... всегда любил тебя... и в ней... только тебя...

Он хотел подойти, но внезапно мир качнулся перед глазами, и чтобы не упасть он схватился за первое, что показалось ему опорой. Мольберт только тихо скрипнул, ломаясь пополам.

Картина упала на землю. Это не пейзаж, не городской пруд, в котором топился ржавый свет фонарей. Виктор со свистом втянул воздух сквозь зубы.

Он помнил этот портрет. Когда-то с него и началась игра, которую сейчас уже нельзя остановить.

Мужчина с волнистыми каштановыми волосами, лежащимися на плечи. Длинный нос, тонкие губы и черточки морщин в уголках глаз. Темно-зеленый сюртук, шелковый серый шарф и на фоне — темнота, полная неясных очертаний.

Картину перечеркивала широкая кровавая полоса.

Мартин дотянулся из своего склепа, который забрал у него надежду найти новую любовь.

Виктор с трудом оторвал взгляд от портрета и посмотрел на Ришу.

— Ты все запутал. Все испортил, — тихо сказала она. — Что нам теперь делать?

— Нет никаких «нас», солнце мое, — глухо ответил он.

Риша только горько усмехнулась. Виктор отрешенно смотрел, как черные дорожки слез прожигают насквозь ее лицо, обнажая кости. Он снова не мог помочь.

— Как зеркало своей заповедной тоски! Свободный Человек, любить ты будешь Море! — вдруг выкрикнула она.

Мартин наблюдал с портрета строгим темно-серым взглядом.

Виктор не смотрел на Ришу, только слышал, как она говорит и что-то тяжело капает в холодные лужи.

...

Мартин проспал недолго. Он с детства не любил спать — сон казался похожим на смерть, к тому же он постоянно боялся, что именно в эти часы произойдет какое-нибудь несчастье. Только раньше покоя не давал страх за Вика, а теперь — страх, что Виктор что-то натворит.

Виктор спал крепко, запертый в своем кошмаре, и Мартин вышел из дома, оставив приоткрытой дверь.

Несколько минут он собирал обломки беседки, но мысли были далеки от ремонта.

— Какая же все-таки тварь! — прошипел он, подпирая покосившуюся балку.

Никого Мартин не спас, никому не помог, и сейчас вынужден думать, как выиграть игру, правила которой придуманы против него.

Не умирать.

Не убивать обоих.

Говорить с Никой.

Убить Виктора.

Попытается убить обоих — Виктор отыграется на Нике в случае неудачи. А если удастся, Ника сама на себе отыграется.

Говорить с ней — значит обманывать влюбленную девочку, играя с ней так же, как играл Виктор.

Его душила злость и едкая, обжигающая вина.

Видение, которое он так отчаянно гнал от себя, настигло здесь, в темноте. Она всегда была честна — не прятала от него сути, не прикидывалась другом, ничего не обещала и не нарушала обещаний. И вот сейчас, проникая в легкие с каждым вдохом, разливаясь в крови колючим и царапающим, темнота вызвала в памяти...

Он больше не мог отворачиваться. Не просто треск рвущейся ткани преследовал его — это он, Мартин, рвал ворот темно-синей блузки. В воспоминаниях Виктора ему не удавалось оставаться сторонним наблюдателем, они проживали каждый момент вместе. И это Мартина мутит дурным, звериным чувством затянувшим разум, словно нефтяная пленка — морские волны. Он не может понять, что именно происходит. Не слышит тех слов, которые произносит Виктор, только чувствует, что каждое из них похоже на глоток воды для страдающего от жажды. Не слышит, что пытается сказать Ника — ее слова становятся белым шумом, фоном, который только заставляет темноту в душе заходиться в вибрирующем экстазе.

Что было до. Что будет после. Все тонет в звенящей черноте. Но Мартину достаточно того, что он успел увидеть и почувствовать, сумев отделить собственный ужас от совершенного от чувств Виктора и мучительного, жгущего сострадания. Несколько обрывков, кусочки головоломки.

Новые красные флажки на пути к свободе. А выстрелы звучат все ближе.

А где-то там, в темноте, в своем Неверленде оставался белоснежный призрак мальчика с огромными светло-серыми глазами. Он смотрел в темноту, которую ему предстояло вдохнуть, которой ему предстояло покориться. Сжимал руку Мартина прохладными тонкими пальцами.

«Ты теперь совсем взрослый». «Жестокие и страшные глупости». «Расскажи мне, взрослому, сказку».

— Что я могу ему рассказать?!

Он бросил собранные обломки на землю и сел рядом, бессильно опустив руки. Мысль, которая еще вчера казалась ему выходом, мелькнувшая во тьме путеводная нить, ускользнула от него. Риша сделала то, что он потребовал, но от этого не было никакого толка. История, которую он пытался рассказать, смешалась с безумием Виктора и утонула, растеклась ядовитыми слезами по лицу.

Хотелось плюнуть на все, самому уничтожить проем, а потом лечь подальше от дома, закрыть глаза и утонуть в густой черноте, такой пустой и милосердной. И пусть его сколько угодно хватает за руки призрак Вика — он сделал все, что мог. Никто не был в праве требовать от него большего.

Но он не мог.

Как бы Ника ни говорила с ним, сколько бы ненависти не было в ее взгляде — она заперта и не может уйти. Не только наручниками, которые по всей видимости Виктор достал только для того, чтобы Мартин сразу понял, что происходит.

Нет, Виктору нет нужды связывать и пристегивать.

Чем больше Ника влюблялась в Милорда, тем меньше становилось шансов вырваться из этого дома к нормальной жизни. Наверняка она врала что-то родителям и друзьям, если они были, чтобы ее точно никто не искал и не пытался спасти. Потому что иначе ей придется дописать букву «М» на его спине, соединяя точки лезвием ножа.

И Виктор не мог отпустить Нику, хотя явно боялся снова причинить ей боль. Потому что любил ее, потому что она должна была любить Мартина — неважно. Главное, что Виктор продолжал держать ее рядом. Смотрел на нее изо дня в день, вынужденный притворяться другим человеком, чтобы получить не фальшивую, не вымученную, а настоящую любовь. Мартин не сомневался, что его это раздражало. Что он ревновал к созданному им же человеку, и, скорее всего, к Мартину тоже. Он не сомневался, что однажды это кончится плохо для всех. Мысль о том, что Виктор просто совершит очередное убийство внезапно перестала казаться худшим вариантом. С его тягой к истязаниям он мог придумать куда более изощренный способ отомстить.

— Ну конечно, — прошипел Мартин, сжимая валяющийся рядом обломок балки. Он даже не заметил, как дерево между его пальцев превратилось в белоснежную пыль, медленно осыпавшуюся на землю.

Виктор не терпел лжи. Он чувствовал фальшь чутко, как охотничий пес — дичь. Поэтому он в конце концов и сдался «Дождям». Даже умея превосходно врать, Виктор дал Рише лучшее, что мог — настоящего Виконта. И сейчас, загнав самого себя в ловушку, возведя между собой и миром, в котором хотел бы жить, непреодолимый барьер, он просто мстил за то, что этот мир оказался недоступен.

Ника не будет любить его? Превосходно. Мартин, не простит его выходов? Прекрасно.

Осталось понять, какая роль здесь у Леры — вчера Мартин чувствовал, что Виктор любит сестру и покоряется ей без сопротивления. Это было особенное чувство, не похожее

на прежнюю, детскую любовь и на любовь к Мартину.

Но что чувствует сама Лера?

Мартин сидел, глядя пустым взглядом на белоснежную пыль, устилавшую беседку, и в голове не было ни единой мысли. Чем больше он думал, в каком положении оказался, тем больше понимал, что не знает человека, в теле которого он оказался заперт.

Вокруг — только разруха, темнота, красные сполохи и белая пыль. Мертвые кусты, оставшиеся от сада. Куда-то пропали все шмели, раньше кружившие у роз — видимо, созданные им существа все же могли умереть.

Эта мысль оказалась неожиданно горькой, словно в шмелях и розах воплотилось все, что он когда-то создавал, все, что казалось ему реальным. Поддавшись этой мысли, Мартин не сразу обратил внимание на слабое движение в пыли у себя под ногами. Протянув руку, он бережно поднял на ладони полуживого шмеля.

— Ты выжил, дружок? Как ты уцелел? — тихо спросил он, осторожно сдувая пыль. — Даже тебе больно... Давай посмотрим, что можно сделать.

Мартин огляделся. Ни одного живого куста, все застыло белоснежными тенями, расцвеченными багровыми вспышками.

Шмель на ладони тихо гудел и щекотал кожу пушистыми лапками. Мартин осторожно накрыл его второй рукой, с почти затянувшимся порезом, и почувствовал, как ладони наполняются теплом. Когда он убрал руку, шмель медленно поднялся в воздух и направился к кустам.

Мартин проводил его взглядом. Мысль, которая родилась вчера, ожила и толкнулась о виски, настойчиво и упрямо.

Он подошел к кустам и накрыл ладонью одну из мертвых роз. Зажмурился и попытался представить, что невидимые нити соединяют его с кустом.

Ничего не произошло. Розовый куст остался мертвым. Он не мог воскрешать и чинить сломанное.

Шмель с обиженным гудением сел на лацкан сюртука и затих. Мартин задумчиво смотрел на кусты. Нарисовать новые?

Мартин задумчиво осмотрел на ладонь, перечеркнутую тонкой красной линией.

Бритва все еще лежала в кармане. Он чувствовал ее сквозь подклад сюртука и ткань брюк, словно рукоять касалась кожи. Ледяная, гладкая, с небольшой трещинкой и съемным лезвием. Лезвие Виктор подбросил режиссеру, а рукоять... куда он дел рукоять?

Мартин достал бритву и вытащил лезвие, молча глядя в его зеркальную поверхность. Потом прикоснулся к нему кончиком пальца, подождал, пока кровь растечется по коже и сжал в руке мертвую розу. На сухих желтоватых лепестках остались черные пятна.

Мартин наблюдал.

Пятна медленно исчезали. Сухие лепестки впитывали их, и несколько секунд Мартину казалось, что этого недостаточно, что власть над собственным миром окончательно потеряна.

Все же дети всеильны — пока он верил в то, что может построить дом и создать живого шмеля или светящуюся рыбку все, чем ему приходилось расплачиваться — слабостью и головной болью. Когда он вырос — продолжал верить, потому что не было еще Мари с ее историями, и проклятой бритвы с ледяной рукоятью.

Теперь все иначе.

«И-на-че», — мурлыкнуло из темноты.

Роза медленно расправляла лепестки, единственный живой цветок на высохшем кусте — белоснежный, бархатисто-прохладный на ощупь.

— Значит, вот так теперь мы будем играть, — прошептал Мартин, провожая взглядом сорвавшегося с лацкана шмеля.

Если Виктор жаждет крови — он получит ее.

...

Виктор смотрел в потолок, позволяя серому домашнему полумраку смыть остатки кошмара, словно теплой речной воде.

Нет рядом ни Ники, ни Риши с обугливающимся под черными слезами лицом.

— Почему?! — не удержавшись, выкрикнул он в серую тишину, швыряя подушкой в стену. — Почему так?!

«Кажется, это ты так решил», — отозвался Мартин, вернувшийся из беседки.

— Ты! Скажи мне Мартин, какого черта?! — хрипло спросил он, садясь на край кровати. — Я видел... видел...

«Я знаю», — сдержанно отозвался Мартин, и в его голосе Виктор расслышал странное разочарование.

Его знобило. Холод, растекающийся в груди был мокрым и тяжелым, он сжимал легкие и давил на ребра, делая дыхание свистящим и хриплым и добавляя в воздух битое стекло.

«Чудно. Я не знаю, что сказать. Кто-то говорил, что он Бог и от пневмонии не умрет», — напомнил Мартин, и сарказм в его голосе раздражал сильнее нехоти свалившейся болезни.

— Я много чего говорил. Не заметил — я все время вру, — огрызнулся он.

Почему ему казалось, что Мартин способен заполнить чем-то пустоту в его душе? С чего он взял, что возвращение Мартина исцелит какие-то раны, даст жизни смысл и что игра, которую он начал и правда что-то исправит?

Ники не было в комнате. Наверняка читала на кухне. Он представил себе, как она сидит в кресле, закинув ноги на подлокотник. Рядом на столе — чашка чая и полная пепельница. Ника много курит, когда никто не видит. Мало ест, много курит, пьет много кофе и чая, и всегда делает это незаметно для остальных. Иногда Виктору казалось, что он влюбился в тень, вырвав ее из стены и заставив принять облик девушки, которая жила с ним. Где-то оставалась ее хозяйка — совсем другая, та, кого он увидел под маской отчужденности в беспощадном дневном свете, когда...

«Покажи мне», — вкрадчиво попросил Мартин. Виктор чувствовал его напряжение, а закрыв глаза, увидел, как он исподлобья смотрит в проем. В глазах застыла настороженность.

Сил и желания сопротивляться не было. Если Мартин сейчас решит силой завладеть его памятью — он сможет увидеть там все, даже то, что Виктор приберег на потом. Лучше он сам...

Но ему совсем не хотелось снова погружаться в воспоминания, позволяя ярким, болезненным вспышкам обжигать измученное сознание. Виктор чувствовал себя одиноким, разбитым и больным. Рядом с Мартином эти чувства только усиливались, мешаясь с черной тоской, словно масляная краска на палитре.

У Ники были руки художницы — с длинными, тонкими пальцами, в которые намертво въедалась краска. Говорила, что у нее не женские руки. Что кожа сухая от частого мытья, а еще от того, что она постоянно стирает краску растворителями. А он прижимался лицом к ее

ладоням и шептал, что никаких других прикосновений не хочет. Он самозабвенно лгал, а она проводила по его лицу горячими сухими пальцами, гладила по волосам, улыбалась, и в ее глазах отражалось небо.

Виктор видел, что она счастлива и влюблена. Он пил эту любовь из ее рук, собирал губами с ее лица, но не мог усмирить рвущейся изнутри тьмы. Потому что любви ему было мало.

Он привык к тому, что его любят. Все детство даже в самые черные моменты его согревала любовь Мартина, представлявшаяся ему раскаленной искрой под сердцем. У него не было повода сомневаться в этой любви. Риша любила его, искренне и самозабвенно, до тех пор, пока он не совершил самоубийство, перерезав себе горло и упав в ледяную воду рядом с Мари.

Никаких искорок. Никаких цветов.

«Покажи мне», — потребовал Мартин, почувствовав очередной момент слабости.

Ему нужна была правда, Виктор понимал это. Не только ядовитая пытка в темноте, полной ледяной воды.

— Смотри, — покорно кивнул Виктор.

Он лег на спину и запрокинул голову.

— Мартин?

«Что?»

— Я правда любил ее, — сказал он закрывая глаза.

Эту память он не хоронил и не запирает. Она была его спасением, лучом маяка, который стоял на скале посреди штормового моря. Маяк вел к гибели, черные скалы щерились в беснующуюся воду, но он не хотел переставать верить этому белоснежному лучу.

...

Лера узнала не все. Ника приходила рисовать и днем, только предпочитала небольшую полянку в глубине парка.

Рисовала она другую картину, не ту, что по вечерам.

При свете она выглядела совсем иначе, будто тоже делила тело со второй душой. Исчезла строгая меланхоличная девушка в черном пальто. Днем она одевалась ярко, нарочито, вызывающе ярко. Виктор не решался подойти к ней и молча наблюдал издалека.

Ника убирала волосы в высокую прическу, закрепляя ее заколкой с огромным красным цветком. В тон цветку подводила губы красной помадой — на белом лице этот яркий акцент выглядел устрашающе, но Виктор каждый раз ловил себя на том, что смотрит именно на ее губы. Другой косметики на лице не было.

Она носила длинные пышные юбки, украшенные этническими узорами, широкие пояса и блузки с летящими рукавами, которые во время работы закатывала выше локтей. На груди, на длинной цепочке болтался огромный деревянный «пацифик». Эта не то цыганская, не то хипповая пестрота была непривычна. Она почти раздражала Виктора, которому была понятнее девушка в черном, замкнутая и отрешенная. Эта Ника — живая, пестрая, совсем не похожая на Ришу, словно обманывала его ожидания.

Когда она рисовала — полностью растворялась в работе, надевая наушники и погружаясь в картину. Виктор проверял — Ника не слышала его шагов и не обращала никакого внимания, даже если он становился за ее спиной и заглядывал через плечо. Главное — не бросать тень на картину и не загораживать свет.

Как-то раз он увидел в лежащем на траве раскрытом эскизнике серые очертания

морских пейзажей.

«Мартину бы понравилось», — каждый раз думал он, и каждый раз раздраженно отметал эту мысль, заставлявшую его почти ненавидеть эту девушку, у которой была одна с Мартином мечта.

А еще у нее было письмо.

Может быть, Мартин положил на бумагу кусочек своего сердца. Виктор знал, это было так в его манере — разорвать себя на куски, чтобы спасти кого-то. А в том, что Мартин спасал Нику, Виктор не сомневался ни минуты.

Эта игра надоела ему быстро. Хотелось действия. Разгадать тайну. Узнать, что она рисует у пруда — вечером он не осмеливался приблизиться, чтобы не спугнуть ее зыбкого уединения. Он хотел появиться на сцене, как учила Мари — ярко, выбросив в зал единственной зрительнице запоминающийся образ, историю-крючок в прологе, который будет медленно впиваться в сознание и подсечет в финале. Главное — чтобы зрительница не теряла иллюзии, что всегда может покинуть зал.

Ему нужен был план. Повод подойти к ней и заговорить.

Повод пришел к нему сам.

Виктор, не сопротивляясь, вспоминал вечер, когда он возвращался домой из парка. Шел ледяной дождь, бросавший воду под ноги крупными, частыми каплями. Пустую улицу освещал только тревожный желтый свет фонарей, растворявших зыбкий свет в дождевой мороси. Виктор радовался, что догадался взять зонт. Идти, подняв воротник и мрачно смотреть по сторонам, иногда отбрасывая со лба намокшие светлые пряди может и было бы эффектнее, но сейчас не до театральных жестов. Зрительница давно зашла домой и сейчас наверняка сидела у окна в полутемной комнате, и тусклый свет монитора едва освещал ее лицо. Виктор видел эту картинку так ясно, что ему казалось, что он снова стоит у Ники за плечом и чувствует едва уловимый запах ее духов — кофе, лаванда, сухая трава.

Он шел, глубоко погруженный в свои мысли, и заметил, что идет не один, только когда что-то мокрое коснулось его ладони.

— Какого черта... надо же, как интересно.

Рядом с ним под зонтом стоял пес. Большой, рыжий, мокрый насквозь, с карим взглядом, полным тоски. Виктор даже вспомнил название породы — ирландский сеттер.

— Потерялся? Выгнали? — вкрадчиво спросил он, опускаясь на колени. — Как тебя зовут?

Подцепил пальцем бирку на ошейнике. Имя на бирке вспыхнуло в сознании красным сполохом и расползлось в горле хриплым истерическим смехом. Виктор стоял на коленях перед собакой посреди залитой водой улицы и хохотал, опустив зонт. И никак не мог остановиться. Вода стекала за воротник, лилась на лицо, но ничуть не остужала лихорадочного веселья.

— Ты... ты точно шел ко мне, — наконец выдохнул он, глядя длинные, висячие уши пса. — Только подумать, тебя зовут Генри! Поможешь мне? Ты хороший мальчик, верно? — проникновенно спросил он, протягивая ему руку словно для рукопожатия.

Генри вильнул хвостом и подал ему лапу. Виктор сжал ее, грязную, мокрую, но почему-то теплую, словно заключая договор.

— Пойдем со мной. Пойдем домой.

Если бы пес бросился бежать — он не стал бы ловить. Он не стал даже придерживать ошейник, предоставив Генри идти за ним самому. Потому что упирающийся и скалящийся

пес был не нужен. Но он дошел за ним до дома и сел на пороге, не покидая коврика у двери и не пачкая светлый ламинат.

— Совсем с головой не дружишь? — вяло спросила Лера, выпуская ему в лицо прозрачный сигаретный дым.

— Это Генри, — сообщил Виктор, потрепав пса по голове. — Его надо помыть и покормить.

— Просто прекрасно, — меланхолично ответила Лера. — Генри. Думаешь, в нашем дурдоме не хватает собаки?

— Солнце мое, если я говорю, что с нами будет жить собака — значит, она с нами будет жить, — Виктор снял пальто и сунул его Лере.

Ночью пес устроился у него в ногах. Виктор не стал его прогонять — ему казалось, так правильно. Выполнить любое желание пса, который хотел быть рядом со своим новым хозяином.

...

Виктор открыл глаза. Потолок все еще был серым. Он следил, чтобы в комнате даже днем не было светло, если он этого не хотел. Серый свет его успокаивал.

«Что было дальше? Где пес?» — спросил Мартин, и он не чувствовал ни одной его эмоции, кроме отстраненного любопытства.

Виктор почувствовал, как к горлу подступает завязавшаяся тугим узлом тошнота.

— Я...

«Кажется, я знаю, где собака, — устало произнес Мартин. — Не стыдно?»

— Нет, — с вызовом ответил он.

«Врешь», — мрачно усмехнулся Мартин.

...

— Генри! Генри, мальчик, что с тобой?!

Виктор стоял на коленях перед умирающим псом, прямо в грязной луже, не жалея дорогих брюк. Пес хрипел, бестолково суча лапами по воде. Виктор старательно отводил взгляд, чтобы не видеть желтоватой пены, стекающей по морде. Он прислушивался к приближающемуся частому перестуку каблучков и с трудом подавлял желание улыбнуться.

— Господи, какой кошмар! Что вы замерли, нужен ветеринар!

— Съел... что-то с земли подобрал и съел... — бестолково прошептал Виктор, поднимая полный ужаса взгляд. Ника стояла перед ним, придерживая подол темно-зеленой юбки и впервые смотрела прямо ему в глаза.

— Вам никто не говорил про намордники?! Есть машина?

— Есть... да, да, есть машина! — воскликнул Виктор, подхватывая пса на руки. — Вы не покажете, где здесь... я приезжий, не знаю, что...

— Да не трепитесь вы, пойдете скорее! — раздраженно прикрикнула она, сжимая его локоть.

На ее плече висела холщовая торба, в которой что-то глухо позвякивало при каждом шаге. Ника торопливо вела его к единственному выходу из парка, и лицо ее было сосредоточенным, без следа паники.

— Милая, вы не могли бы снять с моего пояса ключи? — спросил он, пытаясь удержать бьющегося в конвульсиях пса.

Она кивнула и на ходу торопливо ощупала его ремень.

— Откройте, — попросил Виктор, подходя к машине. Он уложил пса на заднее сидение, торопливо стянул пальто и накрыл его. — Могу я...

Ника сама села в машину, положив голову Генри себе на колени. Он уже не хрипел, только дышал, часто, со свистом втягивая воздух широко раскрытой пастью.

— Прямо, — сказала она, захлопнув дверь.

Виктор, кивнув, завел мотор.

...

Виктор открыл глаза. Он ждал, что Мартин даст ему почувствовать хоть одну из своих эмоций. Ждал осуждения, злости, ненависти — но не чувствовал даже тени ни одного из этих чувств.

«Молодец, — наконец сказал Мартин. — Дал ей себя спасти, а? Сказал, что это был твой пес, с которым ты вырос, а потом он так трагично тебя покинул?»

«Генри... Генри Джекилл, мой лучший друг...» — промелькнуло в памяти против воли Виктора. Они с Никой тогда сидели в кофейне, и она сжимала его запястье, унимая дрожь. Ее серые глаза были полны простого, человеческого сострадания.

«А без паршивых аллюзий ты жить не можешь», — огрызнулся Мартин в ответ на воспоминание.

— Ты думаешь, я хотел, чтобы так все кончилось?! — не выдержал Виктор, рывком садясь на кровати. Комната качнулась перед глазами, и он зажмурился, чтобы унять головокружение. — Все должно было... не так!

«Ну конечно, — устало отозвался Мартин. — Все должно было сыграть по-твоему. Ты Бог, и на Земле никто не будет святым. Эта девочка, посмевающая быть похожей на Ришу, страдает и удовлетворяет твою похоть, Дару ты убил за то, что она не хотела играть эту роль, меня запер, чтобы не помешал. Заставил сестру угадывать свои желания, убил собаку. Что могло пойти не так?»

— Как мне все исправить? Ну-ка расскажи мне, ты всегда был умнее всех, — прошепел Виктор, вставая и открывая шкаф. — Давай, Мартин. Где твое абсолютное добро? — он торопливо застегивал рубашку.

«Куда ты и твоя простуда собрались?» — с интересом спросил Мартин, проигнорировав вопрос.

Виктор по-прежнему не чувствовал ни одной его эмоции, и это злило все больше. Научился врать ему, научился скрываться? А может быть, ему правда стало наплевать и на него, и на его выходки?

— На работу. Раздавать детишкам героин, — огрызнулся Виктор.

«Сядь!» — внезапно приказал Мартин. Виктор замер, пытаясь осознать услышанное.

«Я сказал тебе сядь!» — его голос был холодным и полным презрения. Виктор почувствовал, как на плечо опускается тяжелая ладонь. И сел на край кровати, не в силах противиться чужой подавляющей воле.

«Отойди. В сторону, я сказал!» — это был не голос Мартина. Чей угодно, только не его — это говорил властный, отрешенный человек. Надменный и уверенный в том, что ему подчинятся. Виктор почувствовал, как изнутри рвется ледяная злость, но она не могла пробиться к сердцу, которое сейчас сжимал железными пальцами Мартин. И Виктор подчинился, уступив сознание. Встал у окна и стал молча наблюдать.

Мартин оделся и сел напротив зеркала. В этот момент дверь приоткрылась.

— Я... — начала Ника и осеклась, заметив его взгляд.

— Вон отсюда, — процедил он, махнув рукой. — Видишь, и я умею притворяться, — констатировал Мартин, бросив взгляд на закрытую дверь. — Ты с детства привык, что есть на кого свалить свои проблемы. Конечно, твоя память, неблагодарный ты крысеныщ, стерла ту часть, где ты шатаешься по дому голодный и брошенный, разговариваешь со стеной и спишь, заворачиваясь в дырявый отцовский свитер. Ничего. То, что ты не сдох с голода, не задохнулся, когда отец поджег кухню и что тебя не прирезала местная шпана — не иначе мой тяжелый грех.

Мартин замолчал. Виктор видел в отражении его темно-серые глаза, теперь напоминавшие наполненные свинцом грозовые тучи и изо всех сил старался сохранять надменное выражение лица, понимая, что Мартин видит его в зеркале.

Получалось плохо. Каждое слово Мартина ввинчивалось в сознание, находило трещины и надломы, беспощадно вытаскивая их на свет.

Мартин должен был ненавидеть его. Бояться. Играть по его правилам. Но не презирать, так же глубоко и искренне, как когда-то любил. В его презрении не было ни тени страха, ни намек на сомнения. Было отвращение. И это убивало вернее, чем любое другое чувство. Виктор отчетливо понял, что видит в отражении врага, которого больше не удастся запереть в темноте, заглушить его голос и постараться забыть. Он молчал, не находя слов для ответа. Мартин говорил правду, беспощадную и жестокую, как он сам. Ошибался только в одном — ничего Виктор не забыл. И никогда не забывал.

— Это я насильничал твою подружку, напоив ее снотворным? Отвечай, когда спрашиваю!

«Нет...» — прохрипел он.

— Тогда, может, это я морил тебя голодом и бил сапогами под ребра?!

«Нет...»

— А может быть, я хоть раз дал тебе повод думать, что я дурак и об меня можно

вытирать ноги?

«Нет», — ответил Виктор, и это тоже было правдой. Мартин всегда был умнее, хитрее и изворотливее. Но Мартин был добрым, и Виктор надеялся, что это станет его слабостью. Совсем забыв, что доброта Мартина бывает беспощадной.

— В таком случае вот тебе мой ответ об «абсолютном добре». Я тебе расскажу, где оно. Ты сейчас выгребешь все деньги, которые у тебя есть, включая мелочь по карманам со сдачи в ларьке. Насколько я помню, твои проклятые простуды длятся долго, но теперь думаю, очухаешься за пару дней. Тебе уже не добрый братик будет пихать в рот толченые таблетки из сельской аптеки, у тебя есть лекарства получше. Через два дня ты поцелуешь в щечку свою сестру, оставишь ей деньги на расходы и поедешь в клинику, адрес которой я назову. Запишешься там к доктору, имя которого я назову. А потом ты закроешь рот, сядешь у себя в комнате и я буду с ним говорить.

Мартин не сказал «дашь мне поговорить». Виктор ждал этих слов. Они бы подтвердили, что перед ним прежний Мартин. Разбили бы ледяную иллюзию.

— Я сниму нам комнату рядом с клиникой, а если потребуется — лягу в стационар. Будешь жрать, что скажут, ходить на процедуры и соблюдать все рекомендации врача. Если получится — вылечишься.

«Мартин...»

— Станем одним человеком. Настоящим, полноценным человеком. Я уравновешу твою дрянь, и ты будешь жить нормальной жизнью. Не знаю, какого цвета будут глаза, но мне, в общем-то, наплевать — меня не будет. И тебя тоже. Я выполню чертово условие, Ника получит своего Милорда, а ты сдохнешь, как и хотел.

Виктор закрыл глаза. Мартин нашел способ, казалось, единственно верный. Выполнил все условия.

«Я сказал: „не убивать обоих“», — напомнил он.

— О, ты хочешь поиграть со мной в слова? Ты же говорил о том, чтобы я не совал твою бестолковую башку в петлю, разве нет?!

«Я...»

— Умолкни. Я не закончил. У тебя есть два дня на то, чтобы выздороветь и подумать. Ты можешь отказаться. На этот случай у меня есть еще один вариант соблюдения твоих условий — ты сам удавишься, клянусь, я тебя заставлю, а перед этим сделаю все, чтобы Ника искренне возненавидела твоего Милорда. Я говорю с тобой честно, и, может быть, это последний раз, когда я так делаю.

Мир качнулся перед глазами — Мартин исчез. Просто ушел, рывком выбросив его в сознание.

Виктор остался сидеть на краю кровати, ошеломленно глядя на принадлежащее теперь только ему отражение.

Впервые в жизни его по-настоящему унизили, обратив против него собственную ледяную надменность и способность чувствовать людские слабости.

Это сделал не Мартин.

Кто угодно, только не он.

Действие 7

Истинная любовь

*Чтобы мой нож, вонзаясь, не видел раны
И небо не могло сквозь полог мрака
Воскликнуть: «Стой!»*

Шекспир «Макбет»

Дмитрий был в ярости. Виктор слушал, как он шипит в трубку, представлял, как искривляется его побелевшее лицо и чувствовал странное удовлетворение. Дмитрий стал не нужен — заработать он мог и сам, с другими поставщиками, а таблетки, служившие залогом их сотрудничества, теперь были бесполезны.

Дослушав тираду до конца, Виктор просто положил трубку, отчетливо почувствовав, как рвется еще одна ниточка, связывавшая его с годами одиночества.

Мартина не было слышно с тех пор, как он поставил ультиматум. Его словно не существовало — Виктор не видел его, не чувствовал присутствия и не мог вспомнить, просыпался ли по ночам. Он спросил Нику, и она ответила, что он спал так крепко, что реши она давить его подушкой — у нее бы получилось. Но она всегда легко врала и верить ей не стоило.

Впрочем, о подушке она явно говорила правду.

Простуда действительно прошла к концу второго дня. Мартин по-прежнему не появлялся, и Виктора начинало это раздражать.

— Я согласен, слышишь? Поехали, — сказал он утром третьего дня. Он сидел на кухне и боролся с мучительным желанием выпить. Все эти три года он не отказывал себе в алкоголе, но теперь ему нужно было ясное сознание, чтобы слышать Мартина.

А он молчал. Впервые за всю жизнь Виктор начал всерьез сомневаться в собственном разуме. Даже во время приступов он был уверен в реальности происходящего. Но сейчас все было по-другому.

Спросить у Ники, существовал ли когда-нибудь Мартин? Она говорила с ним, видела его. И она ответит «да», потому что до этого говорила с Милордом, которого он придумал специально для нее. Может быть, и Мартина он придумал для себя когда-то в детстве и никогда его не существовало?

— Мартин?.. — тихо позвал он, чувствуя себя полным идиотом.

— Что, окончательно головой поехал? — раздался за спиной мрачный голос Леры.

— Если бы я поехал головой окончательно, солнце мое — ты бы узнала об этом первая, — ответил он, оборачиваясь.

Лера стояла на пороге в пушистом сером халате и дурацких разноцветных тапочках, хотя к мрачному взгляду и стоящим дыбом выбеленным волосам больше подошел бы черный шелковый пеньюар, который Виктор ей когда-то подарил.

Она пыталась раскурить первую за день сигарету и бестолково щелкала зажигалкой.

Звук раздражал, царапая воспаленное сознание. Виктор, поморщившись, забрал у нее сигарету и прикурил сам. Протянул сестре, задумчиво наблюдая, как тлеет рыжая точка, и как ее губы касаются фильтра там, где только что он прикоснулся своими.

— Угу, спасибо. Собрался куда-то? Видела, ты сумку собираешь.

Она звенела чашками, не выпуская сигарету. Руки ее едва заметно дрожали. Виктор подумал, что если уголек упадет в чашку — придется перемывать, а значит, день окажется безнадежно испорчен. Мысль раздражала, а Лера будто специально раз за разом проносила то чашку, то банку с кофе в опасной близости от сигареты.

— Да, скорее всего. Лера, скажи мне, я сумасшедший?

— Конечно, — пожала плечами она, ставя чашку на привычное место. — Что за глупые вопросы, ты в ванной топишься дважды в неделю, свел с ума собственную любовницу, и ты же знаешь, что она мечтает тебя прирезать?

— Конечно, это я внушил ей эту светлую мысль.

— И ты еще спрашиваешь, сумасшедший ты или нет. Не знаю, что ты в своей деревне делал, но более поехавшего мудака я в жизни не встречала.

— В театре играл, — лениво отозвался Виктор, пробуя кофе.

— Я всегда знала, что искусство — зло, — меланхолично отозвалась Лера. — Слушай, ты не хочешь побыть хорошим старшим братом и сходить к сестре в школу?

— Оксана разве не бросила? — слегка удивился он.

— Господи, Вик, мы живем в одном доме, нельзя же настолько ее не замечать. Она не самый плохой человек, просто беспросветно тупая.

— Она мне отвратительна, — поморщившись, признался он. — Вообще вся, начиная от голоса и внешности и заканчивая характером. Не понимаю, как наша с тобой сестра могла вырасти таким ничтожеством, но я не желаю... в общем, если у учителей какие-то претензии — пускай с ними разбирается мать. В конце концов, она это воспитала.

— Там какие-то серьезные разборки, Вик, — вздохнув, призналась Лера. — Я боюсь, что наша мать не справится с ситуацией.

— Наплевать. Какие у нее могут быть серьезные проблемы? Из школы за плохие оценки хотят отчислить? Ради бога, пускай поступает в швейный техникум. Но если надо — могу дать денег на взятку.

Лера только кивнула, погасив в пепельнице окурок и тут же вытащив новую сигарету.

— Она между прочим книги начала читать, — задумчиво сказала она после первой затыжки. — Сидит и мучает. По пять страничек в день читает, часами, явно понять не может, что там написано. Я обложку посмотрела — справочник по этике. Раньше рецепт оладий прочитать не могла, она же сама мозгами как оладушек.

— Не хочу ничего о ней слышать, — отрезал Виктор. Его мало волновала судьба младшей сестры, особенно когда Мартин исчез по собственной воле и заставил сомневаться в своем существовании.

Лера пожала плечами:

— Ну и хрен с ней. Так ты куда-то едешь?

— Кажется, да.

— Чокнутую с собой возьми, — потребовала она. — Я ее боюсь.

— Ну что ты, солнце, она безобидная, — поморщился Виктор, в планы которого не входило раскрывать Нике цель своей поездки. — Хочешь я пристегну ее к батарее и заткну ей рот до самого возвращения?

— Да хоть утопи по дороге или Дмитрию своему в аренду посуточную сдай, лишь бы в доме ее не было. Мне она зачем? Она же еще хуже тебя, смотрит своими глазищами, как будто представляет, как я в муках подыхаю, и ей при этом скучно.

Виктор прикрыл глаза, вспоминая полутемную спальню, полную гаснувших огоньков свечей.

Никто, кроме него не знал, как Ника на самом деле умела любить. Не знал, какими нежными бывают ее руки, как она сбивчиво шепчет обжигающие искренностью слова и как пепельные волосы, струящиеся по спине, из завесы от мира превращаются в серый шелк. В ней не было Ришиной зажатости, ее не пугало его безумие и она отдавалась любви без остатка, так, как он сам когда-то умел.

У него было много женщин.

Риша, самая первая, оба раза дрожала в его руках и искала в их связи забвения. Он старался отдать ей то, что у нее забрали, оторвав от собственной души, и она выпила все без остатка, а излечившись покинула его.

Дара любила секс также, как и все, что приносило удовольствие. С ней он научился ненадолго забываться, отдаваясь ярким незнакомым ощущениям, а после она становилась ему отвратительна, потому что в процессе он не испытывал никаких эмоций, кроме вожделения. Остальных он не видел смысла даже вспоминать.

Но Ника... Ника была единственной, кто отдавал ему душу так, как он когда-то отдавал Рише свою. Только любила она не его, а Милорда, которого Виктор выдумал, чтобы вернуть эту ускользящую любовь.

— О чем задумался? — Лера смотрела с другого конца стола, словно пытаясь прочитать его мысли по лицу.

— О том, смогу ли выполнить твою просьбу, — соврал он.

В душе пробуждалась колючая тоска. Нику заберет у него Мартин, которому она и предназначалась, и он не сможет ни полюбить ее, ни оттолкнуть. Честный Мартин, который будет вынужден лгать всю жизнь — один из исходов игры, который устраивал Виктора. Или он думал, что устраивает. Идеальная месть, безвыходная ловушка. Когда-то ему казалось, что оба это заслужили. Ника — за то, что была похожа на Ришу и за то, что не любила его. Мартин — за то, что заставил его верить в Правильный мир, который оказался миражом.

Но что, если они ни в чем виноваты не были?

«Отыгрывать назад все равно поздно», — с усмешкой подумал он, ставя на подставку опустевшую чашку.

— Долго думаешь, — голос Леры вдруг показался ему не менее отвратительным, чем голос Оксаны.

— Хорошо, я заберу ее. А может, ты мне захочешь составить компанию, милая сестра? — усмехнулся он.

— Ты хочешь избавить меня от своего общества и спрашиваешь, не хочу ли я подольше им насладиться? — скептически спросила она. — Увольте, дорогой брат. Хочу хоть раз помыться, не боясь, что тебе срочно приспичит топиться и мне придется смывать шампунь в раковине на кухне.

— Я же извинился, — поморщился он. Воспоминания были не из приятных, к тому же привычный ритуал самоистязания сильно отравлял густой запах клубники со сливками.

— Толку мне с твоих извинений, еще и облапал, пока выставлял. Короче, хочешь ехать, еще и со своей полоумной — скатертью дорожка.

Виктор вспомнил, как из последних сил швырял Лере в коридор полотенце, борясь с желанием оставить дверь открытой. Об остальных своих желаниях в тот момент он старался не вспоминать. Признаваться себе, что разбудило в душе прикосновение к горячей обнаженной коже, оказалось неожиданно неприятно, хотя Виктор давно считал себя законченным подонком.

Он даже не заметил, как Лера ушла с кухни, оставив его в прокуренном полумраке.

— Куда мне ехать-то, скажи?! — спросил он Мартина.

Но ответа не было. Он остался один, словно и не было этих нескольких дней после возвращения Мартина.

«Может быть, он действительно умер, а его возвращение мне только померещилось?» — мелькнула паническая мысль.

Такой исход разрушил бы все. Весь его план, всю суть игры, весь оставшийся в жизни смысл. Если это так — останется задушить Нику и удавиться самому.

И Леру заодно.

— А если я сейчас зайду в спальню и сломаю Нике пару пальцев — тоже будешь

молчать? — решил он.

Он не почувствовал ни одной ответной эмоции. Может быть, потому что Мартин ему не поверил. А может быть потому, что Виктор окончательно обезумел.

И почему-то вместо злости в этот момент пришла щемящая, липкая тоска. Вяжущая, безысходная тоска, растекшаяся по венам ледяной слизью. Внезапно в душе зажглось нестерпимое желание набрать ванну, на этот раз с горячей водой. Достать из тайника за плитусом в комнате бритву, ту самую, которой он когда-то перерезал Мари горло. Лечь в горячую воду и водить лезвием от запястья к локтю, отдаваясь щемяще-сладкому чувству, с которым вытекает холодная дрянь. Ему стало бы гораздо теплее, он был бы счастлив, как в детстве, когда Мартин рассказывал сказки и выпускал светящихся бабочек в темноту, которая переставала быть страшной...

«Я напишу тебе адрес», — раздался голос Мартина. Виктору на секунду показалось, что он чем-то ужасно доволен, но в следующее мгновение эмоции сменились отчетливым полубрезгливым равнодушием.

— Мать твою, Мартин, какого ты творишь?!

«Выходил погулять. В твоих условиях не было „замуровать себя в комнате“».

Виктор прикрыл глаза. Мартин сидел в проеме, заведя за спину левую руку. Его лицо оставалось невозмутимым, и Виктор почувствовал, как в душе шевельнулась тьма.

Этот человек с непроницаемым взглядом, болезненно-бледный, с прилипшим к лицу презрительным выражением — его, Виктора, выражением! — сейчас не вызывал никаких чувств, кроме звериной ненависти.

Достать. Дотянуться в темноту, в недостижимую белизну проема...

— Ника едет с нами, — улыбнулся он.

Можно было зайти в ванную, на радость сестре. Но в этот момент делать этого совершенно не хотелось.

«Нет», — отрезал Мартин.

— Она едет. В твоих условиях не было «замуровать ее в комнате». Но если не хочешь — Лера предлагала варианты...

«Черт с тобой, — с неприязнью отозвался он. — Описать не могу как меня радует грядущее лечение, и как в тему нам будет девочка с суицидальными наклонностями, но если ты решил упереться — поехали втроем».

«Победа» Виктора нисколько не радовала, наоборот, оставила унижительное ощущение подачки. Тьма в душе колыхнулась все настойчивее, мысли закружились вихрем раскаленных светлячков.

Самым настойчивым светлячком оказался «вызвать любые чувства, кроме

брезгливости».

«А это все, на что тебя хватает? Пойти поистязать заморенную девочку, которая сопротивляться не может? Ну будет мне больно, да. Что дальше-то?» — равнодушно сказал Мартин, и Виктор не почувствовал никакого ответа в его душе. Ему не было страшно. И больно ему не было — он словно смирился с ничтожностью бывшего друга и теперь просто наблюдал, не стараясь что-то изменить. Не веря в то, что он может измениться, не переживая утрату.

И от этого тьма в душе вдруг улеглась, словно пристыженная строгим взглядом. Без боли, без самоистязаний, легко, как никогда раньше.

Но и это не принесло ни облегчения, ни радости.

Презрительно фыркнув, Виктор встал из-за стола и отправился в спальню собирать вещи. Нужно было еще найти паспорт Ники.

Но что-то в глубине души недовольно ворчало, стремясь вырваться наружу.

Крыса, запертая в душе, никогда не прощала унижений.

...

Мартин сидел в разрушенной беседке и, глупо улыбаясь, бинтовал запястье платком.

У него не было сил даже встать, к беседке он буквально приполз и растянулся на светлых досках едва закрыв за собой дверь в комнату. Только спустя несколько часов он смог справиться с дурнотой и сесть. За это время разохшиеся доски, впивавшиеся в щеку занозами, снова стали гладкими и заблестели свежим лаком — такими же, как когда он их только создал. Сначала Мартин не мог понять, в чем дело, но потом до него дошло — доски попросту напитались кровью, вытекавшей из порезов.

Один раз у него получилось повлиять на Виктора. Тогда он сжимал решетку в проеме и по ней тоже текло что-то черное. Тогда Мартин не задумывался, что происходит — он спасал отца Риши. И ему удалось заставить Виктора выйти из дома, поддавшись внушенной Мартином паранойе, а потом услышать выстрел, которого в реальности не было.

Сейчас требовались радикальные меры.

Мартин никуда не уходил в эти два дня. Сидел в проеме, не спал, не сводил глаз с происходящего. Когда Виктор засыпал — внимательно следил за образами, рождавшимися в воспаленном сознании.

Он не знал, удалось бы ему заставить Виктора ехать в больницу, но в этом все равно не было смысла. Лечение возможно, только если оба согласны.

Зато он смог убедить Виктора, что он остался один. Спрятаться, отгородиться и заставить сомневаться в собственном рассудке. А потом, хотя у Мартина уже почти не было сил — внушить мысль о самоубийстве. В крайнем случае у него появился шанс все-таки заставить Виктора покончить с ними обоими.

Ему нужно было узнать границы своих возможностей. В начавшейся партии у него не было иного оружия, кроме влияния на Виктора. Не важно чем — шантажом, уговорами,

угрозами или полумистической властью, которую давала ему кровь.

Даже такое простое внушение, такой простой спектакль потребовали от него слишком много. Двое суток он просто прятался, делая небольшие надрезы и сливая кровь в проем по капле. И под конец почти потерял над собой контроль и ему едва удалось скрыть от Виктора свой ужас, когда он предложил ломать Нике пальцы и потом, когда хотел отыграться за его равнодушие.

Он верил, что Виктор может это сделать, и понятия не имел, сможет ли его остановить. Но, к счастью, на этот раз темнота в его душе подчинилась законам спектакля — без зрителя нет истории.

Мартин вдруг почувствовал, как кто-то взял его за руку и медленно приподнял. Платок соскользнул с запястья и заживающих порезов коснулось что-то теплое. Кто-то слизывал кровь кончиком языка.

— Проваливай, — он брезгливо отдернул руку. Глаза открывать не хотелось — дурнота все не отступала.

— Какой ты злой стал, котенок.

Он слышал голос Мари и чувствовал прикосновения. И это нисколько не радовало — она была лишним персонажем в его постановке.

— Ошибаешься, — немедленно отозвалась она на мысль. — Это я руковожу этим спектаклем. Та твоя часть, которая выглядит как я — худшая часть.

— Я пытаюсь спасти, а не покалечить, — огрызнулся он.

— Так и я не Мари, хороший. Мари умерла, помнишь?

— Какого черта именно в тебя решила трансформироваться моя совесть, а? — простонал он, открывая глаза и с трудом фокусируя взгляд на сидящей рядом женщине.

— Может я тебе нравилась при жизни? — она подалась вперед, и Мартин с отвращением почувствовал знакомый пудровый запах духов, напоминавший сладковатый душок разложения. — Может, ты был в меня немного влюб-лен?

— А ты при жизни была такая же блудливая дрянь? — меланхолично поинтересовался он.

— Как грубо, — поморщилась она, отстраняясь.

Мартин снова закрыл глаза. Кажется, он остался в одиночестве. Это радовало — Мари была последним человеком, которого он хотел бы видеть рядом. Даже ее призрак, даже воспоминания о ней не были ему нужны.

Он не верил в успех лечения. Виктор непредсказуем, а главное — он врет. Мартин безошибочно чувствовал постоянную фальшь в его словах и даже в воспоминаниях. Но точно знал, какие были правдивы — те, где он упивался чьей-то болью. От воспоминаний о

чувствах, которые вызывала агонизирующая собака его до сих пор мутило. Хуже было только ощущение животной эйфории, когда Ника села в машину.

А ведь в тот день они только довели умирающего Генри до ветеринарной клиники. Виктор потом даже соизволил похоронить пса в лесополосе, но уже без Ники. Она в тот день вернулась домой, договорившись встретиться с Виктором после похорон.

Мартин помнил циничную мысль, мелькнувшую у Виктора когда он провожал Нику: «Если тебя так тяготит твое одиночество — ты больше никогда не будешь одинока». Виктор нашел лучший способ сразу привязать ее к себе — просто дал почувствовать себя нужной и постепенно повышал ставки.

— Удивительно, как вы с ним оказались похожи в способности находить в душах уязвимые места, — усмехнувшись, обратился он к невидимой Мари.

Сначала Ника нужна была ошеломленному болью молодому человеку, который на ее глазах потерял друга.

Затем — страстно влюбленному в нее. Виктор не скупился на слова и лгал так самозабвенно, что сам верил во все, что говорил. А потом ненавидел ее за то, что на самом деле эти слова предназначались другой.

Ненависть росла с каждой ложью, каждый день.

И ставка повысилась в третий раз. Теперь Ника спасает человека, запертого в теле социопата. Его, Мартина, спасает, окончательно сдавшись паучьей лжи Виктора, пристегнутая не наручниками, а непомерной ответственностью — кроме нее у «Милорда» никого нет. История, начавшаяся с мертвой собаки, закончилась изрезанной спиной и полным подавлением воли.

— Так и делай добрые дела, — мрачно сказал Мартин, наблюдая за шмелем, вьющимся вокруг единственного розового куста.

В этот момент он снова почувствовал чужое прикосновение. Кто-то сидел прямо за ним, прислонившись спиной, и даже сквозь сюртук он чувствовал чужое тепло.

— Может, я тоже когда-то хотела делать добрые дела? — тоскливо прошептала Мари.

— Не смей сравнивать, — огрызнулся Мартин. Впрочем, прогонять назойливое видение не стал.

— Ты не собираешься его лечить, правда, хороший?

— Конечно нет. Я хочу увезти его подальше от семьи и от Ники, которой он меня шантажирует, привезти в больницу и сдать. Даже если он каким-то образом обеспечил себе алиби на момент убийства Дары, то наркотики, спрятанные по всей квартире, он никуда не денет. К тому же, — задумчиво сказал он, касаясь кончиками пальцев досок, — часть я перепрятал.

— Умный котенок, — вздохнула Мари.

Мартин спиной почувствовал ее движение, а в следующую секунду она взяла его за руку, переплетя свои пальцы — длинные и бархатные — с его. И на этот раз не стал отдергивать руку.

— Но он хочет забрать Нику с собой, — выдохнула она обжигающие слова.

— Значит, я придумаю, как этого избежать. А если нет... будет моей уликой.

— Она будет врать полиции. Покрывать его, — задумчиво протянула Мари.

— Значит, мне придется постараться, чтобы она не сделала этого, — усмехнулся он, оборачиваясь. Мари смотрела на него тоскливым зеленым взглядом, и на белых цветах в ее волосах дрожали темные капли крови.

— Он меня убил, — пожаловалась она.

— Мы. Я виноват не меньше, чем он. И ты виновата не меньше, чем мы оба.

— Так почему тебе стыдно передо мной? — прошептала она, подаваясь вперед. В ее взгляде явственно читался голод, и Мартин не знал, что удовлетворит его. Похоть? Жестокость? Или она тоже хочет крови?

«Интересно, если я исполокую себе вены и позволю этой паучихе меня сожрать — займет она мое место? Вот это была бы месть», — с усмешкой подумал он, представив себе Виктора, который делит сознание с Мари.

— Потому что совесть — это проклятье, — сказал он, поднимаясь.

В воздухе висел тяжелый и липкий запах духов. Мари не было — только несколько темных пятнышек на светлых досках.

...

Виктор не мог уснуть.

Мартин молча сидел в своем кресле и смотрел в огонь. Виктор чувствовал его тяжелую, обреченную тоску. Когда-то Виктору казалось, что нет на свете силы, которая заставила бы Мартина смириться. Но сейчас он сидел к нему спиной, опустив голову и волосы падали ему на лицо, а он их не убирал. Молчал, но Виктору хотелось, чтобы он снова злился и ненавидел, кричал, осуждал — лишь бы не чувствовать этого отупелого болезненного равнодушия.

Он думал, Мартина ничто не сломает. Но он сломался — так просто, так легко, будто никогда не было принципиального и негибаемого человека, который всегда знал, как жить так, чтобы мир становился Правильным.

Виктор не чувствовал себя победителем. Только предателем и подлецом.

Ника спала, отвернувшись и сжавшись в комок на краю кровати. Ее волосы, рассыпавшиеся по одеялу, казались почти черными, будто напитанными темнотой.

Хотелось протянуть руку и дотронуться до нее. Чтобы она открыла сонные серые глаза и улыбнулась ему. Обнять, прижать к себе и не чувствовать, как отзывается в душе живущее там зло.

Когда-то Риша спала рядом, прижимаясь к нему каждую ночь, и он не чувствовал ничего, кроме нежности и сострадания — она болела, ее знобило и она искала тепла. Доверяла ему и не могла представить, чтобы он пошел на жестокость. И мысль причинить боль тогда показалась бы отвратительной и абсурдной.

Сейчас все было по-другому. Иногда ему казалось, что прошлая жизнь продолжается, и он проснется в своей комнате, где на шкафу белеет нарисованная Мартином чайка. Что деревья будут бросать кружевные тени на пол, а впереди только будущее — белое и золотое, незапятнанное, неизмятое и неизмаранное черным.

Ника дышала ровно, но раз в несколько секунд едва заметно вздрагивала. Если бы он не смотрел на нее в упор — не заметил бы этого.

Она плакала. Эта боль, вырывающаяся наружу тихими, тщательно скрываемыми слезами, была самой сильной, самой отчаянной. В душе мгновенно колыхнулось багровым маревом желание сжать пальцы на ее плече, перевернуть ее на спину и заглянуть в глаза, ловя сменяющееся страхом отчаяние. А потом сделать все, чтобы оправдать этот страх и вернуть отчаяние в глаза.

Он протянул руку и замер.

Темнота смывала черты ее лица, и он видел рядом совсем другую девушку.

Плачет ли Риша по ночам? Вспоминает ли хоть иногда или он давно стал призраком, растворившимся в прошлом?

«Сам виноват, — неожиданно устало сказал Мартин, не поднимая головы. — Почему ты Ришу-то не искал? Я бы и то больше понял».

«Она... умерла», — молча ответил он.

«Врешь, я бы знал».

«Не так умерла... это не Риша. Я никогда ее не найду, потому что ее больше нет. Есть какая-то чужая женщина, которая живет чужую жизнь. Риша бы никогда... никогда бы меня не покинула».

«А эта девочка здесь при чем? Ее-то за что?»

«Я ничего не стану говорить, ты все равно мне не поверишь».

«Удивительно, почему бы это», — горько усмехнулся Мартин, и Виктор увидел, как он поднял взгляд. У него были уставшие глаза, серость почти растворилась в сети воспаленных красных прожилок. Казалось, он похудел еще больше, и Виктор различил на его лице несколько новых морщин — на переносице и в уголках губ. Он был еще бледнее, чем раньше, под глазами залегли черные тени, а волосы, безжизненно висевшие у лица, потускнели, и Виктор с ужасом заметил запутавшиеся в них серебристые нити.

В горле рывком завязался тугой узел.

— Мартин... — забывшись, прошептал он, протягивая руку в темноту.

Ника рядом едва заметно вздрогнула и затихла.

«Ты же любишь, когда людям рядом с тобой больно, — хрипло сказал он. — Так бери, у меня много. Обоим хватит».

«В чем твой сюртук?!»

Мартин с легким удивлением оглядел темные пятна на рубашке и сюртуке.

«Понятия не имею, — соврал он. — Увы, я больше не могу ничего создавать, иначе

наколдовал бы себе стиральный порошок».

«Мартин, все должно было кончиться не так».

«Ничего еще не кончилось. У тебя еще есть шанс исправить хотя бы часть того, что ты натворил».

«Я хотел тебя спасти!»

Немой крик замер в горле комком лезвий. Виктор чувствовал, как изнутри нарастает черное, безысходное отчаяние и как он сам радуется этому отчаянию — боль, такая безумная, такая желанная, еще, еще, еще...

«Я просил тебя спасти меня. Умолял. Помнишь, в кафе? Ты надел линзы в туалете и вернулся в зал пить кофе. Тебя раздражало жжение в глазах, ты думал, что я варю кофе лучше и что я тебя никогда не прощу. Ты хотел убить Мари. А я показал тебе темноту за своей дверью и сказал: „Спаси меня, Вик, я не хочу умирать. В первый раз я что-то прошу для себя, так спаси меня от этой темноты“. Помнишь, что ты мне ответил?»

«Я... я не...»

«Ты помнишь, — голос Мартина был полон беспощадной горечи, которая не давала солгать. — Ты все помнишь. Что ты ответил мне?»

«Я назвал тебя лицемером. Сказал, что спасу кого-то от Ришиной участи».

«Так почему ты сейчас удивляешься тому, что я умираю?»

Виктор закрыл лицо руками. Тоска рвалась из тела, выгрызая себе путь — из груди, из горла, из глаз. Слишком большая, чтобы уместиться в этом теле. Потому что тело было одно, а тоска — общая с Мартином, и он не мог прогнать ее. Они не могли помочь друг другу.

Виктор глухо застонал. Даже та его часть, которая желала боли, замолкла, доверху наполненная этой тоской.

Измощенный, выглядящий умирающим Мартин в заляпанном кровью сюртуке оказался не той болью, которой желала бы хоть одна сторона его существа. Он представлял его побледневшим, с искаженным лицом, даже прикованным к решетке, как в его, Мартина, детских кошмарах. Но почему-то никогда воображение не рисовало Виктору, как Мартин умирает медленно. Молча и неумолимо, сжигаемый изнутри.

Больно. Больно, больно!

Еще.

Кто-то сжал ледяными пальцами его запястья, заставив отнять руки от лица. Ника сидела рядом и смотрела на него совершенно пустыми глазами.

— Это ты, — констатировала она, изучив его лицо. — Я должна радоваться, что ты страдаешь. Но я не чувствую радости.

— Что ты вообще чувствуешь? — огрызнулся он.

Ника улыбнулась. Она всегда улыбалась только так, растягивая губы и оставляя глаза полными серой пустоты.

— Я чувствую ненависть. И боль, которая тебе так нравится. Скучаю по краскам, все

время хочу курить и утопиться в море. Хочу тонуть и смотреть, как солнце разбивается о воду. Все дальше и дальше.

Он молча встал с кровати, подошел к шкафу и вытащил из кармана пачку сигарет и зажигалку. Раскурил одну, протянул Нике, вторую закурил сам.

— Могу утопить тебя в ванной. Одной рукой буду держать тебя за горло, а в другой у меня будет фонарик — вместо солнца, — предложил он.

— Ты не дашь мне умереть, я знаю, — глухо ответила она, оглядываясь в поисках пепельницы. Он молча взял с прикроватной тумбочки стакан с водой и протянул ей.

— А чего еще ты хочешь?

— Чтобы ты не дал ему умереть, — просто ответила она.

— Ты его любишь. Так сильно... и непонятно почему.

— Конечно, откуда тебе знать, как можно кого-то любить, — усмехнулась Ника. Сигарета ударила о край стакана и этот звук, настолько тихий, что можно было сказать, что он вовсе не прозвучал, полоснул по ушам, словно выстрел.

— Если бы я никогда никого не любил — пил бы рядом со своим дорогим папочкой всем на радость.

— Я знаю твою историю. И знаю про девушку, на которую якобы похожа. Только это не ты ее любил. Тот человек умер, а остался этот. Чужой человек, который живет чужую жизнь.

«А девочка тебя понимает», — меланхолично отозвался Мартин.

Виктор скривился. Она попала в большое — он давно не чувствовал себя тем человеком, которого любила когда-то Риша и ради которого беззаветно жертвовал собой Мартин.

Зато чувствовал себя человеком, который продолжал любить обоих.

Мартин молчал. Он не хотел показываться Виктору в таком виде и думал привести себя в порядок в беседке, но побоялся, что тот без его присмотра что-нибудь натворит. К тому же там, в беседке, он постоянно чувствовал незримое присутствие Мари, которое его раздражало.

Но реакция Виктора его удивила — он ожидал радости, злорадства, попыток причинить боль или добить. Но никак не отчаяния, тоски и искреннего раскаяния.

И Мартин не мог не признаться себе в том, что в душе шевельнулось тщательно запертое чувство. Он хотел помочь. Хотел — и не мог, потому что Виктор не оставил ему выбора. Сделал все, для того, чтобы Мартин больше не смог сочувствовать ему.

Не смог любить, потому что монстры не заслуживают любви.

«Ты так ничего и не понял. Если бы монстров никто не любил — их бы не существовало», — подумал он, погладив подлокотник кресла.

Под ладонью стелился теплый бархат. С детства знакомое прикосновение. Обивка кресла не истерлась и не засалилась за годы, и само кресло осталось таким же, как он его создал. В кресле никто никогда не сидел. И самого кресла не существовало. Кресла не было, как и человека, сидящего в нем, а любовь была, и отчаяние вместе с ней. Омерзительный парадокс.

— Что тебя заставляет так метаться? — вывел Мартина из размышлений голос Ники.

— Совесть, — ухмыльнулся Виктор, чувствуя, как тоска медленно ослабевает.

— Он не стал бы тебя мучить. Он не такой, как ты.

— Нет, милая, моя собственная совесть. Не этот, чтоб его, сверчок в зеленом сюртуке.

— За что же тебе стыдно?

Голос звучал, голос задавал вопрос, но Мартин не чувствовал в нем никаких чувств. Будто это отзывалась глубоким женским голосом бездушная программа.

— За него. За тебя. За все, что я сделал когда-то и за то, что еще обязательно сделаю.

— Театр тебя испортил, — заметила Ника. — Не иначе та женщина научила тебя таким патетическим речам.

Мартин почувствовал, как в душе Виктора рывком ожила мутная злость. Пришлось встать с кресла и подойти к проему.

— Не смей говорить о ней, тем более в моей, черт возьми, кровати! — прошипел Виктор, сжимая ее подбородок и заставляя посмотреть себе в глаза.

— Как скажешь, — слабо улыбнулась она.

Мартин чувствовал, как сильно Виктор сжимал пальцы и точно знал, что ей больно. Но прочитав эту боль по ее лицу было невозможно.

«Не смей».

— Ах, надо же, кто зашевелился! Ты там в креслице у себя подышал, вот и проваливай обратно! — в голосе Виктора отчетливо звенело подступающее безумие, а на лице Ники впервые отразилась растерянность, а следом за ней — испуг.

— Не смей! — выдохнула она.

И сейчас этот страх коснулся сознания Виктора ледяной водой, смыв остатки тоски. А следом за ним ожила ревность. То, что еще недавно сыто затихло, удовлетворенное болью, теперь снова владело разумом.

«Чтоб тебя!»

Случилось то, чего он больше всего боялся. Срыв произошел именно сейчас, когда у Мартина почти не было сил.

«Помочь тебе, котеночек? — вдруг раздался над ухом вкрадчивый голос. — Решай быстрее, или хочешь проверить что он сделает с девочкой?»

«Да, да, черт тебя возьми!»

«Что „да“, хороший?» — голос звучал, но самой Мари не было видно.

«Помоги мне», — с ненавистью выплюнул Мартин.

Она прошла мимо, обдав липким запахом духов. Он видел, как бархатный подол черного платья обвивает ее колени. Как вздрагивает в такт шагам белоснежный веночек. Она никуда не торопилась.

Наклонилась над проемом:

— Ой, как там некрасиво...

— Да не стой же ты! Или дай мне!

— И что ты станешь делать? — вкрадчиво спросила она. — Смотри горло себе не вскрой в благородном порыве, они же у тебя бурные и внезапные, как эпилептические припадки.

Она стала спиной к проему, широко раскинула руки, улыбнулась ему и продекламировала, соблюдая нарочитую академичность:

— Слетайтесь, духи смертоносных мыслей,
Мое вы извратите естество,
Наполните меня всю, целиком, и капли не оставив,
Жестокостью! Пусть кровь моя густеет,
И больше нет пути сомнениям в мой разум,
Нет доводов рассудка и совести уснувшей угрызений,
Что помешать могли б задуманному делу!

Не успел Мартин ответить, как она упала спиной в проем, как должно быть, когда-то падала с моста в ледяную реку.

Он бросился к проему и в тот же миг раздался глухой звук удара и всхлип, приглушенный ладонью.

— Дрянь! — в голосе Виктора было столько отвращения, словно он увидел на месте Ники насекомое. Он держал ее за плечи, чуть отстранив от себя, и Мартин чувствовал его нарастающую тошноту.

Мартин смотрел Нике в глаза и про себя умолял ее молчать, чтобы не разбить хрупкий морок.

«Значит, вот как. Не только кровь нужна, нужно еще и договариваться с тем, что мне отвратительнее всего. Никакой Мари здесь нет и быть не может, но откуда, черт возьми, она все-таки взялась?..»

А Виктор чувствовал, как гаснет, шипя словно залитый водой костер, вырвавшееся наружу безумие. Красивая блондинка в белоснежном венке улыбалась ему, и кровь с перерезанного горла текла на воротник. Черная капля сползала с уголка губ, оставляя маслянистый след.

...Он вскрыл Мари горло, держа за волосы. Они стояли на мосту, безлюдной майской ночью, и он обнимал ее за талию и в этот момент чувствовал себя почти влюбленным в нее. Мари была прекрасна, сказочно красива, настоящая Офелия, с ужасом смотрящая на приколотые к его нагрудному карману фиалки.

Почти бутоньерка. Почти свадебные костюмы — вот и на невесте белый венок.

Фиалки. Рита выбрала такой же цветок. Тайный знак, означающий переход за грань. Но Риты не было на мосту и она не могла видеть, как он сделает то, ради чего приехал в город в тот день.

Лезвие прошло мягко и бесшумно. Рана сначала показалась ему тонкой ниточкой, ожерельем на белоснежной коже. Мари успела растерянно посмотреть вниз, а потом поднять на него полный животной тоски взгляд, и в этом взгляде он прочитал осознание.

Он смотрел ей в глаза, когда она умирала. Смотрел, улыбался, а потом наклонился и поцеловал ее.

Потому что любил ее в этот момент.

Потому что кровь казалась медом на леденеющих губах.

Потому что никогда, ни к кому больше не испытывал таких чувств. Виктор выпивал поцелуем ее смерть и в последний раз в жизни был так ошеломляюще счастлив.

Он разжал руки, и Ника медленно отстранилась, встала с кровати, а потом, подобрав с пола кофту, выскользнула за дверь.

Мартин успел приглушить ладонью облегченный вздох.

— Это твои шуточки?! — прошипел Виктор.

«Нет, — честно ответил Мартин. — Я понятия не имею, откуда она взялась».

— Лжешь.

«Ты знаешь, что нет».

— Мы поедем, черт тебя возьми. Поедем и сделаем то, что ты хочешь... она... она не твой призрак, она не будет преследовать, если мы станем... ты ведь не убивал ее... — растерянно пробормотал Виктор, но Мартин услышал в его голосе нотки фальши. Едва заметные, но для Мартина отчетливые, как признание.

«Что ты задумал?!»

— Сделаю... все сделаю, как ты хочешь... — бормотал он, раскачиваясь, и его виски начинало едва заметно ломить.

Сильнее и сильнее. Наконец, не выдержав, Виктор широко улыбнулся и расхохотался, истерически и зло. Он смеялся в черный потолок, упав на спину и царапая простыни, будто пытаюсь их разорвать.

Мартин молчал.

Ему нечего было сказать. Он понял, откуда взялась в его комнате Мари — никакая это не совесть Мартина, это призрак, тревоживший Виктора. Понял, откуда взялась ядовитая тяга Виктора к боли — он желал испытать те же чувства, что в момент первого убийства, даже если сам не понимал этого.

«Но это ничего не меняет, не-так-ли?» — думал он, слушая бьющийся звон смеха.

Действие 8

И он будет счастлив

*And if you cut yourself
You will think you're happy
He'll keep you in a jar
Then you'll make him happy.*

«Sappy» Nirvana

Мартин проснулся первым. Замер на несколько секунд, прислушиваясь к ощущениям. Он лежал, болезненно извернувшись, и прижимался лицом к пахнущим хлоркой и железом простыням, на которых частые, черные капли перемежались с узкими полосами. Он медленно поднес руки к лицу.

Почти все ногти были обломаны и кровоточили.

— А в детстве его истерики были не такими фееричными, — вяло сообщил он.

— Были бы его истерики и в детстве такими — ты бы его утопил в корыте для свиней, — глухо отозвалась Ника. Голос ее звучал хрипло, как при простуде.

— Мне жаль, что ты на это смотришь, — тихо сказал он, с трудом разгибаясь и садясь на край кровати. Казалось, по раскаленному штырю вогнали в плечи, в поясницу и в грудь, и еще несколько спиц — в виски и глаза. — Может быть ты все-таки уедешь, а? Мне совсем не больно и не страшно хоть съесть этот нож, которым он тебя заставил меня полосовать.

— Я никуда не поеду, Мартин, — улыбнулась она. — Хотя бы потому, что я больше других заслужила досмотреть этот спектакль до конца.

«Слава богу, уже хотя бы не Милорд», — тоскливо подумал он, стягивая рубашку. Хотелось соблюсти приличия, но он с почти мазохистским удовольствием отказал себе в этом.

О каких приличиях говорить, если он вчера развлекал Нику припадком, а остальных домочадцев и соседей — сатанинским смехом и воем?

— Милая, послушай, я все понимаю. Виктор хорошо постарался, он умничка и молодец, это я его таким воспитал, — начал он, с отвращением снимая с вешалки рубашку — белую, точно такую же, как он только что снял, — но у меня сейчас очень, очень... сложная задача. И я ничего не могу сделать, пока ты здесь, потому что с какого-то черта ему тебя не жалко... да твою мать, — он обернулся и замер, не застегнув рубашку. — Ника, может ты все-таки поедешь?!

— Куда? — тихо спросила она. Мартин хотел найти слова, правильные и красивые, но не мог — смотрел на черные отпечатки пальцев, выступающие у нее на шее. — К родителям? К тем родителям, которые меня ему отдали, даже не моргнув?

— Я не знаю этой истории, — сказал он, не особо пытаясь скрываться — у него просто не было сил врать еще и ей.

— Нет никакой истории. Мы познакомились с Виктором, он познакомился с моими родителями. Год назад сказал, что его отец — землевладелец и крупный фермер, что их дочка будет жить в большом доме, пить парное молочко и собирать цветочки. Они сказали «замечательно». Он привозит им сумки раз в несколько месяцев. Берет в фермерском магазинчике неподалеку бульонных куриц, размораживает их, заворачивает в пергамент. И по половине свиной туши на бойне покупает, разделяет и привозит вместе с курами. А как-то раз набрал в придомовом магазине несколько пачек масла, заставил Леру накатать из них шариков, завернуть в пищевую пленку — ему тогда лень было ехать на бойню. Такова моя цена. Нет, Мартин, никуда я не поеду.

Если бы Виктор выбирал специально — не смог бы найти кого-то, более непохожего на Ришу. В ее взгляде Мартин всю жизнь читал мольбу о спасении. Ника говорила с той отрешенностью, которая свойственна обреченным людям, смирившимся с судьбой. Она не хотела спасения, не боялась Виктора, не видела для себя никакого будущего.

Даже мечты о проклятом красном занавесе у нее не было.

— Что нарисовано на картине, которая висит у тебя над кроватью? — спросил он, опускаясь рядом с ней на колени и сжимая ее руки в ладонях. Они оказались ледяными и никак не желали согреться.

— Море, в котором не ходят корабли.

Воспоминание колыхнулось в душе, готовое принять его, как волны на картине. Но Мартин с раздражением отмахнулся. Он не хотел уподобляться Виктору, замыкаясь на себе и картинах прошлого, всплывающих в памяти.

Ведь прошлое было и у Ники, свое, особое. Даже если она вспоминала то же самое. И он хотел услышать ее.

Плюнув на все предрассудки, стянул одеяло с кровати, накинул им обоим на плечи и обнял ее, завернув в одеяло, как в крылья. Ника, благодарно улыбнувшись, уткнулась носом в воротник его рубашки. Он чувствовал, как она дрожит, но не знал, как согреть, только обнимал крепче, чем можно было обнимать незнакомую девушку.

— Когда мы познакомились с Виктором, я сказала ему, что со мной не стоит иметь дел. Но он мне не поверил.

— Почему же с тобой не стоит иметь дел?

— Вот и ты мне не веришь... и тогда не поверил. Если ты помнишь, у нас с Виктором все было хорошо. Мне казалось, я люблю его. Я рисовала его портреты в эскизниках — десятки, сотни лиц. Он дарил мне чертовы фиалки, а я думала, что это мило. Честно говоря, я мало помню из того времени. Фиалки помню, как ходили гулять в парк, как он переносил меня через лужи на руках, а еще все время стягивал с меня перчатки. Говорил, ему нравятся мои руки, — горько усмехнулась она.

Мартин осторожно погладил ее кончиками пальцев по тыльной стороне ладони. Кожа была нежной и теплой.

— Лицемер, — пробормотал он.

— Да, потом он меня заставил долго тереть руки какой-то дрянью, натирать кремами, отбеливать, смягчать... ему не нужно было... до сих пор не знаю, зачем понадобилась ему. Я совсем не похожа на ту девушку, о которой ты рассказывал. Я любила пестрые юбки, Дженис Джоплин и рисовать на больших холстах маслом, без кистей, пальцами и мастихинами. А еще я ненавижу, чтоб его, театр.

— Серьезно? — улыбнулся он.

— Абсолютно. Наверное потому, что меня выперли из театральной студии в пятнадцать лет из-за тихого голоса.

— Считай, что тебе повезло.

— Да, черт возьми, безмерно, — в утреннем сером полумраке Мартин увидел, как на ее губах впервые появляется улыбка — обычная, не похожая ни на ломаную усмешку, ни на полуистерическую радость. — Так вот, мы...

— Подожди, — остановил ее Мартин. Он внимательно смотрел на ее лицо, глядя, как улыбка медленно тает в привычной настороженности. Хотелось вернуть ускользающую беззаботность, но ему нужна была ее история, та самая, которую отказывался рассказывать Виктор.

И от этой мысли ему вдруг стало тошно.

Чем он лучше? Обнял, поманил крохами тепла, которые у него остались, чтобы сделать больно?

— К черту Виктора, — наконец сказал он. — К черту его правила. Кажется, у него вчера уже был бенефис.

— И что ты предлагаешь?

— Да понятия не имею. Тебе нравилось гулять с ним в парке? У тебя есть что-то кроме этой жуткой тряпки?

— Ему не нравилась моя одежда, — расстроено пробормотала она.

— Значит, пускай будет тряпка.

— Мартин, у меня даже обуви нет. Он забрал всю мою одежду и сказал, что я теперь буду жить здесь, носить, что он скажет, есть, что он даст и выходить, когда он решит, что можно.

— Просто... просто прекрасно, — тоскливо протянул он, чувствуя, как окончательно разбивается хрупкая иллюзия мира, которую, как ему казалось, он смог создать. — Что же, это не такая непреодолимая преграда, как ему кажется. Напиши мне размеры.

— Не надо, он будет в бешенстве...

— И что? Изобьет тебя, потому что я куплю тебе чертовы ботинки?

— Нет, ты... ты же боишься боли... — зажмурившись призналась она.

— Я... чего я боюсь?! — опешил он.

— Боли. Ты говорил, что с тех пор, как отец тебя в детстве вместо него выпорол, ты... иррационально боишься боли и теряешь над собой контроль. Ты всегда очень стыдился этого, но...

«Господи, а этот его Милорд, кажется, знатное ничтожество, — ошеломленно подумал Мартин. — Как она вообще умудрилась в него влюбиться?! Впрочем, возможно это женская слабость к трепетным юношам с тоскливыми взглядами. Какой позор...»

— Милая, я не боюсь боли. Я не стану устраивать демонстраций, потому что не страдал такой привычкой даже в детстве, но поверь — если кто-то там дрожал, стонал и показательно страдал — это был не я.

— Как скажешь, — торопливо сказала она. Мартин увидел, что она не поверила.

— Напиши мне размеры, хорошо? — попросил он, разжимая руки. — Ника?..

— Что? — она встала и сейчас рассеянно поправляла платье. Мартин наблюдал, как она тщательно распрямляет складки и центрует пояс, и ему стало неприятно.

— А ты правда его любишь? Или не можешь... считаешь, что должна о нем заботиться?

— Кого его? Виктора? — растерянно переспросила она.

«Черт, так глупо оговориться...»

— Меня. Прости. Ты правда любишь... меня?

— Конечно, — пожалала плечами она. — То, что ты боишься боли, живя в теле человека, для которого смысл жизни ее причинять, не делает тебя плохим.

Мартин встал, подошел к ней и слегка сжал ее плечи. Ему хотелось много чего сказать, но он не мог подобрать правильных слов. У нее были усталые глаза, неподходящие ее юности. Он смотрел в них и думал, что все бы отдал, чтобы ненадолго поверить в чудеса и власть слов над несчастьями. Тогда он, наверное, смог бы снова зажечь в ее глазах огонек, который горел там до знакомства с Виктором.

Она чуть подалась вперед и он, подчинившись наитию, прикоснулся к ее щеке. Она закрыла глаза, отзываясь на ласку, как напуганная дворовая кошка, еще не отвыкшая доверять людям.

— Где эта белобрысая ублюдина?!

Крик и последовавший за ним оглушительный хлопок двери разбили морок тысячей звонких осколков.

— Очевидно, здесь, — проворчал Мартин, оборачиваясь и открывая дверь спальни.

Лера ворвалась в комнату, хлопнув дверью так, что на стекле появилась трещина.

— Ты совсем охренел?! Клянусь, или ты меня тоже утопишь, или я сдам тебя к чертям в психушку!

Мартин почувствовал, что Виктор проснулся, но не спешит занимать свое место. Он наблюдал за Лерой с отстраненным брезгливым интересом, и ее угроза явно не произвела на него никакого впечатления.

— В чем дело? — как можно более миролюбиво спросил Мартин. Он как раз всерьез опасался, что Лера вот-вот вцепится ему в глаза.

Она стояла посреди комнаты, в пальто и забрызганных грязью сапогах, словно бросая вызов обычному аккуратизму Виктора. В одной руке она сжимала газету, которая слегка подрагивала, а вторую, казалось свела судорога, выгнув пальцы, как когти. Черный, расшитый золотой нитью платок съехал с ее головы, и Мартину казалось, что тщательно уложенные в художественный беспорядок волосы шевелятся, словно змеи.

— Ты еще спрашиваешь?! Ты решил нас всех похоронить, да?! На, читай, читай, паскуда!

Она швырнула газету ему в лицо, сорвала платок с головы и заходила по комнате, нервно комкая его.

— Потрясающе, невероятно! Я очень грешила в прошлой жизни! Иначе Бог не послал бы мне этот кусок бесноватого дерьма! Я не нахожу иных объяснений такой подлянке, кроме крупно испорченной кармы!

Мартин опустил глаза к заметке и почувствовал, что готов подписаться под каждым Лериным словом.

— Кем я была, фашистским офицером?! Педофилом?! Я ела котят?! Кем надо быть, чтобы заслужить такого братца?!

Ее слова долетали лишь обрывками. Мартин смотрел на заметку. На фотографии, а потом снова на отпечатанные на сероватой бумаге слова, которые никак не складывались в осмысленные предложения.

«Зверское убийство», «истерзанный труп», «четырнадцатилетняя Майя З.», «река».

На фотографии — мокрый венок из белых роз, в чьих лепестках еще можно было разглядеть запекшуюся кровь, не смываемую водой.

«Почерк», «венки», «Мария Б.», «Театр Современной Драмы».

На второй фотографии — улыбающаяся девочка с длинными светлыми волосами, убранными в высокий хвост. Мартин смотрел на родинку на кончике ее носа и почему-то именно эта деталь повергала его в наибольшее отчаяние.

«Подражатель».

«Возвращение маньяка?»

«Полиция проверяет всех уроженцев...»

— ...совсем дурак! — донесся до него словно сквозь пелену голос Леры.

Мартин, не в силах стоять, медленно сел на край кровати.

— Где ты был?! Где ты был в ночь убийства?! — Лера трясла его за плечи, впиваясь в кожу ногтями. — Где ты был?! — он видел ее искаженное злобой лицо, но не мог собраться с мыслями.

Казалось, его утянуло волной в открытое море, и он стремительно опускается на дно. Вода заливает уши и сознание, в котором болезненно стучит: почерк! Венок! Театр! Родинка на кончике носа!

Подражатель!

Возвращение.

Лера замолчала. Ее губы в плотной красной помаде искривились, будто она собиралась заплакать. Ярко-алая помада, словно кровь на бледном лице. Мартин поймал себя на неуместном желании стереть ее.

Стереть.

Следы на салфетке, на салфетке, салфетке в мусорном ведре, красные края белоснежной бумаги, нарушение порядка, ввинчивающееся в виски, виски, венок, белые лепестки — красная кровь, венок на голове, светлые волосы, красные капли...

Левую щеку обожгла резкая боль. Звук удара Мартин услышал на долю мгновения позже, чем почувствовал его.

— Ты слышишь, что я тебе говорю?!

Мартин мотнул головой, прогоняя видение. На периферии сознания все еще истерически стучали образы и обрывки фраз.

От брезгливого высокомерия Виктора не осталось и следа. Мартин, прикрыв глаза видел, как он, побледнев еще больше, чем обычно, сидит посреди комнаты, слегка раскачиваясь и шепчет, словно в бреду: «подражатель... возвращение... подражатель...»

— Оставь меня... — просипел он, пытаясь оттолкнуть Леру и справиться с водоворотом чувств — своих, Виктора и Леры, злость и ужас которой он чувствовал так ясно, будто они были осязаемы.

— Где ты был в ночь убийства?!

— Лера, прошу тебя, возьми Нику и выйди из комнаты, — прошептал он.

«Подражатель... возвращение... помада на салфетке... цветы... цветы в крови...»

— Ты ее убил?!

— Я сказал — оставь меня...

«Возвращение...»

— Ты ее убил, отвечай мне!

— Вон! — не выдержал Мартин. Он чувствовал, что еще немного — и он сам начнет кататься по простыням и истерически смеяться. — Вон отсюда, я сказал!

Из последних сил он встал, сжал Леру за плечи и выставил за порог. Кивнул Нике, извинившись взглядом. Она кивнула в ответ и вышла.

Мартин запер дверь на ключ и сел на пол, обхватив голову руками.

— А ее ты за что убил?! Она же ни на кого не похожа! Мать твою, Виктор, она же совсем ребенок, господи...

«Я... я не помню... — с ужасом прошептал он. — Я не убивал эту девочку, Мартин...»

— Что ты мне вешаешь, кто-то другой убил девочку-блондинку, надел на нее белый веночек и сбросил тело в речку?!

«Я... я не знаю, Мартин... я не помню... поверь мне, черт возьми, ты же знаешь, что я не лгу!»

Мартин прислушался. Виктор действительно не лгал и от этого было только хуже.

— Значит, моя задача упрощается, — пожал плечами он. — Мы никуда не едем. Скоро тебя поймают, посадят и все будут счастливы.

«Нет... нет-нет-нет, это совершенно не то, что...»

— Слушай, если в тебе есть еще хоть капля человечности — ты не помнишь, как убил ребенка. Ты сказал, что после убийства Дары у тебя не было провалов.

«А может, это ты ее убил?! — вдруг воскликнул он, и в его голосе взвизгнули истерические нотки. — Почему я не помню, черт возьми, как ее убивал?! Может ты решил меня подставить?! Кто вообще знает о Мари и венке, кроме нас с тобой, Ники и Леры?!»

— Ты в своем уме?! — прошипел Мартин, вставая с пола и рывком распахивая шкаф. Попытался снять зеркало, но оно оказалось прикручено крепко.

Не думая, он просто сорвал его с дверцы, не обращая внимания на хруст и осыпающиеся под ноги осколки.

Сел обратно, устроив на коленях то, что осталось от зеркала.

— Смотри на меня! — приказал он.

Виктор в отражении обернулся. Медленно поднял руки, капитулируя.

— Ты понимаешь, что это значит?

«Что?»

— Мы должны сдаться. Или умереть. Ты себя не контролируешь, а это приговор.

«Нет, Мартин, нет... так неправильно, нечестно...» — пробормотал он, обхватывая голову руками.

— Вик... Вик, послушай меня, — тихо позвал Мартин. — Все кончилось. Я хотел играть по твоим правилам, я собирался попытаться, но сейчас... все.

«Нет, нет...»

— Прошу тебя, не вынуждай меня идти на крайние меры. Если в тебе хоть что-то хорошее осталось — неужели ты позволишь мне постоянно пытаться изощренным способом умереть? Оставь нам обоим хотя бы гордость. Не превращай остаток наших жизней в череду унижений.

«Не убивал я ее! Не убивал, слышишь?! Никто не должен был умереть, кроме меня...»

— Откуда ты знаешь, если такое уже случилось с Дарой? — вкрадчиво спросил Мартин, чувствуя, как они ступают на скользкую тропинку фальши.

«С Дарой было не так!»

— Почему? Потому что ты с ней спал?

«Нет, Мартин, проклятье, не заставляй меня... просто поверь мне, не убивал я эту девочку!»

Мартин слышал, что он говорит искренне. Чувствовал оглушающую мольбу поверить.

— То есть ты не помнишь, как ее убил? — тихо спросил он.

«Проклятье, Мартин! Поверь мне, поверь, с Дарой все по-другому!»

— Почему? Чтобы я поверил, ты должен сказать мне правду.

«Я... не могу».

— Почему?

Чужое смятение давило на виски, грозя вырваться наружу. Вместо ответа Виктор занял сознание — мир качнулся перед глазами Мартина, и он оказался на пороге своей комнаты.

— Я не могу тебе ответить. Ты должен мне поверить Мартин. Я не позволю тебе нас убить или подставить — поверь мне, это плохо кончится, — тверже сказал он, и в его глазах наконец появилась осмысленность.

«Вик...»

— Прости, Мартин, сейчас не до тебя, — пробормотал он, открывая ящик стола и доставая небольшой конверт из гладкой плотной бумаги. — Обычно я стараюсь так не делать, но сейчас у нас правда большие проблемы...

«Какого черта?»

— Мефедрон, — пожал плечами он, доставая второй конверт. В первом обнаруживались пустые прозрачные капсулы, во втором — слегка комковатый порошок желтоватого оттенка.

«А потом ты удивляешься, что не помнишь, как убивал детей?!»

— Никого я не убивал, — процедил он, аккуратно наполняя капсулу порошком с помощью клочка бумаги. Положил готовую таблетку на край стола, взял вторую капсулу.

«Не смей это жрать!»

— Спросить забыл. Посиди тихонечко, потом расскажешь мне, какой я плохой.

Он вытащил из-под стола бутылку воды, запил таблетки, тщательно закрутил крышку и, вернув бутылку на место, сел на пол и уперся затылком в ножку стола. Закрыв глаза.

Мартин с ненавистью смотрел, как проем медленно наполняется туманом — плотным и черным, совсем не таким, каким когда-то Виктор запирали его.

Он знал, что бесполезно бросаться в проем, бесполезно бороться с Виктором грубой силой. Сознание было для него словно керосиновая лампа для мотылька — ослепительный белый свет, в котором легко сгореть, если кто-то не погасит огонь. И неприступная преграда между ним и светом, о которую можно биться сколько угодно, но не прийти ни к чему, кроме боли и смерти.

Нужно было что-то другое.

История, сказка, как говорил ему маленький Вик там, в темноте, как говорил призрак Мари. И для этой сказки требовались чернила.

А Виктор сидел, прислушиваясь к колючей эйфории, медленно расползающейся в крови.

Он любил этот порошок не только за короткое счастье, которое тот дарил, но и за то, как он повышал способность мыслить — лучше любого известного ему стимулятора. Пока

действуют таблетки, мозг будет работать на пределе возможностей. Потом, как и за любое счастье, придется расплачиваться, но сейчас это было необходимо — если этого не сделать, Мартин добьется своего.

Почувствовав, что больше не может сидеть, он вскочил на ноги, дернул с вешалки пиджак и вышел на кухню.

Лера с Никой сидели за столом и пили кофе из отвратительно разноцветных чашек. Виктор не хотел думать, откуда они их взяли, ему было не до того.

До того, как он зашел, Лера что-то говорила Нике, и ее голос дрожал от злости. Увидев его, она замолчала.

— Ты, — он подошел к Лере. — Сейчас пойдешь в магазин. Купишь ей, — от ткнул пальцем в Нику, — одежду. Неброскую, немаркую, удобную. Возьми лишний свитер, она все время мерзнет. Никаких каблуков, рюшечек и прочего дерьма, которое может помешать или по которому нас можно узнать. Максимально безликие тряпки. Еще купишь две пачки темной краски для волос, разных оттенков, одноразовые перчатки и очки без диоптрий, женские. Поняла?

— Больше ничего не надо? — вяло спросила она.

Как будто не понимала всю серьезность ситуации. Виктор, усмехнувшись, забрал у нее чашку и беззвучно поставил на стол.

— Если ты сейчас же не встанешь и не пойдешь делать, что я сказал — разобью ее об твою башку и заставлю жрать осколки, — сообщил он.

Лера молча смотрела на него несколько секунд, и ему показалось, что она останется сидеть. Но потом она, кивнув, встала и так же не говоря ни слова, вышла с кухни.

Виктор, не глядя на Нику, выдвинул один из ящичков — со столовыми приборами. Вилки и ложки лежали каждая в своем отсеке, и в любой другой день его бы хоть немного успокоил этот порядок. Но не сегодня.

Он вытащил ящик и перевернул его. Содержимое посыпалось на пол с частым металлическим звоном. Виктор, не обращая внимания на упавшие ложки, аккуратно снял небольшой плоский пакет со дна ящичка. Вернул ящик обратно и кивнул Нике:

— Сделай как было.

Еще один пакет он вытащил из банки с кофе, третий снял из-под карниза.

— Специально рассовываешь по таким местам, где будут искать в первую очередь? — глухо спросила его Ника.

— Это не наркотик. Заготовка. Могу надеть эти пакеты на палку и бегать с ней по улице, — раздраженно ответил он. — Я похож на идиота?!

Он открыл шкаф под раковиной, брезгливо отпихнул от себя пустое мусорное ведро и

подозвал Нику. Дал ей фонарик, лежавший у стенки:

— Свети.

Несколько секунд он разглядывал переплетение одинаковых серебристых труб, а потом начала пальцами выкручивать крепления одной из них.

Она оказалась абсолютно сухой изнутри. Виктор вытащил плотно перемотанный скотчем сверток и не глядя сунул в карман, после чего вернул трубу на место.

Второй тайник он устроил под навесным потолком. Пришлось вытащить из паза «перегоревший» точечный светильник, а потом долго нащупывать кончиками пальцев едва заметный конец капроновой нити — второй сверток находился на другом конце и его нужно было притягивать к отверстию за эту самую нить.

Ника следила за его действиями со сдержанным интересом.

— Твой эфедрон воняет миндалем сильнее «амаретто». Если придут с собаками — они унюхают и на потолке, и в фальшивой трубе.

— Смотри, — усмехнулся он.

Подошел к холодильнику, открыл морозилку и начал аккуратно складывать содержимое на пол. Потом взял с холодильника молоток и аккуратно ударил по наледи на задней стенке. Вытащил сверток из ледяного крошева, закрыл морозилку, открыл холодильник, провел кончиком пальца по резиновой прокладке на дверце. Аккуратно отогнул ее и вытащил еще один сверток — уже и длиннее остальных.

— Так вот почему дверца через раз закрывается, — усмехнулась она. — Ты же знаешь, сколько лет тюрьмы у тебя в карманах?

— Если за мной придут — сожру это все и умру счастливым, — обнадежил ее Виктор. — Хочешь с тобой поделюсь?

Он остановился в коридоре и обернулся к Нике, скользнув равнодушным взглядом по ее лицу. А потом, улыбнувшись, притянул к себе, запустил пальцы в ее волосы. Постоял несколько секунд, пытаясь разглядеть хоть какие-то эмоции, а потом наклонился и поцеловал. Так он тоже старался не делать, но сегодня все пошло прахом, все планы, все устремления. Кружево лжи, которое он так старательно выплетал, оказалось изорвано пулеметной очередью, и теперь лишь его грязные края слабо колыхались на ветру.

Она не сопротивлялась, но и не отвечала на поцелуй, а ее губы оставались холодными и сухими. Словно он целовал труп.

Когда-то, тысячу жизней назад он думал о том же, целуя Ришу перед разлукой. Но она ожила в его объятиях.

Виктор знал, что может легко заставить Нику отвечать. Знал, что может сорвать с нее платье и разложить ее прямо здесь, на полу, и она тоже не станет сопротивляться.

Знал, что и тогда сможет заставить ее отвечать, и отвечать ему, а не Мартину.

Он знал это, потому что делал так не раз. И ни разу это не принесло ему ни счастья, ни покоя, только глухую злость.

Если бы она сопротивлялась, кричала, ненавидела его, боялась — онпил бы эту боль и был бы счастлив хотя бы в эти минуты. И ненавидел бы себя потом. Но ей было все равно — она даже не отводила взгляда. Поэтому он ненавидел ее в эти минуты и был благодарен ей потом. Впрочем, это не мешало ему себя ненавидеть.

— А можно мне прямо сейчас и умереть счастливой? — бесцветно спросила она, когда он отстранился.

— А как же твой Милорд?

— And if you cut yourself, you will think you're happy, — тихо пропела она.

— And if you save yourself, you will make him happy, — почти неслышно пробормотал он в ответ, опускаясь на колени перед розеткой.

Он вытащил вилку, отбросил провод — он вел в неработающий удлинитель в соседней комнате, в который была подключена неработающая лампа. Аккуратно снял лицевую панель.

Замер, а потом медленно поднял на Нику наливающиеся кровью глаза:

— Где?!

Она, не меняясь в лице, подняла руки:

— Мне откуда знать. Я этим не развлекаюсь. И мне бы в голову не пришло, что там тайник.

— Твою мать! Я достану этого ублюдка из его проклятой норы и заставлю смотреть, как перережу целый детский лагерь, если не найду... черт, я же сам его запер! Проклятье! Проклятье!

Он обернулся к Нике, которая все еще не проявляла ни малейших признаков беспокойства:

— Куда он перепрятал сверток?

— Я не знаю, он ничего мне не сказал. Ты же знаешь, он умный и осторожный. Если действительно он перепрятал — мне бы в последнюю очередь сказал.

Ему хотелось взять ее за волосы и выбить ответы, или хотя бы стереть это отстраненное выражение с ее лица.

Но он знал, что она права. Ника даже не догадывалась, насколько — если бы где-то и существовал влюбленный в нее Милорд, который мог сделать глупость, было бы легче. Но был только Мартин, лисьи повадки которого Виктор слишком хорошо знал. Он не просто заметал хвостом следы — он их вовсе не оставлял.

— Твою мать!..

— Я знаю, где, — вдруг раздался за спиной Виктора голос, от которого у него дыбом встали волосы на затылке.

— Где? — прохрипел он, оборачиваясь.

Оксана стояла к нему почти вплотную и смотрела вверху вниз. Виктор старался не смотреть на ее лицо, но к горлу неотвратимо подкатывала тошнота.

— Где?! — настойчивее повторил он, поднимаясь.

Она была невысокой, как Лера, но с легкой, болезненно-рыхлой полнотой. И цвет ее глаз похож на Лерин — такой же темный, словно крепкий чай, но глаза у нее были маленькими и глубоко посаженными. А ее волосы, от природы светлые, могли бы быть похожи на его собственные, но были слишком тонкими и жесткими. Широкий нос, бесформенные полные губы — Виктор часто пытался убеждать себя, что младшая сестра не похожа ни на кого из их семьи, но это было не так.

Конечно же, это не так.

Даже мудрый Мартин не успел этого разглядеть, да и не особо старался, занятый другим. Но Виктор заметил это в первую секунду своего появления в доме и не мог отделаться от этого морока. С лица Оксаны на него всегда смотрел их отец.

— Там, — она указала на дверь туалета.

Виктор рывком открыл дверь.

— Где?

— Там, под крышкой... нет, под другой...

Он снял крышку со сливного бачка и с трудом подавил желание расколотить ее об пол.

— Здесь ничего нет, — прошипел он. — Да и не стал бы... я прятать в таком очевидном месте.

— Там штучка плавает серая, — угрюмо ответила Оксана.

— Какая, мать твою, серая... кхм. Иди сюда. Ко мне, я сказал! — он грубо притянул сестру за руку, борясь с желанием вытереть ладонь о штаны. Не стал, потому что знал, что потом не выдержит и бросит брюки в стирку, а сейчас было не до того. — Доставай. Живее!

Он с нарастающим раздражением следил, как она вылавливает из воды поплавок. Мелькнула мысль перекрыть вентили и слить воду, но он не стал этого делать.

— Как ты узнала? — вдруг спросила Ника, и Виктор расслышал в ее голосе глухую ненависть.

— Видела...

— Не ври, он не мог не запереть за собой дверь! — прошипела она, подаваясь вперед.

— Видела! Я его видела! — Оксана попыталась отойти, но Ника едва заметно подалась вперед. Ее улыбка в этот момент была не менее безумна, чем самая безумная из улыбок Виктора.

— Лживая сука, что ты скажешь, если однажды у тебя в тарелке окажется пара ложек стеклянной пудры? — прошипела Ника. Виктору показалось, что он видит раздвоенный кончик языка между острых белых зубов. — Или если однажды ты будешь спать так крепко, что не заметишь, как кто-то просунет тебе в ухо спицу? — она продолжала наступать и кончики ее пальцев подрагивали от сдерживаемого бешенства.

Виктор не хотел ее останавливать, но потом решил, что если Ника захочет — удавит Оксану прямо здесь и ему придется избавляться от трупа.

— Оставь ее, — нехотя приказал он.

Ника обернулась, и ее взгляд осел на его коже сотней ледяных иголок. Впрочем, она молча отошла к стене. Она молчала, ее губы были плотно сомкнуты, но он мог поклясться, что слышит тихое, разъяренное шипение — не то змеиное, не то кошачье.

— Как ты узнала, где я спрятал сверток? — спросил он у сестры. — Отвечай, или я скажу ей, — он кивнул на Нику, — чтобы делала что хочет и выйду из квартиры.

— Подслушивала... слышала, как ты снимаешь крышку... а потом как щелкаешь зажигалкой, и видела в щелку под дверью огонек...

— И?!

Он не мог заставить себя преодолеть отвращение и даже подойти к ней.

— Что «и»? — угрюмо переспросила она, не поднимая взгляда.

— Ты слышала тихий звон чертовой крышки и видела огонек. Что дальше?

— А что дальше?

Виктор пытался понять издевается она или нет, и ему приходилось внимательно вглядываться в ее лицо, и это раздражало еще больше. В конце концов, плюнув, он жестом велел ей уйти и отвернулся к розетке.

— Ты... — повернулся он к Нике. Она все еще стояла у стены, и волосы завешивали ее лицо так, что он видел только кончик носа. — Ты же к ней не прикасалась?

— Нет, — ответила она.

Он смотрел на нее, чувствуя нарастающее раздражение. Салфетку в красной помаде не было видно, но он знал, что она есть.

— Иди помойся, — наконец не выдержал он. — Всю одежду, которая на тебе, убери в стирку. Я положу тебе чистую.

Он почти ненавидел себя за эту слабость, и за все подобные слабости. Но ничего не мог с собой поделать.

...

Лера вернулась, когда Ника досушивала волосы.

Виктор забрал у нее пакеты и молча смотрел, как она разувается.

— Все взяла?

— Нет, я же безмозглая курица, как моя мать и сестра, не могу купить тряпки и очки, — огрызнулась она.

— Отлично. Обрежь ей волосы по плечи и покрась, — сказал он, кивая на Нику, сидящую в углу.

— Зачем? — слегка удивленно спросила Лера.

— Затем, что... делай, что говорю, — поморщился он. — Закончишь с ней — тоже покрасишься.

— Ты совсем с башкой не дружишь?! Я не стану...

— Если ты не станешь — я тебя своими руками налысо побрею, и не обещаю, что ни разу не порежу, — пообещал он. Краденая эйфория медленно отступала, сменяясь раздражением и головной болью. — И не вздумай перекрашиваться, пока я не разрешу.

Он не хотел объяснять своих поступков.

Виктор был почти уверен, что не убивал девочку, о которой писали в газете.

Почти.

Будь он уверен — забрал бы Леру с собой. Но он не мог точно знать, а значит, становился перед выбором — оставить сестру в городе, где орудует маньяк, или везти ее в глушь, рискуя в беспамятстве надеть и на нее белый венок.

Ведь Мартин был прав — слишком специфическим оказался почерк.

В городе, где жила Мари после нее не было совершено ни одного похожего убийства. Виктор не допускал даже в мыслях, что режиссер «Театра Современной Драммы» действительно убивал женщин. Скорее — здесь он судил по себе — маньяк либо сменил почерк, когда кто-то ступил на его территорию, либо воспользовался возможностью остаться безнаказанным и прекратил убийства.

Приехать орудовать в этот город он не мог — сама мысль об этом была абсурдна. Не бывает таких совпадений.

Но почему тогда была убита блондинка? Почему труп был сброшен в реку, и кто вплел в волосы убитой белые цветы?

Виктор не видел в происходящем никакой логики. Он точно знал, что никогда не видел девочку с фотографии. Зато он заметил, что в заметке писали о «зверском убийстве» и «истерзанном трупе».

Он обращался с Мари осторожно, почти нежно. «Истерзанной» ее бы никто не назвал — он вспоминал, как в ледяной серой воде расходились красные полосы, особенно яркие на светлых волосах Мари, как он смотрел на нее и думал, что она выглядит живой, и в ее застывших зеленых глазах отражается небо.

Он был педантом и эстетом. Ему нравились четкие линии разрезов, точные схемы расчетов. Его манила женская красота, и он не видел смысла уродовать ее даже в смерти.

Может, Мартин бы смог разобраться. Нашел бы правильные ответы и правильные слова. Но на Мартина теперь никакой надежды не было. Его возвращение, еще недавно такое желанное, стало помехой.

Не стоило брать с собой и Нику. Но и оставлять ее было опасно — Виктор прекрасно отдавал себе отчет в том, что оставив этих четырех женщин наедине, скорее всего вернется в дом с четырьмя трупами.

Проще было заставить перекраситься Леру, сделав ее неинтересной для любителя блондинок — если это действительно был он.

И убить в Нике всякое сходство с Ришей, чтобы уберечь ее, если он действительно себя не контролирует. Несмотря на то, что самым привлекательным в ней ему казались именно волосы.

Лера достала из ящика длинные ножницы и рулон фольги. Оторвала кусок, сложила его в несколько раз и начала нарезать узкими полосками. Виктор молча наблюдал за ней, а потом повернулся к Нике. Ее взгляд был пустым — как обычно. Ни сожаления, ни протеста.

Он махнул рукой, останавливая Леру, которая закончила точить ножницы. Легко потянул Нику за руку, заставляя встать.

Волнистые пепельные волосы были пушистыми после мытья и от них еще пахло отдушкой шампуня. Он с сожалением пропустил между пальцев мягкие пряди, спускающиеся ниже поясицы. За все это время Ника ни разу не попросила разрешения их обрезать, и Виктор не знал, потому ли, что она дорожила волосами, или потому, что знала, что ими дорожит «Милорд».

— Прости меня, — неожиданно для самого себя сказал он.

На лице Ники наконец-то появилось отчетливое выражение. Но вовсе не то, которое Виктору хотелось бы видеть — она смотрела на него с нескрываемой жалостью.

Действие 9

Бедный Йорик и луговой шафран

О, низкий из низких, всеми отринутый! Разве не потерян ты навек для всего сущего, для земных почестей, и цветов, и благородных стремлений?

И разве не скрыты от тебя навек небеса бескрайней непроницаемой и мрачной завесой?

Э. По

Лера не разговаривала с ним весь день. Виктора это не особо заботило — он собирал вещи и избавлялся от улик. Вернувшийся Мартин на удивление миролюбиво сообщил, что в двух других тайниках подменил свертки и указал, куда перепрятал настоящие. Он хорошо понял, почему — партии нужно было вернуть поставщикам. И Мартин сразу догадался, кто понес бы ответственность за подлог.

Мартин весь день просидел у камина, и Виктор чувствовал, что он совершенно спокоен. Сюртук висел на спинке кресла, и белая рубашка с широкими рукавами казалась Виктору флагом капитуляции.

Конечно, он не верил ему. Мартин мог казаться изможденным и сдавшимся, мог притворяться таким — но Виктор точно знал, что он не успокоится, пока не исправит все, что сможет. Или не умрет.

Он так отчаянно хотел сказать Мартину правду. Чтобы он понял его и простил. Чтобы все стало как раньше, и будущее впереди — белое и золотое. Или чтобы милосердная, желанная смерть ждала обоих, и они готовились вместе выпить ее, как терзаемые жаждой — ледяную воду. Это желание было одним из постыдных и тайных — Мартин должен был жить. Мартин не заслужил смерти, он слишком много сделал, чтобы жить, сам того не осознавая.

Но стоять на краю в одиночестве было страшно и отчаянно тоскливо. Виктор смотрел на изуродованные стены некогда белоснежной комнаты и каждый раз чувствовал, как безысходность забивает ледяные гвозди подступающей мигрени в затылок и виски. Сама мигрень почти никогда не наступала. Это вечное предчувствие боли, предчувствие смерти, неизбежный привкус одиночества, отравляющий всю его больную любовь — все, что ему осталось.

Закончив сборы, он стоял в темной ванной и смотрел в слепую черноту зеркала, в котором не мог появиться его усталый двойник с колючим серым взглядом.

И улыбался этой пустоте, слушая, как набирается в ванную ледяная вода.

...

Виктор сидел на кухне и смотрел, как Лера нарезает овощи. Представлял, как она разворачивается и вонзает нож ему в глаз. Фантазия была столь яркой, что он всерьез подозревал, что сестра думает о том же.

Темные волосы лишили ее облик вульгарного лоска, к которому она так стремилась. Она зачесала из назад и безжалостно стянула в высокий хвост, но одна прядка упрямо выбивалась из общего порядка и постоянно падала на висок. Виктор смотрел на ее лицо, сосредоточенное, злое, еще более бледное, чем обычно, на закушенные губы, на длинный нос с едва заметной горбинкой — такой же, как у него — и глупо улыбался, прикрывшись чашкой.

Чувства, которые он испытывал в этот момент, совершенно точно были любовью. В ней не было желания, и все же сейчас она казалась ему чем-то недозволенным, противоестественным. Но сейчас, наедине с собой, он позволял себе не противиться чувствам, а наслаждаться моментом.

Конечно, теперь он не мог остаться наедине с собой по-настоящему. Сейчас он не прятался от Мартина, зная, что он все равно выгащит наружу каждый его грязный секрет. Поэтому Виктор позволял молчаливому презрению Мартина придавать моменту особенную, ядовито-терпкую нотку — словно сигаретному дыму, стелющемуся на морозе.

Лера ненавидела его. Мартин ненавидел его. Ника ненавидела его. Он чувствовал из ненависть, оседающую ожогами на коже.

И любил их так сильно, что почти ненавидел в ответ. Виктор точно знал, что каждый из них испытывает схожие чувства. Когда-нибудь этот яд обязательно убьет кого-то из них, может быть даже всех четверых.

Когда-нибудь, но не сегодня.

— Что ты пялишься-то на меня! — Лера ударила ножом по доске, оставив длинную царапину, и отбросила его. — Ну не дурак, скажи мне?! Параноик поехавший, ну почему все так?!

Она вытерла руки белоснежным полотенцем и, скомкав, швырнула на стол. И Виктор, подумав, что полотенце должно висеть на крючке, не почувствовал привычного раздражения.

Лера подошла к нему и, всхлипнув, обняла. Он не стал вставать. Прижался щекой к ее плечу, почувствовав почти отыгравшие ноты духов, прилипшие к коже и еще едва заметный запах ткани ее рубашки.

— Я не убивал ее... — прошептал он. Слова были колкими, как электрические разряды.

— Я верю, — неожиданно искренне сказала Лера, проводя теплой ладонью по его волосам. — Верю, Вик. Прости, я не должна была в тебе сомневаться.

— Правда? — ошеломленно переспросил он.

Он так привык играть с чужими чувствами, притворяться и лгать, что перестал безоговорочно доверять чутью.

— Да, — тихо ответила она, рисуя узоры кончиками пальцев на его затылке. — Ты не мог так сделать. Во-первых ты даже совсем пьяный и обдолбанный думаешь головой. А

значит, не стал бы надевать на девушку венки. Во-вторых — я прочитала несколько заметок и интервью со следователем. Они ничего толком не говорят, но там работал какой-то мясник. Пишут, что скорее всего убийца — человек не великой физической силы. Ран много, они хаотичные, рваные, нанесены как попало... вот если бы труп кто-то порезал на сантиметровые кубики и сложил из них пирамидку — я бы больше поверила, что это ты, — усмехнулась она.

Виктор сжал руки в замок за ее спиной. Слова накидывали по нитке на горло, а молчание затягивало их в тугий узел. Неправильные слова, те, что он непременно позволил бы себе еще год назад, потому что Богам можно все.

— Спасибо тебе, — наконец выбрал он самые безопасные, и узел немного ослаб.

— Что делать-то, Вик? — растерянно пробормотала она. Теплые пальцы скользили от затылка к шее, и мысли словно прилипали к ним, то забираясь выше и путаясь в волосах, то падая куда-то под воротник.

— Будь умницей, Лер. Не перекрашивай волосы, пока не станет понятно, что происходит, не ходи по вечерам, избегай близости рек и мостов, не общайся с теми, кому не доверяешь. Я оставлю деньги, старайся ездить на такси, звони мне каждый день, — шептал он, слепо водя ладонью по ее спине и чувствуя, как мысли путаются все сильнее.

— А что потом, Вик? Если тебя поймают?

— Ты же знаешь, что... нам все равно скоро придется расстаться, — осторожно ответил он, чувствуя, как ее пальцы сломали узор, превратив его в пять бессильных линий.

— Я не хочу... зачем тебе умирать? Почему мы не можем жить, как обычные люди?

— Потому что я не заслуживаю жизни. Хуже того, я заслуживаю смерти.

— Вздор! Вик, ты не такой подонок, каким сам себе кажешься! Ты же... тебя терзает прошлое, но оно терзает всех нас. Каждого — свое, с этим ничего не сделаешь, нужно просто принять его, смириться и жить... сегодня.

— Я живу сегодня, Лер.

— И что же сегодня?

— Сегодня я тебя люблю, — сказал он, и одна из ниток затянулась рывком, полоснув по горлу словно лезвием. — И когда придет то «сегодня», в котором меня не станет — обещаю, что буду любить тебя.

— Ненавижу его, — вдруг выдохнула Лера, и он почувствовал, как она поднимает руку к глазам. — Ненавижу!

— Без него я бы умер. Или хуже — стал бы таким, как отец, — сказал он, отстраняясь и сжимая ее запястья. В ее глазах блеснули слезы. Ему не требовалось уточнять, о ком она говорила.

Он чувствовал, что Мартин смотрит на них, но не мог прочесть ни одной его эмоции. Но он и не стремился к этому.

— Ты и с ним умрешь! Что толку в добре, если оно делает зло только страшнее!

— Если бы я послушал его... я должен был послушать.

— Но ты не послушал! Ты, свихнувшийся от боли сопляк, бросился убивать эту потаскуху, и где было все добро, о котором он тебе говорил?! Почему он не встал между тобой и этой тварью, почему он дал тебе это сделать?!

Виктор закрыл глаза и медленно сосчитал до десяти. Он видел, что Мартин горько усмехается. Сидит в кресле, у его ног — уродливый зубастый комок темноты с белоснежным фонарем, зачем-то принявший облик рыбы. Видел, как едва тлеющие угли бросают неверный свет на волосы Мартина, путаясь там, где серебрилась редкая седина.

Но он по-прежнему не чувствовал отклика. Это означало, что Мартин либо прячется от него, либо согласен с Лерой, и эти мысли больше не причиняют боли.

— Если бы он мог, Лер. Я же сам сделал все, чтобы он мне не помешал. Взял лучшее что он мне дал, и обратил против него — это только моя вина, — мягко сказал он.

— Да пошел он вместе с твоей виной! И Нику твою ненавижу, так и знай! У нее мертвые глаза, и она травит тебя этой смертью... — беспомощно пробормотала она, прижимаясь лицом к его волосам.

— Это я ее такой сделал, — напомнил Виктор.

— Да наплевать. Понадобится — сама ее прирежу и сброшу в речку.

— Не смей, — сказал он, сильнее сжимая ее запястья.

— А ты уже не узнаешь, — ее губы искривила болезненная усмешка. — Если ты уже не узнаешь — тебе будет все равно...

— Ты обещала, — напомнил он, опуская лицо и целуя ее ладонь.

— Ты тоже много чего обещал.

— Так надо, Лер. Я так хочу. Мне больно, постоянно, я очень устал и не вижу выхода.

— Ты любишь, когда больно. Ты научил меня любить, когда больно другим, — ее глаза опасно блеснули. — Так чего теперь хочешь?.. Кстати о боли — сегодня среда, помнишь?

— Ах черт... — он разжал руки и Лера отошла, разрывая теплую цепь, сковывавшую их секунду назад в казалось бы неделимое целое.

— Если тебе не надо — не пойдем. К тому же у меня теперь темные волосы, эффект не тот, — усмехнулась она, поднимая нож.

— Мне со спины все равно ничего не видно, — обнадежил ее Виктор, проводя ладонью по затылку, собирая тающий след ее касаний.

— А куда, кстати, ты собираешься деть пистолет? — спросила Лера и нож ритмично застучал по доске.

— Завтра человек придет — заберет.

Виктор почувствовал, как напрягся Мартин, слегка подавшись вперед.

«Нет, дорогой друг, этот пистолет не для других — он для меня», — обнадежил его Виктор.

«Что ты собрался делать?» — настороженно спросил он.

«То, что делаю раз в две недели по средам. Тебе не понравится, но уверяю — ничего... криминального там не происходит».

«Ничего криминального не происходит между тобой, твоей сестрой и пистолетом?» — с неприязнью спросил Мартин.

«Мной, моей сестрой, пистолетом и одной белокурой особой, имени которой я не хочу знать».

«Не слишком много белокурых особ в твоей жизни?»

«Хватило одной».

Нож стучал по доске размеренно и ритмично. Виктор сосредоточился на стуке, позволяя ему заполнить мысли, и Лера ни разу не сломала ритм.

Он был благодарен за это.

...

Они стояли у неприметной двери с тускло золотящейся в синих сумерках вывеской. Лера курила, кутаясь в бархатный зеленый жакет. Виктор смотрел на пляшущий рыжий огонек, отрешившись от происходящего. В сумке у него лежал завернутый в несколько слоев ткани заряженный пистолет и красный платок, тот самый, от костюма Виконта, хранящий намертво въевшиеся прикосновения Мари.

Перед выходом Виктор отчетливо чувствовал сомнения Мартина. Он точно знал, что Мартин понял, что пистолет настоящий, патроны — боевые, и что Виктор не дурак и в людей палить не собирается.

Он хотел бы скрыть цель своего визита. То, что должно было сейчас произойти, никак не предназначалось для Мартина. Виктор знал, что он станет презирать его еще больше, и эта мысль раздражала.

Пару таблеток он приготовил заранее. Оставил две дозы для личного пользования, как раз на этот случай. Таблетки лежали в нагрудном кармане жилета, и Виктор отчетливо ощущал их даже сквозь два слоя ткани.

— Принимай и пошли. Холодно, — поторопила его Лера.

«Мартин, я клянусь тебе, что никого убивать не собираюсь. Если тебе очень надо — я могу вспомнить в подробностях прошлый визит. Но...»

«Ты можешь просто попросить меня выйти», — спокойно сказал он, глядя на таблетки

на его ладони.

«И ты...»

«Уйду. Я очень удивлюсь, если ты ходишь в бордель убивать. Не надо унижаться и унижать меня. Иди и делай, что собирался».

Виктор помолчал несколько секунд, а потом убрал таблетки обратно в карман.

«Спасибо».

Мартин, махнув рукой, поднялся с кресла, снял со спинки сюртук и вышел во вторую дверь. Виктор стоял, растерянно глядя на сгущающуюся вокруг вывески темноту. Он не ожидал от Мартина такой покладистости. Но он был прав — Виктор действительно не хотел унижать ни его, ни себя, так отчаянно защищая свои секреты.

— Ну? — Лера дернула его за рукав. Он сжал ее ладонь, затянутую в узкую кашемировую перчатку, и толкнул дверь.

В нос ударил приторно-липкий запах фруктового табака. Виктор поморщился — его всегда раздражала привычка курить кальяны в подобных заведениях, разыгрывая из себя шейхов.

Он старался не смотреть по сторонам. Вульгарный интерьер вызывал нарастающее глухое бешенство. Все — обои, ковры, оттоманки, на кой-то черт стоящие даже в коридорах — все это было нарочито кичевым. Красный и золотой цвета, подушечки, кисточки, вышитые узоры — он не видел ни малейшего смысла во всем этом. Мучительно хотелось простых форм и приглушенных цветов.

Он чувствовал, как горло сжимает спазм, словно не хватало воздуха.

Впрочем, со стороны это было незаметно — в каждом из многочисленных огромных зеркал в тяжелых золоченых рамах, висевших на стенах, он видел свое непроницаемо-высокомерное лицо и идеально прямую спину.

Комната и инвентарь были забронированы и оплачены. Он прошел мимо администратора, не удостоив ее взглядом, и с облегчением шагнул в прохладный полумрак, таящийся за одной из дверей.

Здесь не было ничего красного и золотого. Никаких подушек, ковриков, рюшечек и прочей дряни, которая так раздражала. Только широкая кровать с черным шелком простыней и скобы, вбитые в стены и кое-где даже на полу.

Лера, фыркнув, скинула жакет прямо на кровать. Он поморщился, но ничего не сказал.

— И как ты там будешь без меня? — риторически спросила она, открывая сумку и вытаскивая из нее свернутую тугой спиралью тускло поблескивающую плеть.

— Мне будет тебя не хватать, — просто сказал он, снимая пиджак.

...

Мартин почувствовал, как кто-то положил подбородок ему на плечо и обнял сзади.

Вздрогнул, но не стал прогонять.

— Надо же, твоя первая жертва тоже была бессмысленной — по-моему ремень бы его вполне устроил, — заметила Мари.

— Тогда — не устроил бы, — фаталистично вздохнул Мартин.

— Я правильно понимаю — вторая девочка нужна только чтобы пистолет у его виска держать и платком его душить?

— Да, Лере было бы неудобно.

— А если на курок нажмет?

— Мы с тобой уже не узнаем, но я бы не надеялся.

...

Плечи и спина горели, наполняясь медленно разливающейся тяжестью. Он чувствовал, как прохладный шелк простыней быстро нагревается под разгоряченной обнаженной кожей, под которой глухо пульсировала боль.

— Полегчало? — меланхолично спросила Лера, подсовывая ему пепельницу. Виктор потушил окурок и потянул из пачки новую сигарету.

Он не знал честного ответа на этот вопрос. Сестра чувствовала ложь также чутко, как и он.

Было ли ему легче?

Ему нравился этот ритуал — унижительный, болезненный и грязный, как и большинство его желаний. И он действительно приносил облегчение. Ему были необходимы режущее-обжигающая боль и ледяная смерть, едва заметно пахнущая металлом и сильнее — маслом и неуместно — теплым цветочным кремом для рук девушки, которая прижимала дуло пистолета к его виску.

Но облегчение было коротким. Тьма в душе не принимала жертву, потому что эта боль приносила слишком много удовольствия — она тоже не терпела фальши.

Чего он добивался? Наказывал себя или просто потакал своим желаниям, как и все эти годы?

— Полегчало, — привычно соврал он.

— Может перестанем сюда таскаться? Я бы на твоём месте не забывала, что ты из себя великий чистоплюй, а тут можно хламидиоз подхватить просто лежа на кровати, вот как ты сейчас. Если бы еще кого-нибудь здесь трахал — я бы не пережила. Я тебя могу и дома погладить, а пистолет дадим подержать Нике.

— Она не выдержит и выстрелит, — усмехнулся он.

— Ну тогда Оксане, — пожалала плечами Лера.

Виктор поморщился и запустил в нее окурком.

— Тогда я не выдержу и выстрелю.

— Слушай, почему ты не сказал ей перекраситься?

Он задумался. Такая мысль даже не приходила в голову — ему было наплевать. Но вместе с тем в глубине души зрело знакомое раздражение — кто-то против его воли мог нарушить привычный порядок, частью которого стала и молчаливая, презируемая тень младшей сестры.

Если кто и убьет ее — то это будет он.

— Потому что не подумал. Скажи ей, ладно?

— Можно я скажу, что это ты попросил?

— Зачем?

— Она... очень хочет, чтобы ты ее любил. С того самого дня, как ты вернулся. Ты не замечаешь, но она постоянно смотрит на тебя, как на Бога — тебе должно вроде быть приятно...

— Уволь, — огрызнулся он.

— А еще она повсюду подкидывает дневничок — видел такой ядовито-розовый блокнотик с кучей блесток? Ты не мог не видеть, она специально выбирала яркий. Царапает там тебе признания в любви, ну без пошлости в смысле, просто хочет нормальной семьи.

— Лер, я не собирался никого здесь трахать, ты можешь перестать стараться вызвать у меня как можно больше отвращения, чтобы я этого не сделал, — попросил он. Мысли об Оксане вызывали теплую, вялую тошноту, обматывающую горло удавкой.

Лера только прикрыла глаза и улыбнулась. Забралась с ногами на кровать, села рядом и положила его голову к себе на колени. Он почувствовал знакомое ледящее прикосновение ее пальцев и резкий ментоловый запах — особая расслабляющая мазь, которую Лера выписывала из-за границы. Верный способ заморозить мысли и унести сознание в темноту. Лучше справлялись только наркотики, но он сам от них отказался.

— Ты сегодня уедешь?

— Уже купил билеты на самолет. По тому паспорту, где я Владимир. Уже утром увижу папу, — улыбнулся он.

— А этот твой что скажет, когда увидит папу? — с неприязнью спросила она.

— А что он скажет? Мартин, что ты скажешь?

Мартин не отзывался. Конечно, он ведь сам попросил его уйти. С ним до сих пор можно было договориться, он до сих пор шел навстречу, понимал его и даже принимал некоторые его грехи.

Боль сердито клюнула в висок — запретные мысли, тяжелые и злые, ломали колдовство

сестры. И он прогнал их.

— Молчит, — наигранно виновато сказал Виктор.

— Ну и хрен с ним. Мы вообще не о том говорим. Куда ты Пащу денешь?

— Венок к башке приколочу и в речку скину, — усмехнулся он, слегка поворачивая голову, чтобы подставить ей правый висок, где все настойчивее разгоралась боль. — Шучу. Приеду, проверю, чтобы ничего не спер и пусть выметается. Шапочку только наденет, чтобы не светиться. Хотя нет, он и так ничего не сопрет. Позвоню с вокзала и приеду в уже пустой дом.

Лера хмыкнула и замолчала, продолжая скользить пальцами по его вискам. Он лежал и прислушивался к ощущениям.

Вот она ловит ледяными касаниями раскаленную змейку боли. Не убивает ее, нет — играет с ней, заставляя послушно растягиваться между ее указательным и большим пальцами от виска к подбородку, а потом сжиматься в одну точку на щеке. Скользить к переносице, снова разворачивая золотистые кольца, растекаться по линии роста волос, а потом нырять обратно в висок. Замирать, переливаясь сотнями режущих чешуек, разбрасывать искры. А потом таять под ласковыми прикосновениями, утекать с каждым выдохом в теплый полумрак.

— Опять не то, — расстроено выдохнула Лера. — Я... буду очень скучать. Возвращайся скорее, ладно? Я обещаю, что не буду занимать твою ванную.

Он слепо протянул руку, сжал ее запястье, с легким сожалением нарушая игру, и коснулся губами ее ладони, обдав лицо уже утратившим свою ледяную колкость запахом, раскрывающимся едва заметным цветочным шлейфом.

— Что-то мне подсказывает, что я там ненадолго задержусь. Клянусь, Лер — я никого не убивал. Значит, скоро еще кто-нибудь умрет и я смогу вернуться, главное — не перепутать документы, на какие паспорта у меня будет алиби, а на какие — нет, — усмехнулся он.

— И он не убивал? — задумчиво спросила Лера.

— Мартин не мог. Он никогда никому больно не делал.

— Врешь. Ты рассказывал, как он детишек тогда, с деньгами, подставил.

— Те детишки десятилетнюю девочку по углам зажимали, — с ненавистью выдохнул он. — К тому же одно дело — отправить в заслуженную тюрьму здоровенных лбов, и совсем другое — убить ребенка. Я же чувствовал, как ему плохо было, когда ты ту газету принесла.

— А ты говорил, что он хорошо притворяется, — упрямо повторила Лера. — Ты все хранишь трогательную верность своему другу детства, который тебе кашку варил и сопли вытирал, и никак не поймешь, что даже незнакомому с ним человеку ясно, что это уже не крапивинский мальчик, чтоб его, с корабliками, а взрослый, злющий, подлый мужик, который тебя знает, может на тебя влиять и желает тебе смерти.

— Мартин не желает мне зла, — мягко осадил он ее. — Никогда не желал.

— А теперь должен желать! Неужели ты не понимаешь, он же честный, благородный, твоя совесть и все такое! И вот он видит, что ты убиваешь людей, травишь собак и эта твоя моль еще неизвестно что ему рассказала!

— Я сам ему показал.

— Отлично, значит, он в курсе, что ты еще и над девочкой издеваешься. Все показал?

Виктор прислушался к ощущениям. Мартина он не видел и не чувствовал. И не видел повода ему не доверять, если он сказал, что ушел.

— Нет, — признался он.

— И что ты ему не показал?

— Да почти ничего, — признался Виктор. — Как я сорвался... тогда, в первый раз.

— И все?! — выдохнула она. — Вик, он тебя за все остальные художества сам в речку скинет и веночек не наденет! Ты тогда-то еще по-джентельменски себя с ней повел, подумаешь — платье порвал и по роже пару раз съездил!

— Лер, хватит, — скривился он. — Мне неприятно об этом вспоминать.

— Еще бы, тебе ж тогда ничего не обломилось, еще и пришлось срочно корчить испуганную рожу, притворяясь Милордом, да еще и вслед за ней бежать, — ядовито усмехнулась она. — Хорошо придумал, только в окно я бы на твоём месте не полезла.

Виктор молчал. Сестра умела бить в больное не хуже Мартина, но была начисто лишена такта.

— В общем, ты зря на него не хочешь думать. Он там посидел, поприкидывал к своему длиннющему носу высокие материи, или чем там моралисты на досуге занимаются, и решил, что убить одну девочку типа как меньшее зло.

— Он всегда говорил, что нет меньшего зла, есть подлое и маленькое, — вдруг вспомнил он, как они с Мартином в доме Риши думали, ехать ли им в приют.

— Он сто раз передумал. Еще и выбрал какую-нибудь девочку, которая болела чем-нибудь. Или видел, как она конфеты в магазине воровала. Ну типа чтоб себя успокоить, что ее не жалко.

— Лера, Мартин никого не убивал. И даже если бы убивал — он физически сильнее меня. Вполне бы справился с чистым убийством, а не кромсал бы жертву тупым ножом на лоскуты.

— Может у него ручки тряслись от совершаемого злодеяния?

— Лера!

Она наконец замолчала. Виктор подавился облегченным вздохом — не хотелось показывать сестре, как сильно задела ее слова. Он прикрыл глаза, позволив опустевшему сознанию ненадолго ускользнуть.

Спать в борделе — дорогое удовольствие, но зачем еще держать наркотики в дверце холодильника, если не позволять себе прятаться от реальности в таких местах, словно в теплом иле на речном дне?

Виктору снился Мартин. Он рисовал пылью на рубашке желтый крест, стоя посреди поляны, сплошь покрытой красными цветами с тошнотворно-липким запахом. Только рядом стояла не улыбающаяся Риша в лохматом венке, а Ника. Вместо глаз на ее лице чернели два сочащихся чернотой провала, а третий провал — дуло пистолета — сухой и безжалостный, смотрел прямо в центр креста. Мартин сделал шаг вперед и дуло уперлось ему в грудь. Протянул руку, касаясь ее лица. Вытер черные слезы с ее кожи. А потом улыбнулся, и Виктор почувствовал, как его сердце наполняет светлая, незапятнанная нежность. «Ты такая красивая», — прошептал он, опуская руку.

— Мартин, не надо! — закричал он, пытаясь вернуть себе сознание.

И услышал щелчок — на долю секунды раньше, чем выстрел превратил крест в рваное алое пятно.

...

Домой они возвращались в молчании. Виктор часто прикладывался к бутылке коньяка, которую купил по дороге, чтобы смыть приторный привкус кошмара. Лера иногда забирала у него бутылку. Выглядела она мрачной и уставшей, но больше не пыталась ничего говорить.

В аэропорт нужно было выезжать через час, и Виктор очень надеялся, что Ника успела собраться. И еще, смутно — что, оставшись в одиночестве, она все же воплотила свои угрозы про спицу и избавила его от прощания со второй сестрой.

Он открыл дверь и замер на пороге. В сознании плеснула чужая тревога — Мартин тоже почувствовал.

В квартире пахло смертью. Едва заметный, сладковатый душок разложения стоял в спертom воздухе.

Пистолет лежал в сумке, и он чувствовал его близкую тяжесть.

— Что за черт? — прошипел он в темноту коридора.

— Курочка испортилась, сынок, — пролепетала Полина, выходя с кухни и комкая в руках передник.

— Откуда в холодильнике тухлятина?! — рыкнул он, убирая руку от сумки.

— Оксане в магазине продали... несвежую... — в глазах матери он читал почти первобытный ужас и не мог понять его причин. Он никогда не поднимал на нее руку, не устраивал демонстраций и вообще старался не замечать ее существования.

— Дура! — презрительно фыркнул он, не уточняя, сестра или мать. — Так проветрите эту дрянь, в квартире пахнет как в прозекторской!

— Бегу... — пробормотала она, скрываясь в полумраке кухни. Виктор поморщился. Он собирался поехать перед отлетом, но теперь прикасаться к чему-то в холодильнике стало мерзко.

Он не знал, с чего вообще Оксана взялась покупать продукты — в доме действовало негласное правило, не позволяющее ни его матери, ни младшей сестре готовить на семью и накрывать на стол.

— Хотели тебе ужин на прощание приготовить... — ответила на незаданный вопрос Полина, явно подавившись очередным «сынком».

— Вот спасибо, — проворчал он. Лера, фыркнув, прошла мимо него и скрылась на кухне.

— Мама! Что вы тут устроили?! Открой окна! Вытяжку включи, господи, она что, притащила целый сгнивший курятник?! — раздался ее возмущенный голос.

Виктор поморщился. Он не мог заставить себя называть Полину «мамой» даже в мыслях. Слово в принципе казалось ему нелепым и рождало раздражение сродни тому, что вызывало любое нарушение порядка.

Он зашел в спальню и захлопнул дверь, обрывая поток возмущений Леры. Тишина хлынула в уши, словно теплая вода. Виктор закрыл глаза, наслаждаясь моментом.

— Ты готова? — не открывая глаз спросил он Нику, сидевшую на краю кровати. Когда он зашел, у нее на коленях лежал раскрытый блокнот, где она что-то быстро рисовала. Судя по торопливому хлопку — блокнот она закрыла.

Сейчас, наверное, смотрела на него пустым взглядом, сложив руки на коленях.

— Да.

— Тогда поехали. Выпьем кофе и в аэропорт, не хочу здесь оставаться.

— Как скажешь. У тебя кровь на рубашке.

Он открыл глаза.

Ника действительно сидела на кровати, сложив руки на коленях и смотрела на него.

Каре ей не шло — она казалась старше. Темные волосы сделал кожу бледнее, а круги под глазами — заметнее. Он раздраженно провел ладонью по лицу. Хотел, чтобы она перестала быть похожа на Ришу и сделал непохожей на себя.

— Давай помогу, — неожиданно предложила она, вставая. — Она перестаралась.

Он с легким удивлением следил за ее пальцами, расстегивающими его рубашку. Пытался поймать ее взгляд — Ника безошибочно узнавала созданный им образ и отличала от него настоящего.

— Ты боишься? Думаешь, я тебя везу, чтобы запереть где никто не найдет, поиздеваться и убить? — догадка обожгла, как пощечина.

Она могла так подумать и имела на это право. Но от этой мысли почему-то стало мерзко. Захотелось отложить перелет и попросить Леру вернуться в темную комнату, пропахшую фруктовым табаком.

— Я ничего не боюсь, — усмехнулась она, стягивая с него рубашку и аккуратно развешивая на спинке стула. На ней действительно алело пятно. Небольшое, с монетку.

Ника заставила его сесть на стул. Он не сопротивлялся, только внимательно следил за тем, что она делает.

— Тогда зачем?

— Помнишь я тебе задала этот вопрос, когда ты меня тогда избил? — она перевернула над ватным диском флакон с перекисью. — Помнишь, что ты мне ответил?

— Сказал, что мне так хочется, — скривился он.

— Ну, считай, что и мне хочется, — посоветовала она, проводя ледяным диском по его плечу. — Я же тебя ненавижу, мне должно быть приятно смотреть сейчас на твою спину. У Леры к тебе явно какие-то претензии, а?

— Она не хочет расставаться. Думает, что я не вернусь, — признался он.

— И чтобы ты точно захотел ее скорее увидеть, отходила тебя плеткой до крови? — скептически спросила Ника.

— Нет, это с запасом. Если к следующему разу не вернусь, — усмехнулся он.

Ника едва слышно фыркнула.

— А ты вообще вернешься? — спросила она, расправляя пластырь.

— Конечно. Мы вернемся, — пообещал он, прикрывая глаза.

— Мы вернемся, — согласилась она, и в ее голосе ему послышалась тоска.

Он молча встал и снял с вешалки чистую рубашку.

Стук в дверь, настойчивый и частый, застал его врасплох. Он, не застегивая рубашку, открыл дверь и тут же отшатнулся.

— Какого хрена ты здесь забыла?!

Оксана стояла на пороге и смотрела ему прямо в глаза. Он не мог ничего прочитать по ее лицу и не знал, мешает ему собственное отвращение или полное отсутствие ее эмоций.

— Мне страшно, — вдруг сказала она.

— Что?!

— Мне страшно, — настойчиво повторила Оксана, по-прежнему не меняясь в лице.

— И что я должен сделать?!

«Вик, может я?» — осторожно попросил Мартин.

«Обойдется!» — отрезал Виктор.

— Возьми меня с собой, — сказала она. — Здесь кто-то убивает девочек. Мне страшно.

— Светловолосых. Лера тебя перекрасит, — бросил он, пытаясь закрыть дверь, но Оксана подставила руку. Виктор с трудом удержался, чтобы не ударить ее по пальцам.

— Я не буду мешать, — в ее глазах наконец-то промелькнуло что-то человеческое. — Не буду! У меня деньги есть на билет, если тебе жалко... пожалуйста.

— Я даже Леру с собой не беру. С чего ты взяла, что я тебя с собой потащу?!

— Лера взрослая... Лера умная, Лера сильная... ему такие не нравятся...

— Откуда ты знаешь, какие ему нравятся? — спросил Виктор, морщась. Кажется, это был самый длинный их разговор с его возвращения.

— Майя была не такая... Майя была похожа на меня... Пожалуйста, не оставляй меня здесь.

— Девочка на фотографии была красивой, — сладко улыбнувшись, сообщил он. — Тебе нечего бояться, солнце мое. А теперь — проваливай. Скройся, сказал!

Она медленно убрала руку, и в первую секунду Виктору показалось, что она скажет что-то еще. Но Оксана молча отошла в сторону, позволив ему захлопнуть дверь.

— Нет, ты видела?! — повернулся он к Нике, застегивая рубашку.

— Дура, — пожала плечами она. — Можно подумать, ты можешь кого-то пожалеть.

...

В самолете Ника почти сразу уснула, уронив голову на грудь. Виктор смотрел в иллюминатор и вспоминал, как несколько лет назад улетал домой. Через пару часов они будут пролетать над морем. В прошлый раз он смотрел на волны и чувствовал, как сердце

сжимается чужой тоской.

«В прошлый раз у меня еще оставались личные интересы», — холодно отозвался Мартин.

«Черт тебя возьми! Да не убивал я никого, не убивал!»

«Поэтому сестру с собой не взял?»

Виктор не нашел, что ответить.

«Вик, у тебя тут девочка, у которой шрамы от запястий чуть ли не до шеи, твоя бывшая девушка закончила в речке, а сестра, которую ты должен был вроде как на путь истинный наставить, порет тебя плеткой в ближайшем борделе. Знаешь, мне не до моря, уж прости», — неожиданно устало произнес Мартин.

Он только фыркнул.

«Далась тебе эта плетка».

«Нет, мне далась Дара. И Ника с ее Милордом, а плетка — это милая причуда. Хотя не ожидал, что тебе будут нравиться такие... развлечения».

«Я достаточно чувствую себя ничтожеством, Мартин. Могу я от этого хоть иногда удовольствие получить?»

Мартин только тяжело вздохнул и обернулся. Мари лежала в его кресле, закинув ноги на спинку. Широкая юбка черного платья собралась частыми складками. Ее волосы мели по полу, а на шее чернел разошедшийся разрез. «Убери», — одними губами попросил Мартин, проводя по краю своего воротника кончиком пальца. Она только улыбнулась и покачала головой.

«Мне тут, знаешь ли, тоже не очень хорошо», — проворчал он, поворачиваясь к проему.

«Так за чем дело стало — убей меня поскорее. Заживешь нормальной жизнью, Нику вот замуж возьмешь — она хорошая девочка, только ножи надо прятать», — обнадежил его Виктор.

«Счастье-то какое. А она сама чего хочет?»

«Чтобы я умер, ты остался и взял ее замуж».

«А чего она до этого хотела?»

«А черт ее знает, не все ли теперь равно?» — усмехнулся он, и Мартин почувствовал привычные нотки лжи.

«Не волнуешься перед встречей с отцом?» — спросил Мартин неожиданно для самого себя.

Он наконец понял, что его тревожило. Виктор был слишком спокоен, хотя ему предстояла встреча с человеком, которого он ненавидел.

«Он с годами... сильно изменился. Бросил пить, сбросил вес. Знаешь, мы можно

сказать... пришли к единственно возможному варианту перемирия. Люди меняются и часто... в лучшую сторону. Я очень рад, что все получилось так, как получилось. Теперь у меня есть отец, которого я всегда хотел видеть».

Мартин вздрогнул — за его спиной в кресле хохотала Мари. Высоко, переливчато с нехорошим, булькающим звуком.

...

Самолет приземлился, когда на горизонте уже брезжило утро. Мартин чувствовал, как в душе распускает щупальца мерзкое чувство — они словно наступали на собственные следы, снова расцарапывая шрамы прошлых ошибок.

Виктор не стал брать такси. Автобус ехал по пустым улицам, и за окном мелькал знакомый до тошноты пейзаж.

Мартин смотрел, как сменяются одинаково серые в темноте фасады. Но те, что имели для него значение, словно были подсвечены холодным мертвым мерцанием.

Вот маленький магазинчик, где они когда-то торговали свечами — теперь это цветочная лавка. Хозяйка всегда была никудышным дельцом, и Мартин был уверен, что магазин попросту закрылся.

Вот дом, за которым должно скрываться кафе, где Виктор пил кофе перед убийством Мари. Вот остановка перед ее домом. А чуть дальше, если приглядеться, можно увидеть окутанный туманом мост.

Он услышал, как за его спиной всхлипнула Мари, но не стал оборачиваться.

«Театр Современной Драмы» возвышался над остальными зданиями, вычурный призрак в черном стекле.

Место, где все закончилось. Мартину казалось, что он слышит отзвуки вальса, который когда-то танцевал с Ришей.

Бесшумное скольжение двух теней по сцене, мертвая девушка, Офелия и Виконт, мужчина с красным шелком платка, стекающим с перерезанного горла.

Виктор смотрел на улицы, и Мартин чувствовал, что их чувства сейчас сливаются в одно, и каждое воспоминание рождается одновременно, только горчит по-разному.

Электричку они ждали прямо на перроне. Виктор мрачно смотрел на Нику, вспоминая, как Риша мерзла в пальто своей матери и ему пришлось отдать ей куртку.

Ника замерла у края платформы, и ему все время казалось, что она вот-вот бросится на рельсы. От Риши в ней не осталось и бледной тени. Она стояла, глубоко засунув руки в карманы серого пальто и высоко подняв воротник. Лера не угадала, пальто было больше на пару размеров, но Нику это, кажется, несколько не беспокоило. Она выглядела несуразно — худая, высокая, в не идущих ей бутафорских очках и мешковатых темных тряпках. Словно актриса-неудачница, которую заставили играть незнакомую роль.

Виктор раздраженно фыркнул и отвернулся. Достал из кармана телефон, по памяти набрал номер.

— Мы будем дома через пару часов, и тебя там быть уже не должно, — коротко бросил он, дождавшись ответа. — Нет. Нет. Не будет. Будешь уходить — надень шапку, спрячь рожу в шарф и обойди деревню лесом.

«С кем ты говорил?» — спросил Мартин.

«В моем... в нашем бывшем доме живет один из... моих должников. Светловолосый парнишка, искавший уединения», — нехотя ответил Виктор.

«Виктор Редский? Настоящий ты как бы все это время жил на хуторе, верно? — усмехнулся Мартин. — Молодец. А откуда ты знаешь, что он тебя не подведет?»

«У нас был один очень ответственный проект по утилизации мусора и он проникся ко мне определенным уважением».

Мартин решил не уточнять.

«А что об этом думает отец?»

«Он вряд ли обратил внимание на подмену, как ты помнишь, папа никогда не отличался внимательностью».

Слово «папа», знакомое с детства, давалось ему гораздо легче слова «мама», но он все еще произносил его с таким презрением, что никаких иллюзий о примирении у Мартина появиться не могло.

В электричке было холодно. Ника сидела рядом, выпрямившись и сложив руки на коленях, как примерная ученица.

Виктор иногда ловил ее взгляд и отворачивался. Помнил, как она вечно жалась к Мартину, и понимал, что пока он будет владеть сознанием — она просидит как изваяние хоть всю дорогу.

Он откинулся на сиденье и закрыл глаза.

Мартин почувствовал, как обрывки воспоминаний и эмоций начинают кружиться, словно мотыльки вокруг только что зажженной лампы.

Белые стены.

Комната с огромным окном.

Чайка, нарисованная на стене, силуэт птицы без глаз.

Кое-как сколоченная крыша, прикрытая листами жести, сквозь которые упрямо пробивается свет, полный танцующей золотистой пыли.

Опомнившись, Виктор мотнул головой, прогоняя видение, но Мартин успел поймать уходящее воспоминание — что-то вроде поляны, покрытой сиреневыми цветами. Он не успел разглядеть, какими именно, но что-то кольнуло тревогой.

«Это в память о Рише?»

«Это ее могила. Не переживай, еще насмотришься — мы как раз туда едем», — усмехнулся он.

«Ты...»

«Она сама себя убила. И не только она».

Знакомая с детства боль сжала виски, словно рывком затянули раскаленную проволоку — Мартин не выдержал, попытался сразу найти нужное воспоминание.

— Да что с тобой делать, Мартин! Не убивал я ее, и если она на себя руки наложила — я не в курсе! Сам прививал мне хороший литературный вкус и любовь к метафорам! — не выдержал он. Ника даже не пошевелилась, но он успел заметить промелькнувшую в ее глазах тревогу.

Боль отступила.

«Если бы ты поменьше показывал мне трупов и поменьше жрал наркотиков — я был бы более восприимчив к метафорам», — проворчал Мартин, отворачиваясь от проема.

Мари все еще лежала в кресле, только разреза на ее шее не было видно. В руках у нее откуда-то взялся черный кружевной веер, которым она закрыла лицо. Его тень дрожала, как крылья мотылька.

— Мотылька летящего на костер, котенок! — обрадованно воскликнула она, заметив его взгляд.

...

Виктор стоял перед забором, словно любуясь им. Нику он держал за руку выше локтя, и Мартин чувствовал, что он слишком сильно сжимает пальцы. Словно она пыталась вырваться.

— Папа, я дома! — крикнул он, постучав в ворота. — Открывай скорее!

Мартин прислушался. С участка не доносилось ни звука — ни собачьего лая, ни привычного шума из свинарника.

— Не слышит, — доверительно сообщил Виктор не то Нике, не то Мартину. — Спит, наверное. Неужели опять пьет? Мы же договаривались, ну как он так... — расстроено пробормотал он, наклоняясь и шаря рукой в траве у ворот. — Обычно это я заставляю людей так делать, а теперь вот самому приходится... нашел!

Ключи блеснули на солнце. Несколько секунд он возился с замком, а потом распахнул их и, подхватив Нику на руки, переступил порог.

«Виктор, какого черта?..»

Вокруг дома не осталось ничего — сарая, собачьей будки, поленницы, колонки — ничего этого словно никогда и не было. От ворот к дому вела выложенная белоснежным, словно вымытым кирпичом дорожка. Остальной участок был покрыт засохшими листьями.

«Можно?..»

Виктор, пожав плечами, уступил ему. Мартин отпустил Нику, запер двери и опустился на колени, чтобы рассмотреть, чем предпочел заполнить свою память Виктор.

— Это безвременник, — наконец узнал он листья, — луговой шафран. Должен расцвести осенью, верно?

«Да».

— Сиреневые цветы? Почему эти? Почему не фиалки?

Виктор, усмехнувшись, снова занял сознание и поднялся.

— Фиалки слишком нежны, хрупки и непостоянны. А это — сильный цветок. «И ядовитый», — подсказал Мартин.

— Да, ядовитый.

Виктор обернулся. Ника стояла, засунув руки в карманы и наблюдала за его диалогом с полным равнодушием.

— Пойдем, милая, надо познакомить тебя с моим папой.

Она подошла и протянула ему руку.

— Он будет счастлив. В последнее время только и разговоров было, когда же я найду себе бабу, ну в смысле приведу в дом невесту, — доверительно сообщил он ей и обернулся к дому.

То, что на месте покосившегося домишки с прогнившими стенами, стоял небольшой дом из светлого дерева, с открытой верандой и окнами из темного стекла, Мартин заметил сразу. Впрочем, это его не особенно удивило — если Виктор собирался возвращаться сюда, значит, должен был позаботиться о комфорте. Ведь если для кого-то он и был настоящим божеством, то только для себя самого. И каждый дом, который был частью его души, становился святилищем.

Или капищем.

Единственное, что не вписывалось в идиллическую картину — отец, который раз в неделю допивался до припадков.

«Вик, что здесь было?!»

Виктор молча подошел к дому и постучал по двери.

— Папа, открывай! Я вернулся, ты что, совсем не скучал?!

Ответа не было. Пожав плечами, он открыл вторым ключом кованую ключницу, висевшую у двери, и достал второй комплект ключей. Толкнул дверь и вошел в тихий полумрак.

В доме не пахло жильем. Пахло штукатуркой, металлом, краской, деревом и клеем. Немного, совсем незаметно — кофе и сигаретами.

— Ника, солнышко, сходи вон туда. Если там никого нет — запри дверь и посиди тихонько, хорошо? — попросил он, указывая на дверь, где когда-то была его спальня.

Она кивнула и неуверенно протянула руку к чемодану. Виктор только мотнул головой, не выпуская ручку. Ника неуверенно заглянула в комнату, медленно переступила порог, осторожно, будто боялась на что-то наступить, а потом бесшумно закрыла за собой дверь.

Виктор, удовлетворенно хмыкнув, поставил чемодан, разулся и прошел на кухню.

— Надо же, его здесь нет, — заметил он, оглядывая пустой стол из темного дерева и зачем-то заглядывая в навесные шкафы.

«Ты издеваешься надо мной, здесь никогда никто не жил! — не выдержал Мартин. — Тут все не просто пустое — вся мебель новая и пахнет так, как будто ремонт закончили вчера!»

— Был сильный пожар, пришлось все строить заново. Папа допился. И если бы тот гаденыш, что здесь жил, оставил хоть царапину на столе или провонял бы мой дом сигаретами и носками — пришлось бы отрезать ему оставшиеся пальцы и заставить их жрать. Я обещал, Мартин. Ты учил меня всегда держать слово.

«Оставшиеся?!»

— Понятия не имею, где он потерял прошлые два. Может провонял носками и сигаретами еще чей-нибудь дом, — серьезно ответил Виктор, кладя ладони на столешницу.

«Где отец, Вик?» — вкрадчиво спросил Мартин, сжимая похолодевшими пальцами косяк.

Вместо ответа Виктор скользнул руками по столу, будто погладив. Нащупал что-то под столешницей, немного повозился с креплениями и положил на стол широкий, потертый кожаный ремень.

Мартин не отрываясь смотрел на пряжку. Потемневшая от времени, с кривым язычком и приметной зазубриной сбоку. Он помнил, как она появилась — от удара об стол. Тогда отец в первый и единственный раз выпорол его.

Потом Виктор заметил эту зазубрину спустя девять лет, когда впервые бросил отцу вызов. Тогда он замахивался этим же ремнем, и даже один раз попал пряжкой по лицу. Но победа осталась за Виком, и на следующий день отец в отместку зарезал собаку.

Сейчас ремень лежал перед ним на столе, старый, с пятью разношенными отверстиями, показывающими, как постепенно полнел мужчина, который его носил.

«Вик...» — прошептал Мартин, чувствуя, как на лице Виктора медленно расплзается блаженная улыбка, растягивающая губы словно судорогой.

— Бедный Йорик! Я знал его, Мартин, — печально сообщил Виктор, отворачиваясь и открывая один из шкафчиков. — Как ты думаешь, Александр представлял в земле столь же жалкое зрелище? — он достал коробку из темного дерева, запертую на замок. Снял самый маленький ключ со связки, повернул его в замке и открыл крышку.

Рядом с ремнем на стол с глухим стуком поставил бутылку скотча, стакан и что-то круглое, завернутое в черную бархатную тряпку.

«Совсем больной», — печально констатировал Мартин, глядя, как Виктор достает из тряпки бутафорский череп, расписанный ромашками.

— Тебе не нравится? Ты что, ждал папину башку? — расстроено спросил он, наливая скотч. — Из одного стакана выпьем за возвращение, не против? Могу налить второй... или ты себе наколдуешь?

«Я не могу „наколдовать“ себе стакан. Вик, где...»

— Стой-стой-стой! Не торопись, мне нравится эта часть спектакля...

«Здесь должны были двигаться губы, которые я целовал не знаю сколько раз, — процитировал Мартин, продолжая разглядывать пустые глазницы. — Неудачная аллегория».

— Вечно ты все испортишь! — он раздраженно поставил опустевший стакан на стол. — Нет, у этого Йорика никогда ничего не шевелилось — мне его из местного театра сперли. Того самого.

«А цветочки кто нарисовал?» — через силу улыбнулся Мартин.

— Девочка одна, тоже из театра. Я просил, чтобы они как бы ненастоящие были, настоящие меня бесят. Скажи ведь — красиво?

«Очень. Умница, мальчик, на холодильник нельзя повесить, поэтому поставь на полочку, и я буду тобой гордиться, — ядовито выплюнул он. — Вик, хватит. Скажи мне, что произошло?»

— У нас был... тяжелый разговор с отцом, — признался он.

«Прекрасно».

Виктор закрыл глаза и Мартин почувствовал, как слегка помутненное алкоголем сознание захлестывает яркое, живое воспоминание.

Ничего подобного он еще не испытывал. Ему казалось, что все, что он видит, нарисовано художником в жесточайшем трипе. Впрочем, так оно и было — Виктор тогда явно принял больше двух таблеток мефедрона.

Цвета, формы, запахи — все было неестественным, не настоящим. Почти все окружающее пространство было залито мраком, и только кровь, на столе, полу, стенах и даже потолке казалось, светила в темноте.

Мартину казалось, что у него есть всего три точки опоры, три якоря, потеряв которые он растворится в этом спертom теплом воздухе. Две точки — его ладони, мертвой хваткой сжавшие ремень. Он врезался в кожу жесткими, задубевшими краями, но Мартин продолжал тянуть его на себя. Третья точка располагалась где-то в левой ступне, которой он наступал на горло лежащему на полу человеку. На Мартине был один ботинок — правый, второй он снял, чтобы чувствовать, как жизнь утекает из изрезанного тела в такт сжатию петли ремня. Он смотрел отцу в глаза и что-то шипел, но Мартин не мог понять, что за слова произносит — они не имели никакого смысла, и может были и вовсе не словами, а вибрирующей, чистой ненавистью, вытекающей из горла.

И когда он заметил дымную паволоку, затягивающую глаза умирающего, он ослабил натяжение петли. Досчитал про себя до тридцати, и Мартин был уверен, что свернется он по часам — прошло бы ровно тридцать секунд, и ни секундой больше.

А потом снова затянул петлю.

— ... какой все же славный котенок! — хохотала за его спиной Мари. — Зачем убил

меня, глупый мальчишка, я бы тебя любила!

— Закрой пасть! — просипел он.

Мартин стоял в проеме, намертво сжав косяки, словно распятый на этом пограничье, и чувствовал, как тошнота ползет по груди и наполняет ледяной кашей горло.

Виктор, улыбаясь, вертел в руках разрисованный череп. А потом встал, открыл шкафчик под раковиной и достал еще одну такую же коробку. Открыл ее тем же ключом.

— Видишь, Мартин, я тебя не обманул. Вот бедный Йорик. А это — это мой отец. Обойдемся без фиалок.

Мартин молча смотрел на белоснежный вываренный череп, который Виктор сжимал в руках.

Действие 10

С края сцены

*Страшно то,
что «он» — это я
и то, что «она» —
моя.*

(Маяковский «Про это»)

Мартин проснулся ночью. Ему послышалось, что кто-то позвал из темноты, и первые несколько секунд он напряженно прислушивался к тишине, пытаясь поймать ускользающее эхо.

Но вокруг было тихо. Слишком тихо для деревенского дома — пустого, мертвого, не знавшего людей.

Комната Виктора почти в точности повторяла городскую, только на черном шкафу масляной краской была нарисована белоснежная чайка. Совсем не такая как та, что нарисовал когда-то в детстве Мартин — эта птица летела в черноту и в ее перьях путался ветер.

Мартин представил себе, как Ника рисует ее — механически, отстраненно, выверяя движения — и ему стало противно. Виктор со всем их прошлым обходился именно так — заставлял играть в него посторонних людей, обесценивая каждый жест, каждую эмоцию и каждый символ. Он убивал людей, убивал воспоминания и никак не мог насытиться смертью.

Сама Ника спала рядом. Лежала лицом вниз и, казалось, не дышала. Мартин видел острые лопатки и ощерившиеся очертания позвоночника под полупрозрачной тканью ночной рубашки. Он несколько секунд задумчиво разглядывал разметавшиеся по подушке волосы, потонувшие в серых тенях контуры профиля и складки белеющей в полутьме ткани, а потом накинул на нее одеяло и встал. Бесшумно оделся, бросая быстрые взгляды в темную глубину зеркала.

Он собирался сделать нечто отвратительное и низкое в своем понимании, нечто большее, чем бесцеремонно разглядывать полужнакомую спящую девушку. Но выхода он не видел — ее путанные, полубезумные объяснения о своих попытках умереть, к тому же искаженные многолетней ложью Виктора, не давали ему понять, как добиться от нее того, что ему требовалось.

Он подхватил сумку с которой приехал Виктор и тихо вышел на кухню. Зажег свет и поморщился — свежая стерильность раздражала.

Виктор убил отца, а потом сжег дом? Отстроил заново и уехал, поселив здесь своего «двойника» — какого-то светловолосого мальчишку, изображающего убитого горем затворника?

Мартина волновало много вопросов. Прошрое, как разгорающийся огонь, кусало его за пальцы и сжимало удушьем легкие. Приходила ли Рита? Что стало с Верой? Как люди из

деревни, в которой он вырос, не заметили подмены?

Что с семьей Риши? Не возвращалась ли она сама?

Но все это имело значение когда-нибудь «потом». Сейчас Мартин, чутко прислушиваясь к пустоте там, где привык чувствовать свое второе (или первое) «Я», тщательно обыскивал сумку Виктора.

Две рубашки, два пиджака, пара брюк, и только один красный платок. Нижнее белье, таблетки, исписанный ежедневник — Мартин бегло пролистал его, но не нашел ничего, кроме имен, телефонов и ничего ему не говорящих аббревиатур. Видимо, список клиентов.

Ничего незаконного. Ни наркотиков, ни оружия — естественно, они прилетели сюда самолетом. Мартин уже узнал, что обычно Виктор предпочитал поезда и выбирал провинциальные вокзалы, где не проводилось никакого досмотра.

Но он искал не компромат — его он видел достаточно.

На самом дне лежали несколько платьев, одинаково серых, похожих фасонов, различающихся только на ощупь — одно тонкое, другое более плотное. Женский свитер и брюки, нижнее белье — Мартин поморщился. Рядом с безликими темными тряпками дорогие шелковые чулки и кружевные черные комплекты выглядели издевательством.

Наконец, он нашел то, что искал. Блокнот, в котором рисовала Ника, когда Виктор вернулся домой. Мартин боялся, что она оставила его в городе, и что он ошибся. Но в блокноте действительно было что-то, что не должно было попадать в чужие руки.

Вздыхнув, прекрасно понимая, что его руки как раз «чужие», Мартин открыл первую страницу.

Плотная, желтоватая нелинованная бумага была исчеркана частыми линиями — черными и красными, тонкими, толстыми, пунктирными. Он не знал, что это — какое-то упражнение, попытка попробовать новые карандаши или просто истерический хаос.

На следующей странице был эскиз картины, которая висела у Ники над кроватью — маяк и корабль, стремящийся к нему через шторм. Мартин перелистнул страницу, не приглядываясь — эту страницу ее жизни он и так знал.

На следующей странице — лицо Виктора. Мартин почувствовал, как что-то ледяное сжало горло — именно это лицо, только моложе и мягче, Мартин видел когда-то в зеркалах Ришиной комнаты. Но даже это не убедило его, что Виктор действительно влюбился. Несмотря на этот портрет, на то, что чувствовал сам Мартин, на все слова, что говорила ему Ника и сам Виктор, он не мог поверить, что человек, заставляющий девушку носить кружевное белье под платьями, похожими на тюремные робы, действительно влюблен.

На третьей странице — красный сеттер. Мартин пытался вспомнить, как выглядел Генри, но почему-то пес являлся ему только умирающим, с предсмертным оскалом, залитым белесой пеной.

Еще один корабль. Чей-то портрет с затертой бумагой на месте глаз — либо юноша, либо девушка с короткой стрижкой, не понять.

Бабочки, белые и черные, заполняющие все пространство, кроме контура не нарисованной керосиновой лампы.

Акварельные пятна — кажется, Ника смешивала краски, пробовала оттенки.

Следующий эскиз — двое на берегу реки. Мартин хотел перелистнуть, но замер, будто пальцы приморозило к теплой странице.

Мужчина сидит спиной к зрителю и смотрит на белеющий треугольник паруса. Волнистые волосы касаются плеч, сюртук измят и его полы тенью лежат на песке. Мальчик-подросток стоит в профиль и смотрит на мужчину с отчаянной тоской.

Мартин узнал обоих. Узнал реку — когда-то они с Виктором действительно ходили на берег. Виктор тогда рассказал Рише о Мартине, и она его не приняла. Виктор задержал его — поманил волнами, закатом, жизнью, которая еще может быть у обоих. И он поверил, молодой дурак, понадеялся, что розово-золотой закатный свет прольется и на его жизнь.

Следующий портрет Мартин тоже едва не пролистнул, не узнав изображенного человека, но снова замер, разглядывая страницу. Этому человеку было нечего делать на этих страницах, ему было неоткуда там взяться. Но он был там — строгий серый взгляд, сжатые тонкие губы. Все его морщины, форма подбородка и носа были переданы так, будто Ника рисовала с натуры.

Воспоминание отозвалось послушно, как воспитанный пес, сразу пришедший на зов.

... В комнате Виктора — тусклый желтый свет лампы на рабочем столе и тишина, нарушаемая только тихим шорохом карандаша по бумаге. Ника сидит за столом и рисует сосредоточенно, будто сдает экзамен. Виктор стоит у нее за спиной, положив ладони ей на плечи. Только лицо на бумаге принадлежит не Мартину, а Виктору. Оно полностью лишено эмоций, будто она рисует гипсовую голову.

— Готово, — неуверенно говорит Ника.

— Отлично, — печально отвечает Виктор, осторожно касаясь ее волос кончиками пальцев. — Что сначала?

— Глаза конечно. Какие у тебя глаза, Милорд?

И Виктор, забрав у нее карандаш, начинает объяснять, едва заметными линиями намечая форму...

Мартин зажмурился и тряхнул головой.

Воспоминание отдалось тошнотой — лишнее напоминание о том, как они все-таки похожи. Что лицо Виктора так легко превратить в его, Мартина, лицо — чуть изменить форму глаз, сделать нос длиннее, добавить цвет волосам и разлить серость вокруг зрачков — и вот уже на портрете другой человек.

Другой?

Уже перелистывая страницу Мартин заметил, что на его нарисованном двойнике колоратка, похожая на рабский ошейник.

Снова бабочки, только теперь очерчивающие контур не лампы, а черепа. Глазницы были намечены белыми мотыльками, а остальное пространство — серыми и черными. Мартин поморщился — у невидимой смерти на рисунке были белые глаза.

Дальше — техничные, бездушные рисунки, похожие на наброски старательной ученицы. Чашка, яблоко, ваза, подсвечник. Эти страницы не были бы примечательны ничем, если бы не их неожиданный контраст с прошлыми, да редкие потемневшие капельки,

впечатавшиеся в бумагу. Словно у художницы был разбит нос.

На последней странице — автопортрет. Мартин понял, что искал именно его.

Автопортрет был похож на другой, принадлежащий совсем другой женщине. Треснувшая колонна вместо позвоночника, упиралась в подбородок нарисованной девушке, как острие клинка. В обнаженную кожу забиты гвозди — на лице, на плечах, на животе и руках, несколько десятков гвоздей, под которыми не было видно крови. Только вместо смуглой черноволосой мексиканки на портрете отрешенная, еще русоволосая девушка, а вместо белого бандажа белую кожу охватывали полосы черного кружева.

Мартин захлопнул блокнот, взял сумку и замер. С одной стороны он был уверен, что Ника не хочет, чтобы Виктор видел блокнот, с другой — он сам укладывал вещи, и, не найдя блокнот, мог прийти в ярость. Чувствуя себя предателем, Мартин вернул блокнот в сумку и сложил вещи сверху.

...

Город топил непривычный пыльный зной. Мартин уже отвык от того, что где-то может быть столько солнца и пыли.

Он щурился, глядя на проезжающие мимо машины, и никак не мог привыкнуть к свету. Влажная после стирки рубашка липла к плечам, и ему больно было смотреть на собственный рукав — слишком белый, отражающий свет. Не выдержав, он накинул пиджак, который до этого нес в руках.

Сначала годы в абсолютной темноте, потом — стылое сибирское лето с его тусклым солнцем. Тишина дома, тишина парка, даже улицы родного города Виктора казались тихими по сравнению с этими. Большой город гремел, шипел и полнился голосами. Впервые за долгое время Мартин почувствовал себя растерянным — он не понимал, что делать и как ему ориентироваться в этом неожиданно светлом, громком и изменчивом пространстве.

Ника стояла рядом. Она сутулилась и словно пыталась втянуть голову в плечи, уткнуться носом в мятый шифоновый шарф — пряталась не то от солнца, не то от него.

— Как ты вообще заставил его уйти? — пробормотала она.

— Таблетки, — через силу улыбнулся Мартин. — Виктор так привык ко своей лжи, столько ее вокруг себя нагородил, что забыл, что не только он тут хорошо врет. Во всех его капсулах — витамины в порошке. Он... ночью плохо спал, с утра выпил что-то — я не стал особо разбираться, для чего у него какая дрянь... видимо, от прошлого... жильца осталась. В общем, он лег в полной уверенности, что сейчас уснет. Ну и уснул.

— А если бы там оказалось что-то, что надо колоть? — Ника мрачно разглядывала картонный стаканчик кофе.

— Ну и прекрасно, — оскалился он, но тут же, опомнившись, вернул лицу безмятежное выражение. — Я хотел с тобой поговорить. Наедине. И не в том ужасном доме.

— О чем?

Они шли вдоль дороги, и Мартин держался ближе к краю, словно готовый в любой момент броситься под колеса. Но он не был уверен, что получится — у него было время понять, что самоубийство превратилось в шахматную партию, и пока на доске не сложится цугцванг, рисковать не стоит. Причина, по которой он не мог рисковать, шла рядом и

пряталась от него в дурацкий серый шарф, вышитый по краю цветочками.

— Я хочу, чтобы ты меня убила, — безмятежно ответил он, глядя вперед и щуря слезящиеся глаза. Слова его зацепились за гул проносившейся мимо машины, рассыпались по асфальту и погибли под колесами следующей.

— Что?..

— Я хочу, чтобы ты меня убила, — повторил он и обернулся к ней, сохраняя полную безмятежность.

— Ты... мы ведь договорились...

«Нет, это не МЫ договорились, — хотелось сказать ему, — это ВАШ договор. Тебя обманули, использовали... и я собираюсь сделать то же самое».

— Теперь все по-другому. Я нашел выход, но ты должна мне поверить.

— Куда мы идем?

Мартин шел, спрятав руки в карманы пиджака — того самого, зеленого, который Виктор носил чтобы притворяться им. Это был единственный пиджак, на котором были распороты карманы.

— Помнишь, как мы познакомились? — вместо ответа спросил он. — Помнишь, что на тебе было надето?

— Не помню, какие-то яркие тряпки... я всегда такие любила, но ему не нравится, и я ношу серое... Мартин, я...

— Нет, милая, это были не просто яркие тряпки. Ты никогда не носила просто яркие тряпки... Темно-зеленое платье в белых цветах и красная шаль. А волосы ты заплела в косу и уложила вокруг головы.

— Какая разница, какая у меня была шаль и какая прическа?! — в ее голосе послышалось раздражение, но Мартин не обернулся.

— Потому что это для Виктора просто тряпки раздражающих цветов. Он делал из тебя другого человека и злился, когда не выходило. И не заметил, что ты тоже старалась быть похожей на другого человека.

Мартин врал. Он понятия не имел, верна ли его догадка. И даже автопортрет, копирующий работу Фриды Кало не был доказательством.

Мартин был уверен только в одном — она чувствует то же, что и он. Нет никакой опоры, то, что казалось незыблемым теперь лишь ненадежная конструкция из осколков и трещин, стянутых хрупким корсетом ребер.

И она говорила, что хотела умереть.

— Расскажи мне про свою смерть, — попросил он, бросив на нее быстрый взгляд. Почему-то ему казалось, что стоит взглянуть в ее лицо чуть пристальней — и что-то зыбкое между ними спорхнет испуганным мотыльком и вырвется за контур листа.

— Это была глупая истерика, — пробормотала она, словно повторяя чужие слова. — У нас с Виктором был короткий, глупый роман, потом мы немного... поссорились, и я сказала, что больше видеть его не хочу. Он на меня смотрел наверное с минуту, а потом... избил и начал срывать с меня одежду. Что-то там про Сибиллу рычал.

Мартин изо всех сил старался сохранять безмятежное выражение.

— Что потом?

— Да ничего. Ты меня спас, помог платью заколоть булавками и припудрить синяк. Помаду красную от Леры принес. Вызвал такси, и я поехала домой, родителей опять не было. Ну я пошла в ванную отмываться, задумалась и бритвой себя... А Виктора, видать, совесть замучила или что — принесся ко мне, влез в квартиру через балкон соседский. Лучше бы убили, но там третий этаж... в общем, он меня вытащил, что-то там покаянное шептал, я не слушала если честно. А потом ты пришел... все забинтовал, рассказал... сказку, про море, в котором не ходят корабли. Про картину у меня над кроватью придумывал. И я уснула. И ты... он... в общем, рядом. А когда проснулась... ну знаешь, все уже стало по-другому.

«Что, котенок, полегчало? Ты это хотел узнать? Кого же он тогда бил, а?» — промурлыкала из темноты Мари.

— Что сказали родители?

— Я сказала, что с лестницы упала.

— Ты... специально?! — не выдержал Мартин.

— Специально такую банальную отговорку придумала? Конечно. Мне постоянно надо напоминать себе, что они меня не любят. Раньше надо было напоминать себе, — исправилась она.

Мартин чувствовал, как злость медленно тасует его мысли. Сверху вовсе не те, что нужны. Тузы правильных слов — где-то в середине колоды, прикрыты безликими рубашками. Он сжал кулаки в карманах, борясь с желанием что-нибудь разбить.

«Например, чье-нибудь красивое личико», — подсказала Мари.

— Так ты...ты это сделала не из-за... не из-за меня? Не потому что я пытался умереть? — он наконец нашел правильный вопрос.

— Скажу честно, Мартин, твои провалы в памяти причиняют массу неудобств.

— Прости, я... так это не из-за меня?

— Я... — она окинула его быстрым отчаянным взглядом. — Я должна... врать тебе. Он заставляет меня, — быстро заговорила она, прижавшись к его руке, — снова и снова повторять, когда ты опять теряешь память, что я убью себя, если вы оба умрете. Но я... прости меня, я никогда не хотела тебе врать, это... унижительный шантаж, грязная манипуляция и я... ради тебя участвую в ней, чтобы он не отомстил потом тебе, но ты... постарайся запомнить, что я на самом деле совсем не хочу быть единственным смыслом твоей жизни. Если тебе нужно — уходи с ним, а я... я буду тебя рисовать, — слабо улыбнулась она.

«Можешь вешаться, котенок — в петлю она не полезет. А может и полезет. Ой, ты злишься, славный, сексуально — как строгий учитель... но твоему другу злая мордашка идет больше».

Мартин, проигнорировав Мари, скользнул взглядом по лицу Ники и сжал ее плечи.

— Послушай... я все продумал. Помнишь, я обещал, что он тебя больше не тронет? Я знаю, как сделать, чтобы это действительно стало так.

— Я не стану тебя убивать, — устало отозвалась она. В ее голосе появилась пепельная обреченность, с какой она говорила с Виктором.

— Послушай... я прошу... не того, что раньше. Не надо делать это незаметно. Я прошу тебя сделать это только в одном случае, при совершенно... определенных обстоятельствах. И никак иначе.

Он по-прежнему не мог заставить себя посмотреть ей в глаза. Лгать Нике, которую он представлял, получалось убедительнее, чем Нике, которая стояла рядом. А от убедительности этой лжи зависело слишком много.

— Каких же? — Мартин мог поклясться, что слышит в ее голосе сарказм.

— Я нарисую крестик — на рубашке, на пиджаке, в чем тогда буду. Маленький, прямо напротив сердца, — он постучал кончиком пальца по тому месту, где собирался рисовать. — Где-то рядом, где ты сможешь быстро найти, будет лежать пистолет. Я покажу, как...

— Умею, — перебила она.

— Еще проще. Выстрелишь в крест, это будет... быстрая смерть. Не будешь бояться, не будешь слушать, что я буду говорить.

— Что ты еще от меня хочешь? Что вы оба от меня еще хотите?! — прошипела она, остановившись прямо перед ним. — И посмотри на меня наконец!

Мартин заставил себя встретиться с ней взглядом. Ника стояла перед ним, лохматая, злая и бледная до серости. Она кусала губы, часто и глубоко. Кровь блестела на истерзанных зубами губах, яркий красный акцент на белом лице.

Он поймал себя на мысли, что красный ей не идет, и что больше всего ему хочется взять салфетку и вытереть кровь, вернув лицу привычную гармонию.

А боль... да что боль. Мартин давно перестал понимать, кого нужно беречь от нее, кому причинять, а кому просто позволять испытывать. И все же сейчас, за глупым секундным желанием вытереть кровь с ее лица, пришло другое — забрать или разделить ядовитое отчаяние в ее глазах.

Он не знал правильных слов, снова. Люди шли мимо не оборачиваясь, лишь иногда задевая их плечами и сумками. Ника стояла, опустив руки, и капля крови стекала по ее подбородку.

Ненависть к себе кольнула, словно снег, брошенный ветром в лицо, а потом затихла, задавленная порывом, в котором не было места мыслям — он притянул Нику к себе, и целое мгновение ему казалось, что он просто защищает ее от бегущего мимо мальчишки, который мог ее сбить. А потом наклонился, кончиком пальца стер кровь с ее подбородка и поцеловал, разлив по языку знакомый, сладковатый вкус.

Победный визг и приглушенные перчатками аплодисменты Мари заглушил одобрителный гудок проносающейся мимо машины.

...

Виктор шел, не разбирая дороги. Он был в бешенстве — сначала таблетки, которые оставил ему мелкий паршивец, как-там-его, подействовали совсем не так, как должны были, и он провалился в каком-то мутном забытии до полудня.

Еще и обнаружил себя стоящим посреди улицы, в карнавальный зеленом пиджаке

Милорда. Пиджак раздражал физически, до зуда. Он сразу сорвал чужую вещь, но его не покидало желание снять еще и рубашку и расчесывать кожу до тех пор, пока под ногтями не останется все, что успело налипнуть — чужая жизнь, чужие прикосновения, неправильные, неестественные... Мартин даже не удосужился погладить рубашку, еще и надел за каким-то чертом постиранную вечером — скорее всего, одевался не думая. Не думая о рубашке, разумеется, а это, по мнению Виктора, была самая важная мысль в начале дня. Мятая рубашка, даже просто попавшаяся на глаза, способна испортить настроение на всю следующую неделю.

И Ника выглядела чем-то ужасно довольной и все время облизывалась, растирая кончиком языка кровь по искусанным губам. Виктор пытался вспомнить, произошло ли между ней и Мартином ночью что-то такое, что вызвало бы эту глупую ухмылку и заставило ее изуродовать себе лицо, но не мог вспомнить ничего подобного. К тому же вместо благодушного, ленивого удовлетворения, какое обычно наступало после секса, он чувствовал раздражение, смешанное с глухим желанием. Правда Ника никакого вожделения не вызвала. Он ненавидел ее в этот момент, и только люди вокруг заставляли держать себя в руках. Виктор специально выбирал самые людные улицы — в глухой подворотне он, пожалуй, совершил бы еще одно убийство.

«Ты же сам хотел, чтобы она досталась Мартину, — уговаривал он себя. — Она нужна для плана, и ни для чего другого. И ты все равно собирался подышать. Что хочешь после себя оставить — ворох сентиментальных воспоминаний?»

Но ничего не выходило — его душила ревность, и от изменности этого чувства он злился еще больше.

Он-то думал, что не способен испытывать нечто подобное. В конце концов, разве не представлял он себе Ришу в объятьях всех знакомых ему мужчин, чувствуя при этом только глухую усталость?

Но не потому ли эти фантазии отзывались равнодушием, что та любовь действительно перегорела и потеряла прежнюю власть?

К тому же Мартин, естественно, не подумал о сигаретах. Пришлось остановиться и поискать взглядом магазин. Задержки хватило, чтобы злость, от которой он пытался сбежать, догнала и положила теплые ладони на виски.

— Что он тебе говорил? — с отвращением выплюнул он.

— Просил тебя убить, — улыбнулась Ника. Он давно объяснил ей, что чувствует любую ложь.

— А ты?..

— А я спросила, сколько вы оба еще будете меня мучить.

— И все?

— Больше он мне ничего интересного не сказал и разговоров про убийство не заводил, — она продолжала улыбаться.

Виктор чувствовал, что она говорит правду, и вместе с тем что-то впивалось в сознание рыболовным крючком на леске, за которую вот-вот потянут.

— А вы неплохо спелись, — сказал он как можно непринужденнее, преподнося ей

возможность разбить его многолетний обман и стать ненужной. Словно вырвал из себя крючок и вместе с ошметками плоти вместо наживки забросил в черную воду чужой души.

Но Ника не взяла приманку. Только пожала плечами и опустила лицо в складки шарфа.

Хотелось схватить его за концы и тянуть, пока вместе с предсмертным хрипом из нее не выйдет правда, которую он хотел знать.

Сам Мартин, как всегда сидел в кресле, полностью отрешившись от происходящего. Виктор прикрыл глаза и поморщился — раньше кресло было повернуто к проему и он мог видеть лицо Мартина, а Мартин — его. Сейчас он видел только обтянутую лиловым бархатом спинку, да бледную руку на подлокотнике.

В магазине его сигарет не оказалось. И во втором тоже. Можно было взять любые другие, выкурить пару и отдать пачку Нике, а себе купить подходящие, но сегодня мысли о дыме неправильных сигарет, проваливающимся в легкие, вызывали приступы паники и тошноты. К счастью, вожденная пачка нашлась в третьем магазине — последняя, с трудом найденная в коробке под прилавком. Виктору хотелось перегнуться, схватить продавщицу за волосы и разбить ее лицом витрину, а потом долго возить ее туда-обратно по месиву из осколков, пакетиков растворимого кофе, конфет и дешевых презервативов. Он видел собственную сардоническую улыбочку в погасшем экране маленького телевизора у холодильника с напитками, и от этого зрелища желание только усиливалось.

— Нашла! — донеслось из-под прилавка, когда он уже протянул руку.

Ника наблюдала, склонив голову к плечу. Ее глаза поблескивали легким любопытством и чем-то похожим на предвкушение.

Виктор опустил руку и полез в карман пиджака за портмоне. Оно обнаружилось не в левом кармане, а в правом. Мир на секунду посерел — Мартин как будто не собирался дожидаться его смерти, он уже забирал его жизнь, постепенно и неотвратимо. Надевал не те рубашки, не те пиджаки, клал портмоне не в тот карман и о чем-то говорил с Никой.

«Ты просил ее нас обоих убить?» — не выдержав, спросил он у лиловой спинки кресла.

«Я выполняю твои условия», — просто ответил Мартин. И замолчал — как будто этого было достаточно в это проклятое, неправильное утро, в котором жизнь принадлежала этому паршивцу в чертовом кресле!

Он несколько секунд тупо разглядывал серебристые банки джин-тоника в холодильнике, убеждая себя, что алкоголь поможет смыть все неудачи и сделать день лучше, еще и Мартина будет не слышно. Но он слишком хорошо помнил вкус — кисло-горькая дрянь, которую пытались спрятать в переизбытке сахара. Лучше купить в нормальном магазине коньяк, но где его сейчас искать?

— ... восемнадцать? — вывел его из размышлений раздраженный, явно не в первый раз заданный вопрос.

— Что?..

— Мальчик, тебе есть восемнадцать?

... с первого удара витрина бы не разбилась, но человеческое тело гораздо слабее стекла, поэтому на покрытой разводами мутной поверхности обязательно бы остался кровавый отпечаток. Визг точно заглушил бы хруст ломающегося носа, но как бы славно потом шуршала эта напудренная рожа по своим пакетикам, собирая в мясистые щеки крошево осколков...

Виктор молча показал женщине права.

Сигареты явно долго пролежали в коробке — он чувствовал затхлый привкус пересохшего табака. А может, ему просто казалось, что в это утро ничего не может быть правильно. Он протянул Нике сигарету и встретил удивленный взгляд — ему не нравилось, когда она курила. Каждый раз, когда она оставалась одна и выкуривала полпачки оставленных Лерой сигарилл, которые та разбрасывала по всему дому, Ника потом долго и тщательно чистила зубы и мокрыми руками стряхивала с одежды пропитавший ее дым. Виктор прекрасно знал об этом, но не запрещал. В конце концов, до знакомства с ним она не курила, и эта ее «тайна» была еще одним свидетельством их особенной связи.

Он загадал — если Ника откажется — день точно безнадежно потерян. И виновата в этом будет она. Ника взяла сигарету и поднесла кончик к подставленной им зажигалке. В этот момент Виктор почувствовал такую жгучую благодарность, что с трудом удержался, чтобы не поцеловать ее. Но ему не хотелось, чтобы она механически следовала его желаниям, а ничего другого добиться, не прикинувшись Мартином, он все равно не смог бы.

Виктор огляделся. Вдалеке блестел темным стеклом футуристический призрак, стеклянный паук, раскинувший сверкающие паутинки отражающихся солнечных лучей.

— Раз уж мы здесь, думаю, стоит зайти в гости, — улыбнулся он, подавая Нике руку. Она положила ладонь на сгиб его локтя, и он едва почувствовал прикосновение.

У дороги он поймал такси — черный седан остановился прямо у тротуара под аккомпанемент возмущенных гудков.

Водитель — смуглый черноволосый молодой человек нагло и развязно улыбнулся, обнажив желтоватые зубы. Виктор безошибочно почувствовал сладковато-терпкий запах табака с гашеной известью и разглядел зеленоватую слюну на нижней губе.

— Театр Современной Драмы, — сказал он, садясь в машину. — Хоть раз хлопнешь дверью по пути — потушу сигарету об твой глаз.

— Э, в салоне не курят, да? — попытался возразить водитель, когда Виктор захлопнул дверь и начал открывать окно.

— Езжай, до театра потерпишь, — мрачно сказал он, раскуривая новую сигарету. День продолжал оправдывать свое начало.

Всю дорогу Виктор мрачно наблюдал, как парень хватается за ручку двери, а потом раздраженно сплевывает в окно, попадая то на дорогу, то на дверь снаружи. Уже через десять минут Виктор был готов все-таки потушить об него сигарету. А потом достать бритву — лезвие в специальном кармашке портмоне, которое он оставил в тайнике за зеркалом в ванной и вчера успел положить на место. Лезвие было коротким, легко пряталось в трех пальцах. Придется несколько раз провести по горлу водителя, и его кровь обязательно заляпает манжеты. Зато, раз он будет сидеть сзади, ему не забрызгает лицо.

Обычно следуя за желаниями, Виктор забывал о том, что не терпит грязи — когда ему требовалось привести домой мокрого пса, убить человека или спрятать что-то в самом неожиданном месте. Так, крупная партия наркотиков три недели спокойно пролежала под тарелкой в пятилитровой кастрюле заплесневевшего супа.

Но сейчас сама мысль о том, чтобы запачкать руки вызывала отвращение.

Машина остановилась у черной плиты, подножье которой махрилось увядшими цветами. Виктор, не глядя, сунул водителю купюру и с наслаждением вдохнул пропитанный запахами бензина и пыли воздух. Обернулся, чтобы поискать глазами кассу и замер.

Плита оказалась памятником. До середины она оставалась черным матовым камнем, похожим на надгробье, а с середины над дорогой наклонялся белоснежный призрак, раскинувший руки. Несколько секунд потребовалось Виктору, чтобы понять, что женщина запечатлена в момент поклона. Он разглядывал мраморные пряди, почти касающиеся цветов и горлышек банок, в которых стояли свечи, кружевной воротник-стойку, складки платья, руки в перчатках и никак не мог заставить себя посмотреть ей в лицо.

Мари улыбалась невидимому залу, победно растянув губы, окровавленное прикосновение которых преследовало Виктора в самых ярких фантазиях и воспоминаниях. Но теперь глаза ее горели торжеством — она победила, сыграла свой спектакль и сейчас, скинув условности всех ролей, которые примеряла, на вечную мраморную секунду стала собой.

Действие 11

Жить вечно

И зло хочет всего лишь осчастливить нас.

Е. Лец

На кирпичной стене было распахнуто бумажное окно в дождливый день. Виктор не сразу понял, что это афиша — мокрое серое стекло, темная деревянная рама и выше, уже на черной бумаге, беспощадно-белые слова: «Дожди. Памяти Марии Б».

Снизу — аккуратные столбики дат спектакля. Сегодня вечером, через пять часов, как раз играл новый состав.

«Ее не должны помнить», — забывшись, растерянно сказал он Мартину, продолжая молча разглядывать афишу.

«Шутишь? Ты убил режиссера, актрису, волонтера и кем она там еще была, к тому же просто красивую девушку. То есть не ты, а маньяк, который любил эффектные смерти. Радуйся, что памятник у театра стоит, а не на центральной площади вместо того мужика в кепке», — мрачно ответил Мартин.

Он сидел в проеме, опустив руку в белую пустоту, и старался не оборачиваться, чтобы не встречаться взглядом с торжествующей Мари.

Виктор только досадливо фыркнул. Тогда ему казалось, что он подумал обо всем — как сделать так, чтобы его не поймали, как сделать так, чтобы режиссера обвинили вместо него.

Но он совсем забыл о том, что истинная ее сущность останется за кулисами. Он сам выпустил на сцену идеальную жертву в светлом образе мученицы-Офелии. Тщательно загримировал ее, сделал костюм, написал пьесу, поставил свет и, конечно, подготовил лучшую сцену для лучшей ее роли.

— Ее забудут, — процедил он, касаясь кончиками пальцев афиши. — У людей короткая... память.

«Конечно, забудут», — миролюбиво поддакнул Мартин. Спокойно, как душевнобольному.

Виктор купил в кассе три билета и несколько секунд стоял, пытаясь понять, что же сделал не так.

— Ты один, — подсказала ему Ника, видимо, устав смотреть, как он непонимающе разглядывает билеты.

— Что?

— Мартину не нужен билет, — без улыбки сказала она.

— Действительно, — он спрятал билеты во внутренний карман. — Ну ничего, он все равно незримо с нами.

Он чувствовал, как душу наполняет неожиданное спокойствие. Недавняя злость отступила, оставив только благодушное миролюбие.

Даже сигарета, которую он закурил прямо у выхода под запрещающим знаком, перестала казаться такой отвратительной.

Мартин задумчиво наблюдал, как Виктор выходит на улицу и растерянно оглядывается. Прислушивался к его мыслям и настроению. Ворох ничего не значащих, пустых эмоций и размышлений — пить ли кофе, стоит ли сходить на мост, где убил Мари, надо ли вернуться и рассмотреть памятник, растерянность, сомнение, неопределенность, раздражение, шипящая вина, снова сомнения... Мартин заметил, как рефлексивно подрагивают пальцы Виктора с той стороны, где стояла Ника.

— Он хочет ее за руку взять, — лениво подсказала Мари. — Вернее, хочет, чтобы она его взяла, ну помнишь эту вашу девочку — теплые пальчики, глупая улыбочка...

— Что сделать, чтобы ты умолкла? — спросил Мартин, не отрывая взгляд от проема.

— Умолкла?! Котенок, он меня убил! Я хочу посмотреть, как эта мышка будет стрелять в крестик у тебя на рубашке!

— Не на что смотреть, — ее слова растеклись в крови, словно яд и бросились в лицо обжигающей пульсацией. — Все быстро кончится, не успеешь разглядеть.

— Надо же, воображаемые люди умеют краснеть! Сам знаешь, как жестоко поступаешь, а? — прошептала она. — Ну уж нет, я останусь здесь и обязательно брошу на эту сцену свой букетик фиалочек!

Мартин обернулся. Мари лежала на полу у кресла, изогнувшись и живописно разметав светлые пряди по паркету.

Она облизывалась — не призывно, скорее удовлетворенно, как кошка, только что задушившая птицу.

— Не нравлюсь? И что ты будешь делать? — она приподнялась на локте и растянула губы в отрешенной усмешке. Мартин быстро обвел комнату взглядом, а потом, хмыкнув, снял ботинок и запустил ей в голову.

Он не стал следить, попал ли в цель. Раздался глухой стук и короткое ругательство.

Виктор в это время что-то для себя решил и сейчас направлялся на другую сторону улицы.

«Куда идешь?» — миролюбиво спросил Мартин.

— В книжный. Я с собой ничего не брал, а дома, кроме как смотреть на эту кислую рожу все равно заняться нечем, — он быстро кивнул на Нику.

Мартин, облегченно вздохнув, поднял руку, положил на колени и быстро перевязал платком.

— Глубоко режешь, — раздался голос Мари прямо над ухом. Она сидела у него за спиной, положив подбородок ему на плечо и быстро ощупывала руку от локтя до запястья. — Надорвешься. Так нельзя.

— Тебе какое дело? — тихо спросил он, пытаясь вырваться. Но Мари держала неожиданно цепко.

— Будешь по каждому его капризу от себя куски отрезать?! — вдруг прошипела она, сжав его плечо. В ее голосе не осталось никакой бархатной наигранной томности. — Так от тебя скоро ничего не останется. Сдохнешь в своем проеме и никого не спасешь, как всегда!

Мартин, быстро оглянувшись, схватил ее за руку и потащил из комнаты в беседку.

— Чего ты хочешь?! — прошипел он, захлопнув дверь. — Что тебе от меня надо?! Я тебя, черт возьми, не убивал, хоть в твоей смерти моей вины не меньше! Я не стану реагировать на твои подначки и краснеть от шуточек, и мне, чтоб тебя, не до игр в сострадание с дохлой...

— Но если ты умрешь, котенок, я же останусь совсем одна! — Мари снова спряталась в капризную манерность.

— Что ты хочешь, Мари? — устало спросил он, не заметив, что впервые назвал ее по имени. — Ты мне мешаешь. Пока я с тобой разговариваю, он там может опять сбесился и кого-нибудь душит.

— Дай мне поучаствовать! — она подалась вперед и скользнула ладонями под лацканы его сюртука. — Дай мне этот спектакль, вот увидишь, я поставлю его лучше, чем кто-либо другой! Позволь помогать, мне нужна... нужна... эта постановка, — лихорадочно зашептала она.

Мартин вздохнул и сделал шаг назад. Близость Мари его несколько не волновала, как и чья-то еще. Кажется, вся чувственность досталась Виктору — даже целуя Нику у дороги, Мартин не ощущал ничего, кроме раскаяния. В большинство моментов, когда ему невольно приходилось подглядывать за Виктором, он чувствовал еще и отвращение.

— Я не собираюсь надрываться. Мне нужно выяснить... что я вообще могу, понимаешь? Как я могу на него влиять, когда он в сознании. Так нужно, — устало сказал он, отворачиваясь от ее жадного взгляда.

— Даже с плохими декорациями и слабым светом можно поставить красивый спектакль, — тихо ответила она. — Я хочу помочь. Ты не сделаешь правильно, ты слишком жестокий...

— Что?..

Это были первые ее слова, которые по-настоящему достигли цели. Он обернулся и опустил протянутую к двери руку.

— Жестокий, котенок! Ты же вроде как добрый, а добрые всегда самые жестокие и беспощадные! — торопливо заговорила она, хватая его за обшлаг. — Ты не умеешь мыслить полутенями, у тебя все простое, как кувалда... Вот Виктор меня убил за то, что я вашу подружку подставила. Но она-то меньше всех пострадала — я устраивала все так, что никто не мучился, не боялся и даже не помнил потом ничего! Нам было достаточно такого... зла. А он что сделал, тоже вроде как встав за добро? Ты себе хоть представляешь, как этот хренов вигилант меня через полгорода ночью вел на мост?!

Мартин слушал, закрыв глаза. Ее слова и прикосновение кололи словно иглы. Хотелось забрать руку, уйти следить за Виктором, который наверняка уже дошел до книжного, и не слышать, как Мари играет с реальностью. Но он стоял и слушал — может, потому что в ее словах была какая-то правда, а может, потому что он всегда, хоть и не хотел себе в этом

признаваться, сочувствовал Мари. Несмотря ни на что.

И часто представлял, что она чувствовала, когда Виктор вел ее на мост.

— Я тебе помогу. Так будет меньше крови, меньше боли и потом... оставшиеся будут меньше страдать. Я ведь поняла, что ты задумал. Это так жестоко, котенок, я даже не уверена, что у тебя хватит сил...

— Вот и проверим на что их хватит, — наконец опомнился Мартин, все-таки забрав руку. — Пойдем. И давай без пассажей про строгого учителя.

Мари вдруг быстро стянула перчатку и коснулась его пальцев. Прикосновение оказалось неожиданно грубым и шершавым.

— Он видел меня без перчаток, — печально сказала она, сжимая его ладонь. — У меня действительно были такие руки.

— Я помню, ожоги от утюга, — поморщился он, отвечая на пожатие. Она сама отпустила и осталась стоять, глядя ему в спину — Мартин чувствовал этот взгляд, но не оборачивался. Он закрыл дверь и вернулся к проему.

Единственный магазин, который нашел Виктор неподалеку от театра, оказался небольшим подвалом со старыми стеллажами, на которых книги были рассортированы только по жанрам. Все остальное — серия, размер книги, цвет обложки — значения будто не имело. Подойдя к ближайшему стеллажу Виктор заметил, что отечественные авторы стоят рядом с зарубежными. На одной полке розовел корешок любовного романа с написанным курсивом названием, а рядом — исповедь зарубежного рок-музыканта. На прилепленном к верхней полке листе в файле значилось «реализм».

— Какой-то кошмар, — пробормотал он, протягивая руку к ближайшей книге и тут же брезгливо отдергивая.

Ника только пожала плечами. Казалось, ей совершенно все равно где стоять — здесь, в фойе театра или посреди шоссе.

Ее равнодушие отозвалось нарастающей злостью, но в следующую секунду он ощутил неожиданный порыв. Он быстро достал из кармана сигареты, сунул в пачку зажигалку и кивнул на дверь:

— Сходи подыши, а?

Ника, пожав плечами, забрала сигареты и вышла.

Злость улеглась, стоило хлопнуть входной двери. От размышлений о неожиданно меняющихся настроениях его отвлекло сиплое мяуканье, раздавшееся за спиной.

Вздрагнув, Виктор обернулся.

На одной из полок сидел огромный, лохматый черный кот. Он щурил на него благодущные желтые глаза и лениво обмахивал длинным пушистым хвостом нижнюю полку.

«Что это с тобой?» — поинтересовался Мартин, почувствовав, как калейдоскопом сменились растерянность, омерзение и раздражение.

— Ненавижу кошек, — прошептал он. — Какого черта животное делает в магазине?!

— Создает антураж, а если тебе что-то не нравится — вали отсюда! — раздался из-за полок раздраженный женский голос.

Виктору в первую секунду показалось, что он слышит Веру — словно ему снова восемь лет и он впервые пришел в школьную библиотеку. Воспоминание оказалось неприятным.

Воспоминания Мартина были еще неприятнее, потому что он сразу узнал голос.

У девушки, вышедшей из-за стеллажа, темные, завитые волосы стояли дыбом, а подведенные черным глаза смотрели с тяжелым презрением, быстро сменившимся узнаванием, потом — удивлением, а затем — ужасом.

— Какого ты здесь забыл?! — ошеломленно прошептала Рита, делая шаг назад, в тень стеллажа. — Ты разве не сидишь в своей развалине, замаливая грешки?!

— Богатейшая папина библиотека кончилась, — растерянно пробормотал он, пытаясь скрыть за язвительностью собственный страх. — Если бы не пожар мне бы, конечно, еще на десять лет хватило...

— Вик, а вот как бы ты на хрен ушел, а? — Рита взяла себя в руки и даже растянула в улыбке подкрашенные серым губы. — Нет, правда. Бери книжки, какие тебе там надо и иди, пожалуйста, отсюда. Или тебе еще надо кого-нибудь убить?

— Нет, я не... Если понадобится — справлюсь без тебя. А ты какого здесь делаешь? Кто тебя пустил книги продавать, ты же даже букварь до конца не дочитала!

Когда-то давно они играли в эту игру каждый день — танец взаимных выпадов и обмен презрительным фырканьем.

Оба были ершистыми и неуклюжими подростками, не заметившими, как вражда переросла в симпатию. И сейчас выпад Виктора был лишь данью этой старой, отгоревшей симпатии.

Мартин, сжав косяк, смотрел на Риту, пытаясь обрадоваться. Но не мог — все потонуло в темноте. Он помнил только, что когда-то был влюблен, но не мог даже вспомнить, что при этом испытывал.

— Я, чтоб ты знал, Маргарита, — фыркнула она. — Никогда бы не подумала, что роль в той проклятой пьеске мне чем-то пригодится.

— А это что, Бегемот? — презрительно скривился он, бросая быстрый взгляд на кота.

— Конечно. И не смей обижать котечку, — Рита подхватила на руки довольно замурчавшего кота. Виктор почувствовал запах ее духов — все еще дешевая смесь ванили и розы, ничего не изменилось за годы.

— Как... — он хотел спросить «как ты живешь», но не смог. Неожиданное чувство вины сдавило горло. Перед Ритой, перед Мартином и почему-то перед Мари. — Как это... связанс с пьесой?

— А ты не знаешь, ко-те-нок? — ядовито усмехнулась Рита. — Мы же теперь знамениты. Тебе что, не слали приглашения на интервью и не звали на работу в театр?

Виктор с трудом вспомнил, что парень, приглядывавший за домом, говорил ему о каких-то письмах, и что несколько раз приходили журналисты, но он, как было велено, отвечал из-за закрытой двери, что скорбит по отцу и не хочет никого видеть.

— Не помню, — соврал он.

— Наш город знаменит теперь двумя историями, — фыркнула Рита, подходя к прилавку. Пока Виктор разглядывал винтажный жакет, черную юбку до колен и черные стрелки на чулках, она легко перегнулась через прилавок и достала две книги в плотной пленочной обертке.

Он взял их, пытаясь разглядеть обложки под упаковкой.

— Надо снять, — усмехнувшись подсказала Рита и протянула ему канцелярский нож. — Или у тебя бритва в кармане, а? Может тебе вообще не стоит давать эту штуку, а то решишь вспомнить молодость...

— Кажется, ты ей тоже желала смерти, — огрызнулся он, разрезая неподатливую пленку.

— Конечно, желала. И я тут того, искуплением типа занимаюсь — ну знаешь, театр рядом, там пьеса идет... Я иногда туда хожу, — вдруг призналась она. — На спектакли. Виконта... плохо играют. Офелию хорошо, а вот Виконт... неправильный у всех. Он... не любит.

На первой обложке под репродукцией «Офелии» Вотерхауса желтыми буквами значилось: «Восемь венков для девяти Офелий».

— Почему восемь? — растерявшись, он выбрал самый глупый вопрос из всех, что пришли ему на ум.

— Так с одной бабы венки смыло, на берегу потом нашли в куче мусора. Я этот опус наизусть знаю. Режиссер твой, кстати, в тюрьме повесился, ты знал?

— Нет.

Злорадное удовлетворение оказалось поначалу неожиданно ярким — несколько секунд потребовалось Виктору, чтобы сообразить, что Мартин ощутил то же самое.

«Ты разве не должен строить осуждающие рожи и заламывать руки какой я плохой?» — не удержавшись, спросил он.

«У меня было на это достаточно времени», — спокойно ответил Мартин.

Виктор открыл последнюю, девятую главу. С глянцевого страницы широко открытыми глазами на него смотрела мертвая Мари. Она лежала на берегу, и мокрые волосы облепляли плечи, а венок съехал набок. Лицо у нее было растерянным и словно обиженным, несмотря на вырезанную улыбку. Она совсем не была похожа на памятник и на ту женщину, что приходила в школу. Если бы ее увидели среди подростков с таким выражением, наверняка бы решили, что это одна из школьниц, играющих в постановке. В кадр попал носок мужского ботинка, и это вернуло к реальности, словно пощечина — его не должно было быть на фотографии, как помады на салфетке, как лишние складки на рубашке, как...

— У меня этот снимок дома над кроватью висит. Каждое утро на него смотрю, — Рита снова растянула в улыбке серые губы.

— Зачем?

— А разве непонятно? Я ее убить помогла. Только я не могу, как ты, — спрятаться от

этого.

Виктор почувствовал, как ладонь обожгло, словно он сжал в кулаке комок иголок — хотелось ударить, сбить с презрительно искривленных губ след только что сказанных слов. Но в следующую секунду он даже не смог вспомнить, чего только что хотел.

— Тебе действительно стыдно?

— Нет. И наказываю я себя в первую очередь за это. Слушай, Вик, а что сделать, чтобы ты эту свою морду паскудную куда-нибудь убрал? Помню, у тебя раньше иногда выражение было — как на иконе старой. Я тебя таким любила.

«Слышишь, Мартин? Она тебя помнит».

«Тем хуже, не так ли?»

Виктор не мог понять, что чувствует Мартин. Он не ощутил ни его радости, ни тоски, когда увидел Риту, и сейчас он был полностью равнодушен к происходящему. И это раздражало сильнее, чем ботинок на фотографии.

Кажется, они с Никой все-таки сговорились.

— Ладно, эту историю я знаю. А вторая?

Вторая книга оказалась тоньше и легче первой, а слой пленки — толще.

— О, эта история тебе точно понравится! Почитаешь ее дома, она короткая. Хорошо идет с чаем. Ну или с водкой — тебе, скорее, с водкой, — нервно хихикнула Рита, встряхнув черными кудрями. Кот безвольно висел у нее в руках, иногда вяло проводя хвостом по ее коленям.

Виктор хотел забрать книгу не разворачивая, но не сдержался.

Обложка тоже была отвратительной — неумело наложенное на коричневый фон ружье, стандартные шрифты. Название: «Наш ответ Амитивиллю: одна ложь и три трупа» ничего ему не говорило.

— И кто в кого стрелял? Я что-то не помню у нас большой семьи и сумасшедшего с ружьем.

«Я помню», — прошептал Мартин, и Виктор впервые за все эти дни почувствовал такое сильное и яркое отчаяние.

— Ришин отец? Он же застрелился! Еще перед моим отъездом, я слышал выстрел, черт возьми! — забывшись, выкрикнул он, ища глазами зеркало, чтобы посмотреть Мартину в глаза.

Мартин молчал. Нужно было врать. Сочинять правдоподобную отговорку, уводить его от следа, не давая ухватить догадку — выстрел, который он слышал, стоя во дворе Ришиного отца, на самом деле не звучал. Мартин помнил собственные расцарапанные о решетку ладони и кровь, тяжелыми каплями текущую в проем — он тогда не понял, что именно

позволило ему обмануть Виктора.

— Может, он в стену шмальнул — дочка-то сбежала, вот и перепсиховал мужик, — Рита спасла Мартина, придумав отговорку за него.

— Она не вернулась?

— Конечно, нет.

Не в силах стоять, Виктор опустился на грязный пол у прилавка и открыл книгу.

Здесь бумага была желтоватая и тонкая, чернила размазывались от прикосновений. На первой странице, перед прологом, была старая фотография матери Риши, Галины. Виктор смутно помнил, что когда-то Мартин танцевал с ней на заставленной кухне, убеждая ее сделать... что? Она зачем-то была нужна, эта женщина с непроницаемым лицом, что же они от нее хотели?

Чтобы она убедила Ришиного отца отпустить ее в город, играть в «Дождях». Конечно, вот что их тогда волновало — мечты маленькой девочки о красном занавесе.

— Эту книгу ты тоже знаешь наизусть? — шершавые слова выкатились из горла и растворились в воздухе.

— Нет, только один раз прочитала. Она скучная и меня мало касается. Помнишь вся деревня считала, что Галина работала в борделе, и сама она истории рассказывала?

— Забудешь такое, я полжизни из-за этих сплетен...

— Нигде она не работала, — перебила его Рита. Она наконец отпустила кота и села рядом с Виктором, нисколько не беспокоясь, что черная юбка, в которой ей предстояло работать до конца дня, пачкается о рыжеватую пыль на полу.

— Что?

— Она врала, Вик. Ты, кажется, всегда считал себя хорошим лжецом — так вот, она языком чесала гораздо лучше. В молодости в городе жила, на деньги родителей. Им врала, что учится в университете. А потом они умерли, оставили ей наследство, она приехала в деревню — репутация у нее в городе и правда была не очень, она действительно там с кем попало трахалась, просто от любви к искусству. А потом купила дом, из-за которого ее вся деревня и ненавидела, и вышла замуж за отставного военного.

— Какая-то чушь, Рит, — возразил Виктор, перелистывая страницы, полные каких-то незнакомых символов, никак не желавших становиться буквами. — Зачем ей такое рассказывать? Сказала бы, что она несчастная жертва обстоятельств, сочинила бы себе оправданий...

— Она придумывала про себя много историй. Этот мужик, автор книги, опрашивал ее знакомых, с кем она училась, с кем спала. Так вот, у всех разные истории. Кто-то думал, что она смертельно больна, кому-то она рассказывала, что ее отец насиловал чуть ли не с пяти лет — короче, придумывала всякую грязь, чтобы ее жалели. А другим рассказывала наоборот про богатых родителей и жизнь чуть ли не в замке. А потом уже не смогла держать себя в руках и начала сочинять любой бред, грязнее, хуже — дети от сутенеров, какие-то собственные несуществующие пороки... к существующим добавляла.

Рита задумчиво расправила на коленях юбку.

Мартин сидел, опустив плечи, словно ждал, что хохот Мари вот-вот посыплется ему на спину — он заглушал слова рассказа, разбивался о стены, словно хрустальные фужеры, и падал в проем. Странно, что до Виктора не доносилось даже эха ее веселья.

— Ты хочешь сказать, что все это время эта старая дрянь просто вешала нам всем на уши?!

— Ага, и я по лицу вижу, что ты понимаешь, почему ее муженек, как она ему призналась, снял со стены ружьишко, выстрелил в голову ей, потом своему старшему сыну, а потом себе, — Рита смотрела серьезно, но в ее глазах плясали искорки непонятого Виктору веселья. — Мы тут все запутались, Вик. Столько лгали друг другу, столько ролей играли — а ведь можно было просто говорить правду. И заметь, Мари здесь совершенно ни при чем.

— И ты...

— Я нашла мужика, который искал девочку-продавщицу, которая будет отыгрывать какого-нибудь персонажа. Увидел меня — обрадовался, сразу сказал, я настоящая Маргарита, — она, улыбнувшись, провела руками по волосам. — К нам правда иногда заходят пофотографироваться и даже написали про магазин в туристическом буклете. Я на собеседовании только обмолвилась, что из той-самой-труппы-той-самой-Мари, и меня сразу взяли. Я тут работаю, хожу на «Дожди» и каждый раз там вижу... — она вдруг осеклась и замолчала.

Виктор почувствовал на себе чей-то тяжелый взгляд и поднял глаза одновременно с Ритой.

Ника стояла у стеллажа, смотрела на него сверху вниз и уголки ее губ прятали злорадную усмешку.

— Вы тут давно стоите? — Рита встала, торопливо отряхивая юбку.

— Не волнуйтесь, я с ним, — улыбнулась Ника, и Виктор понял, что заставить ее перекрасить волосы было по-настоящему хорошей идеей. Ему не хотелось, чтобы Рита видела, как он ищет Ришу в других женщинах. И что делает когда находит.

— По вам видно, — Рита потеряла кончик носа. — Вы бы с ним поосторожнее, у него с женщинами сложно.

— Я знаю, он три раза меня убить пытался, — Ника, склонив голову к плечу, смотрела Рите за спину — на кота, растянувшегося на прилавке. Виктор поймал себя на неуместном, детском желании спрятать книги за спину.

— Нам пора, — мрачно сказал он, доставая кошелек. — Книги я заберу. Хочешь с нами в театр, солнце мое? Юбочка у тебя подходящая.

— Хочу больше никогда с тобой не встречаться. Сделай милость, Вик, окажи мне такую услугу.

Рита быстро забрала у него купюру, мазнув по ладони горячими пальцами. Билет, лежавший под купюрой, она тоже взяла.

— Кто играет в постановке, Рит? — спросил он, уже стоя в дверях у стеллажа с надписью «триллер».

— Увидишь. Приятного вечера, любовь моя, — донесся полный яда ответ.

...

Виконта играл черноволосый долговязый парень. Виктор наблюдал за спектаклем не отрываясь, едва заметно шевеля губами — он считал секунды в паузах, проговаривал каждую реплику, и все больше ненавидел актеров и нового режиссера. Весь спектакль был пыткой, сотней салфеток в красной помаде и десятком носков ботинок на фотографии. Он был хуже неправильных сигарет, пропущенного в среду борделя и всех мятых рубашек на свете.

Это были не те «Дожди». Офелия была ярко-рыжей девушкой с полным плохо прикрытого ехидства взглядом. Она не подходила этой роли и, казалось, сама это хорошо знала. В ее движениях, выражении, в интонациях и жестах не было и следа положенной Офелии виктимности.

Эту роль Мари специально писала для девушек, которых приносила в жертву своим амбициям. Офелия должна была угождать вкусу режиссера и подчеркивать все слабости своей натуры. Только идиот мог взять на эту роль девушку с рыжими волосами.

Но ее взяли — и она выстукивала каблуками не те ритмы, протягивала руки к Виконту, которому, казалось, хотелось от нее отшатнуться и, черт ее возьми, улыбалась. Офелия Мари улыбнулась несколько раз за пьесу — слабо и вымученно, улыбкой жертвы. Эта копировала усмешку Мари.

Больше всего Виктору хотелось выйти на сцену и придушить ее, заперев пальцами в горле все слова роли, которую она смела читать.

На Виконта тоже было невыносимо смотреть. Вместо надменного социопата на сцене кривлялся какой-то экзальтированный дурачок. Даже его платок был повязан неправильно и казался не кровью, стекающей с перерезанного горла, а пионерским галстуком. Он не любил Офелию, не верил ни одному своему слову, а еще он чуть не упал со сцены, когда свешивался с края и читал монолог о божественной вседозволенности.

Виктор не понимал, чему так торжествующе улыбалась Мари на памятнике — над ее творением цинично надругались и каждый день насильовали его на сцене перед полными залами зрителей. Эти «Дожди» были неспособны кого-то очаровать или разрушить чью-то судьбу. Этими дождями небо оплакивало не людские грехи, а здравый смысл и чувство стиля.

А Мартин смотрел на сцену и не ощущал ничего. Без Мари пьеса не жила.

Зато сама Мари за его спиной путала свои слова с мыслями Виктора, и их возмущение звенело в унисон. Она критиковала все — от актеров и декораций до булавки на платке Виконта. К счастью, уже через полчаса ей надоело, и она уселась в кресло и лишь иногда жалобно всхлипывала, когда со сцены доносилась особенно фальшивая реплика.

Мартин прислушивался к показным стенаниям Мари, к возмущенному отвращению Виктора, изредка ему удавалось бросить взгляд на Нику, сидящую с прямой спиной и непроницаемым лицом, и что-то царапало горло и щипало глаза. Он не мог понять в чем дело, а потом, неожиданно для самого себя рассмеялся — настолько нелепым было происходящее. Впервые он радовался, что никто не слышит и не видит его — было бы неловко мешать людям смотреть представление.

А потом, под конец, все пошло не по плану.

Сначала Офелия и Виконт вместо того, чтобы разойтись, как было положено по сценарию, зачем-то начали целоваться. Виктор смотрел на этот поцелуй, вульгарный и бездушный, и пытался вспомнить, что могло заставить режиссера включить этот ломающий историю момент.

«Это дань вашему спектаклю, — вдруг отозвался Мартин. — Это вы с Ришей помнишь?»

И он вспомнил. Вспомнил, как растекались по белому платью кровавые вспышки красного света, как Риша никак не могла разомкнуть положенные сценарием объятия и смотрела на него полными отчаяния глазами, словно умоляя ее спасти. Как он целовал ее перед погруженным в темноту залом, истерически, бестолково пытаясь утешить, заставить поверить, что все будет хорошо, и эта пьеса потеряет над ними власть, как только опустится занавес.

— Как они смеют?.. — пробормотал он, не замечая, какой пафосной получилась фраза. Мари была бы довольна своим солистом.

Должна была заиграть музыка — следующей сценой был вальс Теней. Но вместо этого Виконт и Офелия скрылись в темноте, а на сцену вышла Мари.

В гробовой тишине застучали по сцене ее каблуки, и Виктор впервые услышал правильный звук — это была ее походка, ритм ее шагов и удары ее шпилек по гулким доскам. Это были ее светлые волосы в прихотливой прическе, белый бархат ее перчаток, и то самое платье, в котором он ее утопил. Это был тот самый белоснежный веночек, который он надел на нее, только теперь на лепестках дрожали капли крови.

Он чувствовал, что Мартин ошеломлен и, казалось, напуган. Значит, это не галлюцинация, не его больное сознание — Мари действительно стояла на сцене. Весь свет погас, остались только красные ramпы, и казалось, что она стоит по колено в крови. Она почти не поворачивалась к залу, только растерянно оглядывалась, будто не понимая, как сюда попала, но когда женщина на сцене поворачивала голову, Виктор каждый раз замечал знакомые черты.

«Мартин, ты ее видишь?!»

«Да».

Мартин смотрел на сцену и чувствовал, как та Мари, что до этого сидела в его кресле, вцепилась ему в плечи.

— Я бессмертна! Он сделал меня бессмертной! — шептала она. — Я никогда не умру! Теперь точно никогда! Не умру! Он больше никогда меня не убьет, он ведь сам! Сделал меня бессмертной!

Мартин не оборачивался. Чувствовал, как она дышит все чаще, как нарастает восторженная дрожь и в конце взрывается знакомым, торжествующе-экзальтированным смехом.

Виктор с трудом разжал пальцы на подлокотнике. Под ногтями остались ворсинки обивки сидений.

А Мари стала посреди сцены спиной к залу и взмахнула руками — перчатки казались

красными, но Виктор решил, что это простое совпадение — ведь некому было знать, что у нее и правда руки были в крови по локоть.

Повинуясь взмаху ее руки, заиграла музыка, а на сцене появилась одна из Теней. Она шла словно нехотя, передвигаясь рывками, будто ее тянули на веревке к Мари, которая вдруг подняла руку над головой и щелкнула пальцами. Тень упала у ее ногам, прямо к кровавый туман рампы.

— Кто стоит на сцене? — в отчаянии прошептал Виктор, повернувшись к Нике.

— Мари, если я правильно вижу, — тихо ответила она, и ему показалось, что в ее глазах мелькнуло сочувствие. — Вернее, актриса, которая ее играет. Если бы Мари была жива — ей бы не поставили памятник и не написали бы о ней книгу.

Второй раз за день он почувствовал обжигающую благодарность, и из благодарности не стал ни прикасаться к ней, ни говорить, что чувствует. Только кивнул, не отрывая взгляда от сцены.

Мари раскинула руки и ее пальцы несколько раз странно дернулись. Виктор не сразу разглядел с двух сторон сцены, у занавеса рыжую Офелию и Виконта. Они взмахивали руками в такт движению пальцев Мари. Музыка нарастала и топила зал тревожным скрипичным плачем.

— Ах ты пас-с-с-кудная сука... — почти восхищенно прошептал Виктор, глядя, как два черных силуэта Виконта и Офелии медленно бредут к Мари, притягиваемые невидимыми нитями.

На крещендо свет стал ярче и они упали к ее ногам, бессильно, бесшумно, словно провалились в пустоту. Мари осталась стоять. В затухающих нотах она повернулась к залу. На ней почти не было косметики, и из зала ее лицо казалось невыразительным и бледным. Виктор не мог разглядеть ее, видел только губы — кроваво-красный разрез на белой коже. Она улыбалась, точно копируя улыбку с памятника.

А потом она поклонилась и замерла на краю сцены, раскинув руки, и по перчаткам расплзлся гаснущий свет.

— Убью, — с нежностью выдохнул Виктор.

А потом встал и стал медленно пробираться к выходу. Краем глаза увидел, как Ника торжествующе улыбнулась ему вслед.

Он шел по узкому проходу, цепляя чужие колени и наступая на чужие ботинки и туфли. Чувствовал кончиками пальцев бархат спинок кресел, иногда — ткань чужих рукавов и прикосновения чужих волос. Каждое из них намертво прилипало к коже, и хотелось пройти мимо сцены, броситься в уборную и долго отмывать руки. Но было желание куда более сильное, которое застило глаза и наполняло душу тяжелой, пульсирующей ненавистью.

Занавес медленно опускался — тяжелый красный бархат отделял мир воспоминаний от реальности, укрывал призрак Мари.

Аплодисменты догнали его нарастающим шорохом, словно лавина — он уже стоял у края сцены, там, куда должна была спуститься Офелия. Она действительно прошла мимо — черная безликая тень в шлейфе сладких духов и запаха лака для волос. Мари сидела за занавесом и не собиралась превращаться в фальшивку, надевшую белый парик.

О, если это только оказалось неправдой — он поклялся себе, что как только иллюзия разобьется — он простит эту девушку, вернется к Нике и они поедут домой. Мартин что-то говорил, сбивчиво и зло, но его слова сливались в белый шум.

Мари сидела у края сцены и светлые пряди падали ей на лицо. Она достала из декольте малахитовый мундштук, а из кармана юбки — серебристый портсигар.

Не снимая перчаток, вставила в мундштук самокрутку.

Но Мари никак не поднимала лицо, а он никак не мог ее окликнуть.

Кто-то положил руку ему на плечо и что-то сказал. Он раздраженно стряхнул руку и коротко огрызнулся, и именно в этот момент девушка полоснула его по лицу ледяным взглядом. А потом, испуганно вскрикнув, сбросила туфли и скользнула со сцены в зал, попытавшись затеряться среди выходящих зрителей.

— С-с-стой, сука, — почти с любовью прошептал он, стряхивая с себя чью-то руку. Он успел увидеть алую вспышку платка — кажется, мальчишка, игравший Виконта пытался его остановить. Виктор не стал задерживаться и тратить на него слова.

Мартин задумчиво гладил затянувшую проем решетку.

— Вот видишь, лапонька, он по-прежнему тебя запирает, — обрадованно пробормотала Мари, подвигаясь к проему.

— Я знал, что так и будет, — ответил Мартин, не отрывая взгляда от людей в фойе, среди которых Виктор искал блондинку, игравшую Мари.

— И что теперь? Заметил, как он бросил свою девочку?

— Она будет ждать у театра, я уверен.

— И почему же ты такой спокойный, котенок? Может самое время просунуть ручку сквозь решетку и внушить своему другу, что ему срочно нужно покурить или купить свежую газету?

Мартин смотрел молча и не отворачивался. Виктор опустил взгляд, выискивая среди начищенных ботинок и туфель черные чулки. Нашел, и тихо матерясь стал пробираться в ту сторону.

— Он же ее догонит и убьет, славный, — испуганно выдохнула Мари.

— Да? А разве я могу чем-то ему помешать? — вымученно улыбнулся Мартин, оборачиваясь.

На улице было темно. Фонари вокруг театра и зажигающиеся фары создавали ореол желто-белого света, остальное скрывал полумрак.

Виктор заметил девушку у парковки. Успел подумать, что если она сядет в машину — он потеряет ее.

Но она не собиралась садиться в машину и явно не ждала кого-то. Она стояла за красным внедорожником и часто выглядывала, чтобы увидеть вход.

— Она знает, что эта машина стоит здесь давно, — задумчиво сказала Мари.

— И из-за нее видно вход и площадь перед ним, — в тон ей отозвался Мартин. — Ей страшно бежать, к тому же она без туфель. Но почему она не пытается добраться до ближайшего магазина и зачем она вообще выбежала из театра? На темную парковку, без обуви... И волосы у нее светлые, их заметно. Был бы парик — уже бы сняла...

— Глупая девочка, верно, котенок? Все делает, чтобы ее убили... а у него, между прочим, бритва в портмоне.

Мартин, подняв на нее усталый взгляд, отвернулся, прислонился лбом к ледяному железу решетки.

— Ах, как он злится — всю жизнь себе изломал, чтобы меня убить, но так и не смог. Я живу и стою на сцене, вторгаясь в собственную пьесу, — шептала Мари, прижавшись к нему. — А что рассказала Рита? Все пошло не по плану — он не убил отца Риши, не отомстил ему. Все, с чем он боролся всю жизнь, то, из-за чего ему приходилось защищать подругу от целого мира, оказалось ложью, очередным спектаклем женщины, которую он презирал...

Мари шептала и ее слова падали в проем черными каплями.

А Виктор не помнил, как пересек парковку. Он чувствовал ровный фон отчаяния и обреченности — Мартин пытался его остановить, но прислушиваться не было сил. Что-то сухое и красное застило глаза, пульсировало комком в горле и шершаво стелилось по позвоночнику и кончикам пальцев.

У Мари были такие глаза... Мартин не знает, какие глаза были у Мари перед смертью. Никто не знает, только он. И только он помнил поцелуй со вкусом крови, на который — он мог поклясться! — Мари ему ответила.

Он не видел людей вокруг, не слышал голосов и звуков. Шел по гаснущему шлейфу духов в воздухе, и ему не нужно было смотреть, куда он идет.

Лезвие, скрытое жесткой кожей портмоне, легко скользнуло в пальцы. Кажется, само портмоне с глухим шлепком упало на землю, но Виктор не обернулся, чтобы поднять его.

Нужно было развеять иллюзию.

Убедиться, что это не Мари, даже если придется по кусочку срезать с нее лицо, которое она надела, как маску.

Убедиться, что ее больше нет — она осталась там, в реке, а потом ее вытащили на берег, венки нелепо съехал набок, и ей попался плохой фотограф, совсем не следящий за ботинками в кадре.

Виктор шел — ему не требовалось бежать. Блондинка поняла, что ее заметили, но

бежать было некуда — ведь за театром мира не существовало.

Забывтое чувство унижения и бессилия искало выхода. Мать Риши своей ложью сломала жизнь едва ли не больше, чем Мари, и оказалось, что Виктор с детства сражался не с драконом — с ветряной мельницей, которая еще и вышла победителем. Отец Риши застрелился, но не от внушенного чувства вины, а потому что испытал то же, что Виктор испытывал сейчас.

И Мари, проклятая сука в своем проклятом венке, все еще стояла на сцене, скалилась с памятника, выстукивала каблуками по сцене свои ритмы и не собиралась умирать.

Вибрирующий крик разбился о его ладонь, кажется, Виктор упал на колени, пытаясь удержать вырывающуюся девушку, но это не имело никакого значения, потому что он снова мог смотреть в гаснущие, полные ужаса изумрудные глаза и говорить себе, что убьет ее столько раз, сколько потребуется, чтобы никогда больше кровь не стекала по пальцам, густая и скользкая, как горячее масло, чтобы...

И лезвие прошло по горлу мягко, словно смычок по скрипке. Крещендо мелодии, под которую она только что торжествовала на сцене, звучало в голове, заглушая предсмертный хрип.

— А какие глаза у нее, котенок, какие глаза — она боится смерти, как я боялась, только еще сильнее, ведь она уже умирала! — иступленно шептала Мари, а Мартин только сильнее сжимал решетку.

Действие 12

Цепной котенок

*Рыбки в лужице! Птички в клетке!
Уничтожимте все отметки!
Рыбкам — озерце, птичкам — лето, —
Уничтожены все предметы!*

М. Цветаева

Мари сидела в углу, обняв колени, и жалобно всхлипывала. Она не вытирала катящиеся по белой пудре слезы, в которых путались огненные отблески, похожие на рамповый свет.

— Вы такие жестокие, котята... такие жестокие... — шептала она, слегка раскачиваясь.

Мартин молча сидел в кресле и смотрел на глухую стену темноты в проеме. Ему было нечего возразить.

— Сколько боли... сколько грязи... — тихо стонала Мари в бархатную юбку. — Я так не могу, не хочу, котенок...

— Ты сама просила! — не выдержал Мартин. — Я тебя не звал! Не просил помощи! Если можешь уйти — прошу, сделай милость. И не смей говорить о жестокости.

— Не уйду... он меня убил, я должна досмотреть... хочу досмотреть... но можно... пожалуйста, славный, можно он больше не будет так делать?!

— Он сделал только то, что сам захотел, — огрызнулся он. — Причем тут я?!

— Ты же добрый, хороший... и он тебя так любит... почему вы просто не помиритесь, мальчики?

Мартин с жалостью посмотрел на нее, а потом рассмеялся. Смех вырывался из его груди хриплыми, редкими толчками, похожими на воронье карканье. А кровь с его запястья текла на пол редкими, смолянистыми каплями, и никак не останавливалась. Мари, перестав всхлипывать, испуганно смотрела, как он смеется. Потом перевела взгляд на лужу у подлокотника, и Мартин заметил, как в ее глазах блеснул голод.

— Ну давай, — пожал плечами он, поднимая изрезанную руку. На коленях у него была расстелена чистая тряпка — одна из старых рубашек. Он начал медленно перевязывать руку, с усмешкой наблюдая, как Мари, хлестнув его по лицу ненавидящим взглядом, медленно встает, подходит к креслу, а потом становится на колени и начинает торопливо, по-кошачьи слизывать кровь с досок.

...

— И что я должна ему сказать?!

— Правду. Скажи, что он пришел с парковки весь в крови, надел пиджак и молчал до самого дома.

— Как он руку умудрился порезать?

— Когда доставал бритву.

Ника ходила по комнате, комкая в руках окровавленную рубашку, чтобы скрыть нарастающую дрожь. Мартин сидел на краю кровати и растерянно смотрел на нее снизу вверх. Он впервые видел такое яркое проявление ее эмоций.

— То есть он место преступления своей кровью заляпал?!

— Прошел дождь, может все смыло. Да и порез пустяковый. Но я надеюсь, что...

— Да чтоб тебя! — вдруг выкрикнула она, швыряя рубашку ему в лицо. — Вы двое так заигрались в свои убудочные игры, что совершенно забыли, что вокруг есть еще люди! Я, твою мать, просидела на ступеньках несколько часов и меня после закрытия дворник прогнал! Дворник, слышишь, будто я бродячая кошка, которая им на мрамор нагадит! Я думала, ты умер! Думала, тебя забрали! Ты же мне врешь и хочешь, чтобы я ему врала!

Мартин молчал. Ему хотелось признаться, рассказать, что вчера произошло. Исповедаться, уместив в слова совершенное преступление, выбросить его в воздух и позволить раствориться. Рассказать, что на самом деле сделал Виктор и что в этот момент делал сам Мартин, и почему Мари так горько рыдала в кресле.

Почему он уверен, что совершил убийство, и почему от этого никогда не отмыться.

Но это означало бы сделать случившееся бессмысленным. И Мартин не говорил ни слова.

Ника вдруг села на пол, прислонилась спиной к ножке кровати, взмахнула руками и закрыла глаза.

— «Убей меня». «Возьми нож, вырежи букву у меня на спине, нет, поглубже, помедленнее, нет, смотри в глаза в зеркале, а теперь мы с ним поменяемся местами», — монотонно заговорила она. — «Убей меня, я страдаю». «Не убивай нас, иначе заставлю его страдать». «Соври ему», «соври мне». Я просто хотела помочь парнишке с умирающей собачкой. Теперь сижу здесь и выслушиваю от тебя... Он мне выбил зуб и вывихнул по одному четыре пальца. Я не могла карандаш держать полгода, думала больше не смогу рисовать. И сейчас ты просишь ему врать. Как на счет убить меня, а, Мартин? Я знаю, где у него еще лезвия.

Он молча разглядывал частые темные пятна на рубашке и выступающие свежие — на бинте, которым была замотана его ладонь.

...

Виктор потерял сознание на парковке. Мартин пришел в себя на асфальте за внедорожником, в луже ледяной дождевой воды. С трудом встал, добрал до театра, долго искал Нику — она пряталась от дождя под крыльцом черного входа, держа на коленях сложенный пиджак. Мартину пришлось переодеть рубашку задом наперед и надеть пиджак, чтобы спрятать пятна крови.

— Он убил ее, да? — спросила она, дергая пуговицу на своей манжете.

— Да, — спокойно ответил Мартин.

— Почему тогда ты не рядом с трупом? Я думала... ты сделаешь все, чтобы его поймали.

— Милая, — вздохнул он, — если бы я знал, где сейчас труп — обязательно сидел бы рядом и еще хохотал злодейски, чтобы меня точно заметили. Но трупа, черт возьми, нигде нет. И милиции до сих пор нет. Я могу попробовать сдаться, но его скорее всего отпустят. А мстить он будет тебе.

Потом они долго искали в темноте портмоне — у Виктора в карманах, кроме пары номерков и зажигалки, ничего не было. Даже мелочи на электричку не нашлось.

До дома они добрались с первыми лучами рассвета.

...

Мартин представлял, что думает о нем Ника. Представлял, что будет делать Виктор, когда очнется, и ему было мерзко. А еще он чувствовал себя полным идиотом — его жизнь превращалась в череду нелепой, гротескной лжи и абсурдных случайностей. Виктор из беспомощного ребенка превратился сначала в озлобленного подростка, затем — в хладнокровного социопата, а потом умудрился за несколько лет полностью потерять над собой контроль. Мартин вспоминал убийство Мари — расчетливое, спланированное, поставленное как совершенная пьеса в ее честь. А вчера тот же человек, не помня себя, бросился на парковку убивать девушку, которую видел впервые в жизни.

Риша, которую Мартин всю жизнь защищал и берег, сбежала от него, бросив годы теплой дружбы и любви на подоконнике.

Ее мать, из-за чьего прошлого жизнь Вика когда-то превратилась в ад, оказалась завравшейся деревенской сумасшедшей.

А теперь Ника, девушка, которую Мартин почти не знал, обвиняла его в жестокости, презирала его, и была не так уж неправа.

— Я пытаюсь все исправить, — наконец ответил он. — Я не могу... если буду с тобой откровенен — он все узнает и ничего не выйдет.

Он устал и, кажется, успел простудить спину, лежа на асфальте. Все, чего хотелось — упасть хоть рядом с кроватью и спать. И лучше бы никогда не просыпаться.

Ника смотрела тяжелым взглядом снизу вверх и молчала. Ее лицо словно окаменело, казалось, если притронуться к ее щеке — пальцы лягут на мрамор.

— Часто он употребляет? — глухо спросил Мартин, сдаваясь. Он лег на край кровати и из последних сил смотрел в серую стену, понимая, что стоит ему закрыть глаза — сознание покинет его.

— Наркотики? Очень редко... реже, чем говорит. Он много пил, пока ты... не потерял память.

Мартин только досадливо дернул уголком губы. «Потерял память», очередной глупый спектакль, чтобы оправдать появление настоящего «Милорда», который будет задавать вопросы и не будет знать правил игры. От лжи тошнило, как от патоки.

— Но Лера говорит, когда он приехал — совсем не сдерживался какое-то время... у него раньше были припадки, часто, — продолжила Ника. — И тогда всем было очень плохо.

А еще раньше от его дури по всей квартире вонь стояла, пока он не накопил на вытяжки и не научился все проветривать... а Лера запахи до сих пор плохо чувствует, ты знал?

— Нет, — ответил Мартин, прислушиваясь к чувствам, которые вызвала эта новость. Затошнило сильнее. — Это он убил ту девочку в городе. Про которую писали в газетах.

— Но он совсем по-другому... — начала Ника.

— Забудь, нет никакого «его», — поморщился Мартин. — Если бы ты видела, что он сделал... а ведь раньше не уродовал никого, ему хотелось, чтобы было красиво... У тебя осталась программка? Он свою куда-то дел.

Ника молча встала и подошла к шкафу. Через несколько секунд вернулась со смятой серой брошюрой, сложенной втрое.

Мартин, с трудом сфокусировав взгляд на строчках, медленно прочитал весь список ролей. Роль Мари числилась в афише, но имени актрисы, которая ее исполняла, напротив не оказалось. Он решил, что это какое-то театральное суеверие. Не могло же это означать, что Мари в самом деле вышла вчера на сцену.

Но почему она, увидев Виктора, испугалась и сбежала, словно узнала его?

Каждая мысль была шариком дроби, засевшим в голове. Мартин никак не мог ухватиться ни за одну, вытащить, рассмотреть — они сидели глубоко и разливали вокруг раскаленную пульсацию. Не выдержав, он закрыл глаза и засыпая — или теряя сознание — успел почувствовать, как Ника легла рядом и прижалась к его спине. И от этого прикосновения лопнула натянутая в душе струна, делящая ее на две части — ту, что усмехалась в кресле и ту, что пустыми глазами смотрела в стену. Перед тем, как провалиться в черноту, Мартин почувствовал, как горло обожгла горечь.

...

Виктор не помнил, что ему снилось, помнил только как что-то толкнуло в грудь, по которой раскаленным оловом разлилась густая, обволакивающая боль. И отчаяние, последовавшее за болью — не успел.

Открыв глаза, Виктор несколько секунд растерянно оглядывался, пытаясь понять, где он. Серые стены и пустой полумрак могли быть его комнатой в городе, камерой, комнатой в доме отца или чем-то еще.

Вчерашний вечер вливался в сознание по капле, оставляя шипящие пятна ожогов.

Мари в белых перчатках, Виконт в дурацком платке, рыжая Офелия, а потом — темная парковка, испуганный взгляд, короткое, бестолковое сопротивление и взрывающееся упоение от хлынувшей на руки крови.

Как он мог? Так глупо сорваться, полностью потерять контроль из-за паршиво поставленной пьески?!

От ужаса хотелось скулить. Прижаться лицом к белой простыне, спрятаться в ворохе теплой мятой шерсти одеяла, раствориться в них и перестать существовать.

Чтобы ему снова было шесть, и он слышал голос, который говорит, что темнота полна

покою.

Чтобы все еще было впереди, все можно было исправить и не оказаться здесь, в этой безликой комнате, где словно в издевательство на шкафу была нарисована чайка. Ее нарисовала женщина, которая его ненавидит, а когда-то, тысячу лет назад, чайку нарисовал Мартин, как символ своей любви.

Где сейчас дверца шкафа, на которой он рисовал? Наверняка он бросил ее в пожаре. Как и все, что ему было дорого, все, что он когда-то любил.

Не выдержав, он тихо застонал, прикусив запястье. И тут же ощутил рядом движение — мимолетное, слабое, но для него вполне отчетливое. Ника всегда просыпалась вместе с ним.

Сейчас она увидит его лицо, и в мире станет больше на одного человека, желающего ему смерти. Виктор понял, что не может. Не оборачиваясь, слепо нашарил ее руку, прижался щекой к ладони и замер.

Рука оставалась холодной, а пальцы напряженными. Он успел подумать, что ее пронизательность переходит всякие границы, и что его уже ничто и никто не спасет. Но в эту же секунду рука, к которой он прижимался, вдруг стала ласковой и теплой, скользнула от щеки к виску и замерла у кромки волос.

— Он ее убил, — хрипло прошептал Виктор, отчаянно пытаясь поверить в собственную ложь. Кто-то другой зарезал вчера на парковке девушку, даже не запомнив ее лица. Кто-то злой и страшный, для кого нет будущего, кто потерял для всего сущего, и нет для него ни цветов, ни благородных стремлений.

Это не он. Это не мог сделать он.

— Я знаю, — прошептала Ника, утыкаясь носом ему в шею. — Не мучай себя. Ты не мог ее спасти.

Что-то щипало глаза, а где-то между лопатками, под иссеченной кожей, завязывалась в тугую узел змейка спазма. Ника была неправа — он любил ложь, как единственное, что у него осталось. По крайней мере, сейчас любил, как ничто в целом свете.

Как он привык верить пьесам. В проклятых «Дождях» он нашел в себе Виконта, убийцу в алом платке, и совсем забыл, что обычно люди выходят на сцену, надевают маски, а потом сбрасывают. Кто была та девочка? Как ее звали, и главное — где она сейчас?

Она не могла выжить. Болезненная, неуместная жалость заставила змейку свернуться туже и еще кольнула в переносицу.

— Всем будет лучше, если я умру, — сказал он, проводя по векам кончиками пальцев чтобы закрыть глаза.

— Мне не будет, — спокойно ответила Ника. — Я люблю тебя... я бы никогда тебя не бросила, чтобы ты ни сделал, кого бы ни убил...

Он обернулся и наконец встретился с ней взглядом — в ее глазах было сострадание и разделенное отчаяние. Ни унижительной жалости, ни подозрений, ни страха.

Виктор клялся себе так не делать. Когда-то ему удалось завязать с таблетками, но оказалось, была зависимость куда сильнее. Он оставил Нику Мартину, как лучшее, что у него было, как величайшее свое сокровище и вместе с тем — единственное, что поможет довести игру до конца. Но помнить об этом сейчас было выше его сил.

Он целовал ее, вкладывая в каждое прикосновение по слову, которое не мог сказать. Крик о помощи, мольбу о прощении, исповедь в самых черных мыслях и грязных поступках. Знал, что не должен этого делать, что нарушает все данные себе обещания, и потом будет презирать себя еще сильнее, но никак не мог остановиться.

Что-то сухо треснуло под пальцами — кружевной ворот шелковой сорочки. Но это не имело никакого значения.

— Я люблю тебя... всегда буду любить... буду рисовать только твое лицо, если ты умрешь, только не уходи, я хочу, чтобы ты жил... — сбивчиво шептала Ника ему на ухо, пока он частыми толчками сбрасывал вчерашний день со сведенных судорогой плеч.

...

— Котенок, а ты не хочешь посмотреть, что там происходит?

— Я тебе что, озабоченный подросток? — скривился Мартин, поднимая очередную балку в разрушенной беседке.

— Тебе не кажется, что это ну... не совсем правильно? — озадаченно спросила Мари, сидя на пороге и часто оглядываясь на проем.

Мартин, грязно выругавшись, прислонил балку к перилам.

— Не скажу, что у меня богатый сексуальный опыт, но по-моему в кроватях люди врут друг другу едва ли не чаще, чем во всех остальных местах, — ядовито выплюнул он.

...

Виктор весь день ждал, что за ним придут. Вчера они с Никой не успели купить еды, а во дворе не росло ничего, кроме ядовитых цветов, которым еще не пришло время цвести. Ему казалось, что он вернулся в исходную точку — пустой дом, одиночество, голод, растерянность, ожидание неминуемого конца. Только божество этого дома теперь не его алкоголик-отец со своими ангелочками-свиньями, а он сам. Как-то Ника нарисовала Мари в синем покрывале и с распускающимся вокруг головы нимбом белого венка. Виктор ненавидел ее за эту метафору.

Реальность, которую он смог построить отличалась лишь внешним глянцем.

Он сидел на полу посреди пустой кухни, глотал холодный чай из пакетиков, которые нашел в пустом кухонном ящике, курил и думал о девушке, которую вчера убил. Мартин молчал, и это было странно — Виктор не ожидал, что он будет так равнодушен. И это лишний раз напоминало ему, в кого он превратился — даже Мартин, честный и добрый Мартин, который говорил о выборе и непримиримо боролся с несправедливостью и насилием, не нашел для него слов. Настолько он его разочаровал, так низко пал в его глазах, что не стоил даже осуждения.

Слова сначала першили в горле, а потом неминуемо начали его забивать. К вечеру он не выдержал. Ника сидела в комнате и оттуда не доносилось ни звука. Она словно становилась деталью интерьера, когда он был рядом, а прикидываться Милордом на глазах Мартина он не мог — это было слишком унижительно.

Хотелось почувствовать себя живым, хоть на мгновение, разбить иллюзию, будто он уже умер и коротает бесконечное посмертие в мертвом доме.

— Ты видел, что вчера произошло? — спросил он у черной кухонной двери.

«Да», — дежурно ответил Мартин.

— И что же?

«Полагаю, убийство», — в его голосе по-прежнему не слышалось эмоций.

— И почему ты молчишь целый день?

«А что я должен сказать? Что это отвратительно, ты был неправ, не делай так больше? По-моему я говорил тебе что-то такое, когда ты убил Мари. И вместо того чтобы послушать меня и начать все сначала, ты поехал к сестре и устроил весь этот абсурд. Так что лучше я помолчу».

— Вы с Никой издеваетесь надо мной?! Тебе обязательно говорить таким голосом, как будто ты — программа, которая озвучивает человека?!

«А, ты все ждешь от своих выходок рыданий, эмоций и аплодисментов? Прости, в следующий раз заломлю руки и прочитаю в проем монолог».

Он только скрипнул зубами. Мартин разговаривал с ним как с впавшим в истерику подростком, который, чтобы привлечь внимание родителей, пришел домой пьяным и наблевал в коридоре. И это было особенно унижительно от того, что Виктор прекрасно понимал, что весь его эпатаж действительно имеет похожие мотивы.

Но сейчас все было гораздо серьезнее.

— Мартин, скажи мне, ты... видел, как я убивал ту девушку?

«Да», — беспощадно ответил он.

— А где труп?

«Тебе лучше знать, ты же меня запер, а потом потерял сознание».

— Она могла... — и он, зажмурившись, выдохнул самую отчаянную надежду: — Могла она уйти?

«Нет, насколько мне известно, мертвые не ходят».

— Мартин, прошу тебя! Я не хотел... не хотел я ее убивать! Не понимаю, как это получилось! — в отчаянии выкрикнул он, вставая. Носком ботинка задел чашку, и она пролетела через кухню, а затем, глухо клацнув, разбилась о стену. На полу остался веер чайных брызг.

«Я говорил, что...»

— Да неважно что ты говорил! Я знаю, что ты был прав, знаю, что надо было тебя слушать! Все бы отдал, чтобы все изменить! Ни за что не стал бы убивать Мари, бросать тогда Ришу, я бы все сделал иначе, но теперь! Теперь, Мартин, скажи мне, что делать!

«Тебе действительно так жаль, что ты убил эту девочку? Мне казалось ты убил Дару и не испытывал угрызений совести», — равнодушно обронил Мартин и, закрыв глаза, Виктор увидел его непроницаемое, усталое лицо и седину, все чаще серебриющуюся в волосах.

— Дару! Дара, черт возьми... была совсем по-другому...

«А ребенок в городе? Девочка-блондинка? Теперь-то ты не станешь отрицать, что убил ее?»

— Я не делал этого! Я помню вчерашнее убийство, а тогда...

«А тогда ты наверняка сожрал какой-нибудь дряни, тоже мне великая загадка, — пожал плечами Мартин. — Ты все детство вроде смотрел на всякую обдолбанную шваль. А потом сделал все, чтобы стать таким же, ну молодец, что я должен сказать. Ты скажи, чего хочешь-то от меня? Мне колотиться головой о косяк? Умолять тебя, унижаться? Хорошо, я буду, если это хоть кого-то спасет».

Виктор молча на четвереньках подполз к шкафчику под раковиной и вытащил один из ящиков.

«И что ты собрался делать?» — спросил Мартин, и едва заметная тревога, послышавшаяся в его голосе, была для Виктора словно долгожданный раскат грома в многодневной душной стагнации. Улыбнувшись, он вытащил бутылку с оставшимся скотчем и допил в несколько глотков.

— То, что давно стоило, — улыбнулся он, вставая и отряхивая брюки. На них осталась невесомая взвесь сигаретного пепла, но почему-то сегодня его это нисколько не смутило.

Мартин больше ничего не успел сказать — на его проем упала чернота.

...

Просвет в проеме появился через несколько часов. Виктор спал глухим сном, в который не проникало сновидений, а Мартин в ужасе пытался понять, где он и что происходит. Он лежал на чем-то мягком, но сбоку поднимались ледяные высокие борта. Вокруг стояла абсолютная темнота, без единого лучика света. Когда Мартин попробовал пошевелиться, раздался резкий звон, а в виски обрадованно вгрызлась сжимающаяся боль. Через несколько секунд ему начало казаться, что на голове захлопнулся ржавый капкан.

Левое запястье сжимал теплый, безжалостный браслет наручников, цепь которого уходила куда-то в темноту.

— Что за черт?! — в ужасе прошептал он, попытавшись пошевелиться. От поясицы к лопаткам прокатилась вспышка тяжелой тупой боли, наполнила следы ударов, ручейком протекла по позвоночнику и слилась с той, что наполняла голову.

За дверью раздались торопливые шаги, а потом спокойный голос Ники:

— Закрой глаза ладонью, я свет включаю.

Он прижал рукав к лицу, а потом медленно отнял, и в ступоре уставился в белую кафельную стену.

— Милая, вы поменялись ролями, и ты собираешься меня выпотрошить? Скажи, что это так, пожалуйста, — попросил он, переводя взгляд на акриловые борта ванны, стиральную машинку, на которой лежала стопка книг и букетик полевых цветов граненном стакане.

— Нет, Мартин, я не стану тебя убивать, и это даже не я тебя тут заперла. На, выпей, у

тебя вид ужасный, — она протягивала ему белую кружку, в которой что-то шипело.

— Что происходит? — прохрипел он, щуря слезящиеся глаза и одним глотком выпивая лекарство.

Ника, сочувственно вздохнув, выключила свет. Мартин никогда бы не подумал, что будет так счастлив оказаться в темноте. Как только раскаленный белый свет перестал литься в глаза, боль ослабла, а мысли перестали метаться роем потревоженных мотыльков.

— Виктор вчера ездил в город...

— В город?!

Воспоминаний не было, только какие-то ничего не значащие обрывки — электричка, незнакомые лица, тяжелый рюкзак за плечами и жаркие, слишком шумные улицы.

— Да, но он там... в общем, он может придушил кого-нибудь, но вроде нет. Он за едой ездил. Вчера перед тем как ехать, он сильно напился, — судя по звуку, Ника села на борт ванны и прикоснулась ледяными пальцами к его лбу. Мартин, не удержавшись, взял ее за руки и положил ее ладони себе на виски.

— Я чувствую...

— Не знаю, зачем он так, вряд ли ты помешал бы ему макароны покупать, — в ее голосе звучало искренне участие, и оно словно облегчало боль вместе с прохладными прикосновениями и быстро расходящимся в крови лекарством. — В общем, он приехал домой, в рюкзаке — чай, сигареты, книги и еда. И наручники, не знаю, где он достал... я испугалась, — дрогнувшим голосом призналась она. — Думала, он сейчас что-то устроит, как в прошлый... — Ника осеклась. — В общем, он пристегнул себя к стояку, постелил в ванне спальный мешок и сказал, что будет тут сидеть пока Лера не позвонит и не скажет, что можно возвращаться.

— Ника, я воспитал идиота, — упавшим голосом ответил Мартин, встряхивая рукой. Цепь зазвенела о край ванны. — А ключ, конечно, у него?

— Нет, у меня, — неожиданно сказала она. — И цепь короткая, он дальше коридора если что не выйдет, а ключ лежит на кухне. Он сказал не отдавать ключ, пока не будет звонка. Даже если он будет просить, требовать и угрожать.

— Что за цирк...

— Тебе сказал тоже не отдавать. Он сказал, что раз не может себя контролировать и рядом нет тех, кто с этим справится — будет сидеть здесь...

— А какого хрена в ванной?! Спать в кровати слишком приземленно для его высокой природы?!

— А как же он будет спать в кровати, Мартин, тогда ему придется цепь длиннее делать, чтобы до толчка добраться или потопиться.

— Просто прекрасно, — простонал он, с сожалением отнимая ее руки от лица и откидываясь назад.

— Не переживай, все будет хорошо, — без особой уверенности пообещала Ника. — Кстати, у него ящик с алкоголем под ванной, я не стала убирать, но если хочешь...

Мартин с чувством сообщил, что стоит сделать Виктору с ящиком алкоголя и всеми оставшимися бутылками.

*Хоть, к сожаленью, не сошла с ума я,
Но небо над моею головой
Мне кажется расплавленной медью,
Земля — горящею смолой.*

Джон Вебстер

Это была самая глупая кража в ее жизни. Единственная, если говорить честно, и ужасно глупая кража. Ника вертела в руках книгу в аляповатой обложке, с которой улыбался беззубый младенец, и никак не могла понять, зачем стянула ее с полки. Как она это сделала — помнила. Виктор тогда разговаривал с той девушкой, неизвестно зачем напялившей платье-чехол и винтажный жакет. Ника смотрела на нее и молча удивлялась, что Виктор ее до сих пор не придушил. Сочетание платья из двадцатых и копны длинных растрепанных волос было нарушением священного для него порядка, но он словно не замечал.

Впрочем, Нику мало интересовали его отношения с продавщицей. Она бродила вдоль стеллажей, смотрела на корешки книг, думала о том, что на спектакле Виктор непременно сорвется, потому что он может сколько угодно делать вид, что ему все равно, но на самом деле первым убийством он словно запечатал себя — озлобленного подростка, который одновременно не верит в смерть и в «завтра». И он обязательно устроит на спектакле свою сцену.

А потом что-то кольнуло. Словно ее толкнули под руку. И выходила из магазина она с книгой под рубашкой. Острые уголки сухо царапали кожу, книга норовила выпасть, Виктор мог заметить в любой момент, но Ника не могла заставить себя выбросить ее. Наоборот, весь спектакль она нащупывала резкие грани обложки под тканью, прижимала к животу согревшуюся обложку и представляла, что в книге есть ответы на ее вопросы. Ведь не просто так она ее украла, даже не запомнив название.

И вот она стоит посреди темной кухни в тусклом квадрате серого света, обрезанного оконным проемом, смотрит на обложку и чувствует себя обманутой.

«Как научить ребенка говорить?»

Счастливый младенец на обложке, темно-зеленые буквы на мутно-желтом фоне, тонкая газетная бумага со стирающимися буквами — она украла совершенно бесполезную книгу, пошло оформленную, плохо изданную. И никак не могла понять, зачем.

Волосы лезли в лицо и ужасно раздражали. Словно это и вовсе не ее волосы — жесткие от краски, непривычно темные и короткие, вместо привычной серой паутины, за которой так удобно было прятать лицо. Она попыталась зачесать их назад, и пряди наконец-то легли, как надо. Но стоило повернуть голову и волосы снова посыпались на лицо.

«Как научить ребенка говорить?»

Темно-зеленый вопрос скалился на нее с обложки.

— А зачем учить его говорить? — спросила она у младенца и тут же разглядела ниточку слюны, протянувшуюся между его кажущимися сероватыми деснами.

И не выдержала. Медленно положила книгу на стол, села на пол, уткнулась лицом в колени и тихо заскулила. Этот придушенный скулеж давно заменял ей и крик, и плач, и все слова, которые она никак не могла выцарапать из горла.

Их там столько скопилось. Тысячи, миллионы. Она чувствовала их круглые «о», свистящие сквозь центральную пустоту, «р» — ложные «о», кажущиеся такими же круглыми и безопасными, но не расстающиеся с длинным шипом, впивающимся в гортань.

Ника часто мечтала о том, как Виктор вскроет ей горло и освободит все слова. Как они польются ей на грудь, отвратительные, шипящие, корчащиеся от света, и она наконец-то будет свободна.

Хуже всего была «ж» — она вся состояла из шипов, прямых и изогнутых, жалящих каждым острием. «Ж» всегда безжалостно резала, а если удавалось выцарапать ее из горла — калечила сильнее всего. Сидела она глубоко, как заглохенный рыболовный крючок. И пока она ползла по животу к горлу, пока оказывалась на языке, всегда собирала на себя другие злые буквы. «Н» — почти как «ж», только шипы прямые, и их меньше, поэтому выходила она чуть легче. «Е» — частый гребень, цепляющийся за другие, более добрые буквы. Один из его зубцов почти всегда оказывался в «а» или «в», и это было отвратительно.

А все из-за проклятой «ж», которая не могла одна выйти и растаять в воздухе, ей обязательно нужны были другие буквы, жестокие, так мучительно складывающиеся в слова. Чаще всего в одно слово, почти целиком состоящее из шипов и острых граней. Выговорив это слово Ника всегда несколько секунд чувствовала, как горло пульсирует, словно обожженное.

— Ненавижу, — прошептала она в тонкую ткань юбки. — Как же я вас всех ненавижу...

В глаза словно воткнули по десятку игл. Это было знакомое ощущение — плакать наедине с собой у нее давно не выходило. Глаза, правда, все равно краснели, и Ника зачем-то вытирала их рукавом, словно стараясь стереть эту красноту.

Он проснется.

Увидит.

Один из них проснется и увидит... она не знала, кого боится больше.

Научить ребенка говорить.

Ей ничего так сильно не хотелось, как заговорить. Выгрести все слова, словно аденотомом, все эти «ж», «н», «о» и «в», все буквы до одной, всю рваную, ржавую сеть в которую они складывались.

Хотелось говорить о простынях — о перемазанной кровью белоснежной ткани, пахнущей сухой больничной стерильностью. О том, как она прижималась к этим простыням

лицом, пока незнакомый человек, намотав ее волосы на кулак, выдыхал ей в ухо шершавые слова. Слов она почти не запомнила, зато запомнила, как чувствовала за недавно теплыми и мягкими губами острые зубы. О том, как она, оглушенная болью и предательством смотрела, как полосы крови становятся шире и чаще. Она не сразу поняла, что это Виктор вытирает о простыню ее лицо. Он грязно ругался, ему не нравилось, что ее кровь с разбитых губ и изо рта течет по подбородку, и он безжалостно возил ее по ткани, но почему-то она не чувствовала боли, только смотрела, как белое расцветчивается красным. Кажется, он еще что-то говорил о поцелуе, бритве и вкусе железа, а может, ей послышалось.

Хотелось говорить о пальцах на правой руке — отвратительно отекавших и покрытых темными пятнами. О том, как Виктор шептал, что любит ее и никогда не оставит, заломив руку ей за спину и выворачивая по пальцу — «люблю», «больше никогда», «не будешь одна». О том, как хотелось отрезать себе руку, которая вдруг стала чужой. Эти пальцы никогда не держали кисть и никогда не будут ее держать. Несколько раз она приходила в себя стоя на кухне перед подставкой с ножами — хотелось сначала отрезать руку, а потом воткнуть нож себе в глаз. Потому что не только рука стала чужой. Ника не узнавала себя в зеркале, на фотографиях и ученических автопортретах.

Она не могла сказать, что именно оказалось растерто по простыни, что забрали чужие ледяные пальцы, проникающие под одежду и размазывающие прикосновения по коже. Но она точно знала, что именно то, ушедшее, делало ее не просто тем человеком, каким она была — это было то, что вообще делало ее человеком.

Хотелось рассказать, как в горячей воде расходился кровавый туман, сгущающийся у располозованных рук и розовеющий у бортов. Она помнила наслаждение, которое испытывала в тот момент — кровь казалась холодной в горячей воде. Пусть уйдет вся ледяная дрянь, которой Виктор ее отравил, пусть вместо нее по венам потечет горячая, пахнущая хлоркой вода. И боли совсем не было. И страха, и унижения — все ушло. Пусть жизнь вытекает вместе с кровью — нужна ли такая жизнь?

Нужны ли бессонные ночи, когда она прислушивалась к дыханию лежащего рядом человека и пыталась угадать, кто из двоих сейчас дышит, а кто только представляет, как делает это?

Нужны ли глупые рисунки в дешевых блокнотах, которые Виктор ей покупал? Он не раз приводил ее в магазин и предлагал выбрать материалы, но она всегда указывала на самые дешевые эскизники, в однотонных обложках, с рыхлой бумагой. Потому что она больше не могла рисовать как раньше, а пачкать своими ломанными линиями холсты казалось кошунством.

Ей всегда было трудно говорить.

Родители в вечных командировках, огромная, пустая квартира, где Ника жила вдвоем с бабушкой, которая за ней присматривала — слова было не на кого тратить. Бабушка тоже не очень хотела заниматься воспитанием и старалась отдавать ее на все кружки и секции, которые подходили по возрасту и сочетались по времени.

В двенадцать лет Ника одновременно пела в хоре, плела из бисера, ходила на плавание и на какие-то встречи, даже в детстве казавшиеся ей сектантскими проповедями. Плаванье принесло ей непроходивший бронхит и слезавшую слоями кожу с лица и рук — у нее была

аллергия на хлор. Бисер она ненавидела, в хоре ее ругали за тихий голос, а на встречах она обычно спала. Потом были танцы, театральная студия, музыкальная школа, и в конце концов — художественная. Взрослые наконец-то нашли занятие, не приводившее к болезням, конфликтам с педагогами и молчаливым бунтам, а она — способ говорить. Никто никогда не слышал ее, не спрашивал, чего она хочет и что чувствует. Что же, зато она могла показывать — может, если тихий голос был не слышен, то яркие краски скажут больше?

Никто, кроме Виктора не услышал ее. Он один смотрел на ее картины полным тоски белым взглядом, иногда осторожно касался шершавых разноцветных мазков, и Ника видела, что он понимает все, что она хотела сказать. Слышит все слова, которые ее когда-то не научили говорить.

Он взял все, что она заключила в теплую масляную краску, а потом извратил, изуродовал и вернул ей.

Она чувствовала собственные слова на кончиках его пальцев, и они пробирались под кожу, отпечатывались под ней чернотой и причиняли больше боли, чем любой удар. Когда он обводил ее губы кончиком языка, она чувствовала только скользкий привкус собственных слов.

В тот вечер с лица Виктора на нее оскалились все ее страхи. Ее нельзя любить, даже собственные родители так и не смогли. И Виктор не смог, оставив для нее только жестокость — большего она не заслуживает, большего она никогда не увидит, большего он никому не позволит ей дать.

Кажется, это он говорил ей, выворачивая наизнанку каждое прошлое ее признание.

И почему-то тогда не могла сказать ни слова. Не хотелось ни кричать, ни звать на помощь, ни выдавливать из себя бесполезные слова, которыми полагалось отгораживаться от боли.

Только молчала, смотрела на его руки, перемазанные ее кровью и чувствовала, как что-то горячее часто стекает по лицу.

Он так и не закончил начатое. Превратил ее одежду в ворох рваных окровавленных тряпок, тяжело дышал, с ненавистью смотрел на нее и не двигался. Держал ее за руки, все сильнее сжимая запястья, так, что она даже перестала чувствовать боль в изуродованных пальцах. А потом отпустил ее. Помог одеться, заколоть булавками рваное платье, дал дурацкую розовую куртку и огромный серый шарф, которым она закрыла лицо. Потом вызвал такси и буквально силой посадил в машину.

Она приехала в пустую квартиру, долго раздевалась, а потом удивленно смотрела на кучу замызганных тряпок на пушистом бежевом коврикe в ванной.

Одно ей тогда не дало окончательно лишиться рассудка, утопиться в окровавленном кипятке и наконец-то перестать чувствовать.

Ника всегда верила в то, что во всем есть красота. Не бывало уродливых вещей. Когда они с Виктором познакомились, он подарил ей томик «Цветов зла» с вырванной страницей форзаца. Потом она узнала, что на той странице была прощальная записка незнакомой ей девушки по имени Ирина, которую она тоже всей душой ненавидела.

Именно в той книге она нашла стихотворение о дохлой лошади, показавшееся ей самым красивым. Потому что именно оно, эстетизирующий разлагающийся труп, лучше всего

показывало, что красота есть во всем.

Но лежа в ванной и здоровой рукой размазывая по лицу воду, слезы, кровь и остатки макияжа, который сделала для свидания, она не видела красоты. Мир словно лишился ее в один момент, потому что не было ничего красивого в лице Виктора в момент, который она вспоминала, потому что его глаза с сузившимся от бешенства зрачком превратились в два белых провала на белом лице и потому что темнота, завладевшая его сознанием, была непроницаемой. И мир погас, утопленной этой темнотой.

Не слова, в которые она не верила, и которыми Виктор потом давился, вытащили ее из воды и даже не его руки.

Он действительно влез через открытое окно, через соседский балкон. Он говорил, закутав ее в полотенце и стараясь замотать другим порезы, а она смотрела на его лицо и пыталась найти следы оскаленного монстра, которого видела полчаса назад. Видела рубашку, покрытую розовыми разводами, отчаяние в глазах, дрожащие руки. И не могла ему поверить.

Он тогда дал ей единственное, что могло ее спасти. Нашел единственные верные слова, навсегда разделив себя и Мартина, дав имя тому человеческому и настоящему, что жило в нем и назначив себя чудовищем.

С тех пор они играли по этим правилам — Виктор прилежно был чудовищем и позволял ей верить в то, что мир еще жив, и даже в самом уродливом и жестоком есть красота. Давал ей эту веру, как лекарство, и она глотала, чувствуя горечь фальши, но предпочитая не замечать — лекарство и должно быть горьким.

Виктор хорошо врал. Прекрасно готовился к каждой роли.

Милорд не переносил света. Говорил, что ему отвратительно собственное лицо, что он не хочет, чтобы она смотрела на него и видела чужие черты. Она верила и почти всегда они проводили время в темноте или полумраке. В сказках, которые Ника читала в детстве, тоже нельзя было подносить свечу к лицу человека, которого любишь. Нельзя увидеть его лицо — растает, исчезнет, обернется птицей и вылетит в открытое окно.

Она видела в Милорде воплощение всей несправедливости и жестокости, которая ее окружала — человек с чистым сердцем, запертый в полутемном сознании монстра. Это казалось таким красивым и таким болезненно-страшным одновременно, что она не подвергала сомнению его слова.

Она представляла человека, вечно запертого в темноте. Ей снилось его перекошенное от боли лицо. Снилось, как он смотрит на нее, вцепившись в ржавую решетку, которой закрыт его проем. Снился его застывший взгляд, глаза, которые он не может закрыть, серые и больные.

И именно это не давало ей покоя.

Человек, которого она звала Милордом, говорил, что у него серые глаза, и глаза Виктора темнеют, когда он владеет сознанием.

Милорд не переносил света и закрывал глаза, когда приближал лицо.

А недавно он включил свет, и Ника поняла, что впервые видит Виктора с серыми глазами.

Это могло быть совпадением. В конце концов во время провалов в памяти Мартин часто вел себя странно, задавал странные вопросы и забывал даже ее имя. Но в этот раз все было иначе. Она смотрела на его лицо, которое он больше не прятал в полутьме. Его глаза, выражение, то, как он улыбался, говорил, то, как, задумавшись, рисовал что-то кончиками пальцев в воздухе — все было другим. Голос и интонации были другими. Виктор играл хорошо, но только до тех пор, пока безжалостный свет не попадал на картонные декорации и бутафорский реквизит.

И тот поцелуй два дня назад у дороги — в нем никакой любви не было. Что угодно было, жалость, может даже нежность. Но никогда еще, даже забыв ее имя, Милорд не забывал, что любит ее.

Она не знала человека с серыми глазами. Может, она ошибалась и очень хотела в это верить. Но слов не находилось даже для себя. Милосердной лжи для нее не было так же, как и любви.

Эта просьба, этот глупый, насквозь пропитанный театральщиной план с крестиком на груди — Ника прекрасно поняла, почему Мартин просил сделать именно так.

Он знал, что она не сможет выстрелить ему в голову и собирался нарисовать мишень, чтобы выстрел точно стал смертельным. Почему не нож, не яд, не удавка? Чтобы она не успела передумать, чтобы держалась от Виктора подальше?

План учитывал все — ее безопасность, ее решимость и возможно даже ее будущую судьбу — Мартин сказал, что стрелять надо когда он скажет, значит наверняка знал, как помочь ей избежать тюрьмы. Одного он не учитывал — она не хотела в него стрелять.

Все еще не хотела, даже если не было никакого Милорда.

Но, как и Виктор, Мартин забыл спросить ее, чего она хочет.

Раздавшийся в ванной звон металла об акрил разбил тишину. Ника вскинулась, прислушиваясь.

Виктор действительно отдал ей ключ. Она могла бросить его и уехать. Может, он даже смог бы сломать трубу, к которой был пристегнут. Она могла подбросить ключ и уехать ночью, пока он спит, и может он даже не стал бы ее искать.

Она не знала, что держит ее на самом деле — любовь, в которую она все еще отчаянно пыталась верить, а может исповедь Виктора и его просьба о помощи.

Ника обещала помочь ему. Обещала, потому что он сказал, что если она сделает все правильно — он умрет, а Мартин останется жить. В его жизни не будет больше никаких решеток, воспаленную, гноящуюся совесть вылечит время и морской прибой, и он наконец-то будет свободен.

Виктор обещал, и она верила, потому что не знала другой любви, кроме этой,

изуродованной ложью и пустой надеждой.

Ей много хотелось бы сказать, но когда-то к ее родителям не попала глупая книжка со злым зеленым заголовком на обложке. И она молчала, старалась не сомневаться и не думать, что случится, если Виктор снова ей солгал.

Но у нее были слова. О вывихнутых пальцах, которые ей вправили в больнице — она врала, что на нее напали и ограбили, милиция даже искала нападавших. О крови на простынях. О том, как она в полумраке делала на спине Виктора длинные разрезы, смотрела в зеркало на его посеревшее лицо и мутные от боли глаза и ненавидела себя. До сих пор ненавидела. У нее было много слов, и она знала, что однажды сложит в их в единственно правильную фразу, которая принесет ей долгожданное облегчение.

Ника прислушалась. В ванной было тихо.

Она вышла из дома в серый душный сумрак, отошла к забору, где когда-то стоял сарай, раскрыла книгу, почти разломив пополам, и подожгла взметнувшиеся желтые листы.

А когда они догорели, усмехнувшись, опустилась на колени там, где начиналась полоска цветов, и разорвав пальцами тонкий слой дерна погрузила их в холодную землю.

Действие 13

Умеет делать больно

*Жизнь одним глупцам мила,
Что в ней видим, кроме зла?
Грех — зачатъе, плач — рожденье.
Смерти страх, надежд крушенье.*

Джон Вебстер

Шмель медленно полз по белой заусенчатой балке, изредка вздрагивая прозрачными крылышками. Десяток других — мертвых — был выложен на перилах, словно на алтаре. Мартин никак не мог себя заставить выбросить их за границу беседки.

Сколько бы он не пытался восстановить беседку или хотя бы навести порядок, за ночь все разваливалось, покрывалось новыми трещинами и откуда-то бралась белая пыль — без запаха, сухая и шершавая, она укрывала беседку, проникала в дом и оставляла неопрятные пятна вокруг, похожая на раскрошенный мел, который когда-то позволял ему создавать.

Мари стояла у перил, брезгливо подобрал юбку. В другой руке она держала мундштук с незажженной сигаретой. Она смотрела серьезно, без следа прошлой манерности и наигранной истеричности. Мартин стоял напротив, привалившись к косяку, и с тоской думал, что совсем забыл — Мари все-таки вовсе не дурашливое привидение, от которого можно отделаться брошенным ботинком.

— Два дня прошло, — наконец сказала она. — Где же труп?

— Какая разница? Он сделал что хотел, и теперь сидит пристегнутый в ванной и ждет, пока за ним придут и все рухнет.

— А такая разница, — зло отозвалась она, — что если труп не найдут — это вызовет вопросы. Это позволит ему почувствовать безнаказанность. Представь, что он устроит, когда до него дойдет, что он может вечером, в людном месте зарезать кого-нибудь крошечным лезвием, извозившись в крови, залив ею парковку и соседние машины. И ему за это ничего не будет. Вот совсем ничего. Потому что он даже в забытьи соображает, как прятать улики.

— Ты что мне предлагаешь? — Мартин оглянулся на закрытую дверь. — Труп ему найти? Вызвать милицию? В газете про него написать?

— А раньше надо было думать, — Мари раздраженно тряхнула сигаретой, словно надеясь, что она загорится. — Я говорила — дай мне?! Говорила, что ты слишком жестокий и сделаешь все неправильно? Что нам теперь делать с изуродованным трупом, а? Твой-то друг не задумывается о таких вещах — о, он ведь больше ни о чем не задумывается, не так ли? Сделал — и теперь можно пристегнуться к стояку и дальше жалеть себя, потому что от него несколько лет назад сбежала мелкая профурсетка!

Она говорила и размахивала сигаретой у себя перед лицом, словно перечеркивая каждое слово.

Мартин, не выдержав, отобрал сигарету, почему-то удивившись, что она не растаяла у него в руках, и зашел в комнату. Вытащил сигарету из мундштука, прикурил от уголька в камине и вернулся в беседку. Вернул сигарету в мундштук и протянул Мари.

— Спасибо, — голос ее заметно потеплел. — Ладно. Нам надо решать, что делать, нельзя же так оставить. Где труп? Куда он его дел?

— Наверное... недалеко от театра был магазинчик, за ним коробки...

— На улице жарко, — отрезала Мари с наслаждением затягиваясь и выпуская плотное облако дыма, пахнущего чем-то пряным и теплым.

— Я что-нибудь придумаю, — вздохнул Мартин разворачиваясь к двери.

— погоди, — вдруг попросила Мари, и он услышал за спиной торопливый стук каблучков.

— В чем дело?

Мари подошла и молча стряхнула полоску пыли с его плеча. Краем глаза он видел, как она быстро надевает перчатку.

— Зачем?

Но когда он обернулся, беседка была пуста.

...

Виктор недавно уснул. Мартин хотел оставить его спать, но потом с плохо скрываемым злорадством все-таки шагнул в проем.

— Какой же ты все-таки... — прошипел он, выбираясь из ванны. Левое колено пришлось разгибать вручную, затылок словно облили раскаленным свинцом, а перед глазами плясали черные точки.

С трудом выпрямившись он потянулся, пытаясь вернуть телу подвижность.

Щелчок входной двери он услышал буквально чудом — кровь стучала в ушах так, что казалось вот-вот из них польется.

— Ника? — окликнул он после секундного сомнения.

Она подошла, словно отделившись от темноты коридора тень. Почему-то от нее едва заметно пахло гарью.

— Что-то хочешь? — спросила она, пряча руки в складках юбки. Вид у нее был еще более изможденный, чем обычно, а под глазами залегли глубокие тени, кажущиеся почти черным в полумраке.

— У тебя... все в порядке? — осторожно спросил Мартин, с трудом сдержавшись, чтобы не скривиться от глупости вопроса. Что у нее может быть в порядке?

Ника кивнула и скользнула взглядом по цепи.

— Неудобно?

— Немного, — вымученно улыбнулся он. — Впрочем это неважно. Ты прячешь руки? Может, покажешь?

Она протянула руки ладонями вверх быстрее, чем он успел договорить. Этот жест,

похожий на выдрессированную реакцию, кольнул где-то в груди. Мартин хотел остановить ее, но потом все же взял за запястья и подвел к пятну холодного света, разливающегося по полу из проема у него за спиной. Кажется, она сама смутилась от своей поспешности, но руки у нее были холодными и слегка подрагивали, словно она готовилась вырваться.

Под ногтями и между пальцев виднелись следы зелени и земли.

— Мне стоит готовиться к смерти? — улыбнулся он, отпуская ее. К неприятному чувству от ее реакции прибавилась липнувшая к вискам тревога.

Она снова молча мотнула головой. Руки она скрестила на груди.

— В таком случае умирать собираешься ты?

— Я не... с чего ты вообще...

— Безвременник очень ядовит. Весь — стебли, семена, цветы, корни. Ядовита даже вода, в которой стоят цветы, — он поднял глаза и постарался поймать ее взгляд. — Ты ходила к лесу или эти следы со двора?

— Я... прятала улики, — усмехнулась она. — Я совершила преступление.

— Вот как? Кого-то похоронила?

— Младенца.

Она сказала это легко, будто сообщала о чем-то совершенно будничном, а глаза ее оставались серыми и пустыми. Мартин собирался всерьез задуматься над ее словами, но уголки ее губ едва заметно дрогнули, и он с трудом подавил облегченный вздох.

— Ты давно не спала? — спросил он, садясь на пол. Ему было неприятно нависать над ней, как на допросе, к тому же стоять было тяжело.

— Сутки? Наверное сутки, — призналась она, закрывая глаза. — Я боюсь, Мартин.

— Почему? Он пристегнут, ключ у тебя. Он ничего не сможет сделать.

— Это неважно, — прошептала она, странно покачнувшись. — Знаешь, что хуже всего? Не то, что он делает, не то, что обещает — хуже всего, что я никогда не знаю, чего ждать. А он всегда... я не верю в его припадки. Никогда не верила. Он нас обманывает, Мартин. И совершает чудовищные поступки вовсе не потому, что в нем просыпается чудовище... Он всегда знает, что делает. Он всегда чудовище.

Мартин заметил, как ее ресницы задрожали, потревоженные невидимыми слезами.

— Иди ко мне, — позвал он, протягивая руку. — Меня же ты не боишься?

Она мотнула головой, сделав к нему неуверенный шаг. Мартин чувствовал, как в горле першит знакомая горечь. Он не позволял себе сдать ей ни на секунду — даже у себя в беседке, где теперь всегда могла появиться Мари. Никогда он не признался бы себе, как в такие моменты — и после таких моментов — хотелось стоя на коленях глухо стонать и биться головой о пол, вколачивая в него каждую секунду собственной беспомощности.

— Боишься, — заключил он, опуская руку. Он не хотел настаивать даже в такой мелочи.

Мартин не знал, как помочь. Не знал, имеет ли вообще право предлагать помощь девушке, с которой хотел обойтись едва ли не хуже, чем Виктор. Не знал, имеет ли право в глубине души страстно желать, чтобы она ему верила не только потому, что так нужно для его плана.

— Нет! — вдруг всхлипнула она, подаваясь вперед. Мартин едва успел отвести руку,

чтобы казалось, будто он пытается оттолкнуть. Она прижалась к нему, обхватив за шею ледяными руками, и он на миг поддался захлестнувшему облегчению. — Не тебя... я боюсь, что Виктор заберет и тебя.

— Не заберет. Он больше не сможет... — он осекся, подавившись словами «меня запереть», — помешать.

— Я боюсь, что он заберет... что окажется, что все это время... тебя не было, — неожиданно ясно сказала Ника.

Мартин прекрасно врал. Хорошо держал себя в руках. У него были долгие годы, чтобы научиться притворству, чтобы любая ложь выскальзывала легко и непринужденно. Но за годы взаперти он отвык от тела и его рефлексов, и прежде чем он начал плести приготовленный теплый обман, его пальцы едва заметно дрогнули. Он гладил ее по волосам и надеялся, что она не почувствовала. Но он уже понял, что Ника научилась чувствовать любое настроение, любое колебание, читать по кажущимся бесстрастным лицу — делать все, что необходимо, когда живешь с непредсказуемым безумцем.

— Он пытался меня запирать, — осторожно начал он, ненавидя себя за то, что дополняет ложь Виктора. — Я могу вести себя странно. Но я никогда...

— Что будет, когда я выстрелю? — перебила Ника, не поднимая лица. Мартин чувствовал, как мерно стучит ее сердце — словно ее вовсе не тревожит, что будет. Он не надеялся, что это действительно так.

— Он умрет, — ему пришлось сильнее сжать объятия, и жест немедленно отозвался тошнотой. К нему жалась в поисках тепла несчастная, запуганная девочка, а он обнимал ее крепче только чтобы у него больше не дрожали руки, когда он снова будет ей врать.

— А ты?

— Ты в меня выстрелишь, — с трудом сказал он. — Я не... могу жить без тела, ты же понимаешь.

Он не соврал ни разу, приладив слова друг к другу, чтобы они звенели и оглушали. Он чувствовал себя так, будто действительно ее бьет. Но Мартин понимал, что этот разговор должен был произойти. И что и ему придется встретиться с беспощадной необходимостью грядущего убийства.

— Знаю, — ответ кольнул шею, будто острыми концами буквы «з». — Тебе так будет... не будет больше больно. Я хорошее дело сделаю, да? — в ее голосе слышались странные, детские нотки.

Мартин зажмурился. Он почти забыл, кто с ним последний раз так говорил — Вик там, за темнотой прошедших лет.

Он чувствовал, как она начинает дрожать, и понимал, что больше не может сказать ни слова. Нужно было короткое «да» правды, словно капля краски в центре влажного листа. А потом тянуть градиент к краям, делая ее прозрачной, размывая туманными пятнами. От «да, это будет хороший поступок» правды до «нет, мне больше не будет больно» самой омерзительно жестокой лжи.

Если они продолжают лгать — кто-то из них непременно сорвется.

Сейчас в его поцелуе было нечто большее, чем почти неосознанный порыв, пустая попытка заменить прикосновением тепло, которого он не мог дать.

Тогда не мог. А теперь?

Цепь предостерегающе звякнула в ответ на движение, и ему пришлось подвинуться к косяку. Мари молчала, Виктор спал, коридор был темным и полным густой тишины. Прервать этот поцелуй, разорвать теплые протянувшиеся ниточки было некому. И на этот раз он позволил себе отдаться моменту целиком — он нуждался в любви. Мучительно жаждал любить и быть любимым в ответ, потому что ради этого его когда-то придумал Вик, как персонажа сказки, которую потом его же просил рассказать.

— Все будет хорошо, — наконец нашел он самые светлые и безболезненные слова правды, едва она отстранилась. — Обещаю, у тебя все будет хорошо.

— Сейчас или потом? — улыбнулась она, поднимая глаза, больше не казавшиеся Мартину пустыми.

— Потом... лучше, чем сейчас, — и это обещание наконец притупило горечь всей прошлой лжи.

Она вздохнула и прижалась щекой к его плечу. Несколько секунд молчала, закрыв глаза, а потом Мартин заметил, что ее лицо стало спокойнее, а дыхание — чуть тише.

Он не стал ее будить. Остался сидеть, растерянно глядя ее по спине, ловя ускользающие нотки прорвавшейся нежности — она верила ему! — и все отчетливее ненавидя себя.

Почему ничего не бывает просто.

Почему для него ничего никогда не бывает просто.

...

Когда Виктор проснулся, часы показывали шесть. Он только коротко выругался и потянулся за телефоном — понять по обычному циферблату утро сейчас или вечер было невозможно.

Уже поднимаясь, он заметил, что спит на каком-то особым образом свернутом одеяле, хотя точно помнил, что засыпал просто положив голову на борт ванны.

— Твоя работа? — спросил он.

«Не вижу особой справедливости в том, что ты проходишь остаток жизни перекошенным, — задумчиво отозвался Мартин. — Хотя может тебя это научило бы думать о последствиях своих выходов».

— Да-да, спасибо, — проворчал он, впрочем, чувствуя, как в душе просыпается знакомая с детства благодарность.

Он постарался задавить ее, пока Мартин не заметил — это было совершенно лишним. Впрочем, Мартин и так не обращал особого внимания на происходящее. Он сидел в кресле, повернув его лиловой спинкой к проему, задумчиво смотрел в едва тлеющие угли и, казалось, был полностью погружен в свои мысли.

Телефон показывал беспощадные «18.07» — все-таки вечер. Виктор не чувствовал себя так, будто проспал почти сутки — видимо, Мартин забрал несколько часов его времени. Спрашивать об этом Виктор не захотел.

Под циферблатом светилось сообщение о двух пропущенных звонках от Леры.

— Ты слышал? — зачем-то спросил он.

Мартин не удостоил его ответом, но Виктор различил легкую волну презрения. Почему-то вспомнилось, как Генри посмотрел сначала на кусок колбасы, предложенный Лерой, а

потом на нее. В его взгляде тогда читалась такая же презрительно-печальная обида: «Ты правда думаешь, что я стану это есть?»

Собака вспомнилась некстати. Он старался делать вид, что никакого пса никогда не было, но Мартин умудрялся напоминать о прошлых грехах даже не говоря ни слова.

— Ты помолчать позвонил? — раздраженно выплюнула трубка. Он и не заметил, что успел набрать номер.

— Нет, тебя послушать, — огрызнулся он, садясь на бортик. — У тебя новости или ты соскучилась?

— Безумно. Чтоб ты знал, я вчера пила чай. С печеньем. Отодвинув стул. И смотрела какую-то дрянь по телевизору. А потом знаешь, что я сделала? — Лера явно наслаждалась каждым словом, и Виктор даже представил, как она щурится от удовольствия. — Я пошла спать. Прямо встала. И пошла. А крошки остались на полу, белые такие, на темном ламинате, о-о-о, как же было хорошо...

— Очень смешно, — он постарался не подать вида, что упоминание о крошках отдалось зудом в кончиках пальцев и неприятно клюнуло в висок. — Что еще хорошего расскажешь?

— Мальчик приходил. За твоими дисками.

— За какими в... дисками?

— Ну за теми дисками. Ты сказал, что на болванки записал фильмы, а раздать не успел...

— Понял, не продолжай, — закатив глаза, попросил он. Более странного эвфемизма для слова «наркотики» он бы и специально не придумал. — И как, забрал?

— Сказал, Дима придет, — ответила Лера. — Попозже.

— Ясно, — новость не вызвала совершенно никаких чувств. У него действительно осталась небольшая часть заготовок, которую он не успел раздать, и никаких проблем возникнуть было не должно, даже если дом будут обыскивать. — Есть еще новости?

— Есть портрет убивца. В газете напечатали, а в другой сразу про скандал с той газетой — вроде как конфиденциальная информация, но думаю это все наоборот, чтобы побольше внимания...

— Кого ищут-то? — перебил он.

— Задроза, — скучаяще отозвалась Лера. — Они там чего-то проанализировали, если хочешь — могу тебе вслух зачитать, но суть такая — ищут невысокого, хлипенького парня, живущего с мамой и с серьезными проблемами в сексуальной сфере. Ну там всем покоя не дает, почему он девочку убил и даже не раздел, хотя я читала, что не все маньяки...

— Да-да, можно подумать, кроме секса других поводов нет, — Виктор поморщился, вспомнив постыдное влечение в последний момент убийства Мари.

— Ну этот ваш с венками ведь тоже никого не пялил перед смертью, — цинично заметила Лера вслед за торопливым щелчком зажигалки. — В общем, ты под портрет вообще не подходишь. Ты не хлипенький, не низкий и перетрахал столько девок, что тебя никто не заподозрит.

— Но я живу с мамой, — усмехнулся он.

— А, точно, вот что это за тетка! — с наигранным удивлением воскликнула она. —

Кстати о маме. Со школы звонили.

— И какого черта им надо? — Виктора эта новость совершенно не заинтересовала.

— Хотели, чтобы мать пришла. Целый социальный педагог снизошел, представляешь? — она фыркнула. — Я предложила самой прийти, ну типа зачем мать дергать. А она уперлась, нет, говорит, родители нужны. Можно подумать...

— Не сказала, в чем дело?

— Что-то там говорила про каких-то котят или щенков, я ничего не поняла. Вроде как Оксана на урок приперла какого-то котенка в портфеле...

— Лер, ты зачем мне это рассказываешь? — разговор начинал раздражать.

— Да хрен его знает, слушай, а что плохого в том, что ребенок на урок котенка принес? На пол он им что ли нагадил?

— Так почему ты не спросишь у Оксаны или ее учителей? Мать пошла?

— Нет. Достала из шкафа то жуткое платье зеленое, даже погладить попыталась, потом поплакала, повесила обратно в шкаф и села телевизор смотреть.

— Мне каждый раз стыдно за родство с этой женщиной, — без особых, впрочем, эмоций, сообщил Виктор.

— Да ладно тебе, она на самом деле не самой плохой матерью была. По крайней мере старалась очень. За что ты ее так не любишь?

— Она минимум три раза давала нашему отцу, этого что, мало? В газетах еще... что-нибудь писали?

— Ждешь, пока твой поклонник еще кого-нибудь притопит? Нет, никого нет, или не нашли еще. Белых цветов сейчас не достать, только в свадебных салонах, еще видела пару каких-то клоунов с транспарантами у администрации, что-то там про «защите наших детей», а так всем вообще плевать. По-моему блондинок даже больше стало...

— Замечательно. Вернусь — будет где разгуляться, — привычно попытался скрыть досаду за иронией Виктор.

— Ага, вот из-за таких шуток ты и сидишь как дурак в деревне, — отрезала Лера и положила трубку не прощаясь.

— Почему с женщинами не бывает легко? — риторически спросил он.

«Даже не знаю, как бы тебе объяснить, — Мартин носком ботинка стер след в пыли — треугольник и точку. — Слушай, может ты все-таки попробуешь разобраться с сестрой?»

— Нет. Даже пытаться не стану.

«Тогда дай мне, — миролюбиво попросил Мартин. — Ты же вроде собрался умереть и оставить их на меня? Так дай мне познакомиться с семьей».

Виктор представил, как Мартин разговаривает с Оксаной, ходит к ней в школу и пьет с ней чай по вечерам, и его передернуло. Мартина не заставишь мыть руки после каждого к ней прикосновения, ему не объяснишь, почему ее вообще надо презирать.

— Ты хочешь послушать про котят? Я знал одну особу, которая лучше рассказывала, чем какая-то тетка из районной школы, — неловко пошутил он.

«Ты же сам лишил нас удовольствия ее слушать», — заметил Мартин. Он не стал уточнять, что прекрасно слышит Мари.

— Мир переживет эту потерю, — проворчал Виктор, наклоняясь над ванной.

Прежде чем небрежно вытащить и сложить одеяло, он на несколько секунд замер, запоминая, как его складывал Мартин. Спрашивать потом не хотелось, а тем более просить

повторить. А еще очень не хотелось, чтобы Мартин заметил, что он запоминает. Но ему, казалось, было совершенно наплевать.

Ника появилась на пороге спустя пару минут с кружкой чая и газетой. Он жестом отпустил ее и почувствовал секундное глухое раздражение Мартина. Он ничего не сказал и даже не повернулся к проему, но Виктор второй раз за утро почувствовал себя подонком.

Чтобы не сосредотачиваться на этом ощущении, он развернул газету.

Интересующую его хронику печатали в конце. Глаза почему-то болели и слезились, а черные буквы на тускло-серой бумаге постоянно расплывались.

Наконец ему удалось сосредоточиться и найти нужную заметку.

Газета сухо зашуршала — он слишком сильно сжал пальцы. С фотографии улыбалась девушка, чем-то неуловимо похожая на Веру, библиотекаря из его школы. Ни одной общей с Мари черты — у девушки на фото глаза были больше, губы — полнее, нос — короче, а подбородок мягче, и смотрела она прямо, без следа наигранного лукавства.

Виктор надеялся — понимал, как это глупо, но до этой секунды продолжал надеяться — что убийство на парковке все же было кошмаром, видением, которому зачем-то подыгрывает Мартин. Но теперь сомнений быть не могло — в шершавую бумагу намертво впечатали смерть.

Буквы продолжали расплываться перед глазами, и он не сразу понял, что ошибся.

В заметке говорилось, что «двадцатилетняя Наталья С. пропала после выступления». Ниже шел перечень примет, и Виктор с удивлением узнал, что девушка, которую он зарезал, весила шестьдесят четыре килограмма, ушла из дома в цветном сарафане и босоножках на высоком каблуке, а еще что у нее была родинка под глазом и татуировка в виде иероглифа на шее, под волосами. Ее мать в интервью постоянно повторяла, что дочь не могла сбежать, потому что ушла на слишком высоких каблуках, а вся остальная обувь на месте.

— Черт возьми... — прошептал он, отбрасывая газету. — Проклятье, проклятье...

«В чем дело? — неожиданно хрипло спросил Мартин. — Ты можешь радоваться, труп не наши».

— Ты слышал, что сказала Лера? Тот, кто там убил девочку на меня совершенно не похож! И не похож ни на кого из наших знакомых — по крайней мере я не могу вспомнить ни одного худосочного задохлика!

«А какая разница? Зато мы оба знаем, что ты зарезал эту девочку со снимка», — голос Мартина был печален, и от того, что он говорит об этом вот так — без осуждения, без страха или отчаяния, Виктор почувствовал себя подонком в третий раз.

— Я не понимаю, как это произошло! Понятия не имею!

«И что дальше? Она оживет?»

Он только глухо застонал и прислонился горячим лбом к кафельной стене.

Мартин чувствовал бьющее в проем черное, болезненное отчаяние. Сидел у косяка, опустив в проем руку и молчал, хотя ему очень хотелось говорить.

Но слова были заперты в горле, словно насекомые с острыми лапками и гладкими

панцирями.

Хуже всего была буква «ж», и она же неумнее всех рвалась наружу словом «ложь».

...

Мартин сидел недалеко от беседки и смотрел в полнящуюся багровыми вспышками темноту. Ему было тошно, он не хотел никого видеть и никак не мог себя заставить вернуться в комнату наблюдать за Виктором. Впрочем, он уже несколько часов читал и даже не испытывал при этом никаких эмоций, поэтому смотреть на него было занятием бесполезным.

— Труп все равно не нашли, — раздался за его спиной печальный голос Мари.

— Найдут, — пожал плечами он, не оборачиваясь. — Всегда находят... Знаешь, а ту девочку у себя в городе он, кажется, правда не убивал...

— Котенок... — прошептала она, словно не услышав. — Что же ты, котенок...

Мартин понятия не имел, о чем она говорит, и у него совсем не было сил разбираться. Он слышал, как каблуки звенят по доскам беседки, а потом затихают. Мари подошла и опустилась на колени, заглядывая ему в лицо. Мартин с легким удивлением заметил слезы, блестящие в ее глазах, а еще необычное отчаяние, искривившее ее тонкие губы и сделавшее выражение удивительно беспомощным и искренним.

Наверное потому что с таким лицом Мари не казалась красивой.

Она протянула руку и не снимая перчаток дотронулась до его лица скользким бархатным прикосновением. Он отстранился, не испытав привычного раздражения. Наверное потому что слишком устал.

— Вот тут, тут и тут... — тихо сказала она, кончиком пальца рисуя линии на своем лице — от уголка глаза к виску, от крыла носа к подбородку и перечеркивая лоб. — А тут... смотри, котенок, — Мари подалась вперед, протянула руку и коснулась его затылка. Прикосновение отозвалось короткой электрической болью, и она тут же отстранилась, протягивая ему раскрытую черную ладонь, на которой лежали несколько белоснежных волосков.

— Я знаю, что у меня есть седина, — равнодушно ответил он. В другое время он может посмеялся бы над тем, как нелепо заботиться о внешности человеку, которого никто не видит.

— У тебя там вот такая полоска, — она показала три пальца. — Знаешь, что это значит?

— Воображаемые люди тоже стареют? — спросил он, все же касаясь своего лица там, где показала Мари. Ничего необычного он не почувствовал.

— Посмотри на себя в зеркало, когда сможешь. Это морщины, Мартин, глубокие. Ты седеешь. Стареешь. Отдаешь себя чтобы его обманывать, и каждый большой обман тебе стоит... Понимаешь, что это значит?

Он покачал головой, хотя прекрасно понимал, что это значит. Мари встала и несколькими резкими движениями отряхнула юбку.

— Ты умираешь, — зло выплюнула она. — Скоро будешь выглядеть как чертов портрет Дориана Грея в конце книжки, а потом сдохнешь у себя в кресле! Вот ведь будет зрелище — у человека раздвоение личности, а его вторая личность — мумифицированный труп!

— Я умру не раньше, чем закончу, — отрезал Мартин, не отрывая взгляд от переливающейся красной мути перед ним.

— Откуда ты знаешь?! Ты разве не обещал этой девочке, с которой так трогательно обжимался в коридоре, что спасешь ее?!

— Обещал, — не стал отпираться Мартин. — И спасу. Тебе не о чем переживать.

Мари смотрела на него сверху вниз, и ее глаза светились как два осколка бутылочного стекла перед пламенем свечи.

— Ты правда собрался умереть?! В чем тогда смысл спектакля?!

— В том, что не она меня убьет, — Мартин улыбнулся и вытянул перед собой руку. На тыльной стороне ладони виднелись несколько темных пятен, похожих на брызги, зато порезы под платком почти зажили. — Ты же знаешь, что мы расплачиваемся за свои истории. За каждую из своих историй, а чтобы финал был по-настоящему красивым иногда требуется вся наша жизнь. Ты теперь бессмертная Офелия, а я буду, — он медленно опустил руку, — безмянным мертвецом. Мы оба получим тот финал, которого на самом деле хотели.

По лицу Мари катились частые слезы, в которых растекались багровые отблески. Казалось, что она плачет кровью.

...

Звонок раздался среди ночи. На этот раз его первым услышал Мартин и ударил кулаком по косяку.

«Вставай!»

Он знал, что звонить может только Лера, и что вряд ли она хочет поговорить о крошках на ламинате.

Виктор проснулся от голоса Мартина и полоснувшей головной боли. Не сразу понял, что звонит телефон, но трубку снял еще до того, как это осознал.

— Друг твой приходил, Дима, — сообщила Лера безо всяких приветствий. В ее голосе дрожала истерическая веселость. — Диски забрал, которые ты ему советовал.

— В синих конвертах или в белых? — уточнил он, стряхивая остатки сна.

— И в синих забрал, и в белых, и еще те, которые у тебя под кроватью вместе с фольгой лежали. Ну ты знаешь, Дима же ужасный... синемафил.

Мартин почувствовал нарастающее раздражение Виктора и перекатывающийся под кожей горла страх.

— И что? Какого хрена он вообще поперся ко мне домой?!

— Обсудить фильмы, — ласково ответила Лера. — Сказал, что качество записи плохое, с помехами.

— Врет, везде лицензированные копии. А не нравится — пусть на рынке в ларьках покупает, с бошками чужими на экране и разговорами в звукоряде. Деньги оставил?

— Оставил. Половину.

— Вот гондон, — закатил глаза Виктор. Тревога медленно отступала, голос сестры перестал казаться таким истеричным. — Ладно, главное диски забрал — Оксана маленькая еще такое смотреть, а то вдруг бы нашла. Или еще кто-нибудь... нашел.

— Он сказал, что ты похож на Броди из «Реквиема по мечте», — прошептала Лера, не заметив его последних слов.

Виктор почти минуту пытался вспомнить эпизодического персонажа морализаторского фильма, который сам не помнил зачем смотрел, но так и не смог.

— Он разве не черный?

— Он мертвый, Вик, — напомнила Лера. — Его убили, вспомнил? Дима сказал, что когда ты вернешься — может с тобой пересмотреть.

— К черту это старье, Лер. Если еще припрется — скажи, что у меня есть прекрасная запись «Хостела». Лицензионная, смотришь — и как будто на себе все чувствуешь, — сорвавшись, прошипел Виктор. — И если ему надо поговорить о высоком, о кино там, влиянии Бетховена на жанр антиутопий, творчестве Кубрика и прочем дерьме — пускай ко мне обращается.

— А ты уверен, что это ты с ним «Хостел» будешь смотреть, а не он с тобой? Лучше погости еще у папы, ладно?

Теперь страх занимал почти все сознание. Не мутил его, наоборот — обострял, делая каждую деталь, каждое слово особенно ярким.

— Я пришлю денег, Лер. Приезжай... в гости, — с трудом сказал Виктор. — Тут замечательно, цветочки скоро распустятся. Я тебе озера в лесу покажу, в театр ходим, — он невесело усмехнулся. — Приезжай ладно? Я за тебя очень... я скучаю.

Он достал сигарету из пачки и заметил, что рука мелко дрожит.

— Не могу, Вик, прости. У меня... учеба скоро, маме надо помогать и Оксане тоже. Им кроме меня никто цветочки не покажет и в театр не сводит.

— Тогда вместе приезжайте, тут... большой дом. Я уже... сходил куда надо, везде отметил, если ко мне приедет семья — ничего не случится. Пожалуйста, Лер. А я через несколько дней съезжу и разберусь... с дисками.

— А ты со своими предпочтениями разобрался? Я, знаешь ли, не очень хочу смотреть «Хостел», не люблю ужастики...

— Лер, ты думаешь я с тобой могу так поступить? — отбросив конспирацию спросил он.

— А ты что думаешь? К тому же... Вик, ты зовешь нас втроем, но спрашиваешь «могу ли я с тобой»... — Лера замолчала, и Виктор слышал только тихий шорох помех. — Прости, — наконец сказала она. — Я останусь здесь пока... пока не решится вопрос с... ты знаешь с чем. И на глухой хутор смотреть цветочки не поеду. Мы не поедим. Выздоровливай скорее, ладно? Мне очень тебя не хватает.

Она положила трубку не прощаясь.

Мартин молча выслушал все, что Виктор говорил в стену, и каждое слово обжигало горло яростью.

— Ты слышал?! — наконец обратился он к Мартину. — Ты слышал, этот выродок приперся ко мне домой угрожать моей сестре! Сколько дней прошло, как я его послал — он что, все это время утирался?!

«Я думал, ты все раздал перед тем, как ехать», — уточнил Мартин.

— Нет, не все. Ты что думаешь, так просто взять и вернуть всем поставщикам и распространителям всю дурь?! Но я, черт возьми, только поэтому до сих пор не сижу рядом с малолетними идиотами с которыми работал — я не зарывался, не хапал больше, чем мог реализовать, думал головой и сам не... почти не употреблял. У меня все отлажено, черт, как

не вовремя...

«Но ты же когда ввязывался во все это чем-то думал. Ты же приперся с криками, что ты Бог и тебе все можно. Под этим же было что-то кроме ироничного цитирования пьески Мари? Так расскажи мне, дорогой друг, какой у тебя был план на такой случай?»

— Не было никакого плана. Мне еще шестнадцати не исполнилось, у меня была дырка в башке, в которую ветер задувал и самомнение размером с дом, — обреченно признался он. — Нужны были деньги, моя полоумная мамочка развела вокруг полную разруху, Лера еду в магазинах воровала...

«Слушай, давай опустим эту часть, — попросил Мартин. — Если любого малолетнего барыгу, сегодня, десять лет назад и через десять лет, поднять среди ночи и спросить на кой он в это ввязался, он скажет вот именно это. Буди Нику, отстегивайся, и поехали разбираться с твоими друзьями».

Виктор только кивнул и открыл дверь.

— Ника! Ника, солнце мое, принеси мне ключ! Ника, чтоб тебя!

Дверь спальни открылась и она появилась на пороге — мутная растрепанная тень на фоне черноты позади.

— Нашли убийцу? — хрипло спросила она, делая шаг вперед. Она куталась в свитер и сонно щурилась на белый свет в ванной.

— Нет, черт возьми, Дмитрий приперся угрожать Лере, — выдохнул он. — Принеси ключ, хорошо? Мы возвращаемся.

— Так убийцу не нашли? — спросила Ника, склонив голову к плечу.

— Какая тебе разница?! Ты слышала, что я сказал?!

«А вот сейчас тебе лучше бы заткнуться», — заметил Мартин, отчетливо понимая, что совет опоздал.

— Единственно правильные слова... облегчение... — пробормотала она, а потом подняла глаза. — Слышала. Тебе страшно. Кто-то, кого ты любишь, заперт там, где ты не можешь достать, — Ника сделала шаг назад, — и кто-то жестокий, на кого ты не можешь повлиять, может заставить того, кого ты любишь, страдать. Верно?

— Ника... — прошептал он, и слово отозвалось болезненным, мучительным осознанием.

— Ты сказал отдать ключ только если найдут убийцу. Когда Лера позвонит и скажет, что можно вернуться, — на темно-сером силуэте дрогнула черная черточка улыбки. — Я слышала, она не хочет ехать. Я слышала, она отказалась, когда ты предложил приехать.

— Ты паршивая, злобная сука... — выдохнул он, бесполезно дернув цепь.

— Я делаю, как ты мне сказал. Как ты меня научил, — ее голос был таким же бесцветным, как и всегда. Ни одной нотки торжества, истерики или злорадства в нем не слышалось, и от этого было только страшнее.

Дверь спальни захлопнулась — без прощания, без эффектной финальной фразы и поклона залу. Виктор стоял, бессильно опустив руки, и не находил сил рваться с цепи и кричать в закрытую дверь — наверное потому что отчетливо понимал, что это бесполезно.

Мартин смотрел в проем с легким удивлением, растерянно водя пальцами по косяку. А Мари за его спиной заходила привычным смехом и глухими бархатными аплодисментами:

— Как интересно, какой поворот! Какая хорошая девочка, котенок, какая славная!

Умеет делать больно!

Хоть кто-то не пренебрегал экзальтированным торжеством и пафосными жестами. Мартин прикрыл ладонью усталые глаза — что-то в этом мире да было неизблемо.

Действие 14

Ничего не будет

*Имя твое — поцелуй в глаза,
В нежную стужу недвижных век
Имя твое — поцелуй в снег.*

М. Цветаева

— Ах ты паскудная дрянь! — с нежностью шептал Виктор, вытирая руки о подол разорванного платья.

Мертвая девушка на полу смотрела в потолок алыми провалами пустых глазниц. Никогда еще Ника не казалась ему такой ошеломительно, совершенно прекрасной.

Он смотрел на нее и чувствовал, как губы растягиваются до боли, ввинчивающейся в виски тугими винтами, но улыбался шире и шире с каждой каплей крови, которую ему удавалось собрать скользкой ладонью.

В маслянисто блестящей на белом кафеле алой луже едва угадывались очертания маленького ключа.

А Мартин смотрел широко раскрытыми глазами — серыми и больными.

«Я все еще в тебя верю», — вдруг тихо сказал он, и Виктор почувствовал прикосновение к виску — легкое и теплое, знакомое с детства.

И в этот момент тьма отступила.

Он рывком сел в ванне и безумными глазами уставился в черноту перед собой.

— Мартин, я больше не могу... — в отчаянии прошептал он. — Прошу тебя, помоги мне, я больше не могу...

«Я делаю все, что в моих силах, — тихо отозвался он, и Виктор почувствовал горячую сухую ладонь, накрывшую глаза. — Но прекратить можешь только ты».

— Что ты делаешь, Мартин? — прохрипел он, пытаясь сбросить ладонь, которая начала едва заметно давить, заставляя откинуться назад, к воде. — Что ты... делаешь?

К горлу подступала склизкая комковатая злость.

Мартин со своими печальными интонациями, Ника с пустым взглядом — чего хотят от него эти люди, какого черта смеют мешать?

Нужно вырвать проклятый стояк, нужно забрать ключ, поехать к сестре...

Вырвать стояк, забрать ключ, а перед этим, чтобы не тратить время, взять за остатки волос эту тварь, которая держит его на цепи, и бить лицом о мраморную столешницу, пока...

Невидимая сила опрокинула его, ударив затылком о дно ванной и взметнув веер брызг ледяной воды.

... пока от лица не останутся только перемешанные с кровью обрывки кожи и осколки

костей. Почему он тогда вывихнул ей всего четыре пальца! Стоило взять пассатижи и сломать все, раздробив каждый сустав.

Выдрать ее так, чтобы не осталось ничего — никаких надежд, мыслей о любви. Доказать раз и навсегда, что кроме жестокости и похоти для нее ничего не будет, только кровавая чернота в конце...

Глоток воздуха был отвратительно теплым и шершавым.

— Мартин, прошу тебя... сделай что-нибудь, сделай!

В этой темноте нет огоньков, нет светящихся рыбок и теплых рук, которые не дадут упасть. В этой скользкой черноте, в которую он срывался раз за разом — только мучительные, болезненные видения, которые вызывают электрические разряды эйфории в первые несколько секунд, а потом превращаются в глухую боль, постепенно становящуюся невыносимо-режущей и обрывающуюся глотком воздуха.

— Мартин!..

...

— Прекрати это! — Мари вцепилась в его плечи, пытаясь оттащить от проема. — Какого хрена ты творишь, совсем спятил?!

— Уйди, — рыкнул Мартин, пытаясь сбросить ее руки. — Не лезь!

— Да что же вы за люди! Это же пытка! О-господи-пощади, какая гадость! — взвизгнула она, отшатнувшись от проема. — Ты нас обоих угробишь! Весь свой план! Он очухается, поймет, что ты сделал и все! А если он решит снова тебя запереть?!

— А что мне остается, — огрызнулся он, а потом тихо попросил: — Отстань, Мари, и так паршиво.

— Да ты ничем не лучше его! — всхлипнула она. — Как у тебя совести-то хватает...

Мартин рывком встал и обернулся. Голова закружилась, и он чуть не упал спиной в проем, но взметнувшаяся ненависть удержала его на ногах.

— Не смей говорить о совести, дрянь!.. — прошипел он и почувствовал, как рефлекторно вздрогнула в замахе его окровавленная ладонь. Несостоявшийся удар неожиданно отрезвил, и Мартин тяжело сел обратно, привалившись к косяку, а потом прошептал: — Не сейчас. Только не сейчас.

И отвернулся к проему, где Виктор судорожно хватал перекошенным ртом спертый влажный воздух. Мартин закрыл глаза и протянул руку, почувствовав под ладонью горячую кожу, по которой стекала еще не согревшаяся вода.

Мари молча села позади, прижалась к нему, обняла и несколько секунд молча смотрела в проем. Мартин чувствовал, как ее липкие пудровые духи словно царапают горло, как попичьи часто бьется ее сердце.

— Он позовет тебя, — неожиданно убежденно сказала она, указывая в проем поверх его плеча. — И скажет убить ее.

Мартин не оборачивался.

...

Виктор весь день провел в безуспешной борьбе с цепью и попытках договориться с Никой. Утром она поставила в коридоре еду и кофе на подносе, так, чтобы Виктор мог дотянуться только до его ручки. Впрочем, он и не пытался на нее бросаться, понимая, что

это бессмысленно — ключ она не носила с собой, а держала на кухне.

Она оказалась милосердным тюремщиком — Виктор понимал, что его Ника бросила бы умирать с голода, но все же видел, что в ее взгляде нет даже потаенного злорадства. За весь день она не сказала ни слова, только когда Мартин пытался уговорить ее отдать ключ смотрела тоскливо, как умирающая собака.

К ночи Виктор начал звереть. Цепь не поддавалась — труба была слишком крепкой, Мартин словно ни о чем не беспокоился и целый день смотрел в огонь, повернув к проему спинку кресла.

— Почему ты так спокойно сидишь?! — не выдержал он, сидя на полу после очередной унижительной битвы с цепью. Запястье было исцарапано и кровоточило, пальцы онемели от частых рывков.

«А что я должен сделать? Это не ты ли у нас талантливый манипулятор и знаток человеческих душ? Вот иди в коридор, сделай грустные глаза и расскажи ей про человека в темноте».

— Я пытался, — нехотя признался Виктор.

Мартин только пожал плечами — он догадывался, что когда проем вчера затянуло туманом, Виктор именно этим и занимался.

Несколько минут они сидели молча. Мартин чувствовал ползущее в проем отчаяние и нарастающее бешенство, но не вмешивался, понимая неизбежность срыва. Он предпочитал беречь силы.

— Тебе на нее наплевать, да? — предпринял еще одну попытку Виктор. — Где-то растерял всю доброту и теперь будешь сидеть здесь, пока мою сестру там убивают?

«Не надо этого, — попросил Мартин. — Ты знаешь, что мне не плевать. Ты слышал, я сделал все, что мог, чтобы она тебя отпустила. Но Лера — умная девушка. Она не наделает глупостей и сможет защитить и себя, и мать с сестрой. А вот ты... не внушаешь мне доверия».

— Ты думаешь, я не смогу ее защитить? — от удивления Виктор даже забыл оскорбиться.

«Нет, я знаю, что ты чувствуешь, глядя на Нику. И она знает. Я не уверен, что тебя можно спускать с цепи».

Виктор только поморщился. Мартин был прав — крыса в глубине сознания действительно скребла коготками, щерила иглы-усы и предостерегающе скрипела желтыми зубами. Он пытался убедить себя, что ничего такого не испытывает, и что если она отдаст ему ключ — они просто соберут вещи и поедут в аэропорт. Потому что только поверив в это сам, он мог убедить в этом Нику.

Но он не верил. Знал, что каждый взгляд на нее давит на виски и отзывается болезненным, тянуще-шершавым чувством в горле.

Что на самом деле ему ничего не хочется так сильно, как придушить и закопать Нику под высаженным в ее честь безвременником. Что ему хотелось этого с той секунды, как за ней закрылась дверь, и с каждым часом это желание только нарастало, грозя в конце концов прорваться наружу.

А еще он знал, что даже если бы она вышла из спальни через час и отдала ключ — он все равно убил бы ее. Потому что Мартин и сама Ника могли сколько угодно не верить в его припадки, но он действительно не всегда мог сопротивляться тому, что родилось в момент убийства Мари.

Как и предупреждал Мартин. Все эти годы он представлял, как что-то злое и страшное рождается в его душе, и он топит это, топит в ледяной воде, как слепого щенка, еще не успевшего вырасти в бешеного пса. И все эти годы чувствовал приторный, тошнотворный привкус самообмана — он уже вырастил чудовище, и мог только ненадолго его придушить.

Но оказалось, что все его отчаянно-больное, светящееся бутафорским золотом нарциссизма сознание было недостаточной причиной для того, чтобы страдать по-настоящему. Зато угроза Лере, даже призрачный шанс, что кто-то заберет и ее, смел все преграды.

Припадок в театре прошел удивительно легко — ничего общего с пожирающим изнутри раскаленным безумием, которое сейчас рвалось наружу. Тогда хотелось убить. Уничтожить, изуродовать, превратить женщину, посмевавшую перевоплотиться в его демона, в нечто безобразное и безымянное.

Но сейчас, с того мгновения, как Ника отказалась отдать, ему хотелось причинить боль. Больше, чем человек в состоянии вынести, больше, чем другой в состоянии причинить.

Пока он контролировал это желание. Но не знал, «пока» оно не поглотило сознание целиком, или «пока» он сидит на цепи.

Зато, кажется, Мартин знал точно.

— И что же ты предлагаешь делать, а? — зло спросил он, дернув цепь. — Ждать, пока ее убьют? Мартин? Мартин?!

Это произошло впервые. Первый раз в жизни Виктор в критический момент не смог докричаться до Мартина потому что тот уснул. Не потерял сознание, не ушел и не был заперт — он просто уснул в кресле, уронив руку с подлокотника.

...

Виктор спал, и Мартину не хотелось его будить. Не хотелось звать Нику, пытаться убедить ее отдать ключ — он действительно не знал, как поступить. Лучшим выходом было бы попросить Нику оставить ключ там, куда он сможет дотянуться, и сказать ей бежать. Он был уверен, что Виктор не будет долго думать, выбирая между мстью и спасением сестры. В конце концов когда-то он не смог спасти Ришу, променяв ее на мсть. И до сих пор не мог смириться с потерей.

Но он знал, что Ника не сбежит, а если и удастся ее убедить — скоро вернется.

Мартин не мог понять, чего же больше в ее любви — изуродованного, больного, заставляющего на грани с одержимостью цепляться за него, или другого — настоящего, светлого и такого большого, что то, уродливое просто не имеет значения?

Но как бы ему ни хотелось, он не мог поверить, что дело в настоящем чувстве. У него не было повода сомневаться в том, что Риша любила Вика — Мартин наблюдал эту любовь столько лет, смотрел на это чувство с его рождения и до сих пор наблюдал мучительную агонию, которая длилась, но никак не хотела оборваться.

И все же Риша сбежала. Сбежала, хотя Вик умолял ее остаться. Сбежала, хотя не могла

не чувствовать, как бьется в судорогах его душа, непривычная к красным вспышкам.

Тогда Мартин был моложе и мягче. Он отпустил ее легко, не осуждая и даже внутренне не противясь ее уходу. Разве мог он что-то изменить, разве имел право принуждать девушку, которую любил как младшую сестру?

Он помнил, как смотрел ей вслед и думал, что Виктора теперь ничто не спасет. Что он проснется другим человеком. И что в жизни Риши насилия было слишком много — в семье, на улицах, даже в театре, куда она пыталась сбежать. Разве мог он тогда изуродовать насилием еще и ее любовь, заставив остаться?

Но теперь все было наоборот. Все, что Мартин тогда посчитал жестокостью, родилось снова. В новую любовь, так непохожую на прежнюю. Теперь Ника не покинет его никогда, как бы жесток Виктор ни был.

И Мартин точно знал, что стоит Нике отдать ключ — случится новый припадок, накатит новая волна безумной черноты. Сможет он спасти ее?

Он закрыл глаза. Там, в глубине сознания щерились красноглазые воспоминания о потаенных желаниях Виктора. Каждое отпечаталось будто на негативе, и Мартин видел ясно их все.

Самые мутные, блеклые, будто вымытые акварели, были связаны с Милордом. Контролируемая, спланированная жестокость, выплетенная манипуляция. Те, что были темнее и ярче дышали ненавистью и к Мартину. Виктор думал, стоит ли прикидываться, если можно подставить настоящего человека. Эти мысли были притушены горечью стыда.

Но самые яркие были незамутненным звериным безумием. Эта жестокость была безыскусна и вульгарна, в ней не было ни следа изысканного садизма, который предпочитал Виктор. Мартин читал эти образы и его тошнило — там не было ничего, кроме пыток, насилия и медленной, мучительной смерти.

Но страшнее всего были не картины, которые видел Мартин, а чувство, которое испытывал Виктор, когда они прорывались в его сознание. Это был горький, обреченный ужас и животная тоска, от которой ломило зубы и сводило горло подступающим воем.

— Что же ты будешь делать? — шепнула Мари. Проницательная Мари, появляющаяся ниоткуда в самый неподходящий момент.

— Не знаю, — признался Мартин. — Я... не знаю.

— Все ты знаешь, — грустно сказала она. — Пока он ее не убьет — не успокоится. И когда убьет... успокоится не сразу. Он ни за что не простит такого унижения, а девочка ни за что не станет думать головой. А еще ты знаешь, что ему нужно вернуться домой, потому что Лера ни в чем не виновата, и ему действительно надо решать свои проблемы.

— Я не хочу, — тоскливо признался он. — Почему я, можешь сказать? Мне... мне безразлична эта девушка. Она больная, несчастная, но...

— Искренняя, котенок, — подсказала Мари. — Мы все лжем друг другу, а единственная настоящая сумасшедшая говорит правду. Между прочим, она тебя тоже

убивать не хочет, но ты ведь ее заставишь.

— Виктор тоже сумасшедший, — невесело усмехнулся он, пропустив болезненную шпильку.

— Меньше, чем мы с тобой, — серьезно ответила она. — Нам придется это сделать.

— Вот на этот раз спрятать труп будет невозможно, — Мартин встал с кресла и заходил по комнате. — А если... если... прятать, — он сделал неопределенное движение рукой, будто очертив человеческую фигуру, — надорвусь. И меня не хватит, даже если наклонюсь над проемом и горло себе вскрою.

Мари забралась с ногами на кресло и положила подбородок на спинку. Она молчала и хмурилась, поглаживая обивку.

— Если не можешь врать хорошо — ври плохо, — наконец сказала она.

— Он почувствует.

— Пускай, — улыбнулась она.

Мартин остановился. Мысли взметнулись, словно встревоженные мотыльки. Все образы, что он видел сегодня, убийство на парковке, Мари, единственный раз шагнувшая в проем, чтобы спасти Нику. А потом — Дара — мертвая девушка в грязной городской реке, настоящая Мари, улыбающаяся ночному небу подрезанными уголками губ, Ника, медленно сползающая в темно-бордовую воду, над которой поднимается железный пар.

А потом — темный коридор и прохладные пальцы, скользящие по его лицу, словно Ника в полутьме пытается узнать его. И неожиданная, щемящая мысль о том, что только она видит его настоящим. Не только знает его по имени, но и видит его черты.

— Я не хочу, — шепотом повторил он. — Не хочу этого делать. Я никому не хочу делать больно, почему так?!

— Потому что ты добрый, — безжалостно ответила Мари. — Добрым быть всегда больно, котенок.

...

Виктор проснулся и не стал открывать глаза. Ему было страшно — впустив в сознание белые квадраты кафеля, позволив миру обрести очертания, он обязательно примет решение, которое настойчиво пульсировало в животе, висках и переносице всю ночь.

Ему снилась серая река и мост с черными ажурными перилами. Только теперь он рвался к мосту через густую ледяную воду, туда, где по волнам расстился алый след, красящий лепестки белых цветов. Он захлебывался отчаянием и затхлой водой, в которой с каждым движением все отчетливее слышался пряный кровавый привкус. И когда он наконец-то доплывал чувствовал, как мокрое белое платье облепляет руки и видел, как в остекленевших глазах Леры брызгами отражаются звезды, Виктор больше всего хотел проснуться. Но кошмар не был милосерден, и заканчивался только когда он прижимал ее к себе, и они вместе касались скользкого, неожиданно твердого дна.

А потом сон начинался с начала.

Собственное сознание пытало его всю ночь, душило болью и бессильной злобой, а утром, перед самым пробуждением обрушило, как поток воздуха, единственное решение. То самое, которое Виктор не хотел принимать.

— Мартин... — просипел он в темноту.

«Да».

— Как перестать ее ненавидеть?

«Нет никакой ненависти», — спокойно ответил Мартин, и Виктор почувствовал в воздухе слабый, нарастающий запах другой воды — нагретой солнцем теплой и чистой воды лесного озера, о волны которого разбивается яркое, живое весеннее небо. Почувствовал, как теплые ласковые пальцы сжимают его запястье.

— Это неправда, — он брезгливо попытался отряхнуться от липкого назойливого видения. — Я прошу о помощи, Мартин, а не впихнуть мне очередной сиропчик про...

Он замолчал, отчетливо понимая, что все следующие слова будут бесполезны. Морок Мартина растаял — слабая и хрупкая преграда, которая давно не могла остановить лавину подступающей тьмы.

— Ничтожество, — прошептал он, открывая глаза. — Какое же ты ничтожество, а я всю жизнь тебя слушал и потакал... — Ненависть сжалась где-то под ребрами. — Хотел умереть, думал ты заслуживаешь жизни... чтобы ты позволял каждой микроскопической, скорчившей печальную мордашку, вытирать об тебя ноги?

Мартин молчал, и Виктор чувствовал его отчаяние, сильное, ровное и какое-то униженно покорное. Он даже не постарался помочь, бросил его, Леру, отвернулся, брезгливо морщась — как же, такие, как они не достойны его сочувствия! И теперь он не пытается сделать хоть что-то, только молча смотрит и боится того, с чем Виктору приходилось жить все эти годы.

«Прошу тебя, — прошептал Мартин, — не надо...»

Виктор открыл глаза. Ненависть вдруг перестала душить, она разлилась в воздухе колючими электрическими нитями. Проникла в легкие, разлилась в крови, наполнила глаза красными сполохами.

Цепь поддалась со второго рывка.

Отчаяние и животный ужас Мартина отозвались тягучим предвкушением.

Виктор рывком распахнул дверь. Чашка с чаем жалобно зазвенела о стену, оставив неопрятное пятно, но эта грязь казалась почти произведением искусства.

Он собирался развести очень много грязи.

...

— Ах ты паскудная дрянь... — с нежностью шептал Виктор, вытирая руки о подол разорванного платья.

Он и представить не мог, что убийство, которое совершил другой человек, может принести гораздо больше удовольствия.

Но «удовольствие» было маленьким словом. Удовольствие можно получать от еды, искусства, секса или наркотиков. Убийство отзывалось иступленным экстазом такой силы, что не мог дать ни один порошок, ни одна таблетка и ни одна женщина. И сейчас, глядя на растекающуюся по белоснежному кафелю кровь, он думал, что отец все-таки был умнее, чем

ему казалось. Заставив Мартина вскрыть Нике горло, он переломил чувства, как поток света через сотню призм чужой боли, обреченного отчаяния и протеста, а еще — тоски, сбивчивого шепота «сделай это, мне так больно...» и звериного ужаса.

— Что же ты, Мартин, у тебя больше не такие чистые руки?

«Я все еще в тебя верю», — неожиданно ответил он.

И вдруг легкие наполнила шершавая боль, заставившая сознание конвульсивно сжаться в тугую, перекрученный ужасом комок. А потом он сделал неожиданный рывок — от залитой кровью ванной, от обезображенной мертвой девушки на полу, от собственных поступков куда-то к свету, к звенящему, чистому воздуху, облившим холодом виски.

... В ванной было темно и пахло хлоркой. Вода стекала с волос на лицо, ледяная рубашка липла к коже, а наручник все еще сжимал запястье.

— Мартин, помоги мне, я больше не могу... — в отчаянии прошептал Виктор. И на этот раз почувствовал настоящее отчаяние — тяжелое и липкое, без следа наигранной покорности.

«Я делаю все, что могу. Клянусь тебе, но ты должен сам захотеть».

— Что ты делаешь, Мартин? — догадка вспыхнула, словно молния. — Что ты... делаешь?

Вспыхнула — и погасла. Какая разница, если там, за тысячи километров отсюда его сестра совершенно беззащитна перед наступающей бедой, если все, что он ей оставил — железная дверь с хорошим замком, деньги и напутствие быть осторожнее?

И если здесь темно, а цепь по-прежнему на месте — значит, Ника жива. Не мигая смотрит на закрытую дверь и представляет, как справедливость торжествует — он тонет в том самом кошмаре, в который превратил ее жизнь.

Что она знает о кошмарах.

Цепь так и не поддалась — наручник внезапно разжался с оглушительным щелчком, словно карабин на ошейнике бешеного пса. Виктор не задумывался, какая там разжалась пружина от его рывков — он распахивал дверь и слушал, как бьется о стену чашка.

...

Мартин не мог открыть глаза. Не мог пошевелиться, не мог даже понять где он. Помнил, как падал лицом вниз на шершавые доски беседки, не попытавшись даже выставить перед собой руки. Сейчас голова лежала на чем-то мягком, вокруг было тихо и мир был в общем-то прекрасен.

Мешал только навязчивый приторный запах духов.

Он хотел спросить что происходит, но не смог — губы как будто сшили частыми стежками.

— Тише, котенок. Поспи еще, — раздался тихий голос, и на лоб легла шершавая теплая ладонь.

И в этот момент он вспомнил все — кровавое безумие последних часов, ледяную воду, неподатливую цепь, сломанную трубу и раскрытые наручники.

— Там... — прохрипел он, пытаясь перевернуться.

— Ты ушел когда закончил. Остайся, не ходи, — попросила она.

— Нет... не могу... надо...

Он сумел встать на колени, по-прежнему не открывая глаза. Постоял так несколько секунд, низко опустив голову, а потом, тяжело опершись рукой о пол, попытался выпрямиться. Мари молча подняла его и, взяв за обшлаг, заставила положить руку на перила.

— Вот так, давай. А теперь открой глаза.

Он послушно попытался, но ничего не вышло. Мартин кончиками пальцев дотронулся до век. Замер, а потом бессильно уронил руку.

— А я предупреждала, — горько отозвалась Мари.

Он все же открыл глаза. Беседка виделась ему словно в легкой туманной дымке. Очертания слегка смазывались, заставляя щуриться, чтобы сделать мир более четким.

— Еще пару раз так сделай — вообще ослепнешь.

Мартин машинально зачесал назад падающие на лицо волосы, а потом непонимающе уставился на ладонь. Между пальцами остались несколько прядей совершенно седых, неожиданно тонких волос.

— Она действительно... Ника действительно меня не убьет, — прошептал он и улыбнулся, проводя ладонью по лицу. Морщины у крыльев носа превратились в тяжелую носогубную складку, а морщина между бровей почти касалась переносицы.

— Он еще улыбается! — всплеснула руками Мари. — Герой, чтоб тебя! Что б ты знал — скоро станешь совсем старикашкой и перестанешь мне нравиться!

— Отлично, — с чувством ответил он.

Вышел в комнату и выглянул в проем — Виктор не то спал, не то лежал в обмороке.

— Куда собрался?! — Мари неожиданно схватила его за воротник когда он хотел шагнуть в проем.

— Переложить... и хоть полотенце дать, — с легким удивлением ответил он.

— Мартин, ты дурак? — в ее глазах вспыхнуло неподдельное сочувствие. — Головой тронулся пока над проемом висел? Может ты ему бульона сварить, по головке погладишь и сказочку расскажешь, ну чтобы он поскорее в себя пришел и опять за нож схватился?

— Он же... сопротивлялся. Он все это время... сопротивлялся.

— Поэтому тут все еще трупами не завалено. Иди поспи, у тебя завтра тяжелый день — придется расхлебывать вчерашнее торжество справедливости.

Мартин хотел было послушаться, но из темноты проема раздалось тихое, сдавленное ругательство.

— Да пошел ты, — печально сказала Мари ему в спину за секунду до того, как он сделал шаг в проем.

Первое, что он почувствовал — неожиданное сухое тепло. Он ожидал проснуться в ледяной ванне в мокрой одежде, но кожи мягко касалась микрофибра подклада спальника. Кто-то обнимал его за плечи и подкладывал под голову свернутое одеяло.

— С ума сошла?! — с яростью прошептал он, отталкивая руку. — Какого ты делаешь?!

— Надо было оставить? — Ника не изменяла привычным интонациям, а глаз ее Мартин не видел в темноте.

— Отойди в коридор, — вместо ответа потребовал он, переворачиваясь.

Виктора ждало отвратительное пробуждение. Мигрень разливалась по голове и стекала по шее, отдаваясь где-то под лопаткой, в каждый сантиметр поясницы словно забили по гвоздю и еще по одному в глаза и переносицу, а горло стянула шершавая пульсация. Но волосы его были сухими, как и спальный мешок, в котором он лежал, а мокрая одежда обнаружилась на полу.

— Он очень опасен, — извиняясь, сказал он в коридор.

— Я знаю, — отозвалась темнота голосом Ники.

— Нет, сейчас... особенно опасен.

— Я знаю, — повторила она. — Подожди.

Мартин уперся лбом в согнутые колени. Никакой неловкости он не испытывал, но произошедшее казалось совершенно абсурдным и вызывало глухое раздражение, за которое было по-настоящему стыдно. Он чуть не умер, чтобы спасти ее, и умер бы, если бы понадобилось. А она подставлялась, чтобы поправить одеяло своему будущему убийце. Это было бы похоже на обычную семейную драму с женщиной, терпящей побои от непредсказуемого алкоголика-мужа, только вот Виктор был гораздо опаснее алкоголика, а Ника прекрасно понимала, что делает, и не искала ему оправданий. И главное — искренне и чисто ненавидела его. Если в ее любви Мартин мог сомневаться, считая плодом порочной связи лжи и воображения, то ненависть не оставляла сомнений в своей искренности.

Дверь приоткрылась и раздался торопливый звон керамической чашки о металлический поднос. Мартин почувствовал, как в глаза плеснуло красной воспаленной мутью, а потом горло рывком сжало удушье. Мир на несколько секунд перестал существовать.

Он пришел в себя, лежа на дне ванны, судорожно сжимая борта.

— Чтоб ее, проклятая чашка, — прошептал он, пытаясь выпрямиться.

— А с чашкой он что делал? — равнодушно спросила Ника из темноты.

— Разбивал. Открывал дверь и... ты что, слышала?

— Весь спектакль. Каждую «паскудную дрянь».

— И что ты...

— Ничего, Мартин. Наплевать. Я знаю, что моя жизнь может закончиться именно так. Знаю, что Виктор иногда... хочет моей смерти, и что он иногда делает больно. И не всегда успевает запереться в ванной.

Он слепо нашарил чашку, вздрогнул от отвращения, но все же взял ее. Чай оказался горячим, крепким и неожиданно сладким. От него боль в сорванном горле постепенно становилась слабее.

— Спасибо, — сказал он, удивившись ясности своего голоса. — Не закончится. Я обещал. Но тебе не стоит к нему подходить, если он в таком...

— Не надо, — перебила Ника. — Не читай мне нотаций. Думаешь, я не понимаю? Мне не страшно. Я живу с ним только потому что давно разучилась бояться.

Мартин открыл было рот, чтобы сказать, что страшно как раз ему, но слова стали комком в воспаленном горле, безжалостно заскребли усиками и лапками. И он смыл их

глотком остывающего чая.

— Мартин? — неожиданно беспомощно сказала Ника. — Я знаю, что он после таких... что ему очень плохо и он шевелиться почти не может. Но это же ты говорил, что мир становится правильным, когда мы живем так, как будто он уже правильный.

— В правильном мире не режут девушек на куски, — устало ответил он.

Он чувствовал себя изможденным и больным. Все-таки для Виктора не прошла даром ни ледяная вода, ни изматывающие видения.

— В правильном мире человек, который не режет девушек на куски не страдает из-за того, кто режет. Расскажи мне, что было днем, — вдруг попросила она.

— Убийства, — пожал плечами он.

— Это не рассказ. Ты разучился рассказывать?

— Ты хочешь послушать, как он тебя убивал? — огрызнулся Мартин, не в силах сдерживать раздражение.

— Нет. Ты хочешь рассказать. Вот тут, — он не видел, но почему-то ясно представил, как она касается горла кончиками пальцев, — заперто. Я чувствую.

Он хотел возразить, отмахнуться. Потому что самым мудрым поступком было бы отпустить сейчас сознание, лечь спать и подготовиться к завтрашнему разговору. Ему придется очень много лгать, а еще он никак не мог отделаться от ноющего чувства в груди — у него не выходило ненавидеть Виктора. С каждым подобным срывом почему-то он все больше казался ему не маньяком и социопатом, а отравившимся бредящим ребенком, который безуспешно пытается избавиться от яда.

«Говори!» — мысль вдруг ударила по ушам колокольным звоном, разрывающим перепонки, но все равно льющимся в сознание.

Он не видел Нику, но чувствовал ее неотступное присутствие. Где-то там, за дверным проемом, в темноте был человек, который, наверное, все же любил его. И эта мысль неожиданно словно бритвой полоснула по горлу — заваренный чай, давящая тишина, обнимающая деревенский дом и кто-то, готовый протянуть руку — Мартин не знал такой любви. Не знал такой любви для себя.

«Говори!» — рвалось изнутри, болезненно и звонко.

И вслед за звоном, за призраком бритвы, коснувшейся горла, словно на миг ослабла вечно натянутая в душе струна.

Все еще готовая зазвенеть, если тронуть, но устало и глухо.

И Мартин начал говорить, глухо и устало, неохотно и тяжело. Каждое слово было словно приступ режущего сухого кашля — обжигало легкие, раздирало горло и не приносило облегчения. Но постепенно слова обретали силу, о которой он успел забыть. Они выплетались в мягкую сеть, укутывающую мечущееся сознание. Мартин мимолетно подумал, что мог бы произнести все эти слова и раньше, но теперь, когда кто-то по-настоящему мог их услышать — все стало совсем по-другому.

Если бы только он мог совсем не лгать ей.

«Говори!» — Чей это голос? Мари? А может, девочки с растрепанным именем Риша?

Он рассказал о женщине на станции, которой дал бумажного журавля, о письме, которое написал Нике, о том, как собирался умереть под колесами машины. Рассказал, как молча смотрел на убийство на парковке и ничего не мог сделать. Рассказал, как позволил Виктору следовать своим желаниям сегодня днем, пропуская их через себя, усиливая и извращая еще больше, а потом возвращая обратно.

— Я дал ему что он хотел. А потом еще раз. И еще, пока сознание не начало отторгать... понимаешь? Я не мог ему запретить. И не был уверен, что у этого... вообще есть дно. Что у его жестокости... есть предел. Но мы его нашли — я почти уверен, что он тебя не тронет. Даже если отдать ключ.

— Девушка из театра... — неуверенно начала Ника.

— Я не успел, — горько ответил Мартин. — Не смог, он тогда уже себя не контролировал, к тому же был на свободе, а не пристегнут...

— Мне так жаль...

— А как мне жаль, — тихо сказал он, не мигая глядя в черноту проема. — Как мне жаль...

Комок в горле немного ослаб, но остался тяжелым, липким и тугим. Вся ложь осталась с ним, и Мартин с тоской подумал, что правду говорить действительно легко и приятно. Если бы он только мог не говорить ничего, кроме нее. Вернуть то время, когда... когда лгать не приходилось?

«Ничего не будет», — первые слова, которые он сказал маленькому Вику. Он видел ребенка, напуганного темнотой коридора и легко пообещал, что там не таится никаких монстров. «Ничего не будет».

Если бы он тогда мог проскользнуть по темноте, заглянуть ей в глаза.

Темнота коридора и шаткой лестницы упиралась в дешевую дверь отцовской комнаты — монстр был совсем рядом.

Если позволить темноте нести себя дальше — над полем и путаными тропинками, прямо к дому с зелеными дверями, где живут родители девочки Риши — можно увидеть несчастного человека, который кажется монстром и монстра, который хочет казаться несчастным человеком.

А если не остановиться, пролететь над крышами, над спящими окнами, пролиться по остывающим рельсам прямо к городу, а там, приликая к глубоким теням на стенах, добраться прямо до стоящей в глубине зеленых дворов пятиэтажки. Там, на третьем этаже, за простой железной дверью прячется маленькая, пропахшая табачным дымом, духами и чистящими средствами однокомнатная темная квартирка с неудобной кухней, на которой только курят и пьют кофе, и захлавленной спальней, в центре которой стоит огромная кровать. Кровать покрыта ровным слоем распечаток, книг, коробок с конфетами, а вокруг нее стоит целый сторожевой бастион пустых чашек. И на этой кровати, на самом краю, спит, свернувшись клубочком, еще совсем юная студентка театрального училища. Может, у нее еще даже нет шрамов на руках.

«Ничего не будет», — какая циничная и грязная ложь, его первые слова.

— Мартин? — голос Ники ворвался в сознание внезапно, как ветер в раскрытое окно. — Эй, ты кажется только что сказал правду.

Он с запоздалым ужасом понял, что все это время не переставал говорить. А еще что в голосе Ники звучала только улыбка.

Она все это время знала, что он ей лжет.

Слово «спасибо» трепыхнулось, ударилось о небо и растаяло, словно пристыженное своей неуместностью. Но Мартин был уверен, что Ника услышала и его.

...

Сон словно набросил на голову непроницаемый бархатный мешок. При попытках освободиться он лишь сильнее прилипал к глазам и затягивал завязки на горле. Виктору не хотелось его сбрасывать. Он слишком устал. Реальность была слишком болезненной и жестокой — там он снова станет убийцей, монстром, раз за разом срывающимся в кровавое безумие и растирающим кровь по кафелю.

Воспоминания вырвались из груди хриплым стоном. Ужас многоножкой с тысячей цепких лапок взобрался по пищеводу и обвинил голову венком.

Он убил ее?

Он действительно убил ее?

Все эти чувства и мысли протянулись в несколько бесконечно долгих, беспощадных секунд. А потом Виктор понял, что его разбудило, и сон слетел, как отдернутая занавеска, а многоножка вонзила глубоко в череп сразу все лапки и не забыла хлестнуть по лицу ядовитым хвостом.

На стиральной машине надрывался телефон. Виктор схватил его, успев увидеть, что часы показывают четыре утра.

— ... пропала! Возьми, сука, трубку, Оксана пропала! — надрывался динамик голосом Леры. — Вик, она пропала, возвращайся, пожалуйста, скорее возвращайся...

Цепь была на месте. Ника была жива. А где-то там, в сером холодном городе исчезла его сестра.

Действие 15

Правда или ложь?

Чтоб тень была живее нас самих.

Байрон

Из открытой двери в беседку сочился сигаретный дым. Мартин, сидя спиной к проему и закрыв глаза, прислушивался к образам, мелькающим в сознании Виктора. Сначала его подташнивало, от бешено сменяющихся картинок словно укачивало, потом пришло раздражение и сменилось равнодушием — разобрать что-то было невозможно, эмоции и образы смазывались в единое пятно.

— Ну и что будешь делать, солнышко? — спросила Мари, не заходя в комнату.

— Приедем, разберемся с его друзьями, и я дам Нике пистолет.

— Ах, какой злой! — раздался короткий смешок. — Почему это, интересно знать? Устал от счастья воспитания трудного подростка?

— Он давно не подросток. Ты же видишь, что происходит. И все равно задаешь глупые вопросы. Не можешь без монологов со сцены, зрители иначе не понимают твой замысел?

— Разве что-то изменилось? — с наигранным удивлением спросила Мари.

Она появилась на пороге — на фоне темноты в багровых вспышках было видно только ее лицо и небрежные белые штрихи волос. Мартин равнодушно оглядел ее, а потом снова закрыл глаза. В другое время стоящая на четвереньках женщина в черном, с наклоненной к плечу головой, показалась бы ему жуткой, но сейчас самым сильным было желание еще раз кинуть в нее ботинком.

— Ты знаешь, что. Я умираю, ты сама сказала.

Лицо обожгло чужое частое дыхание — сигаретный дым, духи и пудра. Он открыл глаза и встретился с блестящим зеленым взглядом Мари. Она стояла на коленях прямо перед ним и смотрела жадно, будто чего-то ждала.

— Ну? — нетерпеливо спросила она.

И Мартин понял, что от него требуется.

— Да и черт с тобой, — пожал плечами он. — Ты была права. Я умираю, он сходит с ума. Когда-нибудь я действительно упаду, свесив в проем руку, и больше никого не спасу. Не знаю, сколько мне отмерено, но точно меньше, чем ему.

Мари отползла в угол и подняла руки.

— Не хочу, чтобы ты умирал, котенок. Мне нужно, чтобы ты жил.

— Прекрасно, Мари, просто прекрасно. Теперь у меня целых две женщины, которые не дают мне сдохнуть.

— Мне нужно, чтобы ты жил, — упрямо повторила Мари, сощуривая глаза.

И исчезла.

...

Виктор стоял на коленях перед ванной, закрыв глаза. Он был совершенно расслаблен — тело, измученное вчерашним кошмаром, наполняла липкая тяжесть. Но он и не собирался

рваться и бороться.

Присутствие Мартина ощущалось каким-то далеким и совсем неважным. Все, что он чувствовал — как багровая нить, воспаленная и пульсирующая, тянется из его груди, через километры лесов, полей и морских волн, чтобы бессмысленно биться о глухую закрытую дверь его дома. Его настоящего дома, где жила сестра, которую он не должен был бросать. Которую он предал ради Мартина в детстве, и которую так глупо подвел теперь.

Когда он пытался думать о Нике, к слабости примешивалась тошнота.

Когда он запер Мартина, ему пришлось искать баланс между Собой-Прошлым и Собой-Настоящим. Виктор не помнил, что значит «жить одному». Он не был один с того самого дня, когда Мартин впервые подал голос.

Но тогда он хотел полностью отдаться новой ипостаси — той, что носила красный платок. И каждый раз, когда Лера знакомила его с очередной девушкой, каждый раз с Дарой, которая вовсе не хотела участвовать в его играх, каждый проклятый день неправильной, одинолично-алой жизни, он не мог насытиться. Засыпая, он чувствовал вяжущий голод, и просыпаясь искал, чем его утолить.

Чужой боли всегда было недостаточно — он был осторожен. Истязать себя сильнее он не мог — мешало глупое, маячащее где-то чувство ответственности, стыда за то, что он портит не принадлежащее ему тело.

А потом он встретил Нику, и понял, чего ему не хватало все это время.

Теперь он мог быть и палачом, и спасителем. Обе ипостаси скалились из темноты окровавленными ртами, и только тогда Виктор наконец-то почувствовал, как голод отступил. Больше не нужно было рваться пополам.

Но даже тогда он отчетливо понимал, что за все придется расплачиваться — этому научила Мари, красивая мертвая Мари, которую Ника не случайно рисовала в образе Девы Марии, а не Офелии. Мать нового Бога, обреченного на смерть.

«...меня?» — донесся голос Мартина.

— Что? — растерянно переспросил Виктор.

«Ты слышишь меня?! Я сказал — дай мне. Я уговорю Нику отдать ключ».

— Ты уже пробовал.

«А какие у тебя варианты? Хочешь отпилить себе руку осколком чашки?»

Виктор улыбнулся и прижался спиной к стиральной машине. Он был готов перешагнуть через себя и разыгрывать сцены с Милордом на глазах Мартина — теперь это не имело значения. И он точно знал, что это единственное, что пробьет ледяное равнодушие Ники.

Каждое прикосновение ее в первые дни знакомства заставляло сразу несколько чувств, в которых он не хотел себе признаваться, сворачиваться в вибрирующий клубок.

Сильные руки с тонкими пальцами, красота формы — уродство облика, скользящий по коже шершавый след. У нее были волосы Риши, руки Мари, и его собственные глаза.

У Леры руки были совсем другими, уверенными и мягкими. Он раньше не встречал таких женщин — в ней он видел собственное безумие, но оно, переломленное через темноту ее глаз, словно становилось ручным и покорным. Что бы она ни делала — держала в руках плеть, приводила к нему очередную девушку с серыми волосами или перешагивала через

отплеывающуюся кровью Нику, чтобы налить себе и ей чай — Лера сохраняла ту особую, мягкую женственность, которая сводила его с ума. Ни в угрюмой ненависти Ники, ни в экзальтированном бархатном безумии Мари, ни в бесцветной жестокости Риши, Виктор раньше не встречал такого искреннего, такого красивого и такого обезоруживающего зла.

Зла, нуждающегося в защите. И если нужно покалечиться или унизиться, чтобы дорваться до глухой железной двери — неужели это имеет значение?

— Что ты будешь делать?

А может, Мартин и сейчас справится лучше — рациональный и сдержанный Мартин, который умеет смотреть на багровые вспышки со стороны?

«Игр-р-рять, котенок», — ответил он, и Виктор почувствовал, как где-то между ключиц вздрагивает рыхлый комочек тошноты.

— Что?..

«Я сказал — постараюсь ее убедить, что нужно заканчивать, только ты не лезь», — в голосе Мартина звучало едва слышное раздражение человека, которому пришлось повторить второй раз.

Такие теплые руки.

Мартин несколько секунд молча наблюдал за Виктором и звенящей пустотой его мыслей, а потом его словно за шиворот втащило в проем. Мгновение падения — и это он сидит на полу, сложив руки на коленях, как примерный ученик.

— Чтоб тебя, — проворчал он, вставая.

Присутствия Виктора он больше не чувствовал.

Перед глазами вспыхивали разноцветные круги, а крючок для полотенец, на котором он пытался сосредоточить взгляд, то и дело подпрыгивал и возвращался на место.

В обрывочной, полной решимости тоске Виктора он успел различить два главных акцента — он был готов на все, чтобы вернуться к Лере, и он ни разу не вспомнил о второй сестре, которой сейчас как раз грозила опасность.

— Ника? — позвал он, открыв дверь.

Она не выходила. Мартин расслышал шорох на кухне, а потом снова наступила тишина.

— Ты в порядке?

— Я не отдам ему ключ, — раздался хриплый голос. — Я все слышала. Пусть его дружки передушат хоть все это крысье семейство.

— Тогда он сломает себе руку, а потом — тебе шею.

— Пусть ломает, — равнодушно ответила она.

— Хорошо, — покладисто ответил Мартин. — Тогда у меня будет другая просьба. Нарисуй мой портрет.

— Что? — равнодушие треснуло, смялось, уступив беспомощной растерянности. Ника наконец появилась на пороге кухни — бледная, взъерошенная, с нервно пляшущей в дрожащих пальцах сигаретой.

— Нарисуй мой портрет, — повторил он, задавив рванувшуюся жалость.

Она смотрела недоверчиво, и ее сжатые губы были похожи на серый разрез. Лица все больше становились похожими на маски — белые пятна, черные провалы глаз, злые черточки ртов. Мари, Ника, Лера, Виктор, его собственное лицо — все теряли очертания.

Внезапно пляшущая в полумраке точка сигареты замерла.

— Хорошо, — пожала плечами Ника. — Тебе раньше не нравилось, когда я тебя

рисовала, — в ее голосе послышалось странное потаенное ехидство.

— Так надо, — спокойно ответил Мартин и сел на пороге. Голова все еще кружилась.

Ника мрачно посмотрела на него сверху вниз, а потом вернулась на кухню. Раздался шум воды и несколько щелчков.

— Как рисовать? — мрачно спросила она. — Красками?

— Карандашом, хоть на газете.

— А, ну теперь я вижу, что ты в порядке. Думала, тебя подменили, — неловко улыбнулась она.

Несколько минут она возилась в комнате, потом включила в коридоре свет и разложила на ковре планшет, бумагу, эскизник и несколько карандашей.

Мартин смотрел на вызывающе белый лист и чувствовал себя предателем. Он не собирался лгать, но каждое слово правды давно стало отвратительнее любого обмана.

На кухне взвизгнул и мерно засвистел чайник. Спустя минуту Ника подтолкнула к нему поднос с чашкой, поставила рядом с бумагой пепельницу — потерявшееся в бежевом ковре белое пятно.

— Лицо? — спросила она.

— Да. Сними, пожалуйста, зеркало со стены и дай мне — сделаем все честно.

Она сняла зеркало — тяжелое, в черной геометрической раме — и Мартин заметил, как слегка побелели ее костяшки. Ника положила зеркало на пол, и он поднял его, с трудом устроив на коленях.

Ника отошла, села на пол и раскрыла эскизник. Мартин помнил, что там есть несколько его портретов.

Ника опустила глаза, раскрыла эскизник на нужной странице, положила планшет на колени и начала рисовать. Они сидели в одинаковых позах, опустив глаза. Мартин слушал, как карандаш то клюет, то гладит бумагу, слушал шорох, похожий на далекий шум прибоя, и чувствовал, как в сознание медленно сочится теплый сонный туман с запахом дыма ее сигарет.

— Эй, ты живой? — в плечо коротко клюнул брошенный карандаш. — Смотри.

Мартин открыл глаза и непонимающе уставился на набросок, который она показывала. Человек, похожий на него, смотрел устало и растерянно, она даже обозначила морщины легкими тенями.

Он опустил глаза к зеркалу.

— Хорошо, только нос длиннее — ты мне льстишь, — неловко улыбнулся он, почувствовав легкое раздражение — Виктор описал его лицо, не удержавшись от сглаживания недостатков. Может, он сделал это из инстинктивной тяги к приукрашиванию реальности. На наброске каждая черта неуловимо отличалась, изменяя его лицо.

«Глупый ты котенок, — неожиданно прозвучал издалека голос Мари. — Это он тебя видит красивее, потому что любит. Они оба».

— Когда ты впервые согласился, чтобы я тебя рисовала — я уже шутила про фоторобот, — проворчала она. По бумаге зашуршал ластик, а Мартин подобрал с пола карандаш и задумчиво разглядывал его обломанный кончик.

— Вот здесь морщины, — он показал карандашом контур на лице. — Здесь и здесь. Покажи. Нет, глубже.

— Глубже — это если тебе лет пятьдесят, — растерянно пробормотала она, послушно вода карандашом.

— Здесь очертания мягче, — он нарисовал несколько линий не шее, — а здесь, наоборот, резче — он провел кончиком карандаша по нижней челюсти, оставляя на коже невидимый след.

— Мартин...

— Пожалуйста. Ты обещала.

Он видел, как дрогнули уголки ее губ, а потом она снова опустила глаза к планшету.

— Так?..

— Да. Теперь отсюда сюда...

Мартин показывал, больше не стараясь скрыть свое новое лицо. Он смотрел на него в зеркале, беспощадно четкое в белом свете лампы. Смотрел на него на бумаге, переплетение серых линий и штрихов. Ненавидел себя и заставлял Нику добавлять сходства.

Ему все равно пришлось бы говорить ей правду. Только выстрел, который Ника должна была сделать совсем скоро, заставлял его продолжать лгать, но сейчас он мог дать ей хоть немного правды — беспощадной, и потому способной подарить утешение.

Он рисовал на молодом лице Виктора стареющего, изможденного мужчину, словно срезая мелкие черты, добавляя трещин и нитей. Поправлял Нику, когда она пыталась рисовать не так, как он видел в зеркале. Таланта художника у него никогда не было, но Мартин помнил, как когда-то вырезал из дерева, чувствуя контуры и линии, заключенные в бруске. Из листа бумаги тоже можно было высвободить что-то с помощью карандаша и этой красивой исчерканной шрамами руки.

Правда, он всегда вырезал то, что казалось ему красивым — корабли, птиц, цветы для Риши. Но Мартин давно не делал ничего красивого. И люди рядом с ним тоже.

Наконец, Ника показала портрет — на него смотрело собственное лицо. Вся тяжесть пережитого собралась складками под кожей, расчертила ее новыми линиями. Человек на портрете прожил не такую долгую жизнь, но оставил на себе все ее отпечатки, и очень, очень устал.

— Это неправда, — тихо сказала она. — Зачем ты так?

— Я не могу показать, как выгляжу сейчас. Но я не стал бы так тебя обманывать, клянусь. Мне... все труднее его сдерживать.

— Так зачем? — прошептала Ника, отбрасывая планшет. — Пусть делает что хочет!

— Ты же знаешь, что так нельзя. А я знаю, что ты не такая. Ты на самом деле не желаешь его семье зла.

— Еще как желаю, — ощерилась она, и в ее глазах плеснуло что-то темное и тягучее. — Мне добра никогда не желали. Ни родители, ни он, ни... — Ника осеклась, и слово «ты» повисло в воздухе, так и не прозвучав. — Почему я должна сейчас думать о его сестрах и его совести? Почему ты должен умирать?!

— Я уже умираю. Сам. Без твоего участия, понимаешь? Тебе не придется меня убивать. Я не знаю, почему мне отмерили так мало времени, но оно кончается, — солгал он. Говорить, что он расплатился годами жизни за ее спасение, Мартин, разумеется, не стал.

— И ты хочешь...

— Знать, что я хоть кого-то спас. Отдай ключ, прошу тебя.

Последние слова покалывали язык приторной затхлостью. Он сам никогда не сказал бы ничего подобного. Но он уже сказал все слова, до которых додумался сам, и Виктор сделал все что мог — оставалось положиться на третьего человека. Который умел рассказывать истории и выводить сюжеты из тупиков.

Ника сидела молча, глядя на портрет. Секунды длились, вязкие и холодные. А потом она подняла глаза, и Мартин различил под обычным равнодушием странное чувство, которое он не мог прочесть. Ника встала, вышла на кухню и через несколько секунд, не говоря ни слова, протянула ключ.

Мартин расстегивал наручники, ожидая что Виктор сразу займет сознание и придется гасить его очередной припадок. Но когда звякнул браслет ничего не произошло. Мартин по-прежнему был один.

...

— А сразу так нельзя было?

«Если бы ты рот не открыл — можно было бы».

Виктор раздраженно откинулся в кресле. Сидящая рядом женщина в огромных роговых очках спала, уронив голову на грудь. От нее исходил такой густой маслянистый запах чесночной колбасы и колючий — дешевых духов, что Виктор успел сильно пожалеть, что взял Нике билеты в хвост самолета. Но запах, едва заметный храп и поблескивающая на подбородке слюна вызывали все же меньше раздражения чем Ника. Когда она была рядом, тошнота делала мир серым, а тело — вялым и больным.

«И как мне теперь с ней жить?»

«Никак, скоро пересадка на три часа, увези ее в город, высади и возвращайся домой», — посоветовал Мартин.

«Не пойдет, я тебя знаю — если бы не она — ты бы давно лег поперек рельс и благостно улыбаясь облачка разглядывал», — огрызнулся Виктор.

«Тогда Бетховена послушай».

— Да пошел ты... — забывшись прошептал он, закрывая глаза.

...Дмитрий не брал трубку. Это было странно — Виктор ждал угроз, требований или запугивания. Но трубка не просто молчала — в динамике стояла мертвая тишина, через минуту прерываемая голосом автомата.

Лере он успел дозвониться перед взлетом, но разговор вышел коротким.

— Она не вернулась?

— Нет, — голос в трубке был твердым, но хриплым, будто сорванным.

— Не смей обращаться в милицию.

— Вик, какого черта, ты представляешь, что этот сумасшедший барыга может сделать с ребенком?!

— Но ты до сих пор не обратилась, верно? — усмехнулся он. — Я скоро буду дома. И со всем разберусь.

Самолет приземлился в большом городе посреди степи — сухом, жарком, пропахшем медом и машинным маслом. На улице светло такое яркое солнце, что Виктор не мог смотреть даже на стеклянные двери. Они постоянно открывались и закрывались, выплескивая на пол свет — настолько живой, искрящийся и нормальный, что вызывал

омерзение.

Ника стояла в пальто, сжимая сумку с вещами, и смотрела в пол. На нее оборачивались люди — смотрели недоуменно, сочувственно, а кто-то и презрительно — а она стояла, опустив бесцветные глаза к хлорочно-белой плитке, и не замечала никого.

Как она могла показаться похожей на Ришу? Где тогда были его глаза?

«Посиди с ней, — не выдержал Виктор. — Или я ее в сортире придушу, тошнит от ее рожи».

«Начнешь душить — еще хуже станет», — фаталистично предупредил Мартин и шагнул в проем прежде, чем Виктор успел ответить.

Ника подняла глаза спустя несколько секунд после того, как он занял сознание. Эта чуткость пугала его, и вместе с тем Мартин никак не мог понять, как ей удается обманываться все это время.

— Тебе не жарко?

Она непонимающе посмотрела сначала на него, а потом на свои манжеты. Сумка, в которую как попало была уложена одежда и что-то, упирающееся в темную ткань углами, упала на пол и теперь стояла на носках ее ботинок. Мартин, вздохнув, расстегнул пуговицы и снял с Ники пальто, подобрал сумку и поставил на свободное сидение.

— Садись. Хочешь чего-нибудь?..

— Нет, — ответила она и все-таки села — на край, рядом с сумкой. Потом подняла глаза и слабо улыбнулась. — У меня для тебя кое-что есть. Только для тебя.

— Показывай, — Мартин сел рядом, радуясь, что Ника хоть немного ожила. До этого ему казалось, что они везут манекен.

— Тебе понравится, — улыбнулась она и открыла сумку. Долго копалась, что-то звенело и шуршало. Сидевшая рядом молодая женщина с грудным ребенком с ненавистью следила за поисками.

Впрочем, Мартин решил, что она смотрела бы так на любого, кто сел бы рядом — в аэропорту было так шумно, что Ника точно не могла никому помешать. Рядом с Мартином спал мужчина в коричневом костюме, и его тонкий, едва слышный храп изредка царапал ухо.

— Вот, смотри. Я нарисовала... ты ведь тоже ее любил.

Она протягивала ему плотный лист — не вырванный из эскизника. Мартин успел подумать, что она по памяти нарисовала Риту, но с портрета смотрело совсем другое лицо.

Риша изменилась, но он сразу узнал ее. Повзрослевшее лицо, на которое, словно неудачный макияж зачем-то нанесли чужое выражение — Мартин видел, как кривятся ее губы и как она слегка щурится, распуская едва видимые морщинки. Все в ней было чужим — то, как она держала голову, как лежали ее волосы. И только одно осталось прежним — растерянный голубой взгляд, устремленный куда-то за грань листа.

Мартин, не удержавшись, провел по листу ладонью. Девушка на портрете была несчастна.

— Где ты... где нашла? — спросил он, возвращая портрет. Нельзя, чтобы Виктор увидел.

Ника улыбнулась и достала из сумки книгу — «Восемь венков» с картиной Уотерхауса на обложке. Мартин почувствовал, как кровь отлила от рук и лица и ухнула комком куда-то в желудок.

— Она же... Я видел, про Мари была последняя глава, — он торопливо пролистал страницы.

Ника только раздраженно фыркнула:

— Если бы ее тоже кто-нибудь утопил — я бы ему сразу показала. Ему, не тебе.

Мартин на секунду замер, а потом уже медленнее вернулся к началу главы.

Глава о Мари была самой большой. Мартин видел выдержки из интервью, взгляд постоянно спотыкался о слова «молодая», «дар», «постмодернистский стиль», «огромная любовь к детям» и «золотое сердце». Но клише в книге с подобной обложкой его несколько не удивили.

Первый снимок был групповым — балетный класс, одинаковые фигуры в гимнастических купальниках у станка. В третьей позиции — как услужливо гласила подпись. Мари стояла в профиль, пятой. Если бы редактор не обвел ее — никто не отличил бы будущую Офелию от других детей.

Вторая фотография была явно из личного архива — на ней Мари была совсем молодой, скорее всего школьницей. Она сидела на стуле, обнимая его спинку, и мрачно смотрела в камеру. Светлое разлохмаченное каре, темный спортивный костюм, лицо без косметики и главное — руки, тонкие пальцы в дешевых кольцах, запястья, исписанные подсказками — Мартин разглядел несколько формул и цитат.

На следующей фотографии уже взрослая Мари танцевала на уличной сцене, сжимая в руках сложенный черный зонт. На ней был серый мужской костюм и коричневая шляпа-хомбург. На этой фотографии она уже была в белых перчатках.

А последняя фотография в книге принадлежала не Мари.

Профессиональный фотопортрет, на котором Риша была тщательно загримирована под Мари. Уголки губ были «подрезаны» красным карандашом, на голове — белоснежный веночек в темных пятнах. Мартина передернуло от отвращения, следом за которым пришло разочарование — ему хотелось увидеть, какой она стала, прочитать историю по ее лицу. Он с трудом различал ее черты под гримом и чужим выражением. И только глаза были такими, как нарисовала Ника — огромными, тоскливыми, лишенными безумного блеска Мари.

«Ирина В. в роли Мари», — гласила лаконичная подпись.

— Дай портрет, — попросил он и положил лист рядом с фотографией, закрыв текст.

Ника совершила настоящее чудо — она смыла с лица Риши не только грим, но и почти всю игру в Мари, оставив только мимику, как теперь Мартин видел — фальшивую. На портрете было именно то лицо, которое он не смог разглядеть на фотографии.

— Удивительно, — прошептал он. — Ты же никогда ее не видела...

— Я художник, — мрачно ответила Ника, с отвращением глядя на рисунок. — Я умею смотреть мимо... наносного. Знаешь, что я рисовала, когда Виктор за мной наблюдал? — внезапно оживилась она.

— Пруд в парке вечером, — ответил Мартин, закрывая книгу вместе с портретом.

— А вот и нет. Я рисовала пруд днем.

— Но я видел, что Виктор приходил в парк по вечерам, — он неожиданно растерялся.

Ника ставила под сомнение то, что казалось непреложной реальностью — а какие еще воспоминания Виктора могут оказаться лживыми?

— Это была игра. Я рисовала один и тот же пруд в четырех временах года утром и вечером — всего восемь картин. Очень простое, даже глупое упражнение со статичным объектом, — она мечтательно улыбнулась и прикрыла глаза. — Осенью по вечерам я рисовала зимний день. Потому что важен пруд, понимаешь? Остальное меняется, пруд — остается. Суть. Лицо без грима.

Мартин улыбнулся и не удержавшись провел ладонью по ее волосам — тонким, жестким и спутанным. Она замерла, а потом потянулась за прикосновением, прижалась щекой к его запястью.

— А хочешь, я еще кое-что тебе покажу? — прошептала она, и слова касались кожи, словно крылья мотыльков — мимолетно и легко, тая в сухом гулком воздухе.

— Конечно.

— Только тебе надо посидеть немного, — Ника отстранилась, и Мартин заметил сардоническую усмешку, перекосившую ее лицо. Спустя мгновение к ней вернулась обычная отстраненность.

Она достала из сумки эскизник и карандаш. А потом вырвала один из листов, бросила на него быстрый взгляд и положила рядом.

— Смотри вон туда, — она кончиком карандаша указала куда-то в потолок прежде, чем Мартин успел разглядеть что за рисунок она вырвала. Впрочем, он догадывался. — Где Виктор?

— Не знаю, — признался он. — Спит. Или... он не смотрит.

— Тогда поиграй со мной. Коль скоро ты собрался умирать, — карандаш зло проскреб по бумаге, — сыграй напоследок по моим правилам.

— Во что ты хочешь сыграть?

Он сложил руки на коленях и не отрывал взгляда от выбранной потолочной балки.

— Игра называется «правда или ложь». Очень простые правила — мы по очереди что-то утверждаем, а другой угадывает, соврал второй или нет.

— И какой штраф?

— Никакого. Это игра на доверие.

— Я знаю эту игру, — усмехнулся Мартин. — Тот, кто не отгадал, пьет.

— Ну тогда мы не дойдем до самолета. Ты желаешь Виктору смерти — правда или ложь?

— Правда.

— Врешь, — устало ответила она. — Слышу, что врешь.

— Я знаю, что он должен умереть, и сделаю, что должен сделать...

— Потому что он поставил условие убить его?

— Ложь, — с облегчением ответил Мартин. — Не поэтому. Ты не любишь родителей, — он выбрал вопрос, ответ на который и так прекрасно знал.

— Правда. Всегда хотела, чтобы они меня любили, а теперь думаю, что сама виновата. Это я их никогда не любила.

— Неправда, — Мартин отвел взгляд от балки и посмотрел на Нику. Она рисовала и словно ничего вокруг не видела. На миг ему показалось, что рисунок словно подсвечивает ее лицо.

— Правда. Я сама во всем виновата, — тускло ответила она. — И он всегда так говорил. Когда не успевал запереться. Один раз раздел и запер на балконе зимой. Сказал, если буду скулить — обольет водой. В другой потушил об меня сигарету. А иногда трахал, прижав лицом к подушке — ну, чтобы не видеть, что это я — и знаешь, что я чувствовала? Ничего. Только ладонь он всегда мне на спину клал, и вот она была горячей. Каждый раз думала, что ожог останется. А больше ничего. И всегда говорил, что это я во всем виновата. Не объяснял в чем, но я ему верила. Ну, ты все это знаешь.

Она подняла взгляд, полный ледяного серого злорадства, а потом вернулась к рисунку и прежней отстраненности.

— Тебе было приятно это говорить. Правда или ложь? — спросил Мартин, удивившись, как ровно звучит его голос — казалось, он сорвался и падает в свою черноту, и она смыкается над головой, словно ледяная вода.

— Правда.

— Больные! — внезапно с ненавистью процедила сидящая рядом с Никой женщина. Она не вставала, не то боясь разбудить ребенка, не то потому что рядом не видно было свободных мест. — Вам обоим лечиться надо, ясно?!

Мартин хотел сказать что-нибудь миролюбивое и даже приготовил неубедительную ложь про пьесу или задание психолога, но Ника его опередила.

— Лучше бы ты, — она бесцеремонно ткнула женщине в плечо карандашом, — следила, чтобы он, — на ребенка она просто указала, — не вырос похожим на одного из нас. Тебе на это понадобятся все силы, некогда будет греть уши и лезть, куда не просят.

Женщина вскочила. Ребенок у нее на руках заплакал, но она, казалось не заметила. Нависнув над Никой, и словно позабыв о Мартине и всех людях вокруг, она шипела ей в лицо что-то о манерах, уважении к старшим и угрожала вызвать охрану. Ника слушала ее, прижав к груди рисунки. Смотрела снизу вверх, и Мартин заметил, как дрожат ее губы. Он встал перед ней и собирался отвести женщину в сторону, когда услышал смех — словно ветер со снегом хлестнул по спине.

Женщина замолчала. Несколько человек обернулись к ним, остальные словно не заметили происходящего, а Ника смеялась — высоко, звонко, одной рукой вытирая выступившие слезы, а другой продолжая прижимать к себе рисунки.

И вдруг Мартин услышал другой смех — знакомый inferнальный хохот Мари. Ему казалось, женщины смеются в унисон, сплетая чистую звенящую горечь и торжествующую темную глубину.

— Вон там есть место, уважаемая, — опомнившись, показал он на другой конец зала. Женщина растерянно посмотрела на него, словно до этого не замечала и, подхватив сумку, пошла в другую сторону.

Когда Мартин обернулся, Ника рисовала, нацепив привычную маску.

— Твоя очередь, — мрачно сказал он, возвращаясь на место.

— Вон туда, — она указала кончиком карандаша на балку.

Несколько минут они молчали. Мартин слушал ледяные объявления рейсов и чужие голоса, то сливавшиеся в белый шум, то накатывающие волнами обрывков фраз и отзвуком

интонаций.

Наконец Ника тронула его за плечо.

— Недавно ты выглядел так. Правда или ложь?

Она показывала его портрет — лицо, которое он раньше видел в зеркалах. Этот человек был молод, утомлен, и в глазах читалась тоска, и все же лицо словно было подсвечено изнутри. Надеждой, любовью? Мартин уже не помнил этого чувства, но ясно видел свои черты.

— Да.

Ника, ухмыльнувшись, вытащила рисунок, на который смотрела — портрет, который рисовала дома. Взрослый мужчина, с совсем другим взглядом. А потом вырвала и новый портрет и пролистнула несколько страниц.

Теперь она показывала три портрета — третьим был Милорд, которого она рисовала со слов Виктора. Он был похож на Мартина так, что он и сам не отличил с первого взгляда, но теперь было ясно видно, что на портретах — совершенно разные люди.

Мартин с трудом заставил себя оторвать взгляд от портретов и посмотреть на Нику. Она улыбалась.

Нужно было врать. То, что лица вышли разными ничего не доказывало. Наверное, стоило рассмеяться, обратить все в шутку — постороннему отличия могли быть просто незаметны. Но одно различалось совершенно точно — суть.

Молчание затягивалось. Казалось, оно разливается в воздухе, заставляя аэропорт постепенно затихать — Мартину казалось, что люди постепенно замолкают, объявления становятся тише и даже гул со взлетной полосы звучал все глуше.

Впервые за долгое время он совершенно не знал, что делать — Ника, еще полчаса назад жавшаяся к его ладони, стала далекой, словно фреска под крышей храма, обличающая и белоснежная.

А потом в кармане его пиджака зазвонил телефон, разбив тишину въедливой трелью, и мир опрокинулся, вернув его в проем.

— Да?! — голос Виктора был сиплым, словно он только что проснулся или сильно простыл.

— Диму убили, — безмятежно сообщила Лера. — Кто-то зарезал его в собственной квартире. Два дня назад.

— Не может быть. Он два дня назад к тебе приходил...

— Да! А потом его, сука, зарезали! — спокойный голос Леры сорвался в визгливую, паническую дрожь. — Знаешь как?! У него тридцать ранений в живот! Тридцать, твою мать, ранений, а сказать, что у него на башке?!

— Постой, погоди...

— Менты приходили! Сказали, я последняя, с кем он разговаривал! Я им все сказала, и что Оксана пропала, все! Не переживай, твой набор юного химика я в пыль расколотила и по всему городу осколки раскидала, — наконец Виктор расслышал знакомые ехидные нотки.

— Молодец, — ровно ответил он. — Если это не он, то конечно нужно... Ты ее перекрасила?

— Не успела! Что за херня, ты можешь мне сказать?! Дима не был похож на девочку-

блондинку! Какого ты хрена устроил?!

— Я?! Я последние дни просидел в ванной за тысячи километров от тебя!

— Тогда какого черта?! — сначала голос стал жалобным и тихим, а потом в трубке послышались частые, приглушенные всхлипы. — Где моя сестра?! Я ее не для того с детства на себе тащила и воспитывала, чтобы сейчас кто-то ее прирезал! Из-за тебя! Это все, сука, из-за тебя, будь ты проклят со своими венками!

Трубка захлебнулась частыми гудками. Виктор стоял, прижимая к уху телефон и зачем-то слушал, и каждый гудок казался беспощадной точкой, отдающийся головной болью.

Если бы он не знал, что Мартин надежно заперт в его сознании — решил бы, что это он методично превращает его жизнь в кошмар.

И впервые в жизни в сознании шевельнулось нечто вроде тревоги за вторую сестру — она была с человеком, который ненавидел его, не умел убивать или не хотел делать это чисто.

«Мартин?..»

«Я помогу искать», — ответил он, и Виктор почувствовал, как где-то под сердцем разгорается знакомая с детства искорка.

Позади раздался тихий хлопок. Он обернулся и встретился с равнодушным взглядом Ники, сложившей руки в молитвенный жест.

— Что это? — спросил он, пытаясь погасить взметнувшееся отвращение.

— С улицы прилетела, — улыбнулась она, раскрывая ладони. На ее бледных до серости пальцах, разметав крылья, лежала мертвая бабочка-капустница.

Интермедия

Двенадцать Офелий

Нужно было сделать все правильно. Я точно знаю, как должно быть, Он показывал — красиво. В смерти столько любви, сколько мне никогда не увидеть.

Мне нравятся фотографии в той книге — «Восемь венков для девяти Офелий». Не люблю читать, но эту книгу наизусть знаю — каждая женщина в ней красива, счастлива и бессмертна. Особенно последняя. Да, она самая красивая.

Мари.

Да, Мари.

Не удивительно, ей ведь повезло больше всех. Приятно читать, зная, что ты где-то, да умнее автора — глупый журналист, рассказывающий про этих женщин, совсем не умеет делать то, за что взялся. Каждая история напоминает мусорную корзину — фотографии какие-то, записки эти глупые, всхлипывания родственников.

Гадость.

Мне не нравится.

Даже про Мари написано глупо, и фотографии такие глупые выбрали. На последней фотографии вообще не она, другая пытается казаться такой же красивой. Только у нее никогда не получится.

Но есть ее фотография — красивая. Она там с зонтом что-то танцует. В танцах тоже не разбираюсь.

Ничего-то у меня не выходит.

Ох и хорошо же, что она умерла. Хорошо, да. Хорошо.

Она бы злилась — много бы злилась, то есть сильно, очень бы была недовольна, если бы узнала, что из-за меня появилась десятая Офелия. Правда, ее и Офелией-то никто не называет — глупо у меня получилось, бестолково, совсем не как у Него. У Него всегда красиво было, и волны, и венки, и даже кровь красиво растекалась.

Как он это делал, а? И разрез такой аккуратный. У меня все раны получались неопрятные, и горло никак не удавалось вскрыть. Или нож тупой, или руки слабые. В следующий раз другой нож украду — надо же было схватить этот, с отколовшимся наконечником. Я его пытаюсь воткнуть, а не получается — кто бы мог подумать, что у девочки может быть такая толстая кожа? Мне всегда казалось — мягкая должна быть. Вроде они на ощупь все мягкие, а как нож попытаешься воткнуть — не получается... и кто придумал, что он легко входит? И парень этот — в живот тоже тяжело входит, тоже некрасиво. А если бы он сразу не умер, вот что мне тогда было бы делать?!

Не буду больше смотреть глупых фильмов про маньяков, там все врут. И маньяки там совсем не такие. Сумасшедшие какие-то. И глупые.

Разве Он сумасшедший?! И точно не глупый.

Только вот у меня не выходит, как у Него. Нужна еще одна попытка, одиннадцатая, но будет ли она удачной? Если виноват нож, то пожалуй что и будет, а если вдруг нет? Если я правда ничего не умею и лучше бы за это не братья?

Ох, как тяжело. Бес-тол-ко-во. Вот какое слово хорошее знаю — бестолково.

Нужна одиннадцатая? Или сразу пусть будет двенадцатая?

Двенадцатая должна быть самая-самая красивая. Красивее, чем Мари. Тут уж нельзя сделать неправильно — все должно быть как надо. И цветы такие, и губы... вот губы мне резать совсем не хочется. По-моему некрасиво это, зачем он так делал? Пишут «улыбка Офелии», а по-моему несправедливо это — они еще и улыбаются! Им и так все — и цветы, и вода, и бессмертие, и Его любовь — а как иначе? — так еще и улыбки. Только по-моему это все равно некрасиво. Но ладно уж, где я, а где красота. Ему всяко ведь виднее, как делать. Да, двенадцатая будет самая-самая красивая.

Он ведь любил их, потому что они красивые. И любил Себя в них. Они такие светловолосые, и кровь на шее так растекается — каждая из них на самом деле Он.

Двенадцатую Офелию Он должен больше всех полюбить. В ней должно быть от Него больше, чем во всех других вместе взятых — и будет, а как иначе? Старшие братья должны любить сестер.

И во мне.

Во мне от Него все-таки что-то есть.

Не может быть так, чтобы ничего не было.

Действие 16

Прочь, проклятое пятно!

Безусловная любовь включает также и страстное желание быть истязуемым: тогда она изжигается вопреки самой себе, и из готовности отдаться превращается под конец даже в желание самоуничтожения: «Утони в этом море!»

Ф. Ницше «Злая мудрость»

Едва самолет взлетел, Виктор положил голову на откидной столик и уснул. Через несколько минут край круглой выемки отпечатался на его щеке, а столик начал опасно скрипеть.

Мартин хотел занять сознание и попробовать объяснить с Никой, но потом отказался от этой идеи — нужно было выспаться. Изнуренное тело все больше ломилось, реакции становились вялыми, а мысли у обоих путались, будто у пьяных.

Все же он вышел в проем на минуту, чтобы устроиться удобнее и положить под голову свернутый в рулон тонкий фирменный плед.

— Все одеялко ему поправляешь? А как же твое намерение его пристрелить? — Мари сидела у камина, зачем-то протягивая руки к углям, словно пытаюсь согреться.

— Ника рассказывает ужасные вещи, — глухо ответил он, садясь на пол. Только сейчас он заметил, что вся его одежда покрыта частыми пятнами белой пыли. — Я видел, как он делал ужасные вещи. Я видел, какие желания его терзают, и что будет, если я не успею его остановить... а я однажды не успею, — он развел руками, повторяя беспощадные истины, словно стараясь убедиться, что они не померещились. — Но это не значит, что мне приносит удовольствие мысль о его смерти.

— «Терзают желания», — передразнила Мари. — Ему вроде приятно было издеваться над девочкой, и что-то труп этой как ее, которую он до Ники трахал, он тоже без особого сожаления разглядывал. А если девчонка врет? Она же путается в показаниях — то он спит, сложив ручки поверх одеяла, то ладонь у него горячая...

— Она специально сказала, — Мартин вытянул перед собой руку, задумчиво разглядывая намечающиеся на пальцах пятна. — Раньше-то она Милорда своего жалела, старалась лишнего не сболтнуть. А теперь я тоже мерзавец и обманщик, так мне и надо. Думаю, она не уходит просто чтобы посмотреть, как мы мучаемся.

— А может, соврала, чтобы помучить? Но думаю, она по-прежнему не хочет стрелять, — Мари откинула волосы на спину и наклонилась, прикуривая от уголька.

— Кто ее поймет, чего она хочет. Скажи лучше, у меня ведь нет пятен на лице? Вроде рановато.

— Нет. А что такое? — она подвинулась к нему и вцепилась в запястье. — Ух ты... А я знаю, знаю, что это! — Она встала и быстро отряхнула юбку. — Сейчас покажу, ты сразу поймешь!

Каблуки звонко простучали к двери, и Мари зачем-то вышла в беседку. Вернулась через несколько секунд, с закрытыми глазами, покачиваясь и с трудом переставляя ноги. Перчатки

она сняла и терла ими руки.

— Прочь, проклятое пятно! Прочь, говорю! Один; два; значит, пора. В аду темно. Стыдно, милорд, стыдно!..

— Вот здесь мне ваши шуточки, — Мартин отвернулся. — Слушай, почему бы тебе с Виктором не общаться? Он тоже без отсылок даже хлеб не нарезает. Являлась бы ему во сне или садилась за стол на пустое место, а?

— Не хочу, он противный, злой и отсылки у него злые, — скривилась она, снова садясь рядом. — И вообще, у нас с тобой хорошо складывается, я вроде справляюсь за леди Макбет!

— Она умерла, Макбет умер, страна в руинах и куча трупов, — напомнил он.

— Отлично, разве это не наша цель?

— Нет. Наша цель — тихо умереть и трупов бы поменьше.

— Ну уж нет! Тут такая драма, должен быть эффектный конец!

— Я и так театрален донельзя, чего тебе еще-то надо?

Мари только мечтательно закатила глаза и опустила на пол, положив голову ему на колени.

— Как думаешь, кто этого ханурика пришел?

— «Пришитый ханурик» плохо сочетается с леди Макбет, — заметил Мартин, стараясь уйти от вопроса.

— Ага, а Офелия пела вульгарные матерные песенки, так что мне можно. Так где ты собираешься искать девочку?

— Это два разных вопроса, — он встал, придерживав ее, и заходил по комнате, стараясь собраться с мыслями. — Давай думать. Почему он так убивает?

— Не умеет. Слабый, руки слабые, рост небольшой. Наверное, подросток? Хотя нет, погоди-ка, я знаю одного подростка, который очень хорошо справился!

— Если бы ты так училась старательно, как сейчас глаза закатываешь — не пришлось бы по деревням ездить и девочек возить своему ублюдку! — огрызнулся Мартин.

Иногда ему удавалось убедить себя, что Мари — лишь очередной демон Виктора, а может и его собственная совесть, принявшая причудливый облик, но смотрел на ее худое, узкое лицо, на колючие зеленые глаза и сухие бледные губы, и не мог отделаться от ненависти к Мари-Настоящей.

Она потянулась, выгнувшись и разметав волосы по грязному полу. А потом выпрямилась и улыбнулась.

— Он убивает так, потому что это не он. Это женщина.

— Женщина? — Мартин задумался. — Звучит неплохо. Неопрятные раны — слабые руки, небольшой рост... и сексуальные проблемы, о которых писали в газетах — в убийстве нет эротизма, потому что убийца хочет не своих жертв, а...

Он остановился. Бросил быстрый взгляд на проем.

— А его, — широко улыбнулась она. — Ну-ка, котенок, давай расставим точки про парковку, а то мы все старательно делаем вид, что ничего такого не было.

— Нет. Мы не будем это обсуждать.

Мартин почувствовал, как потрепанный воротник рубашки стал туже. На миг ему

показалось, что проем удаляется от него, словно огни на пляже, а его уносит в ледяное море — черное, бездонное, откуда его никогда не выведет даже призрак Вика.

— Стыдно, да? — Мари сыто облизнулась и откинулась назад, привалившись к косяку, будто собиралась попробовать занять сознание.

— Да. Да, чтоб тебя, стыдно! За все, постоянно! За то, что воспитал его таким, что не спас, что лгу Нике, что лгу ему — ты, сука, прекрасно об этом знаешь... Что тебе от меня надо? Крови? Зрелищ?! Чего ты от меня хочешь?!

Последние слова он прошипел ей в лицо, схватив за воротник. Бархат под пальцами был скользкий и холодный, будто платье висело на манекене, но сама Мари была живой — злобной, улыбающейся тварью.

— Зачем мне твоя кровь, котенок — она теперь горькая и холодная! Мне нравится, как ты мечешься. Нравится, как вы оба мечетесь, потому что ты прав — ты виноват в каждом убийстве, которое он совершил, и чем больше вы, мальчики, будете страдать, тем лучше я себя...

Вместо ответа Мартин запустил руку в ее волосы — теплые и густые, — провел вниз, а потом, улыбнувшись, показал ей раскрытую ладонь. Между пальцев виднелись светлые пряди.

— Врешь. Ты тоже умираешь. Опять.

Вместо ответа Мари беспомощно всхлипнула и разрыдалась, закрыв лицо руками. Мартин только окинул ее презрительным взглядом, с отвращением стряхнул волосы с ладони и отошел. Он хотел сказать что-нибудь едкое, жестокое, чтобы она оскорбилась и ушла, посчитала и его злым и недостойным внимания. Но так и не смог.

Может, она и притворялась, но было в ее сгорбленной спине и приглушаемых перчатками всхлипах что-то безысходное, что-то от его собственного взгляда в тяжелом зеркале.

Мартин постоял, борясь с целым клубком чувств, колющих ребра изнутри, а потом сел рядом с ней и осторожно обнял. Мари, повозившись, уткнулась носом под лацкан сюртука. Он молча гладил ее по вздрагивающей спине и впервые думал о ней не как о призраке и не как о настоящей Марии Б. Теперь в его сознании билось циничное слово «соучастница».

— Прости, — вдруг сказала она, поднимая лицо. Глаза были тусклыми, покрасневшими и очень уставшими. — Прости меня. Я не виновата, что вы меня такой помните, мальчики. Только если я здесь — значит, не такие уж мы и разные. Что если это Ира? — Мари удивительно легко меняла темы.

— Нет, — покачал головой Мартин. — Риша никогда не стала бы так поступать. Ей и незачем.

— Но она знает про венки и что это он... убил тогда, — неожиданно закончила она, так и не сказав «убил меня». — И она играла мою роль.

— Да, — ответил Мартин, чувствуя, как под рубашку словно забираются чьи-то длинные ледяные пальцы, но он встряхнулся, прогоняя видение. — Она бы не поехала красть его сестру и убивать друга. Нет, тут что-то другое. Это другой человек.

— Мартин? — теперь Мари встала, и каблуки закрипели по доскам. — Ты ведь еще кого-то подозреваешь. Что если ты прав?

Мартин молчал. Молча смотрел на едва заметные пятна на руках, и они словно становились темнее. Казалось, вот-вот засочатся черным, кожа расползется, как истлевшие перчатки, и останется обнаженная отвратительная суть.

— Не знаю, — наконец сказал он. — В любом случае, мы скоро умрем. Не хочу, чтобы он думал, что я могу его спасти. Я не могу. Никогда не мог.

— Ты бы согласился показывать ему эти картинки до конца, если бы за них не приходилось расплачиваться жизнью?

— Так не бывает, солнце мое. За все истории надо платить.

— Ты обманываешь его, чтобы он не решил, что есть какой-то выход... — пробормотала она, а потом вдруг остановилась, зажмурилась и начала слепо водить вытянутой рукой, словно пытаясь что-то нащупать. — Прочь, проклятое пятно! Ты хотел, чтобы... а Виктор... Но кто же знал, что в старике столько крови... Виктор поставил условие, чтобы ты убил его... нашел девушку, которая не даст тебе убить обоих... А она свои венки повесить думала на ветках ивы... Я поняла! Я поняла, котенок! — она подпрыгнула, звонко ударив каблуками по полу и захлопала в ладоши. — Какая злая получается сказка!

Мартин наблюдал за ее весельем без малейшего интереса. Мари обернулась к нему, и в ее глазах сияли отблески всех багровых вспышек. Она что-то лихорадочно шептала, не переставая улыбаться, и казалась совершенно счастливой.

Он не хотел торопить. Ничего хорошего ее точно так не обрадовало бы, а слушать очередную дрянь, до которой она додумалась, не хотелось.

— Нет, ты только послушай!.. — вдруг Мари осеклась, и новое выражение — тревожно-задумчивое — смыло радость с ее лица. — Но если я скажу, то он... — она бросила быстрый взгляд на проем, а потом уронила руки и задрала голову, будто пытаясь сдержать слезы. — Он ведь все равно не спасется! Вы оба не спасетесь!

Мари всхлипнула, а потом взмахнула руками — черный бархат рукавов взметнулся, как крылья — и исчезла. Впервые так нарочито и театрально, не пытаясь казаться живой.

И только когда она пропала, словно унеся с собой тень, заволакивающую комнату, Мартин заметил, что проем заполнен каким-то особенным светом, теплым, с оттенком старого золота.

Сначала он не хотел подходить, отчетливо осознавая, что увиденное будет очередным болезненным укором, но потом не выдержал и наклонился над порогом, чтобы заглянуть в сон, который снился Виктору.

Сознание топила забытая, звонкая нежность. Мартин с первого взгляда узнал старый актовъй зал в школе — полутьма, отзвуки вальса «Под небом Парижа», почему-то в исполнении Мирей Матье, а не Эдит Пиаф, которую обожала Мари. Виктор с Ришей стояли на коленях, взрослые, растерянные, но бестолково хватающие друг друга за руки, как дети, которым мир еще кажется особенно зыбким. И руки у Риши были теплыми и ласковыми.

— Я тебя искал, — прошептал Виктор, касаясь кончиками пальцев ее лица.

— Я тоже тебя искала, — ответила она, и слезы блестели в голубых глазах, словно капли дождя в высоком летнем небе. — Зачем ты уехал?

Он только тяжело дышал, жадно глядя на ее лицо — много лет Риша приходила к нему в кошмарах или путаных снах, где ее образ сливался с образами Леры, Ники и Мари, а иногда почему-то и его матери. Но теперь она здесь — такая, какой должна была стать, и только

Мартин знал, что это он, таким же жадным взглядом на портрет, выбросил куда-то в общую память этот образ.

Наконец, Виктор подался вперед, притянул ее к себе, спрятав лицо в ее волосах. Этот момент он чувствовал особенно остро, осознавая его горькую лживость. Чувствовал, что в душе нет и никогда не было отравляющей тьмы. Что девушка, которая прижимается к нему, плачет и шепчет, шепчет, как он нужен, как она любила все эти годы, как... что это и была настоящая жизнь.

Та, что была так близко — протянуть руку, остаться тогда в Ришиной спальне, лежать рядом на смятых простынях, вытирать с ее губ все отравляющие, мерзкие слова и повторять за Мари утешающую ложь, только теперь совсем по-другому. Говорить, что ничего не случилось, что все это — лишь дурной сон, которому никогда не стать явью.

Где-то в другом, Правильном Мире, Виктор так и поступил, и теперь упивался возможностью подглядеть, как горели бы глаза Риши, и какими по-особенному нежными стали бы ее пальцы.

Мартин не стал досматривать — ему и без того было тошно.

Он пересел в кресло, откинулся на спинку и закрыл глаза.

Почему-то было все равно. Может, это смерть, близость которой он чувствовал, как сквозняк, задувающий в проем, не давала осколкам прошлого вонзаться в сознание.

Сон пришел быстро, тусклый и желтый, словно свет керосиновой лампы. Сначала забрал слабую горечь подсмотренной сцены и очередной нечаянный порыв жалости к Мари — от него и так почти ничего не осталось. Затем — ослабил удавку мучительного стыда, ту же затянувшуюся от признания. А потом притупил страх, оставив только остывшую тоску.

Этого оказалось достаточно. Мартин спал, и даже во сне на лице лежала печать усталости тяжелой и темной, как грозовые тучи.

Он спал и не видел, как Мари стоит в углу и, глядя прямо на него, трет, трет перчатками руки — часто, истерично, — а по лицу ее катятся слезы.

...

Багажа у них не было, поэтому выйдя из аэропорта Виктор сразу сел в такси — в ближайшую к выходу машину.

— Видок у тебя усталый, сынок, — заметил пожилой вислоусый водитель с красной, покрытой испариной шеей. — Издалека летишь?

Виктор метнул на него ненавидящий взгляд, а потом сказал дрожащим голосом:

— Мама умирает. Вот с женой все бросили, приехали попрощаться и сестре помочь — вы уж езжайте быстрее, если можно...

Мартин только фыркнул, от него не раздалось даже слабого фона осуждения. Виктор поморщился и отвернулся к окну — ну еще бы, он ведь сплошное разочарование непогрешимого, чтоб его, Мартина. Зато водитель словно не замечал светофоров, сигналил пешеходам, что не собирается пропускать, а стрелка на спидометре то и дело конвульсивно дергалась. И все же он ехал слишком медленно.

Ника сидела на переднем сидении, подставив лицо горячему пыльному потоку воздуха, бьющему из окна. Виктор старался на нее не смотреть — отвращение ослабло, но все еще затмевало остальные чувства.

Они уже подъезжали к дому, когда в раскрытое окно ворвался обрывок фразы — Виктор даже не различил слов, только голос и раздраженные интонации.

— Останови! — рявкнул он, дернув подголовник водительского сидения.

Таксист оборачивался целую вечность. Виктор не глядя выгреб несколько мятых купюр из портмоне и швырнул на приборную панель.

— А как же мама? — озадаченно спросил водитель, все же остановившись и включив аварийку. Видимо, побоялся что бесноватый пассажир выскочит прямо на ходу.

— Пусть подышает, — бросил он, хлопнув дверью, и бросился туда, где слышал голос.

Лера действительно стояла у дороги и ругалась с каким-то щуплым мальчишкой. Ростом она едва доставала ему до плеча, но казалось нависала над ним, и каждое слово будто вколачивала ему в голову:

— Понятия! Не имею! Где он шляется! В моем доме ничем не торгуют!

Мальчишке на вид было не больше пятнадцати. Несмотря на жару, он был в плотной стеганной куртке. Вид он имел больной и исключительно жалкий. Он что-то бубнил, часто вытирая нос рукавом и придерживая Леру за ремешок сумки.

Когда он увидел Виктора, лицо его озарилось надеждой и искренней, незамутненной радостью щенка, за которым вернулся хозяин.

— Лучше бы тебе бежать, — мудро заметила Лера, явно разглядев перекошенное бешенством лицо брата. — Не успел, — печально заключила она через секунду, когда Виктор схватил мальчика за воротник. — Здравствуй, Вик.

— Он давно здесь ошивается? — процедил он, сжимая пальцы так, чтобы воротник затянулся туже. — Какого хрена тебе надо, а?!

Мальчишка болтался в нескольких сантиметрах над землей, цеплялся за сдавивший горло воротник, но продолжал благостно улыбаться и что-то дружелюбно хрипеть.

Мир сузился до полоски кожи между воротником и подбородком — там, под слегка покрасневшей складкой билась жизнь, напуганная удушьем.

Как он царапает горло, словно стараясь выпустить ее наружу — нужно помочь, освободить, позволить крови литься на серую куртку, впитываться в ткань, и тогда все будет хорошо, будет правильно, будет много красного цвета, а потом вода, ледяная вода, немного серой майской реки, из которой пустыми глазами смотрит женщина в венке, вода ледяная — кровь горячая, тает в ней, тает...

Мартин наблюдал за сценой не вставая с кресла. Мари склонилась над проемом и прислушивалась, картинно приложив к уху ладонь.

— Котеночек, а ты не собираешься?.. — она обернулась и несколько раз провела кончиком пальца по запястью.

— Нет, — равнодушно ответил Мартин. — Там Лера, если не угомонится — получит плеткой.

Мари широко улыбнулась, подмигнула и отвернулась к проему, где Виктор чуть ослабил хватку и начал инстинктивно шарить во внутреннем кармане. Ничего острого там, конечно,

не нашлось — он все выложил перед полетом.

— Ты бы его отпустил, а? А то не скажет ведь ничего, — меланхолично сказала Лера. — Он у тебя диски покупал, помнишь? Вот, спрашивал не осталось ли чего.

— Ищут задротика, живущего с мамой ты говорила? — улыбнулся Виктор. — Ты с кем живешь, милое дитя?

Вместе с голосом Леры в сознание наконец-то стали проникать и другие звуки — визг женщины, стоявшей на другой стороне улице и не решающейся подойти, частое тьяканье ее собачки и гудки автомобилей.

— Ребенок просто очень, очень давно кино не видел! — не выдержала Лера, хватая его за запястье. Виктор, словно опомнившись, тут же разжал пальцы, и мальчик рухнул ему под ноги, со свистом глотая воздух, но не переставая при этом счастливо улыбаться.

Он оглянулся. Женщина, увидев, что он отпустил ребенка, тут же замолчала и опустила глаза. Остальные, казалось, вообще не заметили сцены.

Мари в это время отпрянула от проема, который затянуло белесым туманом.

— Ой, — расстроено пробормотала она.

Мартин лениво повернулся к проему, а потом поднял глаза на Мари.

— Откуда у тебя берутся сигареты? — вдруг спросил он.

— Не знаю, — развела руками она. — Берутся и все. Будешь?..

Он только кивнул и взял у нее сигарету, но не стал прикуривать, а убрал в нагрудный карман.

— Ты прекрасно знаешь, что я детям ничего не продавал, — процедил Виктор, убедившись, что Мартин его не слышит. — Ты откуда про меня знаешь, гаденыш?

Он пнул мальчишку под ребра, заставляя снова завалиться на траву, а потом схватил за шиворот и потащил к ближайшей скамейке.

— Ну?!

— Брат у тебя покупал, — пробормотал он, опасливо потирая ушибленное место.

— Кто брат?

Он назвал имя. Виктор смутно припомнил одного из постоянных клиентов — студента факультета философии, который при каждой встрече шутил одну и ту же не смешную шутку — мол, без наркотиков не может читать учебники.

— Он для тебя покупал?

— Делился, — часто закивал мальчик. — Знал, что ты не продашь, говорил, что я все равно найду где взять, а у тебя хотя бы...

— Заткнись, — скривился Виктор, — и проваливай. Ничего у меня нет, что там твой брат покупал — понятия не имею.

— Иди-иди, видишь он не в духе, — Лера взяла его за плечи и заставила встать, а потом легонько толкнула между лопаток. — Это не он, — заметила она, провожая мальчишку взглядом. — Уж насколько у Оксаны нет мозгов, но если ее похитил этот опарыш...

Виктор не слушал. Ему было совершенно наплевать на какую-то девушку со смутно знакомым именем «Оксана», на Нику, которая может даже не вышла за ним из такси, и даже на Мартина, который наверняка извелся, представляя, как он расправляется с ребенком (Мартин отобрал у Мари всю пачку и по одной бросал сигареты в огонь).

Для Виктора существовала только его сестра. Он обнял ее и долго сидел, прижавшись лицом к волосам и физически ощущая как она, уткнувшись лицом ему в плечо, пачкает рубашку тональным кремом. И это ощущение вызывало колючую наркотическую эйфорию.

— Пойдем домой, — прошептала она, глядя его по спине. Виктор щурился, чувствуя, как под ее ладонью привычно затихает боль, и никуда идти не хотел. Как и следить за Марином — туман в проеме рассеялся, но никто этого не заметил.

Мартин как раз сжег последнюю сигарету. Мари крутилась рядом, пытаясь отобрать опустевшую пачку, и стонала, что он делает ее существование невыносимым. Мартин нарочито нудным голосом рассказывал ей о здоровом образе жизни и советовал чаще бывать на свежем воздухе. Она сначала смеялась, а потом снова причитала и хватала его за руки. Наконец, он вытащил последнюю сигарету из кармана, и под протестующий визг швырнул в огонь. Подержал на ладони медленно тяжелеющую пачку, а потом вернул ее Мари.

— Когда-то я тоже так умел, — сказал он, глядя, как она пытается прикурить трясущимися руками. — А кроме сигарет что-то можешь?

— Не могу, — мрачно ответила Мари, выдыхая дым прямо ему в лицо. — У меня в кармане была эта пачка. Я ее не создавала.

— Жаль, — равнодушно ответил Мартин, по-прежнему игнорируя происходящее снаружи.

Виктор, опомнившись, наконец встал и огляделся в поисках Ники. Она стояла в нескольких метрах от скамейки, привалившись к дереву. Сумка с вещами стояла на земле, и неестественно зеленые травинки цеплялись за черную ткань, словно лапки насекомых.

Эйфория отступала, и сознание отзывалось привычным раздражением. Хотелось выпить пару таблеток и несколько часов лежать не шевелясь — честная белизна потолка в честной белизне мыслей, то, что больше всего напоминало счастье.

Но ему нужен был Мартин. Он обещал помочь, а Виктор обещал найти сестру.

— Как она... пропала? — спросил он, рефлекторно похлопывая себя по колену. Он успел заметить, как Ника, усмехнувшись, выпрямляется и подходит к нему.

— Понятия не имею, — пожала плечами Лера. — Просто вернулась домой — ее нет, все шмотки на месте, мать рыдает. Спрашиваю ее, какого тут происходит, а она мне: «доченька-доченька»... Знаешь, по-моему у нее все-таки с мозгами не в порядке. Может папаша ее слишком сильно башкой бил?

— Вообще-то у меня было три коллекционные коробки со скотчем, — Виктор задумался. — Одна папина, другая... другая мне просто нужна, если хочешь — можно третью занять.

— Ага, хочу. Найди эту паскуду, которая тебя подставляет и его башку туда засунь, — посоветовала Лера. — Мама сходила в милицию, представляешь? И в школу. Помнишь, они называли?

— И что в школе?

— Сказала — ее там мальчик какой-то обижал, я особо не слушала, только поняла, что какая-то чушь, — пожала плечами Лера.

«Врет. Мать врет — помнишь про котенка?» — тут же отозвался Мартин.

— Мальчик, говоришь, обижал? — Память услужливо вытолкнула на поверхность нужное воспоминание, словно пузырек воды — такое же легкое, незначительное и пустое. — А ты что-то про котенка говорила.

— Про котенка? — нахмурилась Лера. — В смысле как эта ваша «шарман, котяточки»?

— Нет, ты говорила, что социальный педагог тебе по телефону что-то про котенка говорила. Ты еще спрашивала, что плохого в том, что ребенок котенка в школу принес.

Они подошли к дому. Вот обшарпанная подъездная дверь в пятнах ржавчины и дрожащих тенях деревьев. Вот дверь квартиры — та самая, неумолимо-железная дверь, потерявшая всю власть.

— Да, точно! — наконец вспомнила Лера. — Сейчас у мамы спросим.

Виктор замер на пороге. Квартира была все такой же темной, пустой, стерильно чистой. В воздухе стояла привычная смесь выветрившихся запахов еды, Лериных духов, стирального порошка и средства для мытья стекол. И еще какой-то дешевый, маслянистый душок, что-то среднее между жженной древесиной и парфюмом.

— Что за вонь? — спросил он, переступая порог.

— Мама палочки жжет, — равнодушно ответила Лера, разуваясь. — На вокзале пучками покупает и каждый день их смолит. Видимо, успокаивается.

— Иди в комнату, разложи вещи, — не оборачиваясь, скомандовал он Нике, поставив сумку на коврик у двери. — Сумку в комнату не носи, вещи доставай здесь, закончишь — сумку выбросишь.

— Улики прячешь? — усмехнулась Лера.

— Нет, — просто ответил он, не вдаваясь в объяснения о том, что сумка стояла на траве и это было неправильно. У Леры и так было достаточно поводов для шуточек.

Из приоткрытой двери спальни в темный коридор проливались голубые блики. Виктор толкнул дверь и зашел в комнату.

Мать спала, завернувшись в одеяло с головой. Диван, на котором спала Оксана, стоял разложенным, сверху валялась мятая простыня и скрученное в комок одеяло.

— Нельзя было убрать? — тихо спросил он, стараясь не разбудить мать. Задавать ей вопросы расхотелось, как и находиться в этой комнате — запах благовоний был острым, почти физиологичным. Спертый воздух, бормочущий какую-то чушь телевизор, разбросанная одежда и чашки с засохшими пакетиками на полу и пустых книжных полках — все было нарочито неправильно, словно комната защищалась от него.

— Она не дала, — тихо ответила Лера, кивая на мать. Она подошла к столу и взяла розовый, усыпанный стразами блокнот. — Бери ее портфель, вон он валяется, и пошли отсюда.

На кухне было чисто. Если Лера и ела печенье, оставляя крошки на ламинате, то сейчас об этом ничто не напоминало.

«Открой дневник», — ворчливо напомнил Мартин, устав смотреть, как Виктор задумчиво разглядывает темный пол и светлые стены.

— Да, точно, — пробормотал он, открывая блокнот. Лера метнула на него ненавидящий взгляд — поняла, к кому он обращался. А потом отвернулась и достала из шкафчика банку с чаем.

Виктор посмотрел на плотные, белоснежные линованные листы, на пляшущие буквы разного размера, выведенные ядовито-розовой блестящей ручкой, и понял, что не может.

— Ника? — позвал он, и на этот раз в его голосе слышалась мольба о помощи, а не приказ. — Почитай этот... документ, — он картинно, двумя пальцами протянул ей блокнот, — и скажи мне, что там. Это... выше моих сил, — будто извиняясь, добавил он.

Ника успела переодеться и стянуть волосы в хвост. И почему-то от этого, — а может и от чего-то еще, — он больше не чувствовал отвращения или ненависти, когда смотрел на нее.

В конце концов, в той деревне, в том доме все сходило с ума.

Ника улыбнулась и молча взяла дневник. Села за стол и опустила глаза к страницам.

Лера поставила на стол чайник и три чашки — белые, правильной формы, без выпуклостей и вмятин.

— «Настоящая любовь, — начала Ника, — не может... а, не знает приград...»

— Может не вслух? — поморщился Виктор, чувствуя, как розовые буковки со страниц налипают на уши и впиваются в мозг. — Просто скажи, если там будет хоть что-то интересное.

— Слово «противаистивствинный» достаточно интересное? — флегматично спросила Ника. Он решил доставить ей удовольствие и поморщился, не пытаясь сдерживаться.

И Ника, словно в благодарность, замолчала.

Лера растерянно чертила круги на скатерти вокруг чашки.

— Ксюша плохо учится, — пробормотала она. — Я пыталась с ней заниматься, но мне терпения не хватало, туго соображает... Вик, кому она понадобилась? Может, это правда кто-то из твоих клиентов?

— А откуда им знать про венки? — резонно заметил он. — Эта, — он кивнул в сторону спальни, — сказала хоть что-то полезное?

— Нет, — покачала головой Лера. — Они вообще с Ксюшей похожи, обе... не здесь. Я все думаю, может, они в каких-то своих мирах живут, где им хорошо, а здесь просто их тела сидят?..

«Видимо, это у вас семейное. Помнится, ты в детстве все норовил этим же заняться», — ядовито отозвался Мартин, успев подумать, что возраст плохо сказывается на характере.

— Ничего! — сообщила Ника, звонко захлопнув дневник. — До последней страницы — сплошные страдания с привкусом детской жвачки. Неразделенная любовь, попытки понять, чего она от тебя хочет и списки барахла, которое она бы купила, будь у нее деньги.

Ее слова отозвались легким зудом в висках, но он утих так быстро, что Виктор не успел сосредоточиться. Удерживать внимание становилось все труднее — напряжение постепенно отпускало, растворялось в сером кухонном свете, зато возвращалась боль в простуженной спине, а веки словно превратились в наждачку. Два часа сна в самолете напоминали камешек, брошенный в пропасть — не заполнить, даже не услышать, как он коснулся дна.

— Утром пойду в школу, — сказал он, удивившись абсурдности прозвучавших слов. — Спрошу, что там за история с котенком... Постели ей, — он указал на Нику, не поднимая на нее глаз, — где хочешь, только не в комнате... где мать. Хочешь — у себя, хочешь — на полу на кухне, только чтобы в моей спальне.

— Поссорились? — без малейшего интереса или сочувствия спросила Лера.

— Не сошлись во взглядах на интерьер. Спокойной ночи.

Он встал, и кухня вздрогнула, на миг потеряла очертания — пришлось схватиться за край стола чтобы не упасть.

Сквозь всколыхнувшийся в ушах шум Виктор смутно расслышал короткое ругательство

Мартина и злой звон бьющегося фарфора. Когда он открыл глаза, на темном полу разметались брызгами белоснежные осколки чашки.

И почему-то это показалось правильным.

...

Сон был дурной и вязкий, забивающий нос и горло. В нем не было образов, людей или изуродованных сознанием воспоминаний, только постоянное чувство обреченности и тоски.

Мартин наблюдал за бредящим воспитанником, сидя в проеме. Манжета блестела свежей чернотой — он не выдержал, попытался сделать сон спокойным. Убеждал себя, что так нужно для спасения Оксаны, что выпавшимся Виктор не так опасен, но в глубине души знал, почему это сделал, заработав еще десяток седых волос.

Но ничего не вышло. Мартин не знал, почему на этот раз его жертвы оказалось недостаточно. Может, Мари была права, и кровь его — холодная и горькая — действительно теряла силу.

В спальне висели часы, черный круг с белыми рисками. Словно светлые обои просачивались в невидимые желобки, на которые по очереди указывали безжалостные стрелки.

И может их едва слышное назойливое тиканье не давало Виктору спать спокойно.

...

Когда Виктор проснулся, в комнате было темно и пахло сырым асфальтом и водой — шел дождь. Тополь, растущий за окном, касался стекла шуршащими ветвями — словно пустая сеть, дрожащая в черной воде.

Лера лежала на краю кровати, там, где обычно спала Ника, и смотрела ему прямо в глаза.

— Не спится? — хрипло спросил он. Она только покачала головой.

Несколько секунд они словно впервые разглядывали друг друга — в темноте терялись их различия, и Виктору казалось, что он смотрит на собственное лицо. Женское, но беспощадно схожее, как отражение.

— Мы ее потеряли, — прошептала Лера, разбив морок. — Нечестно, Вик. Не получилось семьи — сначала ты меня забыл, а теперь ее забрали... А ведь я и не старалась чтобы получилась.

— Я тебя никогда не забывал.

— Ненавижу когда ты оправдываешься.

Он придвинулся ближе, накинул ей на плечи одеяло. Она с готовностью прижалась к нему, обняла холодными руками за шею и замерла. Виктор закрыл глаза и приготовился защищаться, но Мартин ушел. Не просто спал и не видел — ушел, предоставив ему право выбирать, что делать дальше. Стыд неприятно кольнул где-то под горлом — он вечно путал порядочность Мартина с ханжеством — но тут же погас.

— Я ее найду. Обещаю, все будет хорошо...

Холодная кожа, теплая хлопковая ткань, мягкие волосы с жесткими концами — до противоречий, их которых она состояла можно было дотронуться. И это завораживало и от чего-то казалось правильным.

— Ты скоро снова меня бросишь, — она словно не услышала последних слов. — Я

поняла, как тебя увидела, ты как будто... уже на краю стоишь... глаза больные, и...

— Я там... девушку убил, — признался Виктор. — В том театре «Дожди» ставят, я поперся посмотреть... как будто не знал, чем закончится. Они добавили в финал сцену с Мари... Я готов был на сцене зарезать девчонку, которая ее играла, но она меня увидела и бросилась бежать... на парковке догнал. Хотел бы не догонять.

— Зарезал — и черт с ней, — выдохнула Лера ему в плечо. — Подумаешь, какая-то девчонка из паршивого театра...

— Я правда хотел бы... чтобы она сбежала. Не потому что до сих пор не знаю, куда труп дел и его могут найти. А потом... потом я хотел убить Нику.

— Ты каждый день хочешь ее убить.

— Нет, я бы правда... убил. Мартин... — Виктор осекся, но потом все же продолжил. — Спас. Ее спас, а меня... знаешь, мне казалось, такого больше не повторится. Как с Дарой.

— С Дарой ты был прав. Почему ты не скажешь своему Мартину правду? Если он действительно такой хороший — понял бы, — ее шепот, шершавый и злой, оседал на коже, словно примерзая.

— Пока я не убил девочку на парковке — еще на что-то надеялся. Я все сделал, но до последнего думал, что Мартин найдет какой-то другой выход. Спасет обоих. Но теперь...

Лера зажала ему рот. Ладонь у нее была горячая и едва заметно пахла лавандовым мылом. Замерла, останавливая поток слов и мыслей, заглушая дыханием назойливый ход часов. Виктор, прижав ее руку кончиками пальцев, коснулся губами ее ладони и закрыл глаза, проваливаясь в сон.

Ему снилась разрушенная беседка, окруженная засохшими розовыми кустами, и сотни мертвых шмелей, припиленных к белым потрескавшимся доскам.

Если ты ещё не умер, читая эти строки, закрой глаза и увидишь, как я чернею под веками.

(Билл Нотт)

В подъезде совершенно неуместно пахло жареной рыбой и дождевой сыростью. Даже цветы в букете, казалось, пахли так же. Виктор стоял, вытягивая белые — георгины, астры и чайные розы. Правильные, строгие цветы, почему-то не приносившие облегчения.

Рита за его спиной молчала, но он слышал ее сбивчивое дыхание. Она боялась того, что должно было произойти, а он никак не мог найти в себе ни сочувствия, ни страха.

О чем думает Мартин? Что скажет Риша? Что сделает Мари, когда откроет дверь? Что делать, если она закричит раньше, чем он успеет ее заткнуть?

Виктор старался не думать об этом. И о том, что никого, кроме кур, никогда не убивал. И никак не мог прогнать видение — Мартин остервенело отмывает от крови руки в ведре ледяной воды. Вода розовая, пахнет железом, пальцы ломит от холода, руки давно чистые, но Мартин продолжает смывать видимые только ему пятна.

Он протянул руку, чтобы еще раз позвонить, когда дверь открылась.

В первую секунду ему показалось, что он ошибся. Женщина на пороге не могла, не имела права оказаться Мари — Мари никогда не носила пушистых розовых халатов и полосатых носков.

— Китти и ла-а-апочка Виконт, — протянула она. — Заходите.

Виктор обернулся. Рита выглядела такой же растерянной. Она нервно теребила фиалку, приколотую к воротнику, и лепестки сыпались прямо на грязный пол.

— Холодно, — поторопила Мари. — Или хочешь прямо тут? Если пришел просто поскандалить — лучше здесь, будут зрители.

— Нет, — хрипло ответил он, удивившись звуку собственного голоса.

Из открытой двери в подъезд лился приторный туман — смесь дыма фруктового кальянного табака и конопли.

— А я сразу поняла, что ты злой, — Мари стояла, слегка покачиваясь, и зрачки ее были настолько расширены, что глаза казались черными. — Тебе не идут такие глазки и кудряшки, славный. Но приятно, что ты ради меня нарядился.

Коридор был тесным и темным. Прямо у входа стоял манекен-Максимилиан. Сейчас его укрывало небрежно наброшенное темно-бордовое пальто. Голова манекена была запрокинута, и он подставлял входящим деревянное шарнирное горло.

— Мне что делать, котенок? Подружку зачем с собой взял?

— Я хочу, чтобы ты позвонила тому мужчине в сером...

— Его зовут Николай Ровин, — раздраженно перебила она. — Ты не знаешь, как зовут человека, которого собрался убить?

— Я не стану его убивать. Я хочу, чтобы ты позвонила ему и сказала, что у тебя есть еще одна девушка из труппы, — с отвращением выдохнул он, пообещав себе забыть имя режиссера.

— А, вот как ты решил, — задумчиво сказала она. — Плохо придумал. Я ему позвоню, позову на помощь — тебя поймают и все будут знать, что ты — преступник. Она будет знать. — Какое тебе дело...

Мари только улыбнулась и открыла дверь на кухню. Виктор только сейчас заметил, что у нее влажные волосы.

— Знаешь, какая у меня первая роль была? Ну серьезная, настоящая? Я ставила «Трехгрошовую» в университете и играла Полли Пичем, — она достала из шкафа три чашки. — А теперь кто-нибудь из вас, — она указала на Риту, — ну, например, вы, пусть скажет: «Когда же наконец придет твой корабль, Дженни?»

Она расставила чашки на столе и обиженно посмотрела на ошеломленно молчавшую Риту, а потом на Виктора, который замороженно следил за ее руками в кружевных перчатках застарелых шрамов.

— И вы спросите: «Что стряслось могло?» и воскликнете, лицо мое увидев: «Боже, как она смеется зло!» — пропела она, словно надеясь, что ей ответят.

— Очень мило, — ядовито ответил он, наконец опомнившись, и Мари захлопала в ладоши, чуть не выронив блюдце.

— Молодец! А теперь ты сказал, нужно звонить... тут недалеко, — она обернулась к Рите. — Ты можешь идти. Вот адрес, — она вырвала из лежавшего на столе блокнота страницу и быстро написала несколько слов. — Пей залпом, чай у него полное дерьмо, и возьми анальгин — когда в себя придешь — будет голова болеть. Не переживай, он всегда предохраняется, но там история на пару часов, все-таки он не молод...

— Закрой пасть, — попросил Виктор. Бритва лежала в рюкзаке, и казалось, жгла спину через несколько слоев ткани. Хотелось достать ее прямо сейчас, навсегда заглушив этот красивый хриплый голос.

— Знаешь, в чем между нами разница, котенок? — печально спросила она, погладив Риту по щеке, и Виктор с неприязнью заметил, что она не отшатнулась. — Я ее хотя бы жалею.

«Ты, дрянь, никого не жалеешь», — с ненавистью подумал он, наслаждаясь подступившей от невысказанной лжи тошнотой. Видел, что жалела.

Эта мысль горчила, рвалась из горла и рассыпала зуд от запястий до кончиков пальцев.

Мартин всегда учил видеть в людях хорошее — но что, если это «хорошее» было уродливее «плохого»?

Если она жалела Ришу, пока везла в город, жалела, глядя, как она подводит глаза ее карандашом и пьет чай дома у человека, которого зачем-то теперь зовут Николаем Ровиным — вина Мари становилась еще тяжелее. Виктор не мог объяснить себе этого чувства, этой ненависти, достигшей в этот момент такой силы, что она почти стала равнодушием, но знал, что это правильное чувство.

Мари несколько секунд смотрела ему в глаза, а потом торопливо отвернулась, закрыв лицо рукавом. Вышла в коридор, и подняла трубку старого телефона с медным диском.

— Добрый вечер... да, важно... да, прямо сейчас...

Рита сжала его запястье ледяными пальцами. Виктор вздрогнул от неожиданности — она уже не существовала, отстучала свой ритм, и ей давно было пора скрыться за кулисами.

— Все не так, как ты хотел, да? — прошептала она.

Он только кивнул, глядя на пушистый капюшон халата Мари и мокрые светлые пряди, исчеркавшие спину.

— ... вульгарность — это внешнее... защитная реакция... чистенькая, славная...

— Я для него недостаточно хороша, — заметила Рита.

— Ничего, потерпит, — огрызнулся он, чувствуя, как зубы начинает ломить от подступающей желчи.

— Вик... Вик, посмотри на меня! — Рита встала перед ним и дернула за воротник, а потом беспомощно повторила: — Посмотри, а?..

Он заметил, как дрожат ее губы. Хотел сказать что-нибудь ободряющее, соврать или выбрать отрезвляющую грубость, но вдруг понял, о чем она просит.

«У тебя взгляд, как на старых иконах».

Она не его просила посмотреть. Не в нем нуждалась, и не ради любви к нему стояла сейчас на этой кухне и слушала циничный щебет Мари.

Виктор закрыл глаза и попытался вспомнить, что чувствовал Мартин, когда просил пощадить Мари. Эмоции, протянутые от горечи до ярости — в одном взгляде, в одном бессильном чувстве.

— Спасибо, — прошептала Рита, отпуская его. Во второй руке она сжимала таблетки, завернутые в листок с адресом.

«Ты никого не жалеешь», — эхом пронеслось в голове, и Виктор успел испугаться, что Мартин вернулся. Но это была собственная мысль.

Риша наверняка до сих пор лежала скорчившись под одеялом и уставившись в стену.

Рита, бледная до серости, стояла неестественно прямо, только руки дрожали все заметнее.

Мартин замурован в темной комнате наедине со своим сбывшимся кошмаром.

Мари совсем не выглядела злодейкой в этих дурацких желто-голубых носках.

И ему действительно никого не было жаль. Он удивительно быстро устал ненавидеть.

Может, это делало его хоть немного лучше Мари — он еще не научился жалеть своих жертв и заставлять страдать вопреки жалости. Но сейчас тяжесть преступления не имела значения.

Мари повесила трубку и потянулась, упершись руками в стену.

— Ну вот и все, хорошая, можешь идти, — она открыла дверь и в гробовой тишине завыл сквозняк-.

Рита прошла мимо, опустив голову и подняв воротник, на котором все еще дрожал стебель фиалки с последним лепестком.

Виктор встал на пороге, наблюдая, как Мари тщательно запирает дверь на три замка и цепочку.

— Боишься, что придет кто-то, кто захочет тебя убить? — не выдержав, спросил он.

Она подняла глаза и несколько секунд смотрела на него так, будто он сказал глупость и

очень ее разочаровал, а потом вдруг опустилась на коврик у двери и засмеялась.

Виктор не представлял, что она может так смеяться. Сначала она глупо хихикала, глядя на него снизу вверх, но чем чаще становились нотки подступающей истерики, тем глубже и ниже становился смех, пока не зазвучал поставленными переливами, а потом вдруг стал совсем незнакомым — искренним и легким.

— Когда я была маленькой, — сказала она, вытирая глаза, — меня тоже отправили... в деревню. Ничего про ту поездку не помню, кроме котят... — Мари с трудом встала, отряхнулась и растерянно посмотрела в зеркало старого трюмо. — Мне... во что одеться?

— В черное, — не думая, ответил Виктор.

Она только пожала плечами и скинула халат — нежно-розовый, пушистый, — прямо на грязный пол. Несколько мучительных секунд он сползал к ее ногам. Никакой одежды под ним не было.

Виктор, не успев подумать, что делает, бросился подбирать. Казалось, еще несколько секунд — и эта еще теплая, мягкая тряпка, пахнувшая кондиционером с лавандой и почему-то свежей выпечкой, испортит весь план.

Мари стояла посреди коридора и ошеломленно смотрела, как он вешает халат на манекен.

— Тебя правда больше интересует халат?

— Меня даже Максимилиан больше интересует, — честно ответил он, окидывая ее равнодушным взглядом. — Зачем? Тебе больше не надо играть.

Сначала он заметил, как она инстинктивно вскинула руки, чтобы прикрыться, а потом — как на миг искривились ее губы, словно она собиралась заплакать. Виктор улыбнулся и склонил голову к плечу — как весь год учила Мари.

— Котята... — прошептала она, прижав руки к груди. — У нас кошечка была, белая, красивая-красивая... только тощая и грязная... очень грязная...

Она стояла, опустив глаза к полу. Казалась жалкой и больной, точно как бродячая белая кошка. Виктор отстраненно подумал, что никогда, ни в какой одежде, ни в одной роли, она не могла выглядеть более ничтожно, чем сейчас.

Эта мысль ему нравилась. Она была правильной.

— Кошка... родила котят, — шептала Мари, и на ее лице все чаще сверкали слезы. — И мне сказали утопить...

«У-то-пить» с необычно мягкой «т» в конце. Виктор почувствовал подступающее раздражение — она снова пыталась играть, — но на следующих словах ее голос сорвался, и в нем появился незнакомый присвист:

— Маленькие ко-тя-та, с-слепые... Они так ворочали-сь, скребли-сь... они... тревожились, но еще не с-сильно. У меня всегда были теплые... руки. А потом я переворачивала ладонь, и они падали... только что была рука, теплая, надежная, а теперь... Холодно! — она запрокинула голову, повторяя позу манекена, и Виктор заметил, как слезы ползут по ее вискам, теряясь в волосах. — Можно было так не делать, но мне казалось, что так нечестно — я их убиваю, а убивать надо... чувствуя всю вину, понимаешь? И дарить перед смертью хоть немного... себя, — она усмехнулась и запустила пальцы в волосы. — Я в детстве была честной, котенок.

— Сейчас не ты переворачиваешь ладонь, — заметил Виктор.

— Ошибаешься. Ты ошибаешься-с-ся, лапочка Виконт, не ты меня сегодня убьешь. Это я тебя убью, только в пос-следнем акте, — прошептала она, со смесью удивления и тоски разглядывая свои руки. — Поверь прес-ступнице со стажем. В конце наши жертвы всегда приходят за нами... Как эти солнца — прощу ли себе с-сама?..

— Я читал газеты, — сообщил он, пробежав кончиками пальцев по теплому деревянному горлу манекена. — Мне нужно сделать все по правилам, ведь Мир-Где-Все-Правильно мы создаем сами.

— И что же будет правильным, котенок?

— Мы играем чужую пьесу. Про человека, который пытается женщин, перед тем, как утопить, — ответил он. — Кто мы такие, чтобы спорить с режиссером, верно? Это он — главный человек в любой пос-становке, не-так-ли?

Ему нравилось, как посерело ее лицо и посветлели глаза, будто от страха разом отступил весь дурман. Но ответила она неожиданно равнодушно:

— Если тебе станет легче.

Она поежилась, бросила быстрый взгляд на халат, а потом развернулась и открыла дверь в спальню.

Включила маленькую лампу в темно-рыжем абажуре и выкатила из-за шкафа вешалку, на которой висели костюмы в черных чехлах, похожих на покойницкие мешки.

— Не станет, — наконец ответил Виктор, садясь на край заваленной бумагами и коробками из-под конфет кровати. — Думаю, для любимой ученицы он сделает исключение.

— Я не его любимая ученица, — усмехнулась Мари, натягивая чулки. — Я вообще не его ученица, просто подельница. А ведь я в это влезла чтобы учиться. Потому что всегда восхищалась спектаклями Ровина. Это для тебя он просто старый извращенец. Ты не видел его «Колодец и маятник».

— Помогло? Ты можешь поставить «Колодец и маятник»?

— Меня в колледже хвалили за любую чушь, которую я делала, потому что боялись моего отца, — продолжила она, игнорируя вопрос. — Он влиятельный человек... И ничему не научили — знаешь ли тяжело видеть свои ошибки и исправлять их, когда на них никто не указывает. Я записывала роли на диктофон, переслушивала и сама исправлялась... А потом меня хвалили, потому я протезе мастера Ровина. Представляешь?

— Риша тоже мечтала учиться, — сказал он, глядя, как она застегивает крючки корсета.

— Жизнь такая несправедливая штука, — огрызнулась Мари. — Надо же, девочка из деревни мечтала о театре. И ты думал, что она посветит со сцены своей провинциальной мордашкой, ею сразу очаруются и тут же возьмут учиться за большие, красивые глаза?!

Виктор изо всех сил старался сохранять спокойствие. Никогда еще ледяные усмешки и манерное высокомерие Виконта не давались ему так тяжело.

Мари разыгрывала перед ним свой последний спектакль, и ему совсем не хотелось мешать. Обострившимся животным чутьем он чувствовал, что даже если бы все-таки взялся пытать ее — не смог бы заставить сильнее чувствовать приближающуюся смерть. Поэтому позволял ей говорить, улыбаться, выбирать костюм и рассказывать любые истории.

Вчера Риша в полутемном кабинете держала белоснежную чашку, отвечала на

бессмысленные вопросы и оставляла на кромке алый след, когда касалась ее губами. Мари дала ей красную помаду, неподходящую, вульгарную. Не для провинциальной нимфетки.

Неправильный цвет. Неправильный финал.

— Зачем так? — вслух спросил он, не зная, о чем именно спрашивает — о помаде или предательстве.

Вчера он стягивал с Риши мокрое платье, с трудом развязав пояс, который она затянула так, будто больше никогда не собиралась снимать. Ненавидел себя за каждое прикосновение. Ненавидел за то, что Риша всхлипывала и пыталась прикрыться, а потом целовала его, виновато и торопливо. За то, что все происходило именно так — грязно и бестолково, почти без любви, почти насильно.

Зачем?

Мари уже надела и застегнула платье — черное, с широкими рукавами и воротником-стойкой — и теперь сидела за туалетным столиком, раскладывая кисти для макияжа.

— Зачем? — повторила она, выдавливая тональный крем на тыльную сторону ладони, и сама выбрала, на какую часть вопроса отвечать. — Ему так нравится. Вроде раньше он просто трахал абитуриенток, но потом ему наскучило — какая тут интрига, какая... особенность? А так — и запрет, и история. Я... мне нравилась Ира, — призналась она. — Она действительно хотела... настоящего. Искусства, служения...

Она обернулась. Светлый крем размыл ее черты — белые губы, белые ресницы, белая кожа. Маска, на которой нужно рисовать новые эмоции.

Белый цвет, правильный цвет. Но на этом белом, бесстрастном лице горели зеленью глаза с черными кляксами зрачков, и Виктор с удивлением заметил, что они полны ужаса и глухой, животной тоски. Что крем влажно блестит от выступающих капелек пота, что кожа даже выглядит холодной, и что лицо выполоскано-белое безо всякого грима. Она говорила и двигалась так уверенно, отстраненно, словно он пришел обсудить премьеру, а не убить ее. Но стоило подойти ближе — и красивая, уверенная Мария Мертей превратилась в испуганную девочку с дрожащей кистью в руках.

Виктор смотрел на нее и старался найти в себе ненависть. Наверное, Мартину будет легче понять его, если он будет мстить подчиняясь ярким чувствам. Мартин будет пересматривать эти воспоминания и поймет, что он не мог иначе, и может даже разделить с ним эти мгновения, ведь наверное он тоже ненавидит ее.

Но ненависть не приходила. Вместо нее он чувствовал только опустошенное равнодушие.

Ему было все равно. Несколько секунд он даже всерьез думал встать и уйти, на прощание вручив Мари заваливающуюся в кармане карамельку. Эта мысль нравилась ему все больше, даже Рита, которая уже наверняка пила чай у Николая Ровина на кухне, его не особо заботила.

«Отряхнется и пойдет домой, — подумал он. — Можно подумать, в первый раз. Про это

Мартину и знать-то не обязательно».

— ...говорила, что стоит поторопиться, — донесся сквозь пелену голос Мари.

— Что? — нехотя переспросил он. Если вначале сквозь ткань обжигала бритва, то сейчас проклятая карамелька словно превратилась в уголек.

— Я спрашивала у нее, было у вас что-нибудь или нет, — терпеливо повторила она. — Ей никак не удавалась Ложная Надежда... я ей сказала, что для этой роли нужен... особенный опыт. Но на самом деле я хотела, чтобы вы успели, пока...

— Спасибо, — ядовито улыбнулся он, наконец почувствовав, как вожденная ненависть толкается в груди. — Если она тебе так нравилась — может, стоило отыграть твои проклятые «Дожди» и оставить нас в покое?

— Ну не настолько же, — слабо улыбнулась она, на миг превратившись в привычную Мари. — К тому же мы не можем импровизировать, а в моей пьесе все по-другому... Но ты увидишь, лапушка, сегодня ничего не закончится.

Виктор только сейчас заметил, что она рисует лицо Офелии — тень черепа на белоснежной коже.

— Слезы не рисуй, — бросил он. — Готова?

— Нет... Звонка еще не было, — умоляюще прошептала Мари.

Он молча достал из кармана заколки. Попытался вспомнить, зачем они были нужны. Так же молча встал и вышел на кухню, где на на самом краю стола, рядом с тремя фарфоровыми чашками, лежали белые, уже начавшие вянуть цветы.

«Она знает про Мартина? — растерянно подумал он. — Ах да. Рита. Эта... с черными волосами».

Он нервно усмехнулся и выбил по столу короткий ритм. Желтое пятно света на полу было размыто тонкой взвесью дыма, и Виктор наконец понял, куда делась ненависть, и что так путало его мысли — темная прокуренная духота.

Теперь хотелось просто уйти, без жестов, без прощаний, не оставив даже карамельку. Вернуться домой и лечь спать.

А еще — выпустить Мартина и попросить прощения.

Он бы простил. Понял. И все снова стало бы хорошо.

Желание было таким острым и болезненным, что Виктор даже подошел к двери и протянул руку к замку.

Незачем убивать Мари. Незачем убивать Мартина, и себя тоже убивать незачем.

Он опустил руку, вернулся на кухню и забрал цветы со стола. Перед тем, как вернуться в спальню, открыл окно, выпуская на улицу теплый ядовитый туман.

Мари накручивала волосы на плойку. С тихим шипением, одну за другой светлые влажные пряди.

— Ты зря это, — сказал Виктор, вытаскивая из упаковки пару заколок. — Все... смоем.

— Это неважно, — глухо ответила она.

Он встал за ее спиной, забрал плойку. Перебросил волосы ей на спину, растрепал

несколько туго скрученных локонов.

— Сними перчатки, — вдруг попросила она. Виктор с удивлением посмотрел на руки — он успел забыть, что надел перчатки перед тем, как подняться. Тогда он соображал гораздо лучше и позаботился о том, чтобы не оставить отпечатков.

Подумав, он покачал головой и закрепил первый цветок над ее виском.

— Ну пожалуйста! — всхлипнула она, оборачиваясь. — Пожалуйста! Сам сказал — все смоем...

«Мартин бы снял, — мелькнула рыбкой в темноте сознания мысль, и сразу за ней следующая: — Мартин бы ее не мучил».

Он снял перчатку и убрал в карман. Стоило это сделать, Мари вцепилась в его запястье и прижалась щекой к ладони.

— У тебя холодные руки, — расстроено прошептала она. — Ну что же ты, котенок... нет, не надевай! Оставь, пусть холодные...

— Ты можешь попробовать сбежать, как только мы выйдем из дома, — заметил он, прикалывая очередной цветок. — Не обязательно хватать меня за руки, как будто это последнее, что тебе осталось. Мы еще не пришли на мост.

— Могу, — кивнула она. — Не обязательно. Не пришли. Мне скоро выдадут диплом. Может Николай сможет меня устроить, он вообще-то очень мягкий человек, хоть тебе и трудно в это поверить... нет, вот этот сюда, иначе будет некрасиво... я поставлю еще одну «Чайку». И «Федру», со стихами Цветаевой... и «Трамвай „Желание“» Теннесси! И «Макбет», сначала Шекспира, а потом — Ионеско...

В ее глазах, где-то под помутневшим зеленым стеклом все отчетливее становился блеск будущих софитов. Она говорила, рисуя в воздухе фигуры — совсем как Мартин когда-то, и Виктор вдруг подумал, что Мари тоже умеет наполнять образами темноту.

И режиссировать собственную смерть.

Это тоже казалось правильным.

— Я вернусь домой, — сказал он, перебрасывая ее прядь так, чтобы закрыть заколку. — Заберу аттестат и уеду. Поступлю в медицинский колледж, помирюсь с Мартином. Уеду к морю, как он хотел, и Риша будет по вечерам выступать в местном театре — в темном зале, где ряды сидений начинаются почти у самой сцены.

— Кто такой Мартин, котенок?

— Мой друг. Я ему очень, очень много должен. И сегодня задолжаю еще больше.

— Я тоже поеду в город у моря, в город, стоящий на заливе! Холодный город, дождливый город, где много театров и в одном из них обязательно найдется место для меня! — Мари улыбалась, натягивая перчатки, и казалось, смотрит не в зеркало, а в окно, где зажигаются огни города, о котором она говорила. — Там никто не будет меня знать, а значит, у меня там не будет никаких... грехов. Я буду лучше, чем сейчас, буду... совсем другим человеком, никто не узнает про «Дожди», никто... и может, там я буду жить вечно!

— Я буду совсем другим человеком, — глухо повторил Виктор, проверяя, держится ли заколка. — В каком-то другом городе, в другое время и с другими людьми. Никто не узнает меня, никто не будет знать про «Дожди» и Офелию в белом венке. Мы будем другими людьми, когда...

— Когда мы наконец-то умрем.

Мари обернулась. И почему ему казалось, что у нее мутные глаза? Откуда взялась глупая мысль, что она боится?

Белые цветы терялись в светлых волосах, словно требуя другого, более яркого цвета. Она улыбалась, но по щекам ее текли слезы, черные, перемешанные с подводкой и тушью, завершая грим Офелии. Настоящей Офелии, которой нет нужды рисовать слезы и играть жертву на сцене.

— Только... не делай мне больно, хорошо?

Виктор кивнул и заколол над ее лбом белоснежный георгин.

Действие 17

Неправильная деталь

*Что скажет совесть,
Злой призрак да моем пути?*

Чемберлен. Фаронида

Вцепившись в борта ванны, Виктор впервые подумал, что разделяет погибшую любовь Мартина к морю. При мысли о живой ледяной воде, повсюду, от берега до горизонта, в мыслях, в глазах и в легких, он испытывал чувство, похожее на голод. Вода. Много, много воды, гораздо больше, чем в этой несчастной ванне, где она, казалось, нагревается за несколько минут. И никак не приносит облегчения.

И Мартин ничем не поможет — перед тем, как запереться в ванной, Виктор залпом выпил стакан коньяка.

Когда он проснулся, Леры рядом не было. Он вышел в коридор и несколько секунд слушал, как она переговаривается с Никой на кухне и звенит посудой. Но мирные, домашние звуки не прогнали подступающую тревогу.

Он глотал ледяную воду, пытаясь залить образы, зажигающиеся искрами в темноте — жгущими, яркими.

Дмитрий лежит на спине посреди комнаты своего безупречно-белого дома. По светлому ламинату расползается черная лужа — огромная, смолянистая, в круглых разводах света белой лампы на потолке. В крови его растрепанные черные волосы и серый кашемировый свитер, который он носил даже в жару. Безупречный интерьер, безупречный свитер, безупречные руки — все обезображено черными и красными пятнами. Только его лицо, некрасивое, со слишком большим ртом и глазами навывкате, кровь украшает.

Кто это сделал? Клиент, вроде того истеричного мальчика, что хватал Леру за ремешок сумки? Один из невротичных любовников, болезненно-ревнивых, с распатанным наркотиками сознанием? Дмитрию нравились только такие.

Виктор рывком сел, вливая в обожженные легкие короткий вдох.

Лера сказала про венок. Уродливая, выбивающаяся деталь. Венок на мертвой женщине в серой воде — красивый, поэтический акцент. На мертвом наркомане, по-мясницки зарезанном в собственном доме он выглядел глупо, неп-ра-виль-но и отвратительно дисгармонично.

Дмитрия убили почти сразу после того, как он пришел к Лере с угрозами. Мартин сказал, что Лера умная и злая, не сделает глупостей.

Виктор догадывался, нет, он почти точно знал, кто убил Дмитрия. Кто испачкал кровью ламинат, свитер и руки — свои и его. Кто похитил его младшую сестру. И эта догадка, уродливая и дисгармоничная, родилась на рассвете и теперь не давала ему выйти на кухню,

выкурить три сигареты, которые оставила на салфетке Лера и выпить чашку кофе, который она сварила. Неп-ра-виль-ная догадка, отвратительная, глупая.

Утопить ее, утопиться вместе с ней, пока Мартин не видит. И все будут счастливы.

Новый образ — Ника лежит на сером пушистом ковре и ее мокрые волосы на светлом ворсе кажутся струйками темной воды.

«Я помогу тебе», — говорит она, не оборачиваясь.

«Ты сможешь ему, — через силу произносит Виктор. — Ему, не мне. Дара бы ни за что не стала...»

«Но Дары больше нет. И мы оба знаем, что это нужно тебе, не так ли? Если все так, как ты говоришь — думаешь, ему нужна будет такая жизнь?»

«Он ее сделает такой, какой захочет».

Сначала растягиваются ее губы — серые, перепачканные красным. Собираются веером морщинки в уголках глаз, обнажаются по-крысиному тонкие белые зубы. И только потом улыбаются глаза.

Она переворачивается на живот и, оскалившись, глядя ему прямо в глаза, произносит, точно угадав нужную интонацию:

«Любовь все преодолет! Мы судим Ложную Надежду, внушившую этому мальчику, что он — Бог!»

Если бы рядом был Мартин. Если бы можно было ненавидеть его, если бы можно было просить его о помощи.

Если бы можно было рассказать все. Он бы понял. Простил бы его.

И ни за что не остался бы жить.

Нет Мартина — только ледяная вода, темнота, в которой поселились совсем другие искры и изувеченная, грязная, покрытая плесенью комната где-то в сознании.

Делая очередной вдох Виктор вдруг подумал, что давно не видел лица Мартина. Он почти всегда сидел в кресле, которое повернул спинкой к проему, и Виктор мог видеть только его руку на подлокотнике и пляшущую тень профиля на стене. Если он не сидел в кресле — отворачивался или закрывал лицо рукавом. Слово Мартин превращался в тень, призрака, растворяющегося в темноте.

Делая очередной вдох Виктор некстати вспомнил, как смог представить Мартина стоящим посреди комнаты. Теплая ткань сюртука и почти невесомая, но все же реальная ладонь на затылке.

Все было так просто. Была Дара, жертва его ненависти. Была Ника — живая свидетельница, которая скажет Мартину о том, во что он, Виктор, превратился, и не оставит

выбора, кроме как придумать как избавиться от него.

И надо же было умереть сначала незнакомой девчонке с глупым именем Майя, а потом Дмитрию.

Надо же было умереть той девушке, которая играла Мари. Зачем она бросилась бежать? Куда он дел труп, куда, проклятье, делся труп?!

Он глотал вопросы, запивая их отдающей железом водой, а потом перегибался через борт и его рвало на пол выпитыми словами. Сначала у воды был привкус коньяка, потом — только хлорки, и наконец появилась отчетливая горечь желчи.

Туман в проеме дрожал, и то рассеивался, выплескивая конвульсивно вспыхивающие образы, то снова сгущался, и тогда Мартин слышал, как Мари, уставившись в огонь, мурлыкает что-то под нос.

— Alas my lord you do me wrong
To cast me off discourteously...

Мартин только вздохнул и прикрыл глаза рукавом. Он видел все хуже, а глаза уставали от света все сильнее.

— Greensleeves was my heart of gold... Не хочешь ему помочь? — спросила она, оборвав ноту.

— Хочу. Расскажешь, чем?

Мари только хмыкнула. В проеме на миг прояснилось, и Мартин уловил новый образ — кирпичная стена, пол в белоснежной пыли известки, и мужчина, скорчившийся в углу. Русые волосы прилипли к лицу, футболка густо испачкана рвотой.

— Это еще что за хрен? — озадаченно пробормотала Мари, подвигаясь к проему.

— Понятия не имею.

Мужчина поднял лицо. Мартин успел разглядеть влажную серую кожу, очерченный синим носогубный треугольник и почти невидимые зрачки. Вздохнув, он отвернулся от проема и снова закрыл глаза.

— Кого-то напоминает... — задумчиво прошептала Мари.

— Ага, помирающего от передоза торчка. Может когда-то я бы и попереживал, но сейчас мне совсем не интересно.

— А зачем Виктор на него смотрел? Ты заметил, как он злорадствовал? — голос у Мари был обеспокоенным и Мартина это раздражало все сильнее.

— Нам надо искать ребенка, а он плещется в ванне. Нам надо думать, где искать ребенка, а ты хочешь чтобы я переживал за какого-то... не лезь ко мне, хорошо?

Виктор вышел из ванной через полчаса, вытирая волосы белым отглаженным полотенцем. И впервые белый цвет раздражал — казался казенным и стерильным.

Из-за приоткрытой кухонной двери доносились голоса, холодный и сосредоточенный — Леры и отстраненный — Ники.

Виктор замер на несколько секунд, прижав к волосам полотенце. В сознании еще вздрагивала неутопленная мать, и он позволил себе несколько секунд самообмана. У него нормальная семья. Запахи кофе и сигарет с кухни, женские голоса, Мартин скоро вернется и все будет хорошо. Правильно.

Когда-то он занимался этим каждое утро. У его грехов и его раскаяния не только был запах водопроводной воды, они еще отдавались резью в желудке, плясали черными точками перед глазами и ненасытно требовали утешающих иллюзий.

Иллюзии всегда разбивались, но теперь ему почти удалось убедить себя, что он застанет мирную картину и сможет продержаться в Правильном мире немного дольше.

Виктор открыл глаза и толкнул дверь.

Лера сидела рядом с Никой, вплотную приставив к ее горлу кончик длинного кухонного ножа. Виктор заметил, как побелели костяшки ее пальцев и как тонкая струйка крови течет из-под лезвия. Ника держала фарфоровую чашку. Увидев Виктора, она улыбнулась и сделала глоток. Кровь побежала быстрее.

— ... Я отдала ему ключ, и мы поехали домой. Вон он стоит, может сказать, что я не вру.

— Что у вас творится? — хрипло спросил он, запирая дверь.

— Твоя подруга совершенно не умеет рассказывать истории, — раздраженно бросила Лера, отшвырнув нож. Ника вытащила из пачки салфетку, смяла и заправила за воротник так, чтобы закрыть точку пореза.

— Почему у меня не спросила?

— Чтобы ты мне наврал? — фыркнула Лера. Взяла вторую чашку, подержала несколько секунд и с отвращением отставила. — Остыл. Как водичка?

— Холодная, — огрызнулся он, садясь за стол. — Пойдешь со мной в школу? Тебя вроде знают ее учителя.

— Нет, лучше ты. Я знакомых своих поспрашиваю, может они что-то знают...

— Каких знакомых? — спросил Виктор, стараясь не смотреть, как салфетка у Ники на шее медленно пропитывается кровью.

— У меня есть... не очень честные знакомые, — уклончиво ответила Лера.

— Это с которыми ты в детстве консервы в магазине воровала?

— Нет. Если ты помнишь — это я тебя с Дмитрием познакомила. В общем, иди очаровывать тетусек в школе, а я поговорю со взрослыми.

У кофе был вкус воды, а сигаретный дым растворялся в густом, застоявшемся запахе благовоний. Ника пила чай и обводила кончиком пальца клетки на скатерти. Иногда она отрывалась от узора и поправляла салфетку, расправившуюся, как манишка.

Утопленное раздражение начинало скрестись в затылке, словно пара пауков с металлическими игольчатыми лапками пытались выбраться сквозь кость. Виктор машинально провел ладонью по волосам. Никаких лапок, никаких иголок, только жесткие влажные пряди, все сильнее пропитывающиеся запахом благовоний.

«Мартин? Мартин, ты здесь?»

«Да», — раздался равнодушные ответ.

«Давно?»

«Половину концерта в ванной видел».

«Прости, я не хотел...»

«Когда ты научишься просто просить меня выйти? — голос Мартина звучал сипло и раздраженно. — Еще не понял, что решать проблемы насилием — не лучший выход?»

Виктор прикрыл глаза. Он по-прежнему видел только лиловую спинку кресла, отблески камина и оскаленную рыбью пасть с издевательски покачивающимся фонариком.

«Почему ты прячешь лицо?»

«Потому что не хочу, чтобы меня видели», — ядовито ответил Мартин, выбив короткий ритм кончиками пальцев по подлокотнику.

— Да и черт с вами, — вслух сказал Виктор, затушив недокуренную сигарету. С сомнением посмотрел на Нику, а потом коротко кивнул: — Собирайся, со мной пойдешь. Многовато трупов в последние дни...

Школа находилась недалеко от дома. Виктор постоял у забора, почему-то не решаясь зайти. Смотрел на пустой двор, на несколько открытых окон, в которых колыхался тюль, и не мог понять, что в этой картине не так.

Зато против воли вспомнил, как весной, душной и жаркой, сидел у открытого окна в полупустом классе. Думал о репетициях «Дождей», работе в городе и о том, успеет ли вечером зайти к Рише. Воспоминания казались чужими, зыбкими, как бабочки в темноте.

«Лето, — по-прежнему раздраженно отозвался Мартин. — Занятия кончились. Видимо, Оксана отработывает какие-то долги или ходит на занятия для отстающих».

Виктор тряхнул головой, прогоняя морок.

Мартин так и не встал с кресла, только немного развернул его, чтобы видеть, что происходит в проеме. Он чувствовал перемены настроения Виктора и думал, что нужно пересечь на порог. Спрятаться, сделав пару надрезов, следить, чтобы он не сорвался в школе. Предложить поговорить с учителями, беспокоиться о том, куда пропала девочка...

Но он не мог. Усталое отупение придавило к креслу. Хотелось спать, и может, впервые за всю жизнь — лежа. Когда-то он не стал рисовать кровать, потому что мысль о сне внушала отвращение, а сейчас был готов выйти в беседку, лечь на пыльные доски и не смотреть, не слышать, не знать, зачем звонила учительница девочки на которую даже Мартину, на самом деле, было наплевать. Он знал, что должен попытаться ее спасти, и собирался сделать все возможное для этого, но беспокоиться за Оксану было свыше его сил.

К тому же на сюртуке оставалось все больше выпавших волос. Мартин даже не хотел смотреть в зеркало или спрашивать о чем-то Мари.

«Мартин? — позвал Виктор. — Ты слышишь?»

«Нет. Что ты сказал?»

— Я спросил, не хочешь ли ты поговорить с ее учителем, — в голосе слышалось удивление.

Ника бросила на него быстрый взгляд и опустила глаза.

Мартин не хотел. Он хотел послать всех к черту и лечь спать, а еще лучше уйти подальше от дома и попытаться там создать что-нибудь уродливое и бесполезное, вроде булыжника. Надорваться и умереть, и чтобы никакие призраки не могли остановить, поймать за руку и вывести из темноты.

«Да, конечно».

Он шагнул в проем и закрыл глаза, подставив лицо солнцу. Медленно отступали раздражение и апатия, словно он все же зависел от постаревшего тела. Вдохнув сухое тепло лучей, путающихся в кроне тополя, Мартин открыл глаза.

— Здравствуй, — Ника даже не повернулась. — Можно я тут постою?

— Конечно... — Мартин попытался поймать ее взгляд, но она упорно отводила глаза. Прежде чем уйти он отдал ей пачку сигарет и зажигалку, и Ника молча забрала их, даже не кивнув.

Школа отличалась от той, в которую ходили они с Виком. Неработающий турникет на входе, холодный каменный пол, запахи хлорки, пота и тушеной капусты, коридоры с белыми лампами и ни одной надписи на стенах — все было непривычным и неправильным. Мартин поморщился, поймав себя на этих мыслях.

Коридоры были пустыми и тихими, только из-за одной двери на третьем этаже доносился монотонный мужской голос.

Кабинет, который они искали, был соседним. Прямо перед дверью стоял огромный горшок с чахлым широколистным растением, стебли которого грустно свешивались на пол. Мартин проверил записанный на листке номер, а потом решительно отодвинул горшок ногой и постучал.

Учительницей Оксаны оказалась совсем молодая и очень улыбчивая женщина — ласковое благодушное выражение казалось намертво прилипшим к ее лицу. Мартин с легким удивлением подумал, что она, должно быть, раньше работала с младшими школьниками, и почти одновременно уловил презрительную настороженность Виктора — ему показалось, что женщина сейчас назовет его котенком.

— Здравствуйте, — она, не вставая из-за стола, широко улыбнулась Мартину снизу вверх и показала на парту перед собой.

Он сел, чувствуя себя донельзя глупо. В детстве Вик часто представлял, как нелепо будет выглядеть взрослый Мартин за школьной партой, и вот эта фантазия сбылась, хоть и в более мрачных тонах, чем он ожидал.

— Добрый день. Я пришел поговорить об Оксане Редской...

— Вы ее брат? Виктор, верно? — по-прежнему благодушно спросила женщина. Мартин кивнул. — Анна Борисовна, я преподаю биологию. Вчера я уже сказала вашей матери, что

классная руководительница Оксаны сейчас... отсутствует.

— Мама вчера была у вас?

Анна Борисовна посмотрела так осуждающе, словно нашла в его словах что-то оскорбительное.

— Разумеется. Она наш постоянный... гость.

— Видите ли, я тоже только что вернулся из... командировки. Моя мать, как вы могли заметить, убита горем, и ничего толком не смогла объяснить.

— Вчера она была такой же, как обычно — очень здравомыслящей, — неожиданно сказала Анна Борисовна.

Мартин вспомнил мятое зеленое платье Полины, ее отсутствующий взгляд и подобострастный лепет, и усомнился, что они говорят об одном и том же человеке.

— Видели бы вы ее дома, — нашелся он с объяснением. — Мама извелась, не находит себе места...

Анна Борисовна наконец перестала улыбаться и задумчиво прикусила нижнюю губу, но тут же спохватилась, нахмурилась и строго сказала:

— Для всех нас сейчас непростое время. Как вы знаете, у нас погибла ученица, и теперь пропала Оксана... мне нечего добавить к сказанному вашей матери.

Даже Мартин не успел уловить момент, когда Анна Борисовна замкнулась и перед ним оказалась совсем другая женщина — настороженная, уставшая, сощурившаяся, будто он светил лампой ей в глаза.

— Что случилось с котенком? — выбрал он показавшийся безобидным вопрос.

— Я не уверена, что это был котенок, — она неприязненно поморщилась. — И не уверена, что это был один котенок, скорее всего их было несколько...

Мартин почувствовал, как в виски вкручивается пара раскаленных болтов — Виктор попытался вернуть сознание, но сразу отступил.

— Несколько котят? — спросил он резче, чем собирался.

— В пакете. Ваша сестра недавно принесла на дополнительные занятия пакет, понятия не имею, что там еще было, но я точно видела голову котенка.

Мартин непроизвольно обернулся, ожидая хохота за спиной. Но вместо темной комнаты и злорадствующей Мари нашел только ряды парт, на которых стояли перевернутые стулья, и пляшущие над ними золотые пылинки.

— Я бы ничего не узнала, — продолжила Анна Борисовна, и Мартин заметил, как подрагивают ее губы. — Но взяла ее тетрадь, а там... *synonymia mortuorum*, — пробормотала она и быстро перебрала пальцами в воздухе. — Ну знаете...

— Трупные черви, — подсказал Мартин. — Но это должно... резко пахнуть. Как получилось, что никто не заметил?

— В последние дни, простите за подробности, от нее и так попахивало, — она поморщилась и бросила быстрый взгляд на дверь. Мартин не мог понять, боится она его или хочет что-то рассказать, но скорее всего этих чувств было поровну. — Она пользовалась какими-то ужасными духами, я просила ее садиться подальше... но котята... или кто там... в общем, это было завернуто в несколько пакетов. Скорее всего червячок случайно выбрался, — Анна Борисовна нервно хихикнула и полезла в ящик стола. — Но не думайте, что я удивилась, нет.

Она шуршала бумагам, не поднимая головы, а Мартин отстраненно представлял, как она

достаёт пачку фотографий с расчленёнными трупами и укоризненно сообщает, что за каждый Оксана получала двойку по поведению.

«Плохая догадка, неп-ра-виль-на-я», — донеслась мысль Виктора.

«Хочешь, пойду суну голову под кран в туалете?» — раздражённо спросил Мартин и чужая наступающая паника затихла.

Наконец, Анна Борисовна выпрямилась. Вместо фотографий у неё в руках был пузырек валокордина.

— Как Оксана объяснила этот... поступок? — спросил Мартин, глядя, как она переворачивает пузырек над чайной чашкой. Остро запахло мятным маслом.

— Сказала, что не знает, откуда это взялось, — пожала плечами Анна Борисовна. — Ваша сестра не слишком... — она с жалостью посмотрела на Мартина, продолжая держать пузырек перевернутым. — Изобретательна.

— Было что-то ещё? Кроме... котят?

— Конечно, — она наконец убрала пузырек. Мартин насчитал не меньше пятидесяти капель. — Постоянно, ваша мать не зря ходит сюда в конце каждой четверти. На Оксану жалуются дети. Она постоянно пытается... уязвить исподтишка. Тыкала в соседку по парте швейной иглой, отравила моих рыбок в кабинете биологии...

— Вы уверены, что это она?

— Я её застала. Говорю же... не очень изобретательна. Я все это уже рассказывала. Вашей матери, и в милиции... вам бы поговорить с нашим психологом, Еленой Васильевной. И социальным педагогом, Верой Дмитриевной... знаете, а я думала у вас вся семья... вот такая, — неожиданно призналась она. — А вы даже на маньяка не похожи, наверное, у вас был хороший папа.

Мартин не без труда удержался от того, чтобы попросить валокордин. Виктор наблюдал неожиданно спокойно — паническая атака отступила так же внезапно, как и началась, и сейчас Мартин чувствовал его прохладную сосредоточенность.

— Папа меня многому научил, — не удержался от колкости Мартин. — У вас есть какие-то... предположения, где она может быть? Может, вы знаете её друзей?

— У неё не было друзей, — устало ответила она, залпом выпивая чай с каплями. — И вам, и вашей матери, и в милиции я скажу, что думаю — девочка со своей тягой... к уродливому нашла себе неприятностей. Может, познакомилась с этим психопатом, который убивает людей и надевает на них венки. Она потом сказала Вере Дмитриевне, что котята... чтобы понравиться какому-то мальчику. Мне действительно... жаль.

Мартин вышел из школы со звенящей пустотой в мыслях. Хотелось найти в себе силы удивиться или испугаться, но получалось только улыбаясь смотреть на солнце. Он стоял на крыльце и представлял, как свет выжигает глаза, наполняет голову, где больше нет темноты, а потом он падает замертво на чистые подметенные ступени, не переставая улыбаться, как дурак.

— Мартин? — Ника обдала его идилическую фантазию терпким запахом сигаретного дыма. — Что с тобой?

— У меня самая чудесная семья на свете, — ответил он, все же закрывая глаза. — Некоторые из нас не слишком изобретательны и не слишком умны. Но очень стараются.

Ника молча взяла его за руку и провела ладонью перед лицом, на миг отсекая солнечный свет.

...

Виктор вернул себе сознание почти сразу. Не сказал ни слова, но Мартин чувствовал, что он полностью себя контролирует. Пожав плечами, он пересел в кресло, оставив его вполоборота к проему.

Мари сидела на полу у камина и курила с самым умиротворенным видом. Мартин жестом попросил сигарету, и она, улыбнувшись, прикурила вторую и протянула ему. Дым оказался холодным и безвкусным, как туман. Поморщившись, вернул сигарету Мари.

— Как тебе такие котята? — меланхолично спросил он.

— Не очень, хороший, вот совсем не нравятся, — доверительно сообщила она. — Ну почему у меня есть сигареты, но нет вечного пакетика с травкой? Я больше не хочу с вами общаться без вечного пакетика с травкой.

Мартин усмехнулся и поймал себя на том, что думает о Мари почти с нежностью — это был самый странный друг из всех, кого он мог представить, но сейчас он был рад, что она рядом.

...

Виктор всю дорогу шарил по карманам в поисках плеера, потом вспоминал, что выложил его, когда вернулся Мартин, а потом снова лез в карман.

Ника едва успевала за ним, и когда она начинала отставать, Виктор хватал ее за руку и тащил за собой.

Лучше бы оставил дома — пусть бы Лера ее прирезала, и в городе появился хоть один труп без проклятого венка. Лера и правда умная и злая, не стала бы размениваться на такую пошлость.

Они шли через парк, мимо пустого пруда. Серый гусь с подрезанными крыльями куда-то исчез. Вокруг не было ни души — только небо и рваные пятна теней деревьев на асфальте. Виктор остановился и уставился на заставшие у берега листья, а потом обернулся к Нике. Посмотрел на нее, пытаясь понять, зачем все это время тащил с собой. Разжал пальцы, непонимающе глядя на белеющие на ее запястье следы.

— Она таскала в школу разлагающихся котят, — сообщил он, прижимая манжеты к лицу. — Моя проклятая психопатка-сестра — такая же сумасшедшая тварь, как мы все.

Он замолчал. Мир задрожал, стал густым и ярким — он застревал в легких и глазах, картинка прилипала к сознанию и не менялась по нескольку секунд.

— Бедные котята, — меланхолично отозвалась Ника. Виктор устало прикрыл глаза, позволив миру потемнеть всего на несколько секунд.

Мартин бросился в сгущающийся туман, не успев подумать, что делает. Разжал руки и отшатнулся, не успев понять, что происходит.

Ника осталась стоять на четвереньках у пруда, только подняла голову над водой. Мартин видел, как с ее лица срываются серые и красные капли.

— Да какого черта?!

— Ничего страшного, нос у меня и так кривой, — просипела она, наконец поднимая лицо. Губы и подбородок были залиты кровью. А потом улыбнувшись, встала, отряхнула юбку и сделала шаг к воде.

— Ты что делаешь?!

Она дошла почти до середины пруда, но вода едва доходила до пояса. Темная, пахнувшая железом вода, с дрожащими на потревоженной голубой глади листьями и окурками. Ника, вздохнув, легла на спину и раскинула руки.

— Давно мечтаю утопиться в море, — сообщила она высокому серому небу. — Тонуть и смотреть, как солнце становится все дальше.

— Я помню, — тихо ответил Мартин, зная, что она его не услышит. По ее мокрому лицу расползались алые пятна.

— Я уже тону, — в ее голосе звенело искреннее счастье. — Для меня нет даже венка! И моря нет, и не будет никогда!

Мартин, вздохнув, зашел в воду и поднял Нику на руки, почему-то ожидая, что она будет сопротивляться. Но она положила голову ему на плечо и затихла. Он не стал отпускать ее.

...

Дверь в квартиру была открыта. Лера встретила их на пороге — бледная, со следами туши на щеках и зажатым в зубах косяком.

— Просто охренительно, — констатировала она, окинув их ненавидящим взглядом. — А вы где промокли?

— В пруду купались, — миролюбиво ответил Мартин. — Есть новости?

— Целый, сука, мешок. Смотри, что у меня есть, — она махнула рукой в сторону кухни. Мартин, не разуваясь, зашел туда и замер.

Оксана сидела на полу, прижимая к груди окровавленный венок. Мать сидела за ней, обнимая ее за плечи. Мартин смотрел на ее мокрые волосы, мокрое платье, на дрожащие лепестки цветов, но раз за разом возвращался к тонкому порезу у нее на горле. Кровь застывала на воротнике неопрятными бордовыми пятнами.

Виктор рывком вернул сознание. Сел на пол рядом с сестрой и, улыбнувшись, впервые нежно провел по ее лицу кончиками пальцев.

Действие 18

Последний акт

*Когда истощаются
заблуждения,
В глаза нам глядит пустота —
Последний наш собеседник.*

Б. Брехт

Виктору мучительно хотелось выпить, но вместо этого он, рассыпав по столу сахар, раз разом собирал дорожки пластиковой картой. Леру ничего не останавливало, и она пила самбуку прямо из горлышка, иногда подливая в стакан мрачно молчащей Нике, наполнив кухню приторным анисовым запахом. Ника прижимала к лицу пакет замороженной вишни, опуская его только чтобы выпить.

— Хреново выглядишь, — хихикнула Лера, помахав ладонью у Виктора перед лицом.

Он молчал. Больше не хотелось сопротивляться — зачем топить темноту в черной воде, если ничто все равно не идет по плану? Зачем вообще строить планы?

Перед глазами стоял уродливый, карикатурный образ его жертвы: Оксана, почему-то еще больше похожая на отца в этот момент, прижимает к груди венки, а с подрезанных уголков ее губ на подбородок текут темные струйки.

Именно они и разбили морок — в первые несколько секунд он верил, что Оксану все-таки похитил какой-то психопат. Но какой психопат мог сначала так неряшливо, дилетантски убить двух человек, а потом так аккуратно и тактично подрезать девушке уголки губ?

Даже он резал Мари глубже. Уже мертвой — он обещал не делать больно. Ему и не хотелось уродовать ее, но это была не его история и не его жертва.

Лера достала из кармана пудреницу, открыла и с нежностью посмотрела в мутное от царапин зеркальце.

— Будешь? — спросила она, кончиком ножа приподнимая лоток с пудрой и поддевая порцию порошка.

Виктор только мотнул головой, хотя на самом деле ему мало чего хотелось так сильно, как вернуть все запасы, что у него были, и принять разом.

Лера достала из сумки кошелек, а из кошелька — лезвие, и с тихим скрипом расчертила на зеркале дорожку. Виктор с умилением смотрел на нее и думал, как же все-таки сильны родственные связи.

— А ты? Вот, твоя подружка умнее, и нос разбитый не мешает, — улыбнулась Лера, делая вторую дорожку. — Зря отказался, — удовлетворенно прошептала она, откидываясь на стуле.

— Я сказал тебе от всего избавиться, — хрипло ответил он, глядя, как постепенно

расширяются ее зрачки.

Глаз Ники он не видел — их закрывал огромный желтый логотип.

— А чем мне заниматься, пока тебя нет? Порнография, шоколад и трава — главные радости одиноких женщин, — промурлыкала Лера, потирая нос.

— То-то я смотрю у тебя на зеркальце целый стог.

В ванной шумела вода.

Оксана оставила на кухне грязную лужу, кровавые разводы на ламинате и запах сырой ткани.

Полчаса назад Виктор, с трудом сдерживаясь, за руку отволол туда Оксану, отобрал венки и велел привести себя в порядок. С ней осталась Полина, пытавшаяся хватать его за руки и что-то говорить. Он пообещал, что сейчас вернет венки на место и утопит Оксану в ванне, если мать еще раз до него дотронется. В общем-то он именно так и собирался поступить, но позже.

Сейчас он достал из-под стола зеркало и поставил его к стене напротив себя.

— Знаешь, мне проще ширнуться, а не смотреть на гребаную спинку кресла, — с неприязнью сообщил он, заметив, как побледнела и подобралась Лера.

— Ты хочешь, чтобы он с нами говорил?!

— Хочу, — отрезал Виктор. — У нас тут... семейные разборки. Поэтому будь добр, покажись.

Мартин бросил быстрый взгляд на Мари.

— Придется, котенок. Будешь его обманывать — не хватит сил на последний акт.

— Ты ничего не можешь сделать, верно? — безнадежно спросил Мартин.

Она развела руками.

— Хорошо еще, что он меня не видит.

Мартин, вздохнув, поднялся с кресла и привычно сел в проеме.

Виктор молча смотрел на лицо, заменившее его отражение. Он впервые видел этого человека — почти полностью седого, с заострившимся носом и тонкими сухими губами, растянутыми в ломаной усмешке. Сюртук, пыльный и мятый, висел на нем мешком, а глаза потеряли цвет. Виктор с ужасом подумал, что смотрит на какое-то уродливое отражение собственных грехов, беловолосое и светлоглазое, с угрюмыми марионеточными морщинами и колючим взглядом воспаленных старческих глаз.

— Что с тобой? — наконец спросил он, как ему казалось, совершенно равнодушно.

«Время безжалостно», — ответил мужчина голосом Мартина. Виктор разглядел несколько каштановых прядей над его лбом.

— Ты умираешь.

Краем глаза он заметил, как вздрогнула Ника.

«Что тебя удивляет? Ты знал, что этим кончится, не-так-ли?»

Вода больше не шумела, но Виктор не мог вспомнить, что это значит. Он смотрел в зеркало и чувствовал, как распускается в легких ледяная колючая тьма. Этого ощущения он не испытывал даже от самого крепкого табака, и оно было восхитительно.

— Тогда все проще, не-так-ли? — спросил он, касаясь рамы.

— Что он тебе говорит? — с неприязнью спросила Лера.

— Что умирает.

— Какое счастье, — выплюнула она. — Воображаемый туберкулез от твоего курева? А я говорила, что не надо курить две пачки в день за маму, за папу и за Мартина. А ты не смотри на меня так, я знаю, что он тебе нравится. Так от чего умирают воображаемые люди?

— От старости, — нехотя признался Виктор.

— Чудно, солнышко, — Лера улыбнулась Нике. — Ваш роман трагически оборвала воображаемая импотенция.

«Она мне нравится! — взвизгнула Мари. — Хорошая девочка, славная! Слушай, котенок, а давай...»

Он жестом приказал ей замолчать, надеясь, что не придется говорить вслух. К его удивлению, Мари послушалась.

— Кстати, если тебе надо — я забрала пистолет, — сообщила Лера, продолжая блаженно щуриться.

— Зачем?!

— А ты что, хотел чтобы я тряпкой половой отмахивалась, если к нам какой-нибудь полоумный припрется с охапкой венков?!

— А если милиция?!

— Я купила фальшивые документы и отложила денег на взятку, — пожала плечами Лера.

— И где он?

— У тебя в комодке, в ящике с бельем. Или надо было положить в кастрюлю тухлого супа, как...

Виктор со стоном опустил голову на скрещенные руки. Он понимал, что Лера просто нервничает, но происходящее становилось все абсурднее, а от запаха благовоний даже при открытом окне болела голова и першило в горле.

«А как ты думаешь, почему твоя мать начала их жечь? — тихо спросил Мартин. — Не хочешь сходить проверить?»

Он поднял глаза и покачал головой. Конечно, он не хотел. Но Мартин был прав, хотя Виктор и так прекрасно знал, что там найдет. Очередное доказательство того, что его сестра не слишком изобретательна.

Перед тем, как идти в комнату матери, он зачем-то зашел в свою спальню. Выдвинул ящик комода, взял в руки пистолет, повертел, словно пытаясь убедиться, что он настоящий, а потом положил обратно и задвинул ящик, пообещав себе избавиться от оружия при первой возможности.

Тихо прошел мимо ванной, где теперь шумел фен, открыл дверь в спальню матери.

Резкий сладковатый душок не могли скрыть даже благовония. Морщась от отвращения, Виктор принялся. Открыл шкаф и отшатнулся, почему-то ожидая, что ему на голову повалится одежда.

«Смотри, у них все тряпки по комнате раскиданы», — тихо заметил Мартин. Виктор нехотя оглянулся.

Одежда лежала стопками на столе, была развешена на стульях, кучей лежала на кровати.

Даже с карниза свисали вытянутые капроновые колготки. Рядом висели длинные черные спирали. Приглядевшись, Виктор разглядел ленты, густо облепленные мухами.

— Меня тошнит, — беспомощно пробормотал он, на миг почувствовав себя ребенком, ищущим поддержки друга.

«Хочешь, я?»

Он покачал головой и заглянул в шкаф. Запах становился все навязчивей. Шкаф был заполнен черными, туго завязанными пакетами.

— Если там дохлое зверье — я не переживу, — мрачно сообщил Виктор.

«Если бы это было так — тут воняло бы так, что мы дышать бы не... слышал?!»

Из шкафа доносился едва различимый шорох, редкий и неритмичный.

— Чтоб меня, это ваши треклятые *супомуиа mortuorum*?!

«Не говори ерунды, чтобы опарыши так шуршали — труп должен буквально ими кишеть».

Виктор, брезгливо морщась, вытащил несколько пакетов — легких и мягких, видимо, набитых одеждой. Под ними обнаружилась коробка с логотипом косметической компании. Вокруг строгой тонкой «А» темнело влажное пятно.

Сладковатый душок разложения, вплетавшийся в пропитанный благовониями мрак, превратился в густой трупный смрад.

Шорох доносился из коробки. Виктор, проклиная себя за малодушие, вытащил ее в пятно серого света, пробивающегося через мятую тюлевую занавеску. Заглянул внутрь, и остался стоять, склонившись над коробкой, не замечая, как пара мух вьются вокруг его головы.

На краю коробки, вцепившись в картон, висел мертвый котенок, совсем маленький, может за неделю до смерти впервые открывший глаза. Свалявшаяся белая шерсть казалась мокрой, пасть с тонкими полупрозрачными зубами была оскалена, а в пустых глазницах, ушах и серой глотке деловито копошились черви. Но шуршали не они, а второй котенок — живой. Он лежал в углу и скреб разлохмаченный угол коробки, пытаясь выбраться.

— Надо же, дружок, а ты сегодня победитель, — хрипло сказал Виктор, поднимая котенка на ладони. Тот не смог даже открыть слипшиеся от гноя глаза, только раскрыл пасть и тут же закрыл, не издав ни звука. Котенок был серым.

Скрипнула дверь, и ему пришлось обернуться. Котенок бессильно царапал его ладонь.

Оксана стояла на пороге, закутанная в пушистый розовый халат. Виктор видел его впервые, и он вызывал стойкое отвращение. Полина стояла у нее за спиной, положив руки ей на плечи, и смотрела прямо ему в глаза. Виктор впервые ответил ей тем же, преодолевая спазматически пульсирующую тошноту.

На него смотрели его собственные белые глаза. Он не мог вспомнить, какого цвета они были раньше — Полина всегда держалась в тени, смотрела под ноги и опускала ресницы.

— Ну и что вы стоите в проеме, — проворчала Лера, протискиваясь к Виктору и тут же с визгом отпрыгивая от коробки. — Что за херня?! Что это за херня, Вик?!

— Котяточки, — участливо ответил он, протягивая ей руку. — Смотри какой. А тебя не сильно-то смущало такое соседство, а? — Виктор поднял глаза на мать.

Полина кивнула и улыбнулась — совсем как он, одними уголками губ. Виктор не

выдержал и отвел взгляд.

— Она хотела, чтобы ты ее любил, — тихо сказала она, и ее голос звучал четко как никогда до этого. — А ты ее не замечал.

— Мама, ты что, все знала?! — Лера переводила осоловевший взгляд с Виктора на Полину, а потом возвращалась к котенку. — Мама, ты-то зачем в это полезла?!

А Ника явно все поняла. Она стояла у косяка, и ее глаза сияли так, что казалось, от ее взгляда, направленного Полине в затылок, должны были дымиться волосы. Виктор не видел ее такой счастливой даже когда прикидывался Милордом.

Полина не ответила, только крепче сжала Оксану за плечи.

— Чья была идея? — спросил Виктор.

— Моя, — одновременно ответили они, и это было первое слово, которое он услышал от Оксаны с ее возвращения.

«Скажи, что Оксана ни за что бы не додумалась до такого», — подсказал Мартин.

— Твоя, — Виктор в упор смотрел на мать, — это была твоя идея. Эта дура бы не додумалась.

— Неправда! — Оксана дернулась из-под руки Полины, и она с трудом удержала ее. — Это я придумала! Мама помогала, говорила, как надо, — она метнула быстрый взгляд на коробку. — А сначала сомневалась! Говорила, не смогу человека убить, да, мама? Я сказала, что все смогу, и котят приносила...

— Зачем ты хранила эту дрянь дома? — Виктор по-прежнему не смотрел на сестру.

— Может, мне тоже было одиноко, — пожалала плечами Полина.

— Тогда на кой черт ты заморила животных в коробке?!

— Забыла, — улыбнулась она. — Не заметил — я не очень-то умею заботиться.

Виктор с ужасом смотрел на ее лицо, поражаясь, как раньше не замечал в нем свои черты. Он всю жизнь так боялся стать похожим на отца. Приехав в город, стал тренироваться по несколько часов в день, панически боясь набрать вес. Но до этого момента ему и в голову не приходило, что на самом деле он похож на мать — высокую, костлявую женщину с бесцветными волосами, сгорбившуюся у Оксаны за спиной, как оберегающий призрак.

Некстати вспомнилось мятое зеленое платье, которое она надевала, пытаясь казаться хорошей матерью.

— Ты не хотел меня слушать, — тихо сказала Полина, продолжая улыбаться его улыбкой. — Никто не хотел меня слушать... кроме нее, — она поправила пластырь у Оксаны на шее. — Она хорошая девочка. Чуткая.

— Почему вы с отцом развелись? — Виктор замороженно следил за ее пальцами. Полина подняла руку и что-то нарисовала в воздухе.

— Анатолий был порядочный ублюдок... но я думала, мне с ним будет проще, чем без него, — мягкое движение кисти — белой, похожей на бабочку в темноте, — а потом он стал пить и совсем перестал следить за руками. И однажды обнаружил, что ему все время хочется спать.

— Это ты?..

— Что ты, сынок, — рука вздрогнула и очертила короткую волну. — Я всегда любила море. Разве человек, который любит море, может быть плохим?

Мартин обернулся к Мари. Она щурилась, глядя в проем, но в глазах читался ужас. Сигарета упала ей на колени и тлела, прожигая бархат, и Мартин быстро стряхнул ее. Мари стянула перчатку и сжала его руку ледяными пальцами. Он накрыл их ладонью.

Виктор, повторяя его движение, накрыл ладонью котенка.

— Ты убила девочку? — спросил он у Оксаны, которая с отчаянием смотрела на него снизу вверх.

— Я думала, ты испугаешься! Будешь беспокоиться за меня, мы наконец-то станем как семья...

— Ты понимаешь, что тебя не поймали только потому, что никто и подумать не мог, что такая мелкая дрянь, как ты, на такое способна?!

Оксана часто закивала, и на ее лице расцвела самодовольная улыбка, сделавшая ее еще больше похожей на отца.

— Я знаю! На маленьких девочек думают в последнюю очередь!

— Куда нож дела? — почти нежно спросил Виктор, думая, какой из вопросов имеет значение, и что подумают в милиции, когда найдут в реке правильно убитую девушку.

— Выбросила...

— Куда?

— В речку, рядом с Майей...

— Вся в отца, — устало сказал Виктор, проводя кончиками пальцев по липкой кошачьей шерсти. Там, под холодным, холодным, влажным и до абсурдного хрупким, часто билось кошачье сердце. — Такая же тупая сука... Говоришь, ты ее воспитывала?

Лера ошеломленно смотрела на сестру, плотно сжав губы и не замечая, что по лицу катятся слезы.

— И Дмитрия ты убила? — он машинально потянулся туда, где обычно лежало портмоне.

— Он нам угрожал... я пришла к нему домой и на пороге заре...

— Дверь хоть закрыла?

— Нет...

— Нож куда дела?

— В речку, где...

Она осеклась и замолчала — в тишине раздавался странный, прерывистый звук, похожий на приглушенный кашель.

Мартин сразу обернулся к Мари, но она только покачала головой.

Ника сидела в проеме, словно нарочно — в позе Мартина, и хрипло смеялась, прикрывшись манжетой. Поймав взгляд Виктора, она только показала пальцем сначала на него, а потом на Полину, и продолжила смеяться, уже совсем без звука, запрокинув голову и закрыв глаза руками. Она вздрагивала в полной тишине, нарушаемой только гулом мух под потолком, и Виктору на миг показалось, что все это — подогретый наркотиками бред.

— Ты должен был волноваться, — нарушила тишину Полина, на которую выходка Ники не произвела никакого впечатления. — Но ты не взял ее с собой, хотя я слышала, как она просила...

— Конечно. Потыкать в человека ножом много мозгов не нужно, правда? А вот похищение... впрочем, я знал женщину, которая справлялась с такими спектаклями гораздо лучше, — Виктор отвернулся и открыл окно, чувствуя, что задыхается. Мимо лица тяжело пролетела муха.

— Но ты ведь вернулся. Понял, что тебе все-таки не все равно, — тихо ответила Полина. Лера протяжно всхлипнула.

— Я думала... если ты и узнаешь, то будешь мной гордиться, — тихо сказала Оксана, а Виктор никак не мог заставить себя осознать это нежное выражение, с которым на него смотрят глаза его отца. — Я могу быть как ты!

Слова дернулись в сознании электрическим ударом. «Как ты»? Если все его преступления, все грехи выглядели так же — проще не ставить Мартину условий, а просто выстрелить себе в голову.

Виктор закрыл глаза. Сколько раз он напивался и исповедовался Лере, не обращая внимания на мать и младшую сестру? Сколько раз он сам закладывал в них эту мысль, и как мог ни разу не подумать, что они все же одна семья?

Между ними столько общего.

Лера носит лезвие в кошельке.

Оксана хочет, чтобы брат любил ее.

Полина вообще не умеет любить.

— И как же ты хотела избежать наказания? — тихо спросил Виктор. — Не закрывая двери, не пряча ножи? Да тебя учитель биологии сдала, если в милиции работают не полные идиоты — сюда придут не позже завтрашнего вечера...

— Наказания? — ответила за дочь Полина, проводя по ее волосам ладонью. — Разве это имеет хоть какое-то значение?

— Кто видел, как она вернулась?

— Никто, я тихо ее провела... мы же не хотели, чтобы раньше времени...

С каждым словом ее голос лишался красок, становился все безличнее и тише. Удалялся словно солнце над морем, которое так хотела увидеть перед смертью Ника.

Слова, которые она произносила, одно за другим теряли значение. Потому что была ледяная вода — повсюду, в горле, в груди и в мыслях, вода, через которую не услышать слов Мартина, который наверняка попытается его остановить.

Воздуха не хватало. Трупная вонь, благовония, Лерины духи — взвесь лимона и ветивера, — запах сигарет — все смешивалось в один приторно-железный акцент.

Был один выход, обещающий полные легкие воздуха и пустое, без марких чувств, сознание — все, чего ему сейчас хотелось. А еще маслянисто блестящую в воде кровь, смывающую уродство всего, на что ему приходилось смотреть в последние несколько часов. Не будет мертвых котят, Оксаны с изрезанным лицом — гротескного отражения самого прекрасного из немногих его творений, и матери, не сводящей с него глаз, белых, как мартовский снег.

И Виктор принял единственное верное решение.

Мартин успел понять, что сейчас произойдет за мгновение до того, как его выбросило в сознание. Он стоял посреди комнаты, мрак которой был таким естественным, что серый

дневной свет, бивший ему в затылок, казался невыносимым.

Держал на ладони полумертвого котенка, чувствовал, как Лера сжимает его руку выше локтя.

Смотрел на злорадствующую Нику, замершую Оксану и безучастную Полину.

И не знал, что сказать.

...

Виктор стоял спиной к окну. Он давно избегал оборачиваться к стенам — что нового там можно увидеть? Грязь, плесень, сочащиеся темной гнилью плинтусы. Но сегодня был особенный день.

Полина явно была совершенно безумна, как и ее младшая дочь. Но она неожиданно открыла ему правду, ту, что Виктор так и не нашел в себе сил признать — семья была уродливой и больной, без шанса на исцеление. Как котенок, из последних сил царапавший его ладонь.

Нужно было сразу свернуть ему шею. Может, Мартин так и поступит. Мартин всегда был добрым. Он умел резать обреченных свиней, находить правильные слова и заканчивать то, что начал.

Виктор улыбнулся стене. Под шапкой черной плесени, густой и пушистой, как песцовый мех, таилось нечто давно потерянное, поросшее другими грехами.

Он несколькими шагами пересек комнату и провел ладонью по прохладным хрупким ворсинкам. Отвращение почему-то никак не приходило.

Плесень отходила от стены полосами, оставляя вьевшийся темный след. Потер манжетой, испачкав еще и белоснежную ткань, и наконец увидел то, что искал — черноту бурый потек.

Виктор положил ладони на стену, чувствуя, как под штукатуркой что-то шевелится, словно стены тоже были полны трупных червей. Прижался лбом к стене и тихо заговорил, почти касаясь губами потека — не то в молитве, не то в поцелуе.

Однажды незнакомому мальчику, которого по совпадению тоже звали Виктором Редским, было шесть. Отец разбудил его стуком в дверь. Велел одеться в то, что не жалко будет выбросить.

Почему-то Виктор помнил, что чувствовал незнакомый ребенок — небо. Синяя, светящаяся и хрусткая пустота в душе.

По ночам приходили монстры, но они не оставляли следов.

Потом он часто думал, зачем отец тогда связал свинью. Почему не оглушил ее и что это вообще был за варварский ритуал жертвоприношения. Но так и не нашел ответа. Может, даже в примитивном, размытом алкоголем сознании Анатолия все же жило нечто по-

настоящему темное, помнящее, как испачкать синюю пустоту и белые стены красным.

А может, он просто был мелочным и жестоким человеком. Может, ему показалось забавным заставить ребенка убить связанное животное.

В тот день на белоснежных стенах появился первый красный потек. Это было красиво — темно-красный акцент на белоснежной штукатурке. Тогда — но не сейчас.

— Прости меня... я тебя подвел, я так тебя подвел... — шептал Виктор, чувствуя на губах затхлый привкус засохшей крови. — Всю жизнь подводил.

Сердце стучало часто и гулко. Стук отдавался в ладонях и затылке. Казалось, что оно бьется не о ребра, а о стену, собирая на себя липкую, разлагающуюся дрянь, все сильнее царапаясь о шершавую штукатурку и покрываясь все более частой сетью трещин.

— Я не хотел, чтобы было так, — горько повторил он слова, которые когда-то так часто говорил Мартину. — Не хотел. Но ты отказывался иначе. Ты ведь мог запереть меня в темноте, как я тебя просил. Помнишь? Отец тогда поджег дом. Я просил оставить меня в покое, позволить умереть. Раствориться в этих стенах, они ведь тогда были белыми... и все были бы счастливы. Риша была бы счастлива, и ты тоже. Но ты не дал. А потом, через много лет снова... отец тогда зарезал Боцмана. Мари только приехала с проклятыми «Дождями», и я ведь точно знал, что только ты сможешь выстоять против нее. Я могу только... помнишь, как она объяснила Рише значение пьесы? Семь актеров — семь смертных грехов, и режиссер — Дьявол над ними. В правильных сказках Дьявола не убивают, потому что знают, что он никогда не умрет. В правильных сказках его побеждают, Мартин. Только ты мог. Так почему отказался? Почему же, проклятье, ты отказался?!

Он шептал эти слова стене, стене, не Мартину, и чувствовал, как по лицу течет что-то едкое и горячее. Не хотел открывать глаза, боялся спугнуть видение. Если только все так, как он надеялся.

Пусть все будет так.

Ему необходимо, чтобы хотя бы незадолго до конца все было так, как он хочет.

— Я всегда любил тебя, Мартин. Не знаю, что будет, когда я умру, но надеюсь, ты никогда не узнаешь, что я пережил в те годы, что ты был заперт... Ника права — ты не захочешь такую жизнь. Я бы дал тебе другую, но Оксана... все вышло неправильно. Надеюсь, хоть Ника сделает все как надо. Иначе... за что так, Мартин? С добром всегда так тяжело. Зло никогда не бывает так жестоко.

Он открыл глаза. По стене текла кровь — быстрый алый ручеек, разметавший засохшую корку, как река — осенний лед.

— Сможешь, Мартин? Ты не должен умирать. Это неправильно. Ты никогда не жил. Сможешь? — с тоской спросил он маслянисто блестящий поток.

Потом провел скользким пальцем от лба к подбородку, разделяя лицо на две части. Теперь, когда он увидел лицо, которое так прятал Мартин, сделать это стало гораздо проще.

— Мартин... я так надеюсь, что ты ошибся, когда сказал, что мы никогда не умрем. Или

это мои слова? Только лучше бы им оказаться ложью, Мартин.

Он смотрел на стену, по которой все текла кровь. Она собиралась в лужу у носков ботинок, текла между подошв и, истончаясь, рисовала алую стрелку, указывающую на окно.

Виктор смотрел в него и улыбался.

Он точно знал, как надо.

...

Мартин подавился окончанием вопроса Полине — его выбросило из сознания так, что он ударился головой о косяк.

— Какого черта?! — прошипел он, поднимаясь.

Виктор молчал. Он улыбался широко и почти счастливо, и его душу наполняло то темное и ледяное, что он безуспешно пытался растворить в водопроводной воде. Эта темнота, на поверхности которой плясали алые блики, плескалась у порога, лизала его, словно прибой, и каждый раз, когда она отступала, Мартин видел на светлом дереве черные дымящиеся ожоги.

Мари с визгом вскочила на кресло, прижимая к груди Ореста. Мартин обернулся — что-то темное, густое, как нефть, сочилось из-под второй двери.

Мартин успел достать лезвие и сжать косяк, чтобы кровь редкими каплями потекла из незаживающего пореза — пытался остановить надвигающееся безумие, когда бритва выскользнула из окровавленных пальцев и скрылась в черной луже.

А потом темнота пришла и в его сознание.

...

Мартин с трудом отрыл глаза. Он сидел в кресле, Мари тихо всхлипывала, сидя на подлокотнике и придерживая локтем его согнутые колени. В комнате что-то неумовимо изменилось. Несколько секунд потребовалось, чтобы понять, что комната ни при чем — он ослеп на левый глаз.

С трудом поднял руку, на которой теперь еще чаще виднелись темные пятна. Приложил ладонь к лицу.

Левая половина онемела, уголок рта словно смерзся в спазме.

— Ох, котенок... ну ты посмотри, что он наделал, — плакала Мари.

Мартин с трудом выпрямился — подошвы ботинок сухо хрустнули — и перевел взгляд на нее. Она разглядывала свои руки — обожженные, в лохмотьях сгоревших перчаток и отходящей кожи.

— Больно? — с трудом спросил он.

— Некрасиво! — всхлипнула она. — Я теперь совсем некрасивая... ох, Мартин, что же нам теперь делать?

Он опустил взгляд — паркет обуглился и кое-где из швов еще виднелся дым.

— Что произошло?..

— Не знаю! Из проема вот это потекло, а потом проем закрылся... а ты упал...

Мартин вспомнил, что перед тем, как потерять сознание видел, как Мари запрыгнула на кресло.

— Ты что, пошла меня поднимать?

Мари молчала, только вытирала слезы обрывками бархатных рукавов.

— Видела что-нибудь... в проеме?

— Нет... не видела, у меня же с ним нет... связи, только с тобой, — прошептала она. — Только ты, котенок... мы же теперь...

— Кто ты, Мари? — перебил он, закрывая глаза. Так было гораздо лучше — вместо размытой, хромой картинки, сознание наполнилось звуками и запахами. Он слышал, как клубится, подступая к двери, темнота. Слышал далекие голоса из проема — кто-то кричал, и кажется, билось стекло.

— Я не знаю, хороший, — развела она руками. — Но у меня нет воспоминаний о... жизни. Наверное, ты меня придумал.

— Зачем?

— Наверное, я была тебе нужна. Тебе нужен был кто-то... кто умеет рассказывать истории, которые ты рассказать не сможешь. Я пришла.

— Я не могу, — прошептал он, чувствуя, как щекочит лицо обожженные пряди ее волос. — Не хочу этого делать. Я не смогу его убить.

— Он устал, котенок, — с горечью произнесла она. — И ты... приложил к этому руку. Как я тебе сказала.

— Все равно ничего не вышло. Хорошо, что он не задумался о том, что я показывал ему про Нику...

— Ну вот видишь. Он устал и сам просит его убить. Ему плохо, — Мари выдыхала слова прямо ему в ухо, шепчуще-теплые, словно боялась, что если она отстранится — слова остынут, истают по дороге, не коснувшись его сознания. — И ты умираешь, мне так жаль, мне действительно так жаль... никогда не хотела никого мучить...

— Откуда ты знаешь, говоришь ведь, ничего не помнишь, — слабо улыбнулся он.

— Не помню — значит не было! Все кончилось, Мартин. Нам на самом деле... славно было. Если это ад — из тебя вышел плохой дьявол.

— Скорее чистилище. Что... там? Или ты и этого не помнишь?

— Черепичные крыши, — уверенно ответила Мари. — Там маленький город у моря, красные черепичные крыши, и... и мужчина с серой шинели и темных очках!

— Что? — Мартин даже открыл глаза — таким неожиданным был ее ответ. Но никого, кроме них и сонного Ореста в комнате не было.

— Там берег, а дальше — причал, где стоят корабли, у которых нет настоящих парусов, — вдохновенно продолжала она. — На берегу мужчина в серой шинели, у него русые волосы и темные очки, потому что он не любит, когда видят его глаза. Он там стоит потому что... потому что ты обещал, что он вернется! Там пахнет йодом и машинным маслом, там абсурдно, легко и снятся хорошие сны...

Мартин улыбнулся. Ему никогда не рассказывали сказок.

— И там есть для меня место?

Мари кивнула и осторожно наступила на черные доски.

— И немного для меня.

...

Мартин не знал, сколько они с Мари просидели, молча глядя на черный проем — может, несколько часов, а может и несколько дней. Почти не было тревоги — Мартин чувствовал, что происходит что-то непоправимое, и что все, что ему останется, когда туман рассеется — сделать то, от чего он так упорно отказывался.

Пистолет лежал в ящичке комода. Главное, чтобы Ника была жива.

И вместо того, чтобы думать о том, что происходит за туманом, Мартин думал обо всем, что оставалось в прошлом.

Думал об огромной ели в зимнем лесу, о деревянном паруснике, книгах с желтыми страницами и густом свете керосиновой лампы. Как славно было иметь власть над любой бедой — хватало слов и фальшивых огоньков.

Мартин думал о полутемном актовом зале, французском вальсе и золотых вспышках в пронизанной нитями света темноте. Еще немного — о Рите, которую он целовал в темной захлавленной кладовке. О ней он вспоминал с нежностью, о Нике — с горечью. Она никогда не простит его, он никогда не исправит сделанное — ни огоньков, ни слов, ни нежности у него не осталось, да и времени тоже.

Еще думал о том, как сам танцевал с Ришей, глядя на собственную мечущуюся в зеркале зеленую тень. Как в последний май их с Виком жизни надеялся поступить в медучилище и найти себя в работе. Оставить следы в мире, в котором ему никак не находилось места.

Только ненависти не было. И злости — если Мартин что и понял, так это что убивать можно только от настоящей любви.

Он вспоминал, находя в измученной душе весь погасший свет, чтобы согреть им ставшее таким ленивым сердце. Поселить в крови искорки волшебства, силы на последнее чудо.

И занавес поднялся — черный туман медленно рассеялся, явив ослепительно-белую, слишком светлую сцену.

Мартин, сделав глубокий вдох, встал с кресла и подошел к проему.

Кухня была почти чистой, только стол залит кровью. Она медленно стекала на пол, разбиваясь о доски алыми астрами.

Виктор сидел на полу. Его руки, волосы, рубашка и лицо были в крови, а на коленях у него лежало покрытое темными пятнами темно-зеленое платье.

«Всё?» — только спросил Мартин.

— Всё, — хрипло ответил Виктор, в душе которого царил совершенная белоснежная пустота. — Купил краску, заставил перекраситься, зарезал обеих, ночью вывез за город и утопил. На этот раз правильно, красиво получилось. Потом покажу, пока Лерина дурь не отпустила... но красиво. Правда.

«Где Лера и Ника?»

— Леру выставил, перед тем как... она бы мешала. Она их любила. Не разрешила бы... скоро вернется.

«А Ника?»

— Прическу делает, — равнодушно сообщил Виктор. — Я ее все-таки люблю, не хотел с этими убивать... она хорошая, картины у нее красивые... а портрет ее... помнишь, она Дантеса рисовала? Так вот, я его недавно видел — вообще на тебя не похож. Не знаю, почему мне показалось. Наверное, я скучал...

«А ее зачем?»

— А зачем ей жить? Я хуже, чем Мари — взял то, что показалось красивым... и так изуродовал, что проще в реку — ну знаешь, хоть в смерти снова станет красиво... все-таки тот мужик, который маньяк, знал толк... все эти... «По сумрачной реке уже тысячелетье плывет Офелия, подобная цветку»...

«Зачем же ты меня выпустил?»

— А я не выпускал, — так же бесцветно ответил Виктор. — Это дурь отпускает, а я больше не могу, у меня руки будут дрожать, и я ей больно сделаю. Этих-то не жалко было, у Оксаны вообще разрез такой получился... как будто ножом для хлеба пилил, знаешь, ребристым таким, а это неп-ра-виль-но, некрасиво, некрасиво, котяточки... — бормотал он, глядя зеленую ткань. — Ты только не мешай. Ей правда так лучше будет. Просто поверь мне, ладно?

«Хорошо, — покладисто сказал Мартин. — Дай мне с ней попрощаться».

— Ты будешь пытаться ее спасти.

«Ты же знаешь, что я не смогу ничего сделать — ты в любой момент вернешь себе сознание».

— И ты позволишь мне ее убить?

«Нет, я буду пытаться ее спасти. Но сейчас я хочу только попрощаться».

— Если ты рыпнешься в окно выпрыгнуть или начнешь орать, звонить или делать еще что-то в этом роде — я ей перед смертью глаза вырежу и розочки туда вставлю, — равнодушно пообещал Виктор, представив, как будет выглядеть Ника.

«Хорошо. Я только попрощаюсь с ней, а мешать тебе... буду потом».

Виктор кивнул, и Мартин шагнул в проем. Коснулся кончиком пальца кровавой лужи на полу. Внимательно посмотрел на руки, а потом вытер палец о рубашку, нарисовав на груди слева размашистый крест.

— Ты действительно это сделаешь?

«Сходи в комнату, она должна была закончить», — отозвался Виктор, тяжело опираясь на подоконник.

Мартин открыл дверь в спальню.

Ника стояла у комода и закалывала в волосы цветы. Перед ней лежала раскрытая книга, и Мартин с первого взгляда узнал посмертную фотографию Мари. А еще заметил, что волосы Ники из темных стали светлыми, вульгарного желтоватого оттенка.

— Больше не смогла, ты меня лысой бы топил, — тихо сказала она, не отрываясь от своего занятия.

Виктор даже нашел ей похожее платье — черное, бархатное, с широкими рукавами. Только вместо воротника-стойки у него был вырез, закрытый черным шарфом, обмотанным вокруг шеи.

— Это я.

Ника подняла взгляд и замерла, сжимая в руке белый георгин.

— Нет, — прошептала она. — Не надо, пусть он... пусть... Мартин...

— Иди ко мне, — позвал он, протягивая руки.

Каждый раз, дотрагиваясь до нее, он поражался физически ощутимой хрупкости этой девушки. Казалось, она состоит из плохо собранных, неподходящих друг к другу осколков, сдерживаемых только одеждой. Обними крепче — рассыплется, разобьется, обнажит упрямое, такое же изломанное сердце.

— Мартин, пожалуйста... — прошептала она, обнимая его за шею. Сняла перчатки, бросила на пол. — Пожалуйста, не надо...

— Ты такая красивая, — тихо ответил он, глядя ее по волосам не задевая цветов. — Такая храбрая девочка... ты обещала меня нарисовать, помнишь? У меня осталось последнее доброе волшебство — подарю тебе мир, такой большой и светлый, столько красок...

— Не хочу... нет... не бросай меня, не бросай... пускай он врал, пускай... у меня больше никого нет, пожалуйста, Мартин... только не так, я не смогу...

Она плакала, и слезы оставляли под глазами черные потеки. Грим Офелии, неумело скопированный с размытого снимка, обретал жизнь в третий раз. На Мартина смотрела Риша, стоящая за кулисами и считающая такты до своего выхода. Мари, сидящая за столом и прижимающаяся лицом к ладони Виктора. И Ника, не отпускающая свой нарисованный, выдуманный мир, мужчину, которого никогда не существовало — Эдмона Дантеса, призрак Милорда и его, Мартина.

Но целовал он только ее. Впервые по-настоящему, вкладывая в поцелуй все тепло, что ему удалось собрать в остывающей душе.

— Я так сильно... так сильно тебя люблю, — всхлипывала Ника, глядя его по лицу ледяными пальцами — почти как Виктор Мари, которая тоже искала утешения в человеческом прикосновении.

— И я тебя люблю. Только тебя, никого никогда так не любил, — ответил он и на этот момент каждое слово было правдой. — Возьми, — он наклонился, поднял перчатки и вложил ей в левую ладонь, а потом обвел крест на груди, сделал вид, что достал что-то, коснулся ее правой ладони и заставил сжать пальцы. — Побудь храброй еще немного, хорошо?

Она кивнула. Отошла к комоду, разжала правую ладонь и коснулась ее губами.

Мартин первым услышал стук каблуков по лестнице. Обернулся, запер дверь и услышал, как за спиной скрипнул выдвигающийся ящик. Почти сразу у входной двери раздался щелчок.

Мартин обернулся. Ника стояла у окна. Сначала ему показалось, что она просто протягивает к нему руку, но в следующее мгновение он разглядел в полумраке черное дуло пистолета — кусочек темноты из-за его порога, оставивший в воздухе беспощадную точку.

В ту же секунду его выбросило из сознания. Он стал над проемом, достал из кармана

вернувшееся лезвие и почувствовал, как его обнимает Мари.

— Ты молодец, котенок, — прошептала она, глядя его по волосам. — Давай доиграем эту паршивую пьеску, занавесу... давно пора падать.

— Не надо, — прошептал Виктор, вытягивая руку. — Не делай этого...

— Я вернулась! Вик, ты где? — раздался в коридоре голос Леры.

— Ты... мне не придется стрелять в него... — слезы застыли на лице Ники черными потеками, а глаза превратились в два светло-серых провала.

— Нет!

— Вик?! Вик, открой дверь! — дверь за его спиной задрожала от частых рывков. — Вик! Виктор успел увидеть, как Ника нажала на спусковой крючок.

Мартин наклонился над проемом и провел лезвием по горлу.

Боль пришла за неестественно громким выстрелом — разливающаяся в груди слева, прямо в центре превращенного в липкое алое пятно креста.

Падая, Виктор увидел, как Ника приставляет пистолет к виску.

А потом мир взорвался — тысячей белоснежных бабочек, миллионом разноцветных огоньков, за которыми была лишь темнота.

Такая спокойная и такая правильная темнота.

Мартин разжал ослабевшие пальцы. Он задышался, захлебывался в льющейся из горла черноте и тоже был почти счастлив, ведь скоро темнота наконец-то наступит и для него.

Перед тем, как его сознание погасло, он почувствовал, как кто-то толкает его вперед.

А потом все закончилось.

*Запертый сад — сестра моя, невеста,
заключенный колодезь, запечатанный источник.*

(Песнь Песней)

Ей казалось, что она плывет по реке — по серой воде, такой теплой, пахнувшей влажной тканью, одеколоном с амброй и табаком, и еще чем-то острым, мускусным, сводящим с ума с каждым вдохом. И она дышала, часто, захлебываясь этим запахом и каждым прикосновением, каждым поцелуем мужчины, который сейчас прижимал ее к белоснежным простыням и заставлял волны, становящиеся теплее с каждым движением, все чаще проходить по телу.

Лера запрокинула голову, счастливо улыбаясь потолку и положила ладонь ему на грудь, слева, там, где под уродливым, ребристым шрамом часто стучало живое сердце.

— Я... — начал он, но Лера быстро закрыла ему рот второй ладонью.

— Молчи... потом... не-сей...час!

У него белые волосы. Ласковые руки и горячие губы, он жив, он остался один — нет никакой укоряющей тени в его душе. Теперь есть только она и ее брат, и ничто, ничто их не разделит, не помешает, никогда, ни за что!

Все эти чувства, все мысли рассыпались электрическими разрядами, лились бессвязной смесью шепота и стога — Вик всегда ее понимал, ему слова не нужны. Пусть слова оставит себе тот, второй, едва их не разлучивший, его здесь больше...

— Не-е-ет! — выдохнула она, чувствуя, что толчки становятся чаще, а пальцы вокруг ее запястий сжимаются сильнее.

Он не остановился, только искривились в усмешке его губы. Лера подалась вперед и успела коснуться губами шрама, когда волны превратились в пульсирующее электричество, вспышкой погасившее полумрак спальни.

— Я люблю тебя... так сильно люблю тебя, — сонно прошептала она, откидываясь на подушку.

Сон пришел почти сразу. Она любила засыпать прежде, чем в мысли вернется ясность. Уже проваливаясь в свою — теплую и правильную — темноту, Лера почувствовала, как Вик обнимает ее сзади и целует в макушку. И этот жест, невинный братский поцелуй вызвал новую электрическую вспышку — в сердце.

...

Лера проснулась, когда окончательно стемнело. С трудом открыла глаза. Посмотрела, как светлые пряди сливаются с белой наволочкой в уютном мраке спальни.

Она встала, на ощупь собрала с пола и надела белье. Нашла под кроватью длинный свитер. Бесшумно вышла на кухню, не включая свет заправила кофеварку. Отсчитала из

пачки три сигареты и разложила на салфетке.

От воротника свитера отчетливо пахло одеколоном, и она была счастлива.

В дверь постучали, когда она наливала кофе.

Не хотелось никуда идти. Не хотелось думать, кто может стучать и что может быть нужно этим людям.

— И услышал стук такой же, но отчетливей того... — пробормотала Лера, поставив чашку рядом с салфеткой.

Не включая свет, пересекла темный коридор и, посомневавшись еще несколько секунд, все-таки открыла дверь.

На пороге стояла девушка — худая блондинка в ярко-красном пальто. Лера сонно сощурилась, пытаясь понять, кого она ей напоминает.

— Тебе какого тут надо? — она честно попыталась, чтобы вопрос звучал дружелюбно, но сама слышала, что получилось плохо.

— Я ищу Виктора Редского, — поежившись, ответила девушка. Она была выше Леры, к тому же на каблуках. Стояла, спрятав руки в карманы и с мольбой смотрела на нее сверху вниз.

— А ты кто? — участливо спросила Лера, окончательно решив, что девушка ей не нравится.

— Я... подруга... старая подруга...

— Вот как. А иди-ка ты отсюда на хер, подруга, — дружелюбно посоветовала Лера. — И никогда, никогда, сука, не возвращайся.

— Но мне сказали он живет здесь! Я все проверила, это же... он здесь больше не живет? — Лера видела, как задрожали ее губы. Пораженная внезапной догадкой, она включила свет.

У девушки были огромные, небесно-голубые глаза. Но даже без этой детали Лера узнала бы ее — это ее портрет был в книге, в гриме Мари. Ее портрет она нашла у Виктора в чемодане. О ней он столько рассказывал и столько бредил по ночам.

— Ну нет, — протянула Лера. — Ну нет, не может такого быть. Ты жива? Это совсем уж несправедливо.

— Вы его сестра, верно? Вы похожи... — девушка вытащила из кармана руку, и Лере показалось, что она подаст ее для пожатия, но она начала нервно комкать пояс пальто. — Ирина... меня зовут Ирина, мы росли вместе...

— Лер, кто там? — послышался из коридора голос.

— Чтоб вы, суки, сдохли, — продолжая улыбаться сказала Лера.

Обернулась, чувствуя, как скулы свела эта проклятая счастливая улыбка.

Вот и кончился маленький сладкий ритуал самообмана.

— Одевайся и выметайся из моего дома, Сережа, — ласково посоветовала она стоящему

в коридоре мужчине. — Ко мне подруга приехала, мы сейчас будем пить и разговаривать мерзкие бабские разговоры. — Обернулась к Рише, замершей на пороге и махнула рукой: — Заходи.

— А... а это... — она все еще смотрела на закрывшуюся за Сергеем дверь.

— А это мой красивый блондин-любовник, — с готовностью пояснила Лера. — Я знаешь сколько его искала? У него и шрам на груди есть — ожог какой-то, вроде на работе получил. У меня с ним плановая случка два раза в неделю. Еще тебе что рассказать?

— Виктор... ваш брат...

— Погоди-ка, солнце.

Лера зашла в спальню и стала в проеме, скрестив руки на груди. Смотрела, как Сергей одевается. Обычно она старалась так не делать, но сейчас ей была необходима вся ненависть, на которую она только способна.

Виктор был лучше нее. Добрее и благороднее. Из всех способов причинять боль он раз за разом выбирал самый мягкий — лезвие. Лера не хотела быть доброй.

Закрыв за Сергеем дверь, она обернулась к Рише, которая так и стояла на придверном коврикe, и осенняя слякоть растекалась лужей под ее сапогами.

Некстати вспомнилась та грязная рыжая псина, которую Виктор как-то притащил с улицы.

— Мой брат умер.

Вот и сказала. Так долго избегала этих слов, словно копила заряд, чтобы выплюнуть их в лицо человеку, который по-настоящему заслужит их яда.

— Вик... умер? — бестолково прошептала Риша и вдруг села прямо на коврик. — Умер?

— Умер, — кивнула Лера. — Год назад.

— Как он... почему он...

— Ну-ка снимай эту тряпку, она яркая и бесит. И разувайся, я тебе что-то покажу.

И все-таки Вик был добрым. Истязал себя, был готов утопиться, лишь бы не дать завладеть сознанием тому чувству, которому Лера сейчас отдавалась с большим удовольствием, чем за пару часов до этого человеку, который в темноте был похож на ее брата.

Она смотрела, как Риша дрожащими пальцами пытается расстегнуть молнию на сапогах. Хотелось подойти, дернуть этот проклятый язычок, лишь бы скорее сделать что задумала.

Она даже не надеялась на такой шанс. Хотя искала Ришу в газетах и афишах. Мечтала об этой встрече, но с тех пор как проклятая сука сбежала со спектакля, она больше не играла Мари и, видимо, сменила псевдоним.

Наконец Риша справилась с сапогами. Сняла пальто, повесила на крючок у двери.

— Вежливая, — одобрительно сказала Лера. — Идем.

Она подошла к спальне Виктора. Погладила выломанный, да так и не вставленный обратно замок и толкнула дверь. Поманила Ришу за собой.

— Смотри. Вот тут он... — она замерла, указывая на порог.

Вдруг все потеряло значение. Всколыхнувшаяся было ненависть улеглась, растаяла без следа.

Может, дело было в таблетках, которые она так и не перестала пить, даже когда нашла Сергея. Просто уменьшила дозу, но сознание все еще путалось, мир казался спокойно-стабильно серым, а сильные чувства жили недолго.

Лера перешагнула порог и подошла к его столу.

Хотелось выставить Ришу из дома и сделать то, что она разрешала себе так редко — лечь в постель, стоявшую незаправленной уже год, укрыться с головой одеялом. И может, там и задохнуться.

«Вик бы не одобрил, — подумала она, выдвигая ящик стола и расстегивая чемодан, который он так и не успел разобрать. — Он вообще-то ее любил. И если бы узнал ее тогда, на парковке... впрочем, какая теперь разница».

Она достала из чемодана эскизник и смятую газетную страницу. Из ящика — пачку фотографий. Молча ткнула на них пальцем.

Эскизник трогать не хотелось. Там было слишком много портретов человека, которого она больше никогда не хотела видеть. О чем существовании — да и существовании ли — хотела бы забыть.

Но Вик всегда играл до конца, и Лера на ощупь вытащила из эскизника вырванную страницу.

— Смотри, — она включила небольшую лампу, бросив золотой свет на фотографии. — Этих пятерых я не помню, как зовут. Я ему искала девочек, похожих на тебя. Но они надолго не задерживались, у него, знаешь ли, испортился характер...

Лера быстро перебрала снимки. Она смутно помнила, какой откуда взялся — какие-то она воровала из комнат, какие-то девушки отдавали сами. Она показывала их Виктору, если он одобрял — знакомила. Одна девчонка потом таскалась за ней и то жаловалась на его жестокость, то просила устроить им еще одну встречу или хотя бы телефонный разговор. Но он тогда потерял к ней всякий интерес, к тому же это было в мае, а Виктор не любил май с его сиренью и дурной памятью.

Риша перебирала снимки медленно. Лера видела, как медленно меняется ее лицо — она не могла не узнать свои черты на каждом.

— А вот это Дара, — с удовольствием сказала Лера, вытаскивая еще один снимок — самый яркий, профессиональный. Его Дара сделала сама, единственный снимок, где кто-то из девушек был с Виктором. — С Дарой он долго пробыл. Она его бесила, но вообще-то была неплохой девчонкой. Тоже математику любила и фотографией увлекалась, заставила его как-то носиться по всему городу за какой-то собакой... мне тоже нравилась. Смешная.

— Где она теперь? — спросила Риша, положив снимок обратно на стол. Примерзшую улыбку, пепельные кудри и сиреневый свитер, который, не нужно было спрашивать, точно подарил ей Виктор.

— Умерла, — шурясь ответила Лера. — У нее брат был наркоман. А Вик ему не продавал — я говорила, что он барыжил? Да, он барыжил. Дара вечно истерики устраивала, как брат ее упорется. Он себя не контролировал... А Вик таких презирал, он вообще был щепетильный, знаешь ли. Никаких ханыг в клиентах не держал... все нормально было, пока

он не узнал, что Вик продает. Пришел, начал требовать дозу. А потом вернулся домой, избил сестру, выволок на улицу и утопил, прямо у берега. Они на даче жили, у самой реки.

— О господи...

— Ага. Она перед смертью успела Вику позвонить, кричала... он за десять минут долетел, чуть не сбил кого-то... не успел. Зато сразу нашел ее брата, затащил в заброшку неподалеку и заставил уколиться, даже думать не хочу, чего он в шприц намешал. Стоял, смотрел, как он умирает, потом вернулся домой и напился в дым. Ему нравилась Дара... не как ты, конечно, но нравилась. А это Ника, — Лера с мазохистским удовольствием вырвала из горла ненавистное имя. — Она его убила.

Лера разложила поверх разбросанных снимков еще пять штук. Гордилась собой — сохранила все карточки, не сожгла ни одной.

Вик лучше смог бы рассказать эту историю. Он бы сделал правильно, театрально, с драматическими паузами, красивыми двусмысленностями. Но Лера была не такой. Все силы уходили на то, чтобы не схватить Ришу за завитые, за каким-то чертом светлые волосы, и не разбить ей лицо о край стола. Прямо о снимки Ники, на которые она не смотрела, замороженная фотографией, где Виктор обнимал Дару.

— Убила?..

— Да. Застрелила. Смотри, она больше всех на тебя похожа. Он ее любил. Вот ее, — она постучала по фотографии кончиком пальца, — любил. Поэтому-то она его и убила. Вы его не заслуживали... — Лера коротко всхлипнула и быстро вытерла глаза рукавом. От манжеты пахло одеколоном и еще, едва заметно, кофе и сигаретным дымом.

— Его убили...

— Да, его убили. Смотри, видишь рисунок? Он его с собой возил, — Лера позволила себе маленькую ложь-полуправду, быстро спрятав ее под беспощадной истиной: — Он тебя никогда не забывал. Любил всю жизнь, до самой смерти. Вот в ней — любил тебя. И в этой, и в этой тоже. И если бы не ты, маленькая, лицемерная потаскуха, вот эта, — она, не удержавшись схватила фотографию Ники и сунула Рише под нос, — в него бы не стреляла!

Риша не пыталась отстраниться, только дышала все чаще, словно в комнате перестало хватать воздуха. А потом вдруг с визгом отшатнулась от Леры, прижалась к косяку и вцепилась зубами в запястье. Лера заметила розоватые разводы шрамов, и они взбесили ее еще сильнее. Такие же руки были у Ники, только в аккуратных черточках от бритвы.

— Ну?! Довольна?! Какого хрена ты приперлась сюда, скажи мне?! Почему тебя все эти годы не было?!

— Я думала... я думала... он меня убьет...

— И был бы прав, а?!

— Я видела его в зале, на спектакле! Ты не знаешь, какое у него было лицо! Он за мной погнался, а потом остановился на парковке, смотрел прямо на меня и улыбался! А потом... потом...

— Что случилось потом, а, милая? Ну-ка расскажи мне, я тоже не знаю эту часть истории! — Лера схватила газетную вырезку. — Вот! Я нашла это у Ники в вещах, тут говорится, что ты пропала после спектакля! А он приехал и сказал, что зарезал девушку в театре. Расскажи-ка, солнце мое, кого он все-таки убил?!

— Никого! Никто не умер! Он просто смотрел и улыбался, а потом упал! А я сбежала...

— Вот как, — задумчиво прошептала Лера, опуская вырезку на стол. — Вот как... этот выродок его обманул... и потом... наверное, Ника спрятала эту вырезку, или он заставил

увидеть другое имя и фотографию... он ведь наверняка и так умел...

— Что?..

— Ничего, солнышко. Ничего, золотая, — ласково пробормотала Лера, разглаживая заметку. — Какая теперь разница... сейчас-то ты зачем приперлась?

— Я... ты думаешь, мне хорошо было все эти годы? — Риша опустилась на пол и обняла колени, беспомощно глядя на Леру снизу вверх.

Лера впервые видела это выражение, которое так часто описывал Виктор — настолько беспомощно-виктимное, что будило в душе самые темные, звериные порывы. Но в следующую секунду она почувствовала в нем наигранную театральную фальшь. Теперь-то Риша наверняка знала, что у нее за лицо и всю этим пользовалась, даже не осознавая.

Лера только фыркнула. На нее такие взгляды точно не действовали.

— Ты, бедняжка, наверняка страдала. Вся измучилась в своем паскудном театре, а?

Риша удивительно серьезно кивнула.

— Мне дали место только потому, что я была... протеже Мари. Меня ничему не учили, ставили мне отметки только потому что у меня была... история. Мне приходилось на диктофон записывать роли и исправляться...

— Бедная, — сочувственно нахмурилась Лера. Открыла шкаф — там, под аккуратно сложенными белоснежными отглаженными простынями лежал блок сигарет. Достала пачку, спрятала остальное.

— Ты не понимаешь...

— Да я и не хочу. Мне ваши театральные истории вот где, — устало сказала она, касаясь горла кончиками пальцев. — Вик тоже вечно... играл. Врал так вдохновенно, что сам верил...

— Кому врал?..

— Да какое тебе дело. — Сигаретный дым едва заметно горчил — раньше Лера курила другие, не такие крепкие. Но уже год покупала только те, что курил Виктор. Запах все равно был не тот — она давно заметила, что дым одних и тех же сигарет, выдыхаемый разными людьми, пахнет по-разному. И это тоже раздражало.

— Как его убили?..

— Я же тебе сказала — застрелили. Ты вроде должна хорошо слышать.

— Нет... я хотела... за что? Он же был... — Лера заметила, как искривились ее губы, — хорошим...

— Ага. Был. Понятия не имею. Я уехала в милицию, показания давать, у нас тут были небольшие... семейные разногласия, Вик заставил отвезти мать и сестру в отделение. А сам съездил за город, купил там поросенка, зарезал его на нашем столе, весь в крови измазался, труп на балкон выкинул — я по запаху нашла через три дня... а потом...

Она осеклась, увидев, что Риша ничего не понимает. Но объяснять ей не хотелось. Пришлось бы говорить о том, что Ника была не единственной убийцей ее брата.

Лера прекрасно поняла, что тогда произошло — Вик попросту подставился. Увидел отражение Мартина, понял, что нужно торопиться. И выставил себя убийцей — опять. Белые цветы у Ники в волосах не оставляли сомнений в том, какой была последняя его постановка.

Лера знала, что Виктор просит Мартина убить его. Но думала, что это невозможно

Иногда думала, что Вик просто сумасшедший и никакого Мартина вовсе нет. А потом убеждала себя, что это случится еще не скоро.

Она не была готова к тому, что однажды все кончится, к тому же так.

Если рассказывать эту историю, то нужно было признаваться, что ее брата убили трое — Ника, Мартин, и она, Лера, положив проклятый пистолет в комод и сообщив об этом Виктору.

Говорить об этом Рише она бы точно не стала.

— Так почему ты приперлась только сейчас?

— Я искала его... искала, с тех пор, как увидела в театре... я... хотела... попросить прощения. Мне... не надо было думать, что он... желает мне зла...

— Вот как.

— Но нигде не было следов... дом в деревне стоял пустой, и это совсем другой дом... а вчера мне позвонил Нис, мой младший брат, его... женщина, повитуха, на воспитание взяла, когда папа застрелился... с ней Вик дружил...

— Мне плевать.

— Да... конечно... он сказал, что в окнах горит свет. Я приехала, думала, найду его... а там женщина... сказала... дала мне адрес. И я поехала...

— Что, маму из дурки уже выпустили? — фыркнула Лера. — Ну да, ну да. За котят у нас долго не держат...

— Это его мать? Эта... это... была его мать?!

— Ага, мы же тут все убийцы-психопаты, садисты с бритвами, — оскалилась Лера. — Такая уж у нас наследственность, солнышко. Такая уж получилась семья.

— Я не... я не хотела. Где его могила? — вдруг вскинулась Риша. — Он здесь похоронен, в этом городе?

Лера молчала. Она не хотела показывать ей могилу брата. Но все-таки Виктор любил эту девушку, хоть она и не заслуживала такой любви. К тому же он учил ее рассказывать истории, а рассказывать истории надо до конца.

— Поехали. Подожди, штаны надену.

Лера зашла в свою спальню. Не стала краситься и расчесываться, но сорвала с кровати простыни и бросила угол. Теперь запах ее раздражал — остывший, чужой.

Она редко платила по счетам, почти не покупала еду и алкоголь, тратила деньги только на сигареты, таблетки и постельное белье. По два комплекта в неделю.

Когда она вышла из комнаты, Риша уже оделась и сидела на корточках, глядя большого серого кота.

— Руки убери, — попросила Лера.

— Это его кот?

— Вик ненавидел кошек, — выплюнула она, поднимая кота на руки. Он только вяло дернул хвостом.

Кот был тощий, ленивый и трехлапый. Ветеринары так и не спасли переднюю лапу, зато сохранили ему зрение.

Лера почти не замечала кота. Даже не давала ему имени. И не хотела признаваться себе, что предпочла бы, чтобы выжил белый котенок.

Она опустила кота на пол, не глядя дернула с крючка черное, облепленное шерстью пальто и вышла из дома.

Заперла за собой дверь — самую дорогую и надежную, какую нашла, с пятью замками. Лере не хотелось, чтобы кто-то ее тревожил.

Машина была припаркована там, где она ее оставила. С ней никогда ничего не случилось — ее не царапали, на нее не гадили птицы и не падали листья. Конечно, ведь это была правильная машина.

По дороге они не разговаривали. Лера упрямо не меняла диск, и каждый раз слушала французский шансон, который так и не полюбила. Вела она осторожно — очень боялась аварии. Любой царапинки на крыле, даже треснувшей фары. Но перестать пользоваться машиной брата не могла. Ей казалось, что тогда умрет еще какая-то его часть.

Она остановилась у цветочного ларька в центре города. Лера ненавидела кладбищенские цветы и всегда покупала живые.

Отдала Рише огромный букет ярко-алых роз и проволочный каркас.

— Умеешь венки делать? — Она кивнула. — Вот и займись по дороге, хоть что-то хорошее он от тебя увидит...

— Красные... красивы только... белые цветы... — прошептала Риша, вытаскивая первую розу.

— Думаешь, ему не хватило треклятых белых венков? — оскалилась она. — Я бы тебе белый купила, только он меня не простит.

Могила была неприметной. У самой ограды, в тени огромного тополя, растущего за забором. Лера молча смела с мраморно плиты листья.

На белом камне черной вязью было выведено «Виктор Редский». Ни дат, ни прощальных цитат, ни гравировок со свечами. Лера знала, что ему бы понравилось.

Риша молча стояла у нее за плечом, часто всхлипывая и не вытирая лицо.

— Так это правда... я думала... я до последнего думала ты...

— Обманываю, солнышко? Нет, милая, он действительно умер.

— Почему на камне только одно имя?! — вдруг выкрикнула она, падая на колени и протягивая руки к надгробью. — Это неправильно! Нет, не может быть, ему даже имени на надгробье не досталось!

— Какое имя?! — слова шипели и обжигали сжатые зубы. — Какое имя ты хочешь, тварь?! Не смей о нем говорить! Рядом с именем моего брата никогда, никогда не будет стоять больше ничьих имен, тебе ясно?!

Она села рядом с Ришей на колени и трясущейся рукой погладила ее по щеке, а потом все-таки вцепилась ей в волосы и прижала лицом к ограде.

— Ваш Мартин — подлый убийца! Предатель и палач! Он не заслужил никакой памяти, и ты... я буду надеяться, что ты... если ты хоть немного любила Виктора, тоже забудешь это имя.

Лера разжала пальцы, а потом встала и не оборачиваясь пошла к машине, оставив за спиной рыдающую, обнимающую ограду Ришу.

Наверное, стоило сделать правильно. Рассказать историю до конца.

Вик хотел бы, чтобы она рассказывала истории правильно.

Но она была совсем не такой как Вик. Ей хотелось быть жестокой.

*И льется жизнь, прервется жизнь, века идет вражда —
В сраженье вашем, как в любви — ни совести, ни чести,
В любви — как в битве, суждено сойтись, но не остаться
вместе,
Враги и братья, Человек и Море, Смерть и Красота.*

(Шарль Бодлер)

Ника приходила на пляж каждое утро. Ей нравилось, как в сонной тишине скрипели доски старого причала.

Нравилось, как розовое солнце топится в розовых волнах.

И нравилось приходить в одно и то же место, чтобы рисовать рассвет над морем — суть пейзажа, которую не приходилось вылавливать из обманчивой картинки.

Где остался темный парк и ржавые пятна света в пруду? Не было его. Приснился, привиделся.

Где осталась девушка в гриме, с которой пришлось карандашом смывать чужое лицо?

Ее тоже никогда не было. Не жила на этом свете.

Ника воткнула мольберт в мокрый песок прямо у воды. Прибой полоскал потяжелевший подол широкой зеленой юбки в огромных ярко-алых цветах, но Нике было плевать — зачем еще носить пестрые цыганские тряпки, если беспокоиться о них каждую минуту?

На палитре она смешивала жженую умбру, белый навахо и черный марс. Сегодня в волнах должен появиться парусник — единственная ложь на картине. Но теперь, когда Ника наконец-то получила власть над своей реальностью, это не имело значения.

Позади раздались шаги.

Она не стала оборачиваться — эти шаги она узнала бы в многотысячной толпе.

— Доброе утро, — улыбнулась она картине.

— Здравствуй.

Краем глаза она заметила, как рядом появляется темно-зеленая тень. Она подняла глаза. Мартин стоял рядом, улыбался и наливал кофе из термоса в тонкую фарфоровую чашку — темно-красную, в золотых узорах.

— Ты сегодня рано, — заметил он, отдавая чашку и целуя Нику в висок.

Волны действительно были темнее, чем на картине.

— Я пришла рисовать корабль.

Ей нравилось море. Но еще больше нравилась их квартира в маленьком городе, где никто не говорил на их родном языке. В этом городе были узкие мощеные улочки, красные черепичные крыши, кованые открытые балконы и много солнца.

Наверное, и Мартин был там счастлив. Но только в этом году, через столько лет, ей

наконец-то удалось убедить его приехать на море.

Ника сжимала чашку и смотрела на Мартина снизу вверх. Единственный обман, который так и остался с ней, привезенный из прошлого. У него волосы до плеч, темно-серые глаза, длинный, тонкий нос и зеленый пиджак. Но волосы его так и остались белыми, а лицо... лицо, конечно, так и осталось лицом Виктора.

И было то, что ей правда удалось забыть. Окровавленные простыни, треск ткани, горячую ладонь между лопаток.

Годы в полутемной квартире, полные унижений, боли и страха. Она знала, на что шла, оставаясь рядом с сумасшедшим. Жертвовала собой, чтобы человек, которого она любила, остался жить.

Виктор держался. Он никогда не делал ей больно просто так, только если не успевал запереться в ванной в очередной приступ. Она так и не поняла, любил он ее, ненавидел или истязал себя памятью о первой любви, глядя на ее лицо, но точно знала, что в ее глазах Виктор искупил все грехи, пожертвовав собой в тот день. Ника до конца не верила, что он действительно это сделает. Сомневалась в нем, сомневалась в Мартине и в самой себе, но Виктор выполнил свою часть сделки.

И все, что ей оставалось — хранить его тайны. Мартину достаточно своей боли и своей вины. Пусть он никогда не узнает про Дару.

Пусть Мартин никогда не узнает, как Виктор в тот, последний день застегивал крючки на ее платье и умолял ему поверить. Как они вместе зарезали того поросенка, и как он, морщась закалывал цветы в ее волосы окровавленными руками.

Ника, поставив на песок пустую чашку, аккуратно наметила на картине палубу и две мачты.

Пусть в море, настоящем и нарисованном, наконец-то утонет тот день и тот выстрел.

...

Мартин проснулся лежа на полу. Кто-то кричал на него и хлестал по щекам — боли не было, только слышались частые удары.

— Вик! Вик! очнись, твою мать, пожалуйста, пожалуйста... что ты сделала, сука, что ты сделала!

Мартин не хотел открывать глаза. Он не должен был открывать глаза. Люди со вскрытым горлом не оживают.

И все же ему пришлось это сделать.

— Нет! Нет-нет-нет, только не это... — Лера выпустила его и отползла в сторону. — Верни его... верни, слышишь?! Не говори, что ты его убил... что вы... его убили... — в ужасе шептала она, и Мартин видел только темные провалы глаз на ее побелевшем лице.

Он не стал вставать. Лежал, глядя в потолок, и понятия не имел, что делать.

Когда-то давным-давно он читал в зарубежном журнале статьи о диссоциативном расстройстве. Не только чтобы понять свою природу, но и чтобы отыскать надежный способ умереть, оставив Виктору тело, когда ему, Мартину, в его жизни окончательно не останется места. И в одной из статей он нашел метод, который запомнил навсегда — личность

умирает, поверив в свою смерть. Обычно «лишние» личности убивали, погружая пациента в транс.

Мартину это не подходило — он не мог загипнотизировать сам себя. Но спустя много лет мог заставить Виктора еще раз услышать выстрел, раздавшийся из незаряженного пистолета. Сначала заставил Виктора разрядить пистолет и забыть об этом. Потом — заставил Нику поверить, что он заряжен.

План был прост — оставшись без обеих душ тело умрет. Нике в таком случае ничего бы не угрожало. Скорее всего, врачи бы определили причиной смерти сердечный приступ.

Но чтобы все получилось, в это должна была верить и Ника, и Виктор. И сам Мартин который вложил в последний обман все силы.

— Проклятье, Мари, — прошептал он, закрыв лицо руками. — Что ты все-таки за человек...

Наверное, это она толкнула его в проем за мгновение до смерти. Неужели этого хватило?

«И что мне теперь делать? Лезть в петлю?!» — в отчаянии спросил он у пустого сознания. Ни Мари, ни Виктора. Ни проема, ни комнаты, только звенящая черная пустота.

— Убийца... — всхлипывала рядом Лера.

Он лежал на полу, в окровавленной рубашке, слушал редкие щелчки, доносящиеся от окна. И не думал ни о чем.

Что было потом, он вспоминать не любил.

Ника не говорила. Несколько месяцев провела в глубоком шоке — ела, только когда он ее кормил, почти все время спала, а в остальное время в ужасе смотрела на свои руки и иногда плакала. Во сне кричала и хваталась за него, будто тонула.

Как они спали с включенным светом, вливали в себя воду по звонку будильника, ели, не чувствуя вкуса и любили друг друга, всегда находя чуть меньше утешения, чем нужно было, чтобы пережить следующий день. И как переживали — снова и снова.

Как он читал Нике книги, стараясь заглушить тишину звуками своего голоса, и слова повисали в воздухе — он не понимал их, а она будто не слышала. В такие моменты Мартин сильнее всего жалел, что разучился рассказывать сказки и зажигать в темноте огоньки.

Он думал, что застрелится по-настоящему, но не смог ее оставить. Знал, что она думала утопиться, но не смогла его бросить.

Ни тогда, ни потом.

Потом были годы учебы и изнуряющей работы, позволяющей не думать. Переезды, постоянное бегство от прошлого, кошмарные сны, в которых мир топила черная вода и другие — те, в которых он видел Мари, сидящую в его кресле и улыбающуюся огню. В этих снах он задавал ей один и тот же вопрос, на который она всегда отвечала одинаково.

— Зачем?

— Потому что так правильно, котенок.

Еще ему снилась темнота, в которой улыбался бабочкам светящийся белый призрак. И иногда — редко, слишком редко — Виктор, наблюдающий за ним из оконного проема. Во сне Мартин знал, что он счастлив, но проснувшись всегда забывал об этом.

С годами сны становились все прохладнее и дарили все больше покоя. А любовь придавала все больше смысла каждому дню и уже не казалась такой болезненной и тоскливой.

И спустя много лет, глядя на солнце, которое появлялось из морской воды, Мартин наконец был готов поверить, что эта история действительно закончилась правильно.

Поклоны и обращение к конференсье

Дорогой читатель, который дошел со мной до конца этой истории. Я непременно должна сказать тебе спасибо, ведь как никто другой знаю, каким тяжелым бывал этот путь.

Пройти его у каждого своя причина. Я хотела рассказывать истории, ну вы теперь знаете, в чем тут подвох. Истории рассказывать хотела, а табуреток, утюгов, котят во всех видах и прочего вот этого вот — не очень. Поэтому написала-таки историю, которая, надеюсь, даст жить следующим. В ней больше всего авторской крови, шесть лет борьбы с демонами и совестью, много хаханек, без которых, я уверена, все закончилось бы гораздо хуже.

Мне эта история, кроме закрытого гештальта, принесла красивый веночек, который запачкал мне кровью полку с косметикой, керамического гуся, красный шейный платок, кораблик, стильный череп в голубой цветочек и красивое бархатное платье с воротником-стойкой. Про то, как я его искала когда-нибудь напишу отдельный триллер. Памятное барахлишко тоже позволяет этой истории жить после ее завершения. А еще каждый ваш отзыв.

И раз мы дошли до этого этапа, то благодарности:

Анатолию Герасименко — за поддержку, неизменное чувство юмора, каждый отзыв в отдельности и все вместе, а еще за все найденные отсылки. Это бесценно.

Екатерине Близниной — за призвание, за веру в меня и эту историю (без них еще не известно, состоялось бы это все), за отзывы, рекомендации и солидарность по поводу красных шарфов.

Виктории Павловой — за редактуру, искренний интерес и поддержку, за выслушивание нытья в четыре утра. Куда бы я без этого всего.

Маме, которая вовремя сказала «пиши еще», и что я буквы складывать умею, и вот я пишу еще и складываю.

Тебе, мой дорогой друг — на этот раз и я сыграла честно.

И тебе, дорогой читатель. Можно лить сколько угодно крови в проемы и шутить сколько угодно шуток — без зрителей не живут спектакли, без читателей — книги. И если мы здесь, значит, все было не зря.

PS: ни одна свинка и ни один котенок в ходе написания книги не пострадали.

Больше книг на сайте - Knigoed.net